

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

СИБИРЬ

№ 352 / 4 4 • 2013

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал писателей Восточной Сибири
Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»
Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры и архивов Иркутской области
и Администрации города Иркутска
Основан в 1930 году
Выходит 6 раз в год

Содержание

Проза

Тимофей Вершинин. Сын охотника. <i>Повесть</i>	3
Юрий Розовский. Святая земля. <i>Очерк</i>	40
Андрей Антипин. У самого синего моря. <i>Повесть</i>	78
Александр Огнев. Морские рассказы	102
Владимир Еселевич. Житейские истории.	138
Любовь Москобенко. Дедушкины уроки. <i>Миниатюры</i>	151

Поэзия

Василий Скробот. Позову-ка я в гости друзей...	37
Вячеслав Тюрин. Не свернуть со стези, не предать языка...	69
Надежда Анучина. Прошу тебя, пожалуйста, пиши...	98
Михаил Кривошеин. Напоённая песнями грусть...	117
Юрий Перминов. Мир окраин моих...	130
Елизавета Фомина. Сильна Христом Святая Русь...	147
Елена Попова. Разбилось время на куски...	159

Исторические чтения

Александр Дулов. Религиозные символы и памятники в Восточной Сибири	121
---	-----

Час поэзии

Владимир Поляков. Анатолий Калинин. Илья Махов. Надежда Чернышёва. Юлия Подгорбунская. Александр Обухов. Светлана Чепино	164
---	-----

К 140-летию Ивана Шмелёва

Мария Скибицкая. «Душа народа русского»	174
---	-----

Радуница

Зоя Ковалёва. Черемховская династия писателей Карнауховых	176
---	-----

Жизнь литературы и жизнь в литературе

Владимир Скиф. Байкальское Переделкино. <i>Главы из книги</i>	180
---	-----

Критический отдел «Острый взгляд»

Ирина Гладких. Бессмертная Эвридика.	192
Эдуард Анашкин. «Где ты, Родина позабытая?..»	196
Александр Лаптев. Необходимый комментарий	200
Александр Щербаков. Купель Анатолия Байбородина	201

XIV съезд Союза писателей России

Валерий Ганичев. Истинная литература — это Храм	204
Станислав Куняев. Говорю это с печалью...	212
Владимир Скиф. Могущество Союза писателей всегда прирастало и будет прирастать Сибирью	216
Юрий Баранов. Отпор раскольникам	219

«Сияние России» ~ 2013

Валентина Семёнова. Двадцать лет стояния за русскую духовность и культуру	221
--	-----

Прочтение

Александр Донских. Свет дневной есть слово книжное	233
---	-----

Слово молодого литературоведа

Анна Третьякова. Образ Сибири в русской классической поэзии от Ломоносова до Бальмонта: опыт анализа стихотворений XVIII — XX веков	236
---	-----

Имена России

Юрий Орлов. С поклоном к Бальмонту — в Париж	242
---	-----

Из творческой лаборатории

Александр Обухов. Для всех навеки	247
--	-----

Литературная хроника

О. Запольская. «Бороться и искать, найти и не сдаваться»	253
М. Гаджиева. Две встречи с детьми Иркутска	254
О. Запольская. «И снова жизнь!..»	255
И. Тронин. «Тихая моя родина...»	257
Л. Педранова. «Культурное наследие: пути к единству»	259
Новая книга Владимира Максимова «Подарок для бездомной кошки»	261
Поздравления	262
«Все боли века я в себе ношу»	264
В. Скурихин. Утешитель земных печалей	265
Российское литературное собрание. <i>Выступление В.В. Путина</i>	267
Т. Крутько. «Жизнь как песня...»	271

Главный редактор **АЛЕКСАНДР ЛАПТЕВ**
Заведующий отделом поэзии **ВЛАДИМИР СКИФ**
Заведующий отделом прозы **АЛЬБЕРТ ГУРУЛЁВ**
Заведующий отделом критики и публицистики **АЛЕКСАНДР ДОНСКИХ**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

А.Г. Байборodin, Ю.И. Баранов, В.В. Барышников, В.К. Забелло, В.П. Комлев, И.И. Козлов,
Р.Г. Михеева, Н.А. Озерникова, В.Г. Распутин, Т.Н. Суровцева, В.Н. Хайрюзов, М.И. Яковенко

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Оформление обложки С. Бурчевская. Комп. верстка А. Гордиевских. Корректор Л. Заступова

**Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.
Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600.**

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Тел.: 20-37-86. E-mail: laptev99@mail.ru, info@irdl.ru.
(Рукописи по e-mail не принимаются, за исключением особо оговоренных случаев). Подписано в печать 25.12.2013.
Формат 70х108/16. Усл.-печ. л. 22. Тираж 1300.
Отпечатано в типографии «Форвард». 664009, г. Иркутск, ул. Советская, 109

© Сибирь, 2013, № 4

ТИМОФЕЙ ВЕРШИНИН

Сын охотника

ПОВЕСТЬ

1

В первый раз сбежал он из интерната и ушёл в тайгу с отцом в седьмом классе, во второй — в восьмом. И теперь вот не выдержал — дождался вечера, а как стемнело, собрал в рюкзак нехитрую поклажу: булку хлеба, пачку чаю, котелок да пару банок тушёнки, купленной на сэкономленные деньги. Выпрыгнул из окна интерната, потом нырнул в дырку забора и был таков.

Как и все дети эвенков-оленьеводов и охотников, Кеша жил в интернате. Учился в девятом классе. Любимый предмет у него — физкультура. Охота у парня была в крови, как бывает охотником в крови собака-лайка. С сентября и почти до конца октября Кеша ещё мог спокойно сидеть на уроках, но когда открывался сезон охоты на пушного зверя, учёба на ум не шла.

Минут через двадцать вышел на знакомую до каждого поворота, спуска и подъёма просёлочную дорогу и быстрым шагом направился в сторону родного посёлка, расположенного на горной речке, в тридцати пяти километрах от райцентра. На дороге

ВЕРШИНИН Тимофей Фёдорович родился в селе Ивановка Кемеровской области. Работал в колхозе в трудное послевоенное время. Был трактористом, геологоразведчиком, слесарем, преподавателем по стрелковой подготовке в школе «Мужество». С 1963 г. живёт в Ангарске. Литературную деятельность начал со стихов и рассказов о природе, охоте, рыбалке. Печатался в журналах «Рыболов», «Охота и охотничье хозяйство», в газетах «Восточно-Сибирская правда», «Время», «Вся неделя» и других. Окончил в 1975 г. факультет журналистики УМЛ.

снега ещё не было, но в горах и на северных сторонах склонов, в тёмных распадках и густом кедровнике, в верховье реки Мамы, где стояло зимовьё отца, он уже лежал. Кеша знал об этом и рвался в тайгу.

Часов семь шёл он без отдыха. В два часа ночи тихо постучал в дверь дома. Кряхтя и громокая костылями, дверь отпёр отец. Он ни о чём не спрашивал сына, не ругал, что сбежал из интерната, что шёл таежной дорогой ночью один.

— Я ждал тебя ещё вчера, — сказал он просто. — Однако ладно, раздевайся, я чай тебе приготовлю.

— Как нога? — спросил Кеша. Он знал, что после случайной встречи с медведем, нога отца уже какой месяц не заживала.

— Плохо, однако, врач сказал, что в этом году с меня плохой охотник.

— Значит, один пойду, не маленький, — решил Кеша.

— Оно и одному можно, если будешь делать так, как скажет тебе твой отец, старый охотник. Что в тайге страшней волка и шатуна? Человек. Не просто человек, а злой пришлый человек. Встретишь такого в лесу — гляди в оба, ночуешь с таким у костра — один глаз должен спать, другой следить за ним. Не верь ни одному слову пришлого, слушай, однако, и молчи. Когда на дерево полезешь за соболем — такое часто бывает, — прячь ружьё из виду. Когда у костра ночуешь один, тоже прячь — спящему оно не поможет. Когда ночью к твоему костру гости пожалуют незваные, твоя задача — услышать их первым. Отойди в сторону, не стой на свету, ибо тебя далеко видно, а идущего в темноте нет. И ещё, попадёшь в беду, не паникуй, всегда есть выход из безвыходного, казалось бы, положения.

Отец притих, не торопясь поджёг угасший табак в трубке. Когда он задымил, продолжил:

— Белку стрелять — ума много не надо, ума много надо — соболя добывать. Соболю хитрый, быстрый, видит все замыслы охотника, оттого и забирается в самые дебри, так запутывает след, что и опытный охотник ума не приложит, как его распутать. Стрелять ты умеешь. Вон и грамоту получил в Улан-Удэ, — отец кивнул на стену, где висела грамота, в которой говорилось, что ученик восьмого класса Иннокентий Киринчан на соревнованиях малых народностей Севера занял третье место с результатом 297 очков из 300 возможных.

Пока Кеша ел, у ног его лежал Пушок — восточносибирская лайка, соболятница. Охотник последние дни октября не выпускал её из хаты ни на минуту: отравить могут завистники, нередко такое бывает в посёлке. Узнают односельчане, у кого хорошая собака, — отравят, чужие — украдут. Потерять во время сезона охоты промысловую лайку — равносильно потере кормильца в доме.

Кеша был крепкого телосложения. Всё свободное от учёбы время парнишка пропадал в спортзале: бегал, поднимал тяжести, боксировал. Вот и теперь, отмахав тридцать пять километров ночью и отдохнув всего четыре часа, он засобирался в верховье Мамы. Там, в глубоком распадке, возле ручья, стоит зимовьё, и на многие километры раскинулся по прибайкальской тайге участок отца. Если выйти из дома на ранней зорьке и хорошо идти, то в зимовьё попадёшь ещё сегодня, а если с частыми остановками и дорогой охотиться, то не доберёшься и за два дня.

Кеша шёл знакомой тропой, которой приходилось ходить не однажды. По настоянию отца он взял с собой карту охотничьего участка, подаренную некогда геологами. На карте были отмечены не только мелкие ручьи, зимовья, склоны и вершины, но и отдельные вековые деревья. В углу красным было написано: «Секретно». Когда появились копировальные аппараты, отец специально съездил в Нижнеангарск и сделал несколько копий, ибо подлинная карта была настолько истёрта в походах, что трудно было в ней разобраться.

Снег в густом березняке и осиннике в предгорьях хребта сплошь был исписан набродами заячьих жирюков. Пушок нервными ноздрями хватал горячие запахи следов, то и дело вырывая поводок. Кеша вспомнил слова отца: «Для настоящего охотника зайцы не добыча, так изматывают собаку, что потом никакими силами не заставишь её работать, будет плестись за охотником, хоть ты её убей». Нужно было скорее пройти заячий склон. На границе, где кончался осинник, подступал кедровник. Вначале он рос попеременно с лиственницами и елью, потом занял распадки и склоны, вытесняя другие виды деревьев.

Кеша ступил в кедровник, когда над соседней вершиной показалось солнце.

Надо было взойти на лесистую вершину, затем спуститься вниз, подняться и спуститься ещё разок — тогда можно сказать, что до зимовья осталось километров двадцать с гаком. Отец не советовал Кеше охотиться дорогой, пока не придёт в зимовьё, ибо малая задержка в пути — и придётся ночевать у костра. Мешала подъёму крутизна склона, завалы упавших деревьев, камни и кедровый стланик. Конечно, на обыкновенных лыжах тут не пройти, а вот на охотничьих, подбитых камусом, — проще: меньше проваливаются и не скользят назад. Ружьё своё «Белку» Кеша нёс в руках, преодолевая препятствия, часто опирался на него как на палку.

Вершины Ангарского хребта доходят до двух с половиной тысяч метров над уровнем моря. На некоторых из них снег лежит даже летом. Но вершины эти голые, охотнику там делать нечего, а вот поросшие кедром склоны и перевалы — прекрасные охотничьи места.

Но сейчас тайга обеднела. Пришлые добытчики не гнушаются ничем. Они хорошо вооружены и подготовлены — ставят по чужим прикормленным местам капканы, обворовывают зимовья, скупают по дешёвке пушнину, грабят выходящих с промысла охотников. Такой человек в тайге хуже зверя. Кеша всё это знал не понаслышке.

К полудню юный охотник одолел лесистый перевал. До зимовья оставалось ровно полпути. Наконец спустил с поводка собаку и махнул рукой, куда ей идти. Обрадованный кобель проворно ринулся вперёд. Но вот неожиданно остановился возле трухлявого пня, сделал метку и челноком пошёл по склону. Пушок был крупный, грудастый, кольцо хвоста держал на левом боку. Мощные жилистые лапы, крутой характер и упрямство в поисках соболей отличали его от других собак. Чуткие небольшие уши так и стригут, улавливая лесные шорохи.

Однако заглядывались на него местные охотники не для того, чтобы завладеть им, а для того, чтобы уничтожить. Отец понимал, что хорошие соболевые собаки встречаются редко, ценятся высоко и вызывают у промысловиков страшную зависть. И даже лучший друг не допустит, чтобы у тебя была собака лучше, чем у него. Он ночами не будет спать, выискивая любые способы, чтобы лишить тебя твоей собаки. И тут уж ничего не попишешь. Как ни стереги её, как ни оберегай от завистников, в конце концов, они сделают то, что задумали. И о том никогда и никто не узнает, никто не выдаст преступника, потому что тот сделал лишь то, что каждый из них желал сделать.

Октябрьский день короткий. Солнце ненадолго наполнило кедровник светом и опять поспешило скрыться за снежные пики гор. Пушок где-то рыскал по чащобнику. Вот послышался его звонкий голос. Кеша определил: лает на белку. Долго вглядывался он в мохнатую вершину кедра — не так просто в его ветвях высмотреть затаившегося зверька! Белка выстелилась на конце ветви, готовая перемахнуть на стоявшее рядом дерево. «Вон ты где!» — обрадовался Кеша. Он перевёл инжектор на верхний малокалиберный ствол, прицелился. Глухой щелчок — и сражённый меткой пулей зверёк замертво упал к ногам поджидавшей собаки. «Начало есть», — подумал юный охотник.

В нём всё сильнее разгорался охотничий азарт, то вдохновенье охотника, без которого не будет ни удачи, ни сил, чтобы преодолевать таёжное бездорожье и крутизну гор. Ему хотелось погони, стрельбы, везения, слышать мелодичный лай собаки, ибо он всегда говорил о том, что дичь обнаружена. «Ничего, — подумал Кеша, — заночую у костра, а завтра доберусь до избушки».

Чем ближе к вершине, тем круче становился склон. Собачий след шёл то слева, то справа. Челночный поиск опытной собаки позволял прочёсывать большую площадь склона. И Кеша знал: там, где прошёл Пушок, высматривать нечего. Продравшись следом через сплетения кедрового стланика, Кеша вышел на старую каменную осыпь — открытый небольшой участок, поросший редким рябинником.

Вот уже усталость налегла своей тяжестью. Парень снял понягу, расправил затёкшие плечи и сел отдохнуть на сухую валежину. Прошло более часа, как Пушок, облаяв белку, оставил хозяина. Круг за кругом он изучал тайгу, надеясь уловить знакомый запах дерзкого зверька. Пушок не забыл, как в первую его охоту соболь впился ему в нос мёртвой хваткой, когда он полез за ним в корни. Визжа и плача, неопытный кобель с трудом стряхнул пушистого хищника с морды, но тут же закусил и затряс его до смерти. После этого случая он разыскивал соболей с особым азартом.

Когда Пушок набежал на соболиный след и уловил знакомый запах, он взвизгнул и лёгким намётом пошёл за зверьком. След оказался на редкость крупным. Вмятины, что оставили соболиные подушечки, были присыпаны снежной крупкой трёхчасовой давности. Кеша попробовал пальцем: след уже затвердел, однако соболь был совсем близко. Пушок наверняка распутывает наброды, иначе давно был бы здесь. Наконец юный охотник вышел к месту, откуда собака начала раскрутку. Переведя дух, он подумал: «Успеть бы добыть соболя до темноты».

Затаив дыхание, он вслушивался в звук тайги. С вершины хребта долетел слабый лай Пушка. Как подстёгнутый, охотник устремился на лай собаки. Сначала след круто спустился вниз, потом поднялся косогором, привёл к завалу, из которого пришлось долго выбираться. Из валежника след потянулся к замшелой, каменной россыпи. Здесь соболь надолго задержался: кружил, нырял под камни — его тревожил запах пицух. Однако добраться до них по узким щелям и норам не удалось. Ничего не оставалось делать, как съесть несколько ягод кислой рябины. Но вот, кажется, ему повезло — на снегу валялись пёрышки сойки. Подкрепившись, соболь продолжил свой путь.

Пушок заметно прибавил прыти, чуя след на расстоянии. Пёс срезал углы и зигзаги, с каждым прыжком приближался к добыче. Кеша торопился. Свежий след соболя вдохновлял его, прибавлял сил. Несколько раз Кеше чудился лай, он останавливался, расправлял затёкшие плечи, задерживал дыхание, вслушивался. Соболь был опытный. Когда почувствовал за собой погоню, злобно фыркнул, сорвался с места и мячиком полетел по снегу.

Более километра соболь отчаянно гнал во всю прыть, на какую был способен, сразу проскользнул ельником вверх по склону и, замыкая круг, выскочил на свой прежний след. Теперь соболь видел спешные следы своего преследователя, от них резко и неприятно пахло. Преследователь хорошо прослушивался сзади, хотя несколько потстал. Некоторое время зверёк путал свои следы, но после пружины взлетел на ель и замелькал верхом, планируя с дерева на дерево.

Добежав до ели, Пушок ткнулся носом в ямку на снегу и затаил дыхание. Чёрные кончики ушей его напряглись и стали ещё острее. Из глубины кедровника донеслось дробное цоканье соболиных коготков о мёрзлую кору. Пушок ринулся в чащу. С этого момента он держал соболя слухом, то и дело взлетая свечой над снежным покровом.

В надежде, что оторвался от преследователя, соболь спрыгнул на землю и зачертил к северному склону, намереваясь по глубокому снегу уйти от погони. «Если соболь пойдёт в завалы, — невольно подумал Кеша, — собаке его не взять».

Соболь предпочёл дерево. Вековой кедр, который облаивал Пушок, возвышался над остальными. Раздвоенная макушка была сухая, лишь в нескольких могучих ветвях ещё теплилась жизнь. Внутри толстый ствол был пуст. От низа и до верха зияли большие и малые дупла, выдолбленные дятлами. Пушок, круто задрав морду, заливался лаем, показывая, что соболь где-то там, в дупле. Увидев хозяина, он затих и только изредка повизгивал, не сводя глаз с вершины. «Молодец! — похвалил Кеша собаку. — Теперь дело за мной».

Парнишка скинул отяжелевшую понягу, достал топор, обстучал ствол и стал расширять у корней дыру для лучшего проникновения дыма в дупло. Набрав побольше сушняка и смоляной коры, разжёг костер. Вот дым проник в основное дупло и на разной высоте стал просачиваться из щелей и проделанных дятлами отверстий. «Слабовато», — подумал Кеша и подбросил в огонь смоляной коры, которая трещала и коптила. Дым всё сильнее тянул из щелей и дупел. С шумом осыпалось подъеденное огнём гнильё, на время заглушив пламя, отчего дым стал плотнее. Соболь не показывался. «Может, его тут нет? — Кеша посмотрел на Пушка: — Ты уверен, что он тут?» — Кобель будто понял сомнения хозяина, посмотрел вверх, отрывисто взлаял. — «Ладно, верю».

Тем временем подвечерье заполняло распадки и пади. Сквозь тишь тайги слышался недалёкий плач желны. Кеша, потеряв надежду, смотрел на вершину кедр, где между развилками вился дымок. Если соболь в дупле, рано или поздно дым выживет его. Однако зверька нигде не было видно. Подождав ещё некоторое время, охотник стал закидывать снегом костёр у основания кедр. Но огонь с шипением расплавлял снег, исходил едким дымом и снова занимался с прежней силой.

Вдруг Пушок взвизгнул, подскочил на месте, заметив метнувшегося на сук зверька. Кеша бросился к ружью, торчавшему стволами вверх в снегу, схватил его и стал вглядываться туда, куда смотрела собака. Чуть выше развилки, у основания сука сидел перепуганный соболь. Туловище его было скрыто за стволом, виднелась лишь голова. Кеша прицелился и плавно нажал на спуск. Выстрела он не слышал — видел лишь, что соболиная голова исчезла. «Если зверёк не упал на землю, значит, я или промахнулся, или замертво сражённый пулей соболь застрял у основания развилки. Если застрял, не оставлять же его там! Придётся лезть на дерево», — раздумывал юный охотник.

А как лезть, если ствол в три обхвата? Кеша попробовал раз-другой взобраться на кедр, цепляясь за выступы коры и сухие сучки, но всякий раз соскальзывал вниз. Наконец пришлось в голову: отец в таких случаях срубал подходящее деревце, подставлял к стволу и по нему залазил до первого крепкого сука. И в целях безопасности отец всегда прятал ружьё, когда собирался лезть на дерево.

Кеша отыскал нужную пихту, срубил её и по ней забрался до толстого сука. Отдышавшись и отогрев пальцы, он полез выше. Дым всё плотнее окутывал кедр, разъедал глаза, забивал горечь рот. Под верхом стало легче. Толстые живые ветви надёжно держали охотника. Ощущение зыбкой высоты, которое парализующим страхом сковывало движения, отдалилось и облегчило подъём. Кеша поднимался с ветки на ветку, пока не достиг развилки.

Мёртвый соболь висел на подмышках, он чудом не свалился назад в дупло, откуда несло теплом и дымом. Из простреленной головы сочилась кровь. Юному охотнику бросилось в глаза, что соболь невероятно большой и на редкость тёмный — баргузинский кряж, без жёлтого галстука. «Да ему цены нет! — радовался Кеша. — Вот отец удивится! Таких добывать ему приходилось раз в два-три сезона». Кеша не торопясь затолкал соболя под рубаку за спину и посмотрел в сторону заката.

Солнце уже опустилось за гольцы. На кедровник напознала темень. Спускаться было труднее, всё больше мёрзли руки. Приходилось их греть за пазухой или засовы-

вать в дупло, откуда несло живительным теплом. Наконец добрался до подставки — пихты, и по ней соскользнул на землю.

Идти в зимовьё не было смысла — поздно уже. Вон на небе звёзды появились, и ветер начинается. «Здесь ночевать буду, место хорошее для ночлега, тем более есть повод заслуженно отдохнуть», — решил Кеша. Охотник расчистил ногами снег до земли и разжёг костёр. Когда огнище прогорело, разгрёб угли и на прогретой земле сделал постель из мягких пихтовых веток.

3

Тем временем с двустволкой и рюкзаком за плечами по тайге шёл молодой мужчина, с виду похожий на охотника. За то, что он ежедневно грыз орехи, дружки называли его Бурундуком. Даже тогда, когда при очередном выяснении отношений у него были выбиты передние зубы, он всё равно умудрялся щёлкать орехи с проворством бурундука.

Таких, как Бурундук, охотники называют чужаками. Это слово имеет довольно широкое значение среди таёжников и промысловиков — браконьер, лесной грабитель, бандит, преступник, разбойник, одним словом, чужак. Чужаки никогда не называют своё настоящее имя, кто они, откуда, что делают в тайге. От чужака можно ожидать всего: они отбирают у охотников ружья, боеприпасы, продукты, пушнину, капканы, занимают их охотничьи участки и нередко убивают самих охотников, будучи уверены в том, что останутся безнаказанными. Тайга — стихия чужака. Как мафия делит город на сферы влияния, так и чужаки делят тайгу. Все, кто попадает на их территорию, становятся жертвами насилия и беспредела.

Цель у Бурундука — добраться до посёлка, раздобыть собаку-соболятницу, без которой хитрого зверя добыть просто невозможно.

Там, в зимовье, куда держит свой путь юный охотник, остался напарник Бурундука по кличке Жмот. Бурундука уже давно разыскивает милиция по делу об убийстве двух катангских охотников. Промысловики Катанги составили словесный портрет преступника, который как две капли воды схож с Бурундуком: лет тридцати пяти, среднего роста, носит бороду, глаза бегающие и, конечно же, любитель кедровых орех, чем оправдывает кличку, метко данную дружками.

Бурундук порядком поблудил по чащобнику, шёл наугад. Сначала далеко на перевале он увидел слабый огонёк горящего кедра, а через полчаса наткнулся на лыжный след, оставленный охотником. Намереваясь спросить направление к посёлку, Бурундук пошёл лыжнёй, ведущей к горящему кедру.

Кеша снял шкурку соболя, аккуратно завернул в целлофановую плёнку и спрятал в мешок, притороченный к поняге. Потом вскипятил чай, поджарил на углях колбасу и впервые за весь день поел. Свою долю получил и Пушок. Теперь они лежали у жарко горящей нодьи и под тихое потрескивание искр чутко дремали. Вдруг Пушок наострил уши, потом вскочил с места, отрывисто залаял в сторону, откуда доносился шорох идущего в темноте человека. Кеша тут же схватил ружьё и встал в тень за деревом — находясь в свете костра, он не мог видеть идущего в темени и служил хорошей мишенью.

Минут через пять появился Бурундук. Он устало шагал по направлению к костру. «Пушок, ко мне!» — позвал Кеша. Но чем ближе подходил незнакомец, тем злобнее рычал Пушок. У Кеши ёкнуло сердце: «Чужак!»

Как и всякий охотник, Кеша чувствовал чужаков нутром. От них шёл дух злобного человека, и скрыть это было невозможно. Подойдя близко к костру, незнакомец поздоровался и спросил, можно ли отдохнуть у огонька. С гостеприимством хозяина Кеша осведомился, голоден ли путник. Незнакомец ответил, что чаю выпьет охотно. Кеша набил котелок снегом, подвесил его над огнём.

— Вижу, соболишку загнала собака, — кивнув на дымящийся кедр, сказал незнакомец.

— Точно не знаю, там он или нет. Два часа выкуривал — зверь не появился, может, задохнулся в дупле, — солгал Кеша.

— Куда путь держишь, охотничек? — спросил незнакомец, смерив парнишку высокомерным взглядом.

— Зимовьё у нас тут неподалёку. Отец пошёл в избушку — спина чего-то схватила, а я тут соболя стерегу, — продолжал лгать Кеша.

— Так, так... — задумчиво произнёс собеседник.

У него в голове явно созрел коварный план. Не говоря ничего лишнего и подозрительного, он старался всем своим видом показать этому сопляку-эвенку, что человек он честный, настоящий таёжник, знающий неписанные законы таёжного этикета. Напившись чаю, он сделал себе с другого бока ноги постель из веток пихты, устало прилёг. Впереди была длинная октябрьская ночь на километровой высоте, зябкой, продуваемой всеми ветрами. Звёзды отсюда смотрелись ярким мерцающим хрусталём в бездонной темени неба, по которому серебряным глобусом грузно плыла луна.

Кеша полудремал: один глаз спал, другой бодрствовал, одно ухо спало, другое чутко вслушивалось в тишину ночи. «Шутка ли, тайга, ночь, один на один с чужаком! — думал сквозь дремоту Кеша. — Не уснуть бы». Пушок, скрутившись, полудремал у его ног, положив морду на передние лапы. «На тебя вся надежда, Пушок!» — засыпая, прошептал Кеша.

Незнакомец ворочался с боку на бок, проверял, как на это реагирует собака. Всякий раз Пушок приподнимал морду, злобно рычал. «Что же предпринять? — размышлял Бурундук. — Прикончить тунгусёнка и взять собаку или оглушить и привязать к дереву? Лучше привязать. Пусть подохнет мучительной смертью. А пока он будет мучиться, я буду уже в зимовье, и следы мои заметёт надвигающаяся непогода».

В одной руке он держал наготове шнур, в другой — нож. Стараясь не делать резких движений, крадучись, Бурундук направился к спящему. Пушок следил за каждым движением незнакомца. Как только тот замахнулся, чтобы рукояткой ножа ударить по голове беззащитного парня, Пушок железными челюстями схватил его за руку. Бурундук волком взвыл от ужасной боли. Кеша испуганно вскочил на ноги и, моментально оценив обстановку, бросился к кедру, где было спрятано ружье.

— Убери собаку, идиот! — закричал Бурундук.

— Пушок, ко мне-е! Ко мне-е! — не своим голосом скомандовал Кеша. Собака нехотя отпустила руку и отскочила в сторону, всё ещё злобно рыча.

— Я тебя убивать совсем не буду, но, чтобы ты не прикончил меня, прострелю тебе ногу, — и тут же раздался негромкий выстрел из мелкашки.

Застонав, Бурундук как подкошенный повалился на землю. Кеша торопливо закинул понягу и ружьё за плечи и, не разбирая лыжни, бросился подальше от ночного бивака. Уворачиваясь от деревьев, он скользил вниз по крутизне до тех пор, пока не очутился в густой чаще распадка. Здесь он перевёл дух: нужно было решить, идти в посёлок или в зимовьё на Маму. «Догнать меня с простреленной ногой чужак не сможет. Скорее всего, он поковыляет в посёлок — без помощи врача ему крышка. В таком случае мне надо идти в зимовьё, — раздумывал Кеша. — А чтобы он не нашёл меня по следу, если вдруг задумает отомстить, я запутаю его, дождусь снегопада и в непогоду уйду в избушку».

Кеша специально забирался в завалы, чащобники, лез на головокружительные кручи, зная, что раненому туда не подняться. Целый день потратил он, рисуя ложный след. Наконец, уставший и голодный, паренёк расположился на ночлег на густолесой вершине, где в ночи не было бы видно огня.

На следующий день повалил снег. Вокруг ни следочка, ни одной живой души, будто всё вымерло. Кеша вслушивался в таёжную тишину, вслушивался и Пушок. Но

оба беспокоились напрасно: кроме шуршащего в хвое снега, ничего не было слышно. Хорошо замаскировав следы от костра, Кеша взял направление к зимовью. Беда, от которой юный охотник, казалось, ушёл, поджидала его там, где он меньше всего ждал.

Бурундук страшно злился из-за своей оплошности: «Надо было застрелить тунгусёнка как собаку! Теперь какой с меня добытчик?» Перевязав лоскутом от нательной рубахи простреленную ниже колена ногу, сильно хромая, он подался по Кешиному следу в посёлок. Идти было мучительно больно. Пуля, раздробив кость, осталась внутри. Без хирургического вмешательства, в лучшем случае, можно потерять ногу, в худшем — жизнь.

До этого происшествия Бурундук в тайге чувствовал себя хозяином. При виде его трепетали ягодники, охотники и прочие таёжники. Это он и его дружок Жмот замочили катангских охотников, утопили рыболова в Верхней Ангаре, отобрав у него улов омуля, это они запихали в прорубь подледника-буряты, когда тот не захотел добровольно отдать бутылку водки. Как не упрекать, как не ругать себя за оплошность! Ведь он, Бурундук, немало повидал на своем веку. Худо-бедно работал мастером на механическом заводе в Ангарске, в 1992-м попал под сокращение. Так написали в трудовой — на самом деле за изготовление огнестрельного оружия. Вдобавок к тому был закидушником и драчуном. По пьянке пырнул ножом собутыльника, того еле живого отвезли в больницу. Когда Бурундук узнал, что мужик отбросил копыта, сбежал в тайгу да с тех пор и не выходит из неё.

Он плёлся по еле заметной лыжне, проклиная в душе то утро, когда сопляк оказался проворнее его. Теперь попробуй докажи, что он в тебя стрелял! В милицию не заявишь — самого ищут, да и пацан тот теперь пуганый, голыми руками не возьмёшь. У эвенков инстинкт самосохранения работает даже тогда, когда они спят. К тому же на людей имеют собачий нюх: пока ты с ним по-дружески, он это понимает и чувствует, как только чего задумал против — тут же прочтает по твоей физиономии. Не успеешь сделать то, чего задумал, он за тебя сделает. Ведь кто знал, что он выстрелит? Хорошо хоть, что не в голову. Эти узкоглазые белке в глаз стреляют, в голову не промахнулся бы.

Нога токала, как кровь в висках, словно шило втыкали в живую ткань. Бурундук крепился, понимая, что на помощь никто не придёт. В посёлке сейчас, кроме малых детей, женщин и немощных стариков, никого нет — здоровые мужики либо в тайге, либо на Байкале в рыболовной артели.

Бурундук не знал, сколько ещё таёжных километров осталось до посёлка. В прибайкальской тайге он ещё не бывал — тогда со страху улетел в ербогачёнскую тайгу, и вот с годами продвигались они со Жмотом к Байкалу: здесь больше шансов выжить. По крайней мере, отдыхающих по берегу достаточно, а в последние годы это в основном люди с достатком.

Целый день тащился он вдоль склона, благо, лыжня шла на спуск. Хорошо, если преодолел с десяток таёжных километров. Дальше идти уже не мог: боль отдавала в колено, согнуть ногу стоило огромных усилий.

Забравшись в чашу, где много сухостоя, Бурундук разгрёб руками снег и разжёг костер. Отдохнув и напившись чаю, он вымыл руки мочой и стал делать перевязку. Из раны сочилась тёмная, пугающая своим видом кровь. Грязную намокшую повязку он бросил в огонь, затем натрушил древесного угля, засыпал им рану и перевязал свежей тряпкой. В детстве Бурундук видел, как бабка его всякие свежие раны засыпала мелко струшенным углём, и они затягивались буквально на следующий день. Достать бы пулю! От сознания того, что она сидит в ноге, у Бурундука мутилось в голове, к горлу подступала тошнота. При одной мысли, что ногу могут отрезать, его трясло как в лихорадке. «Только бы сберечь ногу!» — стучало в распалённом мозгу.

Ночь была мучительной. Нога горела будто в огне. Лишь под утро ему удалось на некоторое время отключиться от боли и страшной реальности.

С рассветом Бурундук двинулся в путь. Ему нужно как можно скорее добраться до посёлка. Когда к полудню он обогнул гору и вышел к небольшой речке, услышал вдруг отдалённый лай собак. Посёлок был километрах в трёх. «Теперь кровь из носу, но доползу!» — приободрился Бурундук. Когда в окнах зажгётся свет, он плашмя рухнул возле калитки крайнего дома, сил подняться уже не было. Он помнил лишь то, что его волоком затащили в тепло, остальное как в бреду.

4

Когда до конца пути оставалось не более часу хода, Кеша увидел в лесной чаще полузаваленный снегом лыжный след, идущий в сторону посёлка. Парнишка был уверен, что след этот принадлежал чужаку, который хотел его убить.

С приближением к охотничьей избушке тревога нарастала. Ещё издали Кеша почувствовал, что в ней кто-то есть. Он взял собаку на поводок, чтобы она преждевременно не выдала его, и стал осторожно подкрадываться к зимовейке, которая стояла среди сухостоин некогда горевшего леса, неподалёку от шумной речушки Мамы, большого притока великой Лены. Речушку уже сковало льдом, но слышно было, как под ним клочкотала в камнях вода. От проруби до избушки и в глубь тайги шли свежие человеческие следы. Было ясно, что охота может сорваться, и никто здесь, в тайге, не даст гарантии, что тебя не прикончат сонного и не упрячут под колоду. Кеша наблюдал за избушкой, укрывшись за толстым деревом метрах в тридцати.

Темень уже напознала в межгорье. Затихли суетливые длиннохвостые синицы и поползни, не слышно перестуков дятлов и крикливых кедровок. Кешу грызло сомнение: «Может, пока не поздно, вернуться домой?», но что-то более сильное удерживало юного охотника на месте. Вот над приплюснутой крышей появился дымок, тусклым светом засветилось единственное оконце. Кеша подкрался ближе.

На столе, против оконца, лежали два рябчика и несколько тушек белок, которые предназначались к ужину. Возле печки возился бородатый мужчина лет сорока, на вид постарше того, которому Кеша прострелил ногу. Из предосторожности Кеша спрятал под густой ёлкой ружьё и шкурку соболя. Сунув узкий и острый, как бритва, охотничий нож в левый рукав, парнишка решил зайти в избушку. «Сделаю вид, будто ничего не подозреваю, ничего не знаю».

Постучав в дверь и не дождавшись ответа, вместе с собакой Кеша смело вошёл в лесное жилище. Бородач опешил, но, увидев перед собой юного охотника, нашёлся:

— Гости к нам пожаловали!

— Не гости, а хозяева, — поправил Кеша, стараясь держаться с достоинством.

— Насчет хозяев... Как говорят таёжники, кто первым занял жильё, тот и хозяин.

— Это не настоящие таёжники. Настоящие говорят: «Кто построил жильё, тот и хозяин», — возразил полушутя Кеша, потом добавил: — В тайге об этом не говорят.

— И то верно, — согласился бородач. — В тайге не шутят. Давай-ка лучше познакомимся. Родные и близкие меня зовут Виктор Сергеевич, закадычные друзья — Жмот.

— Меня зовут Иннокентий, или просто Кеша.

— Ну что, Кеша, раздевайся, будь как дома, но не забывай, что в гостях, а я чего-нибудь сготовлю пожарать. Сегодня бегал по речушке вниз, двух рябчиков и четырёх белочек подстрелил. Без собаки — тоска.

— А чё же капканы не ставишь?

— Капканчики наши, собачку-соболятницу и запасы курева чужаки свистнули, когда перетаскивались от места посадки вертолётa, — безбожно врал Жмот.

— Так вас двое? А где же напарник?

— Пять дней назад умотал в посёлок за куревом и собакой, должен не сегодня завтра нарисоваться.

— Не повезло вам, — не веря сказанному, посочувствовал Кеша.

— Ты случайно никого не встречал по пути сюда?

— Нет, не встречал и следа не видел. Я шёл от оленеводов, а это совсем в стороне, — в свою очередь, врал Кеша.

— Что-то задерживается Бурундук, — сказал Жмот. — Видно, дело не выгорает.

— Может, заблудился, после снегопада обратного следа не нашёл?

— Всякое может быть в тайге, всякое... — глубокомысленно проговорил Жмот, а сам подумал: «Не иначе повязали бедолагу — давно за ним охотятся. Впрочем, без худа нет добра. Сама судьба подкинула мне юнца с собакой и со жратвой. В распоряжении Бурундука три дня. Если за это время не появится, кончу пацана — и в прорубь, потом, как было договорено заранее, рву когти на Среднюю Маму, в отсидку, пока не утихнет шмон».

Жмот — один из тех бегающих по тайге лагерников, которые грабят и убивают ради того, чтобы жить самим. Судьба его схожа с судьбой Бурундука, только он хитрее и коварнее своего напарника. Жмот залёг на дно после того, как сбежал из КПЗ в Иркутске, где сидел по подозрению в убийстве крупного бизнесмена. В советское время был он водителем такси, имел много друзей, левые деньги.

Несмотря на юный возраст, Кеша хорошо разбирался в людях. «Он хочет казаться добрым, чтобы усыпить мою бдительность. Потом попытается вывести прикормленные соболиные места, узнать, где спрятаны капканы, забрать собаку, ружьё, пушнину. Когда я буду уже не нужен, избавится от меня». Понимая это, Кеша держался настороже, но не показывал вида, что боится. Приходилось следить за каждым своим словом, чтобы не брякнуть лишнего. На заковыристые вопросы Жмота юный охотник отвечал коротко, неопределённо, рассчитывая на снисхождение нежеланного гостя: что, мол, с пацана возьмёшь.

В первый день Жмот не предпринимал никаких попыток. Со скрытой неприязнью Кеша наблюдал за чужаком со странной кличкой Жмот. Соблюдая закон таёжного гостеприимства, охотник выложил на стол колбасу и домашней выпечки хлеб, Жмот поставил суп из рябчиков и белок. Обычно охотники отрезали у белки хвост и голову, мыли в воде, прежде чем её варить. Жмот бросил тушку в котелок целиком, даже не обмыв её после того, как выбросил потроха. Он основательно обглаживал каждую косточку, а голову разбил ножом и выел мозг. Смотреть на это было неприятно, Кеша подумал: «Про эвенков говорят, что они нечистоплотные, а этот лючи* как амакан*».

После ужина оба улеглись на нары: у одной стены гость, у другой — хозяин. Под нарами хозяина устроился Пушок.

За окном избушки сквозь сухостой горелого леса во всю мощь светила луна. Не нарушая тишины таёжной ночи, хищной тенью слетала сова на полёвок и пищух, а по захламлённому берегу речки чёрной молнией метался в поисках добычи соболь. В молодом кедровом подлеске стригли ушами две изящные кабарожки. Днём они слышали стук топора и треск падающих деревьев. Инстинкт говорил им, что на ветвях срубленных деревьев есть лишайник — особое лакомство маленького оленя. Но человек не просто свалил деревья, а сделал опасную ловушку. Прибайкальские охотники называют её «осик». Это три срубленных молодых кедра, на которых висят бороды лишайника, сложенные в метре от земли треугольником. Среди ветвей прорублены ходы, в которые поставлены верёвочные петли. Когда кабарожки объедят лишайник снаружи, захотят пролезть внутрь треугольника — и непременно попадут в петлю.

В охотничьих избушках зачастую спят в одежде, толстых шерстяных носках, не снимая шапки — мало ли что может произойти среди ночи: пожар, незванный гость,

*Лючи — русский.

*Амакан — медведь.

а может, дровишек подложить в печь понадобится. Под утро в избушке холодина, чай, стоящий в котелке на печке, покрывается коркой льда. Исключением не стал и Кеша, к тому же у него была ещё одна причина спать одетым, так сказать, быть наготове в любую минуту, а вдруг чужак задумает придушить его сонного? Тем они и опасны, что нападают сзади да на спящего. Раздетым не побежишь по морозу. Вот тут одежда спасает не только от холода, но и от лишних ран на теле.

Сегодняшняя ночь не менее опасна, чем та, когда на него сонного напал Бурундук. Но и одежда не поможет, если свалит сон. Однако как удержаться, когда появилась возможность поспать? Ведь сон в тёплой избушке — это не ночлег под открытым небом. Но Кеша не мог довериться человеку, у которого на лице написано, что он преступник. Дар прирождённого таёжника проявился у паренька уже тогда, когда отец впервые взял его на охоту. Он раз и навсегда усвоил, что такое опасность, и сделал для себя вывод: тот, кто умеет находить выход из сложных таёжных ситуаций, всегда будет победителем.

Незаметно юный охотник положил под голову нож, чтобы тот был под рукой в нужный момент. Как только Жмот начинал ворочаться на нарах, рука Кеши тут же ныряла под подушку. Сжав берестяную рукоятку ножа, он ждал роковой минуты.

Счастье Кеши, что Жмот любил поспать. Скрываясь от правосудия, он бегал по тайге, как преследуемый волк. У костров спал урывками, пугался всякого шороха и звука. Его вечной мечтой было хорошенько выспаться. Оттого он разговаривал во сне, кричал, стонал, плакал. У него были не сны, а кошмары. Когда голова его освобождалась от кошмаров, он храпел, как медведь, и в это время отключался, подобно глухарю во время весенней песни, ничего не видя и не слыша.

Едва посветлело оконце в избушке, как Кеша засобирался в путь. Взял ружьё, понагу и все продукты, которые принёс с собой. Примерно в дне хода от этого зимовья есть на участке отца ещё одна избушка. В ней-то Кеша и надеялся поселиться.

Когда Жмот проснулся и увидел пустые нары, он хотел было кинуться вслед за юным охотником, да потом раздумал, видя, что след уходит в сторону дальней тайги. «Значит, ушёл на охоту, к вечеру вернётся, — заключил Жмот. — Что добудет, мне же и достанется».

Снежный покров в нижней тайге — по падым, пологим склонам и распадкам — не превышал пятидесяти сантиметров, на перевалах и в гуще кедровника, куда не проникало солнце, достигал десяти-двадцати сантиметров. «Самая добычливая пора для охоты с собакой», — заметил Кеша.

Через час хода от зимовья он был в большой тайге. Здесь соболиные места, здесь секретные охотничьи кладовки. Под них охотники используют чаще всего дуплистые деревья, пни, пещеры, ямы. Летом во время прикормки соболей по линии путика охотник подыскивает подходящие деревья, аккуратно выпиливает квадратное оконце, выбирает трухлявую сердцевину — и кладовка готова. Затем закрывает оконце тем же выпиленным куском и незаметно прихватывает гвоздями. В такой тайной кладовке может храниться двадцать-тридцать капканов, плашек, ловушек или другой какой охотничьей снасти.

Кеша достал карту участка, нашёл своё местонахождение и спустил с поводка собаку: путь пересекал свежий след соболя. «Сегодня первое ноября. Худо-бедно целый месяц в моём распоряжении, если чужаки не помешают. А как не помешают, если они затем в тайге, чтобы мешать другим? Бурундуку ногу прострелил. Вряд ли он это простит. Ему не докажешь, что действовал для самообороны, что он сам виноват — первым напал. Теперь вот охотиться и остерегайся коварной пули в спину или хладнокровного нападения на спящего. Труд охотника и без того каторжный, а тут ещё из-за них недосыпать каждую ночь придётся. Будешь спросонья шарахаться от каждого шороха и звука. Выдержу ли такую охоту? Жмот может по следу прийти в зимовьё... Кто

знает, с какими мыслями он заявится, особенно если Бурундук вернётся и расскажет дружку, кто ему ногу прострелил? Обстоятельства вынуждают меня быть предельно осторожным, — раздумывал Кеша. — Но мы ещё посмотрим! Я тоже с ними церемониться не стану. Когда припрут к стене, стрелять буду не в ногу, а в голову».

Кеша не заметил, как взошёл на перевал. Перед ним раскрылась таинственная, малящая тайга, состоящая из падей, щетинистых лесных вершин, ручьёв, речек, островерхих белоснежных пиков гольцов. Тайга уходила к горизонту широкой покатью. Куда ни глянь — нет конца и краю великому простору. «Это земля моих предков, это моя земля!» — гордился в душе Кеша.

Совсем близко залаял Пушок. Охотник свернул с тропы на лай. Минут через десять он увидел собаку, топтавшуюся возле высокого пня. У самой вершины из дупла, над которым торчал обломанный сук, выглядывала недоумевающая мордочка соболя. Чтобы зверёк не свалился в дупло, надо было как-то выгнать его наружу. Кеша постучал топором по пню. Соболь тут же исчез, а через мгновение появился на верхушке пня, готовый перемахнуть на близстоящий кедр, однако меткий выстрел опередил его прыжок. Юный охотник, подобрав добычу, отметил про себя, что этот поменьше первого, но тоже тёмный и красивый.

Кешу не покидала тревога. Шестое чувство подсказывало, что надо опасаться Жмота: «Не сегодня завтра он по следу доберётся до меня. Отсюда делаю вывод, что туда, куда я иду, лучше не ходить. Для меня будет спокойнее, если он не будет знать, где я нахожусь. Чтобы сбить его с толку, пойду окольными путями, с охотой и ночёвками у костра, благо, что ночные морозы ещё невелики и легко переносятся. А как метель задует и пойдёт снег, когда занесёт мои следы в тайге, тогда вернусь в избушку». На том и порешил.

...Юный охотник разжёл костёр. Когда напился чаю, достал карту охотничьего участка. Сейчас он находился в пятнадцати километрах от избушки, которая стояла на вершине перевала. Кеша не знал, по каким соображениям отец построил её на вершине, ведь вблизи ни ручейка, ни родника нет. Возможно, из-за удобства добывать кедровую шишку и собирать ягоды: с одной стороны склона тянется черничник, с другой — брусничник и кедровник, удобный под колот. Зимой, конечно, вместо воды снег можно использовать, но к снеговой воде привыкнуть надо: дистиллированная, ни солей, ни йода — вредна для организма.

Есть ещё третье зимовьё, вернее, землянка. Два-три дня в ней, конечно, можно прожить, но за долгое время она покажется тюремной камерой-одиночкой. Печи нет, очаг сделан по-чёрному, дым уходит через потолок в дыру. Если выложить из камня печь, то можно спать ночью в тепле. Кеша не хотел, чтобы про землянку кто-то ещё знал, поэтому с путика, идущего в северном направлении, он повернул на восточное зимовьё. Чтобы уйти как можно дальше от избушки, в которой остался Жмот, Кеша взял собаку на поводок и в течение двух часов уходил намеченным маршрутом. По ходу подстрелил двух рябчиков и трёх белок. А когда встретился соболиный след, отпустил собаку.

В этот день Кеше везло. Возможно, добрый дух тайги компенсировал те дни, когда охотник вынужден был спасаться бегством, путать следы и ночевать у костра. Не прошло и получаса, как в лесистой вершинке послышался прерывистый глухой лай. На этот раз соболь скрывался в норе под корнями дерева. Пушок то судорожно скрёб когтями землю и взвизгивал от страсти, то замирал, вслушиваясь. Морда у него была чумазая, вид деловой — не подступишься. Кеша отстранил Пушка в сторону и насторожил в отнорке капкан. Для таких целей охотник всегда носил с собой несколько штук. Бывает, сидит соболь в норе, взять его ничем нельзя, и не укараулишь, когда выскочит. Вот тут-то и пригодится капкан. Пушок это понимал, повизгивал, сидя в стороне. Кеша прорубил дыру в корнях с другой стороны дерева, сунул туда горя-

щую бересту, а сверху положил сухой травы и куски трухлявого пня. Через несколько минут соболь метнулся к выходу, где стоял капкан. Дуги ухватили зверька за передние лапы, а через мгновение Пушок прикусил его намертво. Соболю было пушистым, мягким, с мощными лапами и острыми коготками. Сколько бы ни добывал охотник соболей, всякий раз радостное волнение охватывает сердце, улучшается настроение, прибывают силы и выносливость, и он снова и снова идёт тайгой, готовый преодолевать глубокие снега, кручи, недосыпать и недоедать.

До захода солнца было ещё около часа. Кеша проверил направление пути по компасу. Ему предстояло спуститься по крутизне в еловый распадок, пройти вниз по ручью, который сливался с другим таким же ручейком. На карте это место называется «развилка». Внизу карты сноска: «Удобное место для ночёвки».

Спускаться под углом в сорок пять градусов по захламлённому лесистому склону безопаснее без лыж. Уворачиваясь от коряг и валежин, камней и деревьев, Кеша съезжал вниз по-всякому: присев и стоя, боком и лёжа, тормозя руками и ногами. Пушок в недоумении вертелся возле него, стараясь удержать хозяина зубами. Наконец скатились к подножью склона. Не обошлось без ушибов и ссадин. «Ну что, Пушок, досталось твоему хозяину!» — сказал Кеша, с трудом поднимаясь на ноги.

В распадке было темно, тихо и неуютно. Слышно, как подо льдом по каменистому дну журчал быстрый ручей. Кеша осмотрелся вокруг: ельник вдоль бережков был настолько дремучим, что пришлось идти по руслу ручейка, пробираясь через упавшие деревья и камни. В такой гуще делают свои тайники белки. С солнечных склонов, где обычно кормятся, они возвращаются сюда верхом, тихо и осторожно, не оставляя на земле никаких следов. Потому и кажется, что в чащобнике никогда не бывает никакой живности.

Кеша старался побыстрее выйти из владений лешего, чтобы Пушок зря не тратил силы и время на безрезультатные поиски, поэтому взял пса на поводок. До развилки шли дольше, чем предполагалось. В прибрежных зарослях елово-пихтового подлеска то и дело слышалось шумное хлопанье крыльев потревоженных рябчиков. Они так искусно прятались и затаивались, что даже чутьё и слух лайки были бессильны их обнаружить. «Пошли, Пушок, ну их к лешему, этих невидимок!» — сказал Кеша.

Возле развилки лес был реже, и здесь вдобавок к двум ранее добытым рябчикам удалось подстрелить ещё одного.

Ночлег

Ночёвка в тайге — это не просто костёр, чай и сон. Где попало и как попало не разведёшь огня. Место для ночлега надо выбирать с учётом многих факторов, влияющих на собственную безопасность, на удобство и комфорт, ведь ночь в ноябре и холодна, и длинна. Если эту предлинную ночь полудрекать, маяться, с одного бока мёрзнуть, с другого не зная, куда деваться от жары, это не отдых, а мученье. Какой с тебя после этого охотник? Ни сил, ни желания, ни настроения. Несколько таких ночёвок — и ты проклянёшь тайгу и охоту, будь хоть бывалым и супервыносливым таёжником.

Костёр — это хотя и временная, но всё же частица жилья, где человек чувствует себя как дома. Прежде всего, на охотнике должна быть сухая одежда, сухие портянки и обувь, иначе будешь клевать носом от недосыпания или ещё хуже — заболеешь. Охотник не должен забывать о себе в любой ситуации. Травмы, ушибы, вывихи, простуда, неосторожное обращение с огнём — это те опасности, которые таит тайга. Какую смелость, умение и выносливость надо иметь охотнику, чтобы принять вызов тайги! Но Кеша обо всём этом не думал — он знал, как справиться с подобными

проблемами. Его тревожил чужак. Из-за таких людей тех, кто ночует в одиночку под открытым небом, никогда не покидают тревога и страх.

Насколько позволяли накопленный опыт охоты с отцом и природное чутьё, Кеша к ночёвке относился самым серьёзным образом. Он нашёл толстый сухой выворотень и поджёг его. Пока расчищал место для постели и готовил пихтовый лапник, пень так разгорелся, что снег вокруг него вытаял до земли. Закрыв глаза, Кеша присел на корточки, наслаждаясь теплом. Ему было хорошо и радостно. Не хотелось верить в то, что нажил себе врагов, что по тайге он ходит, как по краю пропасти: один неосторожный шаг — и ты сорвёшься в бездну.

Ощипав и выпотрошив рябчиков, Кеша поставил их варить, добавив горсть риса. Пушку отдал птичьих потроха. Из уважения к хозяину тот съел их, но ждал более существенной пищи, поглядывая в сторону висевшего над огнём котелка, откуда доносился аппетитный запах. Пока варилась дичь и не наступила окончательная темень, Кеша натащил ещё сушняка, нарубил чурок и сложил рядом с костром, чтобы можно было дотянуться рукой и подкинуть полено-другое в ночи, не вставая с постели.

Дичь оказалась жёсткой: дважды выкипала вода, дважды приходилось добавлять снега. За это время Кеша успел снять шкурки соболей. Если шкурки белок засушивались трубкой, мездрой наружу, то шкурки соболя — кверху мехом и сжимались в гармошку. Чтобы снять шкурку соболя, нужно умение и осторожность: правильно отделить ушные хрящи, снять хвост и каждый коготок на каждой лапке. Кеша не раз видел, как всё это делал отец.

Выворотень горел жарко, изредка постреливая раскалёнными угольками, которые взвивались вверх, словно трассирующие пули, и, к счастью, падали в снег далеко от спящего паренька. Тепла, идущего от костра, хватало на полчаса беззаботного сна, потом охотник начинал мёрзнуть, ворочаться с боку на бок. Когда спросонья понимал, что это не помогает, подкладывал в костерок поленья и, пока те горели, снова отключался. За длинную ночь приходилось десятки раз подыматься и ложиться, пододвигаясь всё ближе и ближе к угасающему огню. К утру заметно поприжал мороз. Кеша подложил сухие поленья на угли. Пока ходил за водой к ручью, они уже загорелись вовсю. Перед дорогой надо напиться чаю и поплотнее поесть, ибо потом будет не до еды. «Ну, Пушок, пора в путь!» — сказал юный охотник, когда они съели рябчика, двух белок и оставшийся с вечера суп.

Пурга

Пурга захватила юного эвенка перед третьей ночёвкой. Со стороны Байкала чёрным демоном налетел сильный ветер. Он возник сразу, мощно, как взрывная волна. И тут же загудела, застонала разноголосым стоном вековая тайга. Надрывно заголосили скрипучие деревья, со страшным треском рушились на землю плохо укоренившиеся в камнях тяжёлые лиственницы, гнулись в дугу молодые гибкие деревца. Вся живность вмиг исчезла — забилась в норы и дупла, затаилась в непролазном чащобнике. Вокруг всё словно вымерло.

Пурга в тайге — великое испытание для охотника. Побеждает её тот, кто заранее предугадает ненастье и сумеет к нему подготовиться. Опытного таёжника оно врасплох не захватит. Настоящий таёжник всегда готов к худшему и знает, что делать, окажись он в экстремальной ситуации. Любой из них понимает, что зимой в тайге не еда главное, костёр поважнее будет. А чтобы он всегда горел, нужны дрова, и столько, сколько потребуют обстоятельства. Без костра погибнешь в мороз с полным мешком еды. У огня ты можешь прожить голодом достаточное время, чтобы переждать непогоду.

Кеша спокойно принял вызов стихии. Он устроил свой бивак с подветренной стороны скалы, где рядом было несколько упавших сухих деревьев для костра, под ногами кедровый стланик для постели. Где-то там, на перевале, избушка. Если судить по карте, до неё часа два хода. Сидел бы сейчас Кеша возле железной печки, безмятежно поглядывая в оконце на разбушевавшуюся непогоду, почитывал Федосеева про Ули-киткана или бурятского писателя Жигжитова про охотников Прибайкалья да спал бы на нарах в тёплой избушке.

Пурга в тайге страшна не одним ветром и падающими деревьями — идущий снег увеличивает опасность вдвое. Он повсюду: сверху и снизу, заваливает костёр, мочит одежду, обувь, рукавицы, затрудняет заготовку дров и продвижение по лесу.

Натянутый брезентовый козырёк, закреплённый к скале двумя шестами, защищал костёр от идущего снега и ветра. Кеша был нетороплив и спокоен впервые за все дни пребывания в тайге. Он знал, что, по крайней мере, сегодня, а может, и завтра его никто не будет искать, никто не выстрелит в спину и не убьёт спящего, а если кто-то и попытается его отыскать, вряд ли найдёт.

По следу

В первый день, когда Кеша ушёл на охоту, Жмот терпеливо ждал его до полуночи. На следующий день, когда убедился, что парнишка в зимовьё не вернётся, отправился по следу. Трудно, не будучи таёжником, распутывать замысловатые следы охотника, который выслеживал дичь, кружил по лесным дебрям. Следы не раз переплетались меж собой, накладывались друг на друга, к тому же запутывались специально. Забыв про еду, Жмот пустился по следу — выискивал, вынюхивал, бегал кругами, злился, матерился, но был по-ослиному упрям... Хотя не столь быстро, как ему хотелось, но продвигался вперёд.

Почти целый день потратил он, пока добрался до крутого склона, по которому Кеша спускался к ручью. Здесь преследователю не повезло: лыжи понесли его, как взбесившаяся лошадь неопытного седока. Со всего маху врезался он в дерево, от которого не успел отвернуть, в результате чего вывихнул в плече правую руку. От резкой боли Жмот не знал куда деваться. Сразу как-то поостыл, разуверился в собственных силах, даже подумывал о том, не вернуться ли назад, в зимовьё.

Однако Жмот был не из тех, кто жалуется на судьбу и легко сдаётся. Как только боль отступила, тут же устремился по следу. Уже потемну добрался до развилки, где была первая ночёвка эвенка. Исследовав бивак, Жмот пришёл к выводу, что для юного охотника зимовьё как жилище не столь важно, что это дитя природы за охоту дьяволу душу продаст, что готов ночевать у костра, терпеть лишения, бессонные ночи, голод и холод, только бы побродить с ружьём по таёжным просторам. Поистине прирождённый охотник, такой в лесу не пропадёт.

В отличие от эвенка Жмот не был охотником. В начале дня он совершенно случайно подстрелил рябчика — и всё. Теперь сидел возле костра, ощипывал его и сыпал лагерные словечки в адрес эвенка, ибо считал, что из-за него пришлось тащиться по горам. Ночь на развилке ему запомнилась — от боли в руке, холода и сверливших голову сомнений Жмот не сомкнул глаз. «Вернуться назад, плюнув на всё, или, не смотря ни на что, идти по следу и сделать то, что задумал? Вон как наплутал, накрутил кругов и петель — с собакой не распутаетшь». И снова желание убить оказалось сильнее здравого смысла.

Наскоро напившись чаю, Жмот заспешил по ныряющему густолесому распадку. Когда след подводил к очередной крутизне, на которую взбираться иначе как на чет-

вереньках нельзя, Жмот взрывался от негодования. Ещё больше бесило другое. Бесцельно пропетляв по перевалу с десятков километров, след опять возвращался к этой же крутизне и рвано уходил вниз, к подножью в километре от того места, где пару часов назад, обливаясь потом и еле передвигая ногами и руками, ему пришлось подниматься на вершину. Лыжня, как нарочно, уводила в самые дебри, в самый бурелом и чащобник, всклокоченная, ломаная, она падала зигзагами с крутизны склонов. Казалось, что не будет ей конца и края, сколько бы ни петлял по ней.

Взобравшись в очередной раз на вершину перевала, Жмот не успел перевести дух, как налетел ураганный ветер и раненым зверем жутко завывала тайга. Находиться на вершине было опасно: как пьяный качался лес, с треском ломались толстые сучья, горевшие и подгнившие стволы. Перед самым носом у Жмота хряпнулась макушка лиственницы, едва не захлестнув его насмерть. Небо быстро затянула тёмная туча, с которой белыми хлопьями, как из снеговой пушки, летел снег и тут же, подхваченный мощным порывом ветра, разметывался клубами по тайге.

Жмот бросился искать укрытие: наслышан был от таёжников о неприятном чувстве безысходности, когда оказываешься один на один со стихией в безлюдной тайге, да и на своей шкуре испытал нечто подобное. Правой рукой он не мог работать, а левой много не сделаешь. Током ударил страх: ведь он не знает здешней тайги! После такой пурги ни своего, ни чужого следа не найдёшь.

Снег был повсюду, словно кто-то выкатал Жмота в сугробе. Он попадал за голенища, за шиворот, таял там, и от этого было неприятно и зябко. Вскоре одежда промокла насквозь, а костёр ещё не был разведён — попробуй отыщи на редколесой вершине затишье! Жмот надеялся устроиться на южном склоне, где лес рос погуще, но склон был настолько крутой, что пришлось тут же отказаться от этой затеи. Вокруг, как на грех, ни сушины, ни валежины, да и топора с собой не было — не думал, что он пригодится. Жмоту казалось, что в один миг догонит сопляка, сделает то, что замыслил, и всё будет шито-крыто. А тут на тебе — на голову пурга свалилась. С ней шутики плохи: кто с пургой не считается, того она не щадит.

«Нужен костёр, иначе труба!» — стучало в мозгах. Подгоняемый страхом, Жмот метался по вершине в поисках сухих дров. Наконец на северном склоне наткнулся на бурелом. Меж двух поваленных деревьев разгрёб снег ногами и, встав на колени, попытался поджечь сухие ветки. Едва занималось пламя, как тут же его сбивало порывом ветра. Снова и снова пытался он разжечь костёр, чиркая спичку за спичкой. Только когда снял телогрейку и закрыл ею костерок, сушняк, наконец, загорелся. Порывы ветра не унимались ни на минуту. Снег летел, забивая пламя и занося костёр. Жмот не отходил от живительного огня, защищал его от снега и ветра, подбрасывал сухие поленья, пока не загорелся ствол валежины.

Адская ночь

Непроглядная тьма накрыла перевал. Ночь ожидалась адской. Чтобы костёр не погас, нужны были дрова. Ещё час назад Жмот и в мыслях не мог допустить, что не найдёт в лесу достаточного количества сушняка на ночь. Круг за кругом описывал он по редколесой вершине, но готовые поленья не валялись даже в тайге, а голыми руками сухостоину не срубишь.

Преодолевая боль в руке, он пытался обломать толстые сучья на валежине, но ничего не получалось. В душе Жмот проклинал себя за то, что не взял топор. Те несколько поленьев, что ему удалось найти, догорали. Жмот понимал: спасти его от гибели может только тепло костра. Однако ничего, кроме тонких сучков, обломанных

с деревьев, да куска коры от елового пня, не нашёл. Огонь поглотил эту порцию за считанные минуты. Надо было посушиться — в мокрой одежде неуютно и зябко. Со стороны огня она нагревается и жжёт, с другой — замерзает и становится колом.

Жмот то и дело стряхивал с себя налипший снег, но через минуту-другую снова походил на снеговика. Он жался к огню всё ближе и ближе, вбирая в себя тепло, придерживая руками края телогрейки, словно курица подмокшие крылья. Ему вдруг сделалось жалко себя. Хотелось быть волком, выкрикивая обиды в адрес той силы, которая повергла его в снежный ад. Ему вдруг вспомнилась учительница, которая оставляла его после уроков, заставляя учить наизусть стихотворение Некрасова «Несжатая полоса», и как он плакал и ненавидел её за это. Он хотел, чтобы учительница пожалела его, но она сказала: «Москва слезам не верит». Вспомнилось, как обманывал мать, как хулиганил, как от воровства дошёл до убийства. Ему почему-то казалось, что всё то, что он делал, правильно. Даже убийства, которые он совершил, оправдывал тем, что убивал потому, что нужны были деньги. Если другим путём заработать было нельзя, виновато в этом само государство. И даже теперь, загнанный в угол непогодой, он винил не себя, а того, из-за которого оказался здесь.

Снег шёл густой, липкий, не переставая ни на минуту. Головёшки шипели, дымили, грозя вот-вот потухнуть. Время в беде тянется медленно, а ведь ноябрьская ночь только начиналась. На то, что удастся продержаться до рассвета без укрытия и без костра, надежды было мало. Жмот понимал, что надо идти искать дрова, однако, не мог оторваться от живительного тепла. Ноги немели и стыли, руки были как грабли, зябла мокрая спина, телогрейка задубела, голова стала чугуновой, тянуло в сон. На некоторое время он отключился, заклевал носом, но этого хватило, чтобы прогорели валенки и рукавицы.

Непогода не прекращалась, разгуливая по перевалу, заноса снегом тайгу, пригоняя всё новые и новые тучи, которые рождались над просторами незамерзшего Байкала. От пронизывающего холода Жмота била дрожь. Он готов был сесть на раскалённые угли угасающего костра. У ствола выворотня тлела трухлявая сердцевина, но тепла этого хватало лишь согреть руки. За новой порцией дров надо было шагать в темень, сквозь плотную стену идущего снега. Жмот знал, что, отойдя от костра, он вымокнет и заоченеет, и тогда ему не согреться во веки веков, но выбора не было.

Он поднялся, укутал шею шарфом, и через пять шагов его поглотила темень. То и дело Жмот натёкался на деревья, судорожно шарил по стволам руками, отыскивая сухие сучья, буровил ногами снег, надеясь обнаружить обломанные ветром ветви, но ничего не находил. Когда дело не ладится, быстро устаёшь, теряешь веру в собственные силы, бросаешься в панику. Жмот начал верить, что рок загнал его на эту вершину неспроста, а от судьбы не уйдёшь.

От навалившейся усталости, тревоги и собственного бессилия не хотелось ни пить, ни есть. В голове неразбериха: всё вертится, мелькает, как снеговой вихрь. Исчезающие на глазах следы, угасающий костёр, вопль, рвущие одежду ветви, едкий дым, слёзы — всё смешалось, завертелось в водовороте, увлекая ввысь, в беззаботность, подталкивая сознание Жмота к бездействию, к наплевательскому отношению к происходящему.

Он кружил в сырой непроглядной темени, уходя всё дальше от костра, пока не потерял его. Сделалось страшно от одной мысли, что это конец. И чем больше его охватывала паника, тем больше запутывал собственные следы, ведущие к костру, всё дальше и дальше удаляясь от него. Окончательно выбившись из сил, он присел под дерево. Холод не ощущался, лишь слипались отяжелевшие веки и сильно хотелось спать.

Пурга не прекращалась всю ночь. К утру землю покрыло рыхлым, толстым слоем снега, который здесь, на вершине перевала, достиг уже сорока сантиметров. Неприятно тихо и неуютно было вокруг. Тайга ещё не отошла от шока, стояла поникшая и безмолвная. Рваными клочьями грязной ваты свалились куда-то за белые пики разрозненные останки снеговых туч, гонимых ослабшим верховиком.

Кеша не торопился покидать свой бивак. Он тщательно просушил портянки, валенки и рукавицы, почистил ружьё. Потом сварил густой рисовый суп, заправив его маргарином. Сам наелся и накормил собаку. «Не повезло тебе, Пушок, — сказал Кеша, — а это значит, что не повезло и мне». Пушок всем своим видом говорил: «Не бойсь, хозяин, не такое, мол, видывал за пять сезонов охоты». «Ну, раз так, тогда в путь», — указал Кеша рукой в направлении избушки, стоявшей на соседнем перевале.

На душе его было легко. Чего он хотел — сбылось: пурга замела следы. Территорию охотничьего участка он знал хорошо. На случай, если непогода захватит охотника в тайге, на участке есть точки отсчёта — вековые деревья, пещеры, утёсы, снежные пики и другие приметы, которые обозначены на карте с указанием направления по компасу на избушку. От скалы, где ночевал Кеша, до зимовья было километров семь.

Примерно через час ходьбы юный охотник услышал лай собаки. Он был какой-то странный, непонятный. Сознание резанула страшная догадка: «Чужак?!» Кеша взял ружьё наперевес и, прячась за деревьями, направился в сторону лая. Пушок стоял подле толстой лиственницы, не проявляя особого беспокойства, изредка подавая голос. Заметив приближающегося хозяина, залаял громче и тут же побежал навстречу. «Где твоя дичь? — спросил Кеша. — Показывай!» Вместо того чтобы бежать впереди хозяина, Пушок пошёл следом за ним, словно говоря: «Иди, хозяин, сам всё увидишь».

Возле дерева, покрытый толстым слоем снега, притулившись спиной к стволу, сидел человек. Кеша огляделся вокруг и заметил занесённые ямки следов. «Ночные следы. Но почему этот человек оказался без лыж, без ружья и рюкзака?» Юный охотник нерешительно подошёл к сидящему, стряхнул веткой снег и узнал в погибшем чужака по кличке Жмот. Труп ещё не до конца замёрз, на шее виднелись незастывшие капли воды. С одной стороны, Кеше жалко было Жмота, с другой — нет. Хорошо уже то, что некого теперь будет опасаться по ночам.

Однако хотелось узнать, что с чужаком произошло. Кеша понимал, что здесь что-то не ладно, и охотничье чутьё не подвело. Паренёк искал костёр и нашёл его в ста шагах от замёрзшего. Из всего увиденного Кеша сделал свои выводы: Жмот был плохим таёжником и, когда непогода застала его врасплох, не сумел найти ни надёжного укрытия, ни дров. Оставив мертвеца в таком положении, в каком он был, Кеша продолжил свой путь.

Бурундук

В крайнем доме посёлка, до которого добрался Бурундук, жила молодая вдова с двумя детьми Юля — эвенкийка с монгольским разрезом карих глаз, маленьким носом и чёрными как смоль волосами. С людьми добрая, но малоразговорчивая. Такие, как она, молча переносят удары судьбы, но если решаются на что-то, то будут добиваться своего до конца. Муж её Иван был рыбаком на Байкале, год назад утонул во время шторма.

Растить детей одной, без мужа, в глухом посёлке — тоска. Ведь муж не только кормилец и защитник семьи, он и в постели нужен. Молодая ещё. Чтобы как-то прокормить детей, Юля брала работу на дом: шила ичиги, унты из камуса оленя, меховые шапки и прочие изделия народного промысла. Другого занятия, кроме рыбалки и охоты, в посёлке не было. На мизерное детское пособие, что платило государство вымирающим народностям Севера, долго не проживёшь.

Закончив домашние дела, она собиралась сходить к скорняку, чтобы заказать камусовые пластины и заодно взять крепких ниток. На улице было темно, горел только единственный в посёлке фонарь возле магазина. Возле своей ограды в полоске пада-

ющего из окна света Юля увидела человека. Он стоял на коленях и пытался открыть калитку.

— Что с тобой случилось? — спросила Юля незнакомца, удивлённая его появлением возле своей избы.

— Нога отказала, перелом, видно, — ответил тот.

— Откуда ты? Не из Нижнеангарска? Чё-то лицо твоё незнакомо...

— Нет, я нездешний, из Иркутска — на охоту с товарищем прилетели. Он в зимовье остался, а я в магазин за продуктами пошёл, да лайку купить на сезон. Как видишь, не повезло: лыжи понесли с крутизны, не справился и кувырком по камням свалился.

Юля помогла ему подняться на ноги, завела в избу, сняла с него ружьё и рюкзак, в котором лежали охотничий нож, патроны да немного сухарей. Незнакомец рассказывал про своего друга, какой он честный и умный. Юля слушала молча. Женское чутьё подсказывало ей, что сам обрый дух тайги послал ей мужчину. Она сделает для него всё — пусть он только оценит её старания.

— Помоги перевязать рану, — тихо попросил Бурундук, — боюсь, как бы заражения не было.

В доме Юли не нашлось ни йода, ни бинта — пришлось бежать к продавщице. В магазине был аптечный уголок, где продавались лекарства первой необходимости. Но продавщица в магазин не пошла — поздно, из своей аптечки дала Юле бутылочку йода и два стерильных бинта, спросив при этом:

— Неужто с детьми чё случилось?

— С ножом играли. Младшая держала за остриё, а старшая из рук вырывала, — солгала Юля. Не хотелось ей заранее делиться новостью с односельчанами — поймут не так, потом попробуй оправдайся...

Ногу у Бурундука так разбарабанило, что она стала как колотушка. Вокруг раны посинело, пятно было с ладонь, а из самой раны сочилась густая тёмная кровь. Нога огнём горела. Ногу обмыли тёплой водой, рану смазали йодом и перевязали бинтом.

— Завтра в больницу надо, к хирургу, — сказал Бурундук, — кость, видно, повреждена.

— Хирург есть только в Нижнеангарске, а до него тридцать пять километров, — сказала с сожалением Юля.

— А до города как добраться?

— Можно на попутке или на мотоцикле. Только сейчас они редко ходят — мужики все на промысле. Если у племянника Лёшки есть бензин, он может завтра утром тебя отвезти в Нижнеангарск.

— На мотоцикле? — удивился Бурундук.

— Ничего, укутаешься одеялом, мотоцикл-то с коляской.

— Ладно, в долгу не останусь, заплачу сколько надо.

Юля проворно собралась и скрылась за дверью. Бурундук осмотрел незатейливую обстановку вдовьего жилища. По правде сказать, вору здесь делать нечего: ни один предмет не заслуживал внимания. Даже самого задрипанного телевизора не было. Две девочки, четырёх и шести лет, играли, сидя на полу в углу. Игрушками им служили хвосты белок, рябчиков, заячьи лапки и обрезки шкурок камусов. Они так увлеклись игрой, что не замечали присутствия чужого дяди.

Наблюдая за ними, Бурундук отметил про себя, что обе девочки сильно похожи на мать, и в то же время посочувствовал незавидному их детству. Это навело его на мысль, что мать их небескорыстно помогает ему. Наверное, равнодушна к нему.

Юле удалось договориться с племянником, чтобы отвёз раненого в больницу. Конечно, она не против, если он заплатит парнишке, — бензин, труды тоже денег стоят. Если чего и не хватает жителям посёлка, так это живых денег, которых они не видят

месяцами. Особенно проклинают они равнодушных к своему народу президента Ельцина, Черномырдина и Чубайса — обдирают стариков и бедных.

Лёшка подъехал к восьми утра, лихо затормозив у калитки. Юля помогла раненому забраться в коляску и заботливо укутала тёплым одеялом.

— Как выпишешься, позвони в посёлок, я за тобой приеду, — сказала на прощанье Юля.

— Вылечусь, так и пешком приду, — улыбнулся Бурундук. Ответ пришёлся Юле по душе: «Значит, неравнодушен ко мне, а это говорит о том, что есть надежда, что мечта сбудется».

Дорогой Бурундук сочинял легенду о том, кто он, как получил огнестрельную рану. Дело-то нешуточное — этим милиция может заинтересоваться. К тому же у него не было с собой ни документов, ни охотничьего билета, ни договора заготконторы. Правда, были награбленные деньги — порядочная сумма, но в тайге их негде тратить. На них-то и расчёт. «Чтобы врач излишне не интересовался моей персоной, да по поводу огнестрельной раны не звонил в милицию, отвалю ему пятьсот штук и вдобавок красивую легенду сочиню. Деньги сейчас — всё, думаю, этот номер у меня пройдёт», — рассуждал Бурундук.

Лешка, хоть водитель и неопытный, за час домчал раненого до больницы.

— Сколько тебе за труды? — поинтересовался Бурундук.

— Сто тысяч дашь — и нормально.

— На тебе сто пятьдесят, а эти триста отдашь Юле, у неё дети, понял?

Бурундук не ошибся — номер со взяткой ещё как прошёл! Его поместили в палату, где лежал с переломом левой ноги болтливый хитромудрый восьмидесятилетний старик Никанор. Видимо, скучавший в одиночестве из-за того, что не с кем словечком переброситься, Никанор обрадовался, когда в палату приковывал Бурундук. Посыпались вопросы: кто он, откуда, что с ногой. Видя, что разговорить соседа не удаётся, сам про себя стал рассказывать:

— На фронте в правую ногу осколок снаряда попал, теперь вот левую сломал, — Никанор подробно изложил, как умудрился на старости лет напиться, а потом угодить в подполье. — Кабы старую чёрт не погнал за огурцами в подполье, да я в этот момент пьяный не подвернулся, всё было бы нормально.

— Да, так оно и было бы, — посочувствовал Бурундук. — Нелепая случайность постигла и меня.

Разумеется, Бурундук умолчал, что сопливый мальчишка прострелил ему ногу за то, что он хотел его убить, проще свалить беду на случайность. Уже в который раз Бурундук рассказывал про то, как понесли его лыжи с крутизны, как не удержался и пошёл кувыркаться, тут и ружьё выстрелило, ударившись о камень, а пуля попала в ногу...

В тот же день, когда Лешка притартал Бурундука в больницу, ему сделали операцию. Пуля повредила кость, а это значит, что выйдет он из больницы не раньше, чем через две недели. «Через две — это долго. Жмот с ума сойдёт. Знаю я его! Бросит всё и пойдёт на поиски. Не хотелось бы, чтобы он засвечивался: городок маленький, здесь все друг друга знают. Из-за войны на Кавказе люди стали бдительными. Как только на глаза попадает незнакомец, тем более с бородой, сразу бегут сообщать в милицию», — размышлял Бурундук.

Никанор болтал без умолку. Сначала Бурундук слушал его с пятое на десятое, но, когда старик стал рассказывать, как был золотоискателем, сразу оживился: заёрзал на стуле, глаза забегали, он весь сгорал от нетерпения услышать что-то из ряда вон выходящее, из чего можно извлечь пользу.

— Золотоискатели, как рыбаки и охотники, сильно преувеличивают в своих рассказах, — сказал он недоверчиво, чтобы подзадорить старика и тем самым побольше вызнать про то, что его интересует.

Судьба старателя

— Жизнь старателя так насыщена трудностями, опасностями и прочими горестями, что и без преувеличения есть о чём рассказать, — сказал Никанор. — Вот и теперь... Казалось, что надо? Копайся в доме по хозяйству, ан нет, тошно вдруг станет, накатит тоска, всё тянет куда-то. А куда — оно и понятно, в тайгу. Я прожжённый, прокопчённый, заядлый. Тот, кому хоть однажды пришлось добыть самому хоть один грамм золотого песка, тот никогда не забудет этих минут. А как же мне забыть, ежели я добывал его, золото, почитай, тридцать лет? Оно у меня в крови, в мозгах, во всём теле.

— В каких местах пришлось тебе побывать? — следя за рассказом, спросил Бундук.

— Якутия, браток, вечная мерзлота, Север, тамо по тундре чёрт разбросал. На зависть и на погибель рассеяла нечистая сила по ручьям, речкам, глубоко в земле и в камнях — повсюду. До войны я лишь начинал, во вкус вошёл, а продолжил охоту на золото после войны. Места я знал заветные, хранил их в памяти на будущее. На войне фашиста бил, а в голове — золото. Вернусь живым с войны, думал я, уйду в тайгу. Так оно и вышло. Вернулся — неделю дома пожил, правда, успел жениться по любви. До сих пор восхваляю Бога, что толковую бабу мне дал: она никогда не противилась моим желаниям. «Надо так надо», — говорила она всякий раз, когда собирался в тайгу.

— Интересно, ты один добывал золото или с дружками?

— Одному в тайге не выдюжить — еду добыть нужно, приготовить её, дрова — надо, добывать металл — надо. Ради чего вся маета? Ради металла! Спать надо, а как спать одному? Можно всё проспять. Это ещё хорошо, если проснёшься и ничего не найдёшь, потому как украдут, плохо то, что можешь вообще не проснуться. А сколько неожиданного и непредвиденного возникает ежедневно! Ногу ли подвернёшь, руку ли сломаешь, заболеешь или обнаружат тебя охотники за лёгкой добычей. Последнее самое обидное и самое страшное.

— Я слышал от таёжников про жестокость бандитов. Встречался ли ты с ними?

— Энтих шакалов хватало: ни спать по ночам, ни работать спокойно не давали. Приходилось каждую ночь выставлять караульных. Не страшны были волки и медведи — они крутились вокруг жилья, но пуганешь их горячей головёшкой — уйдут, а энти нет. Энти выследят, дождутся ночи, и тогда прощай, жизнь, — спящего пристукнут как муху, заберут всё, даже одежонку с мертвеца снимут — и ищи-свищи их в тундре. Наша избушка стояла в курумнике. Отойди десяток шагов и не заметишь — так мы её замаскировали. Однако девять раз подвергались нападению. Был у нас в артели Сенька Тишин, большой мастак на выдумки, так он на ночь вокруг избушки натягивал тонкий шнур с подвешенными на нём консервными банками. Чуть заденешь этот шнур — банки загремят, караульный сразу хватается за ружьё и к оконцу, откель подход к двери виден. Ежели замечает бандитов, сразу будит всех, и мы, уже вооружённые — кто дубиной, кто ножом, — поджидаем незваных гостей. Обычно достаточно одного удачного выстрела по ногам, и бандитам становится понятно, что тут им ничего не выгорит. Чаще всего страдали и погибали от рук бандитов новички. За ними в основном и охотилось шакальё. Их они брали хитростью. Подсылают одного бандита с подвешенным языком, он им лапши на уши навешает, что будто знает, где богатое золото. Одному, мол, в тайге небезопасно, не желаете ли составить мне компанию. А сам такой безобидный, добрый. Новички заглатывают такую наживку, как рыба. Глядишь, после первой же ночёвки у костра они остаются ни с чем: ни инструмента, ни еды, ни нового знакомого.

Никанор помолчал, потом, тяжело вздохнув, продолжил:

— Знал бы ты, в каких трудах даётся золото! Бегали по ручьям поджарыми волками, жрали по-волчьи, работали от восхода до заката, не зная ни выходных, ни проходных. Сколько полегло там прямо в тундре! Кайлить мерзлоту сил нет, да и ни к чему — хоронили просто: под мох спрячешь умершего, и всё.

— Тебе приходилось хоронить друзей? — спросил Бурундук.

— Приходилось. Семерых захоронил за тридцать лет.

— От чего ж они умирали, от болезней или от рук бандитов?

— От недосыпа и переутомления. Ляжет старатель отдохнуть на мёрзлую землю на несколько минут и застудит спину или внутренности, а чем лечить в тундре хворь? Нечем. Такое лекарство от простуды, как спирт, долго не держится: причина всегда найдётся, чтобы его выпить. И не думаешь о том, что он может тебя от смерти спасти. Такого не было, чтобы умирали от несчастного случая на работе или от зверья. На втором месте — смерть от рук бандитов и от голода. Бандиты обычно забирали добытое золото, инструменты, еду и тут же убивали, не желая иметь свидетелей. И даже если они великодушно оставляли старателя в живых, без еды он все равно был обречён на смерть. У нас был двуствольный обрез, не для охоты — для собственной охраны. Мы этот обрез из рук не выпускали. Другие старатели охотились за ним, как за дорогим зверем. С ружьём ты хозяин положения — это понимал всякий из нас. Особенно запомнился семидесятый год, когда из четырёх артельщиков выжил я один. То было в Якутии. До ближайшего посёлка километров триста шестьдесят. Старатель есть старатель — выбирает места глухие, подальше от людского глаза, от завистников, воров и бандитов. В таких местах удача ближе, доступней. Митюха Хромой на черпаке стоял, пески мыл. Да и куда ему с поломанной-то ногой? Упал он как-то в камнях, и кость хрястнула. Сделали мы ему шины — вроде срослось, но он так и остался хромым. Целыми днями надо было ковшом с длинной ручкой махать, лить воду на плетённые из ивняка коврики, под которыми лежала мешковина. На ней-то и задерживались тяжёлые крупинки золота. Митюха был жилистым и честным малым. Меня и Сеньку Кудрявого в шахту опускал Петро Медведь. Ух и силища была у него! Такие камни ворочал, я не токмо их на пуп взять — от земли оторвать не мог. Так вот, энти камни надо было нагревать докрасна, а потом опускать в бадье в шахту. Там мы с Сенькой вываливали их на железный лист и вдвоём, на карачках, растаскивали по углам шахты, обкладывали мёрзлые пески, а сверху мхом укрывали, чтобы тепло сохранилось внутри забоя. Когда рудоносный песок оттаивал, нагребали бадью, и Петро один тянул её наверх, а к нам опять раскалённый камень опускал. И так с утра до вечера, изо дня в день. При такой каторжной работе харч, сам понимаешь, должен быть калорийным, а где ты энтих калориев наберёшься? Правда, с весны до осени рыбу свежую ели вдоволь. Места там дикие, рыбы в любом ручье, любой речке, любом озере полно. Зверья тоже немало. За зиму оленя и двух медведей съели. Молодые были, неугомонные, крепкие, закалённые на ветрах и холоде, — старик зашмыгал носом, из глаз побежали слёзы.

— Ты не сказал, что из себя как человек представлял Сенька Кудрявый...

— О нём скажу особливо. Шулер был несусветный. Нет, ты не думай, что на работе он сачковал, ездил на чужом горбу. Силён языком был и ловкими руками. В карты лучше с ним не играть — объегорит в два счёта. А нож как металл! С двадцати шагов консервную банку к дереву прибивал! Из десяти раз мог попасть десять, не хуже ковбоя из «Великолепной семёрки». Чё с ним токо не приключалось! В Иркутске за шулерство морду квасили, бабу свою с другими прихватывал (ведь дома по полгода не бывал. Какая баба выдюжит?), тонул, замерзал, голодал... Но никогда падлой не был, всегда оставался человеком, за что все его уважали.

— Ну а ты чем брал в артели? — поинтересовался Бурундук.

— Акромя баб охмурять да языком молотить на большее таланту не было. Я не гово-

рю о том, что работал, как все, ценил и ценю дружбу, старался быть во всём честным. Это, пожалуй, самое большое достоинство — быть честным.

Бурундук всё больше и больше проникался уважением к Никанору.

— Толковые, вижу, артельщики были. И где же их смерть настигла?

— Ежели смотреть на карту Якутии, есть такая большая река Оленек, в море Лаптевых впадает. Так мы километрах в пятидесяти были от её истока. До ближайшего посёлка Удачного километров триста с гаком, а то и более. За лето одежонка наша пооборвалась, изнурили себя морально и физически. Доберёшься до постели ползком, и ничего тебе не мило и не любо. А тут, как на грех, зима рано пала, да на редкость снежная. Назад в Удачный топать, по целине, без лыж, в наших обутках, — вряд ли выдюжим. Потолковали, взвесили свои возможности и решили зимовать. Шахта наша к тому времени расширилась, камни приспособились нагревать прямо в забое, да и золото пошло богатимое, азарт появился. Запасы еды мы поднакопили: четыре мешка рыбы навялили — по мешку на брата. Сетёшка у нас была, так мы её на речонке ставили — от нас она километрах в трёх бежала, в ширину не более десяти шагов. Рыба в ней всякая водилась: хариус, ленок, таймешата попадались до десяти фунтов весом. По осени медведя хорошего завалили, куски мяса в яму сложили (чё ему делается в вечной мерзлоте), а перед снегом оленя добыли. Правда, тот оказался домашним: отбился, видно, от стада, или волки загнали его к нашим владениям — не знаю, но мы не удержались. Ежели якуты хватятся, думали мы, то заплатим им, сколько скажут — с имя нельзя ссориться... Тайга, она, брат, не любит нечестных. Соли было достаточно, сухарей осталось два мешка, мешок муки, мешок овсянки, немного чаю и сахару. Акромя всего, ели ягоду: морошку, смородину, бруснику. Чтобы за ягодой сходить, специально выделили себе день во время сезона. Десять вёдер в естественный холодильник засыпали!

— Жратвы у вас, вижу, хватало. А что за беда стряслась? — перебил Бурундук.

— Тако и мы считали, что еды хватит. А за длинную зимушку всё подобрали, к весне хоть зубы на полку клади — на одном чае из смородиновых веток долго не протянешь. И стала нас костлявая косить по одному. Сначала прибрала Митюху Хромого, через три дня — Петра Медведя. Мы с Сенькой Кудрявым не стали сложа руки дожидаться своей очереди, думали, помирать в борьбе — оно легче. Сложили в свои котомки самые необходимые вещи: ружьё с патронами, один котелок, по одной ложке и кружке, по ножу. Кроме своей доли золота, взяли с собой по доле умерших товарищей. Из еды была только брусника, стаканов шесть. Обессиленные, мы с трудом закинули за плечи тяжёлые котомки и двинулись, как были убеждены, в сторону посёлка Удачного. С голодухи, видно, головы наши плохо работали. Дня через три хода в восточном направлении поняли мы, что идём не туда. Это был удар по нашей самоуверенности. Мы запаниковали, долго спорили, наконец, решили идти строго на юг. Шли медленно, часто отдыхали, кипятили чай, ибо сырую воду боялись пить. Бруснику, что брали с собой, съели. На шестой день наткнулись на ручеёк, по бережку которого осталась с зимы смородина. Решили здесь заночевать и заодно набрать ягоды. Место для ночлега выбрали под бережком — тут было достаточно сушняку и относительно затишье от пронизывающего ночного ветра. Как за вечерело, разожгли костёр, ибо днём костры жгли с таким расчётом, чтобы как можно меньше был виден дым. Задача любого старателя заключалась в том, чтобы не дать обнаружить себя, тем более, что мы несли золото, за которое нас могли убить, не моргнув глазом. Разговаривали меж собой мало, понимали друг друга без слов. И, если забежать наперёд, честно скажу, за Сенькой я не заметил никаких перемен, если не считать того, что похудел он до неузнаваемости. Мысли его я, конечно, прочитать не мог, хотя должен был догадаться по его поведению, что он что-то замышляет. Скрутившись возле огня, уставшие, обессиленные и голодные, мы старались уснуть, чтобы за ночь немного набраться сил.

На рассвете, когда я проснулся, не обнаружил возле костра Сеньки, хотя котомка его была на месте. Сердце моё ёкнуло: где он, что с ним? Шагах в тридцати по ручейку я нашёл его повешенным на корявой лиственнице. У меня не было сил похоронить его — в глазах темно, голова шла кругом. Обрезав ножом шнур на шее товарища, я тут же, под деревом, заложил труп камнями, подумав при этом: «Меня некому будет закладывать». Помню, что взвалил обе котомки на плечи и шёл, не видя дороги, вдоль по ручью.

Такая апатия на меня тогда навалилась... Зачем, думаю, мне золото, если подошла моя очередь умирать, да и нести такую тяжесть я не мог. Меня мотало из стороны в сторону, но я шёл, пока не упал, споткнувшись о камень, и не подвернул ногу. Попробовал идти — ничего не получается. Но не сидеть же в безлюдной тундре в ожидании чуда! Решаю продвигаться вперёд ползком.

Движение тормозила неимоверно тяжёлая котомка. Тогда я решил взять свою долю — десять фунтов золота, ружьё с патронами, ложку, кружку, нож и котелок, а золото товарищей и вещи Сеньки спрятать. Я засунул под камни на ручье мешок с золотом и пополз, сам не зная куда, лишь бы не сидеть на месте. Сколько я полз и куда — не помню. Якуты подобрали меня беспамятного — собаки нашли след. До их стоянки не дополз километра три.

Через пару недель я одыбал. Мне дали еды с собой и показали дорогу к посёлку Айхал, откуда я мог добраться до Мирного рейсовым самолётом Ан-2.

— Своя доля золота при тебе была или якуты забрали? — заглядывая в глаза Никанору и весь превратившись в слух, допытывался Бурундук.

— Нет, не забрали. Я сам дал им два фунта за спасение своей жизни, остальное сдал государству.

— А золото дружков? Что с ним случилось?

— Золото, как и сами трупы старателей, исчезло. Спустя буквально месяц, как только я набрался сил, мы с геологами трижды летали на вертолёте к нашему забою. Магниторазведчики буквально шаг за шагом прошли по всем ручьям в той местности, даже возле костра, где мы с Сенькой последний раз ночевали, каждый квадратный метр обшарили, но ни трупов, ни золота так и не нашли.

В душе Бурундук не поверил, что Никанор сдал государству добытое кровью и потом золото. Как не поверил в то, что старатель не смог найти золото погибших артельщиков.

Через медсестру он сумел добыть бутылку водки. Старик от рюмки не отказался, однако, ни разу даже не намекнул, оставил или нет золотишка на собственные похороны. Бурундук нутром чувствовал, что бывший старатель темнит, что вызнать про золото хоть что-то напрямую, без хитрости, ему не удастся. Тогда Бурундук сменил тактику, будто золото его вовсе не интересует.

— Чё ворошить далёкое прошлое? Ты лучше расскажи, как поживаешь в настоящее время, есть ли дети, чем занимаются, не пошли ли по стопам отца?

— Как же, трёх дочерей вырастил и двоих сыновей. Все они живут в большом городе. Дочери — преподаватели, сыновья — врачи. Мы со старухой в Нижнеангарске проживаем, на жизнь, как другие, не жалуемся. Выпишешься из больницы, заходи, всегда будем рады.

Как бы на всякий случай Бурундук записал адрес.

Через три дня сделали рентгеновский снимок. Хирург, мужик примерно тех же лет, как и Бурундук, сказал, что осложнений нет. Если, мол, заживление раны будет протекать такими же темпами, то вскоре можно будет идти на охоту. А вот у старика дела неутешительные: заживление идёт медленно и лежать ему тут до морковкина заговенья. Бурундуку это было на руку. Он разработал план, который ему не терпелось быстрее осуществить. Хирургу сказал: «Если опасности заражения у меня нет, долечиваться буду дома, в Иркутске». Он любезно попрощался со стариком и обещал непременно побывать у него в гостях.

Чтобы не быть слишком приметным, Бурундук ещё в больнице сбрил бороду, а когда шёл по улице, на которой жил старик, старался меньше хромать. До вечера было ещё более часа. Не останавливаясь, он проследовал мимо дома номер сорок семь, отметив про себя, что живёт Никанор не хуже других — тут, поди, не последнюю роль сыграло золото.

Конец улицы упирался в Байкал. И хотя в здешних местах в ноябре все ручьи и речки покрываются льдом, великого озера это не касалось. Бурундук спустился к воде. Грозные валы волн набегали на берег в строгом ритме и с грохотом ударялись о гранитные скалы, оставляя на холодных камнях причудливые ледяные наросты. Под шум волн Бурундук обдумывал, каким способом развязать старухе язык: обманом, хитростью или угрозами. «Буду действовать по обстоятельствам», — решил он.

Как только стемнело, Бурундук двинулся на окраину городка, к дому Никанора. Прежде чем зайти в дом, он намеревался через щели в закрытых ставнях подсмотреть и выяснить, одна ли старуха в доме. Но во дворе на цепи сидела здоровенная кавказская овчарка. Учув чужого, пытавшегося проникнуть в хозяйский дом, пёс запрыгнул на крыльцо и оповестил хозяйку громовым лаем.

— И кто ента тамо? Ты чё ли, Никанор? — из-за двери спросила старуха безразличным голосом.

— Разве на хозяина будет лаять добрая собака? — нашёлся Бурундук.

— Значит, чужой, — догадалась старуха. — И кто же ентот чужой?

— Ты всё одно не знаешь меня, бабка Матрёна, — назвал Бурундук старуху по имени. — Я с твоим стариком в одной палате лежал. Дед Никанор просил, чтобы я помог тебе воды натаскать, дров наготовить. Ему ещё лежать да лежать.

Старуха с ворчанием и недовольством отодвинула задвижку. Когда увидела перед собой довольно улыбающегося молодого мужчину, спросила:

— Как он тамо, всё языком мелет?

— Чё ещё делать в больнице, как не трепаться?

Старуха заметила, как незнакомец шарит глазами по дому, и сразу заподозрила что-то неладное. Ей не однажды приходилось встречать подобных ему. Это были алчные, злые и беспощадные люди. Такие ни перед чем не останавливались. Не один месяц, когда Никанор был на приисках и не появлялся дома, она с малыми детьми жила в тревожном ожидании. По ночам приходили незнакомые мужчины, похожие на этого молодого пройдоху, и допытывались, в каких местах промышляет Никанор, требовали отдать им золото, угрожали убить её и детей. Сколько страху пережила она за долгую жизнь! И весь этот страх, все эти беды и невзгоды из-за него, из-за проклятого золота!

— Чё задумалась, бабуля? — спросил Бурундук. Он не торопясь разделся, сел за стол.

— Исть-то хочешь? — вместо ответа спросила старуха.

— Как же, в больнице кормят не лучше, чем в тюрьме, так что не откажусь.

Старуха поставила на стол кринку молока, выложила хлеб домашней выпечки, кусок свиного сала и картошку в мундирах. Сама же села на другом конце стола, подперев рукой подбородок, и стала смотреть, с какой скоростью непрошенный гость уплетал угощение.

— Счас верю, что плохо кормят в больнице, самой-то не приходилось лежать.

— Неужели? — удивился Бурундук. — За всю жизнь в больнице не лежала?

— Мы с Никанором не избалованы жизнью, своё хозяйство держим, до сих пор трудимся... А кто труд любит, того не любят болезни.

У Бурундука что-то шевельнулось внутри — жалость это была или человеческая совесть, или уважение к старости, а может, сыновья любовь к родной матери? Ведь и у него есть мать. Годами она младше бабки Матрёны, но выглядит глубокой старухой, вечно больная, немощная. Бурундук ничего о ней не слышал уже много лет, может, в

могиле она. Но минутная слабость прошла, и лицо его вдруг застыло злой маской, а зрачки стали похожи на два чёрных окатыша на дне холодного ручья.

— Значит, так, бабуля, здесь хозяин положения я. Заранее скажу: договоримся с тобой по-хорошему — будешь жить, если нет — прихлопну как муху. От тебя всего-навсего требуется, чтобы ты отдала мне золото или сказала, где оно лежит.

— Я не удивлена твоей наглости, — сохраняя спокойствие, сказала старуха, — но, к твоему сожалению, золота у нас давно нет, а если бы и было, всё равно тебе его не отдала бы. Я всё сказала, можешь перевернуть весь дом.

Бурундук не ждал такого ответа, он думал, что старуха, дрожа от страха, тут же расколется, принесёт ему дрожащими руками мешочек из бараньей мошонки, наполненный золотой россыпью, и отдаст ему, моля о пощаде. Он решительно поднялся, подошёл к старухе и ребром ладони ударил её по шее. Старуха мешковато сползла со стула на пол, не издав ни звука. Затем Бурундук с лихорадочной поспешностью приступил к поиску золота.

Дом был большой — три комнаты и кухня. До недавнего времени здесь жила семья из семи человек. После того как младшая дочь покинула родительский дом, обстановка тут не менялась, будто хозяева ожидали, что дочери вернутся и останутся жить здесь. Бурундук прощупывал, простукивал, переворачивал вверх дном всё, что попадалось под руку. В резной деревянной шкатулке он нашёл два обручальных кольца, массивных, золотых (видимо, старика и старухи) и десятка полтора боевых наград Никанора. Бурундук взглянул на увеличенную фотографию, висевшую на стене в самодельной, искусно вырезанной рамке. С неё смотрел усатый сержант, грудь которого была густо увешана орденами и медалями, а рядом, покорно положив голову на крепкое плечо солдата, сидела кудрявая красавица. Опять в душе шевельнулась совесть — воевал, жил честно, растил детей, можно позавидовать судьбе этой семьи. «У меня не было и нет будущего», — подумал Бурундук. Он машинально сгрёб кольца в карман и с ещё большим рвением стал шарить по комнатам.

Время перевалило за полночь, но ни золота, ни чего-либо стоящего Бурундуку найти не удалось. Это его злило. Он перетащил старуху в ту комнату, которую обшарил, и запер там. Сам же, не раздеваясь, лёг в кровать и вскоре уснул.

Разбудило его пение петуха. Бурундук сразу врубился, где он и что надо делать. Он собрал на стол еду, поел и снова приступил к шмону. Забравшись в подпол с ножом, стал тыкать им земляные стены подвала, рыться в бочке с капустой, в бочке с солёным салом.

Весь день Бурундук искал несуществующий клад. Он обшарил чердак, кладовку, полки, ящики, закрома, сусеки в сенцах, вскрыл полы, истыкал железным штырём каждый квадратный сантиметр, но все усилия были напрасными. Осталось обыскать сарай и баню. «Не клавши — не найдёшь», — вздохнул Бурундук. — Надо давить на старуху». И он придумал, как давить. «Буду отрубать топором по одному пальцу, ничего, расколется». Бурундук зашёл в комнату, где была заперта старуха.

— Даю тебе время, пока ты приготовишь пожрать, а именно полчаса, — еле сдерживая гнев, сказал он. — Если через полчаса не услышу, где спрятано золото, начну по одному отрубать тебе пальцы на руках, сначала мизинец, будешь молчать — безымянный, опять будешь молчать — средний, потом... сама знаешь.

В подтверждение своих слов Бурундук положил перед собой топор. Старуха упала на колени перед иконой Божьей матери, висевшей в углу комнаты, и, глядя сквозь слёзы на святой лик, взмолилась:

— Клянусь перед святой Девой Марией, что нет у нас никакого золота. Те три фунта золотого песка, что удалось Никанору утаить от приёмщиков, давно пущены в дело. Надо было вырастить детей, дать им высшее образование. Девушке гораздо труднее прожить на стипендию, чем парню, который может подзаработать. Дочери —

это бездонная шляпа: сколько ни давай денег — всё мало. Сейчас живём на мизерную пенсию. Даже на похороны не в силах скопить денег. Если бы не хозяйство, жили бы впроголодь. Про золото Никанор тебе наболтал спьяну. Если я лгу, пусть меня покарает Господь!

— Ладно, заткнись, ведьма старая, — прикрикнул Бурундук, — готовь жратву да помни, что сказал. Всякий твой бессмысленный лепет меня только злит. Запомни, старая, я буду беспощаден.

Старуха затопила печь, поставила большую кастрюлю с водой. Когда вода закипела, бросила тудапельмени. Бурундук сидел здесь же, на кухне, и не сводил с неё глаз. Он опасался, что старуха может подсыпать в еду какого-нибудь зелья, но не думал, что она может напасть на него.

«Господи, помоги! — молила про себя старуха. — Подскажи, что мне делать. Я же не буду покорно дожидаться, когда эта сволочь начнёт отрубать мне пальцы. В борьбе человек не думает о смерти, а думает, как выжить. У меня будет причина приблизиться к бандиту, не вызывая у него опасения, когда буду подавать еду на стол. Кастрюля с горячимипельменями — это то, что надо. Осталось выбрать момент и выплеснуть бульон в лицо мучителю». Отпущенное для приготовления еды время летело быстро. За эти напряжённые минуты к старухе пришла уверенность в себе, а она, как известно, порождает смелость. Мысленно она уже прокрутила план — осталось осуществить его на деле.

Когдапельмени закипели, по кухне разнёсся аппетитный запах. Бурундук заёрзал на стуле — давно он не ел настоящих сибирскихпельменей! Старуха поставила перед ним большую тарелку и пол-литровую банку домашней сметаны. Сердце бешено колотилось. Во всяких переделках приходилось бывать, но не думала не гадала, что очутится перед лицом смерти. Старуха бросила взгляд в окошко, выходящее на улицу. «Господи, никому и невдомёк, что в доме Никанора происходит! Вон сосед привёз на саночках флягу с водой, дети катаются на горке. Как хорошо сегодня на улице: тепло, снежок падает... Жизнь идёт своим чередом!»

И вот минута решительного действия наступила. Старуха взяла кастрюлю с горячимипельменями и подошла к столу. Лево́й рукой она держала кастрюлю за ручку, правой вываливала поварёшкойпельмени, наполняя тарелку. Когда бандит потянулся за сметаной, старуха размахнулась, чтобы выплеснуть горячий бульон в наглую морду бандита, но тот моментально среагировал и успел закрыть лицо руками. Горячий бульон попал на голову и за шиворот. Пока бандит не оправился от шока, Матрёна метнулась к дверям. Отчаянно выкрикивая ругательства, Бурундук бросился следом.

Поймав старуху за руку, он через всю кухню швырнул её в угол. Она пронзительно закричала, но удар пинком под дых задушил этот крик. Бандит ошпаренной лево́й рукой схватил старуху за волосы и подтянул её голову к себе. Матрёна только успела заглянуть в его ястребиные злые глаза и сказать: «Ты умрёшь следом за мной!», как удар ребром ладони по сонной артерии заставил её захлебнуться. Тело дёрнулось в последний раз и обмякло, как надувная кукла, из которой выпустили воздух. «Этот разговор, видимо, придётся продолжить с Никанором — с бабкой Матрёной переборщил».

Надо было срочно сматываться. С лихорадочной быстротой Бурундук стал наполнять рюкзак свиным салом, омулем, сливочным маслом, сметаной, вареньем, сверху втиснул две булки хлеба домашней выпечки и десятка два яиц. Дождавшись темноты, он выставил собаке ведро с едой, а сам тем временем спокойно вышел, заперев за собой двери в доме и калитку. Уверенной походкой он направился к берегу Байкала и окраиной обошёл городок. Его путь лежал в посёлок охотников, к Юле — надо было забрать у неё оставленную двустволку и патроны.

Юля

Юля жила ожиданием телефонного звонка из Нижнеангарска. Прошло пять дней, как Лёшка увёз неизвестно откуда взявшегося раненого охотника. Женщина не спала ночами, думала о том, что человек этот к ней равнодушен: и денег для неё не пожалел, и Лёшку не обидел — хороший муж будет! Для себя Юля решила: если он на шестой день не позвонит, поедет к нему сама. Она тайно договорилась со старшей сестрой Нюраной, чтобы та присмотрела за её девочками. Юля уже знала, что она скажет охотнику. Мол, девочки каждый день спрашивали: «Где новый папа, где новый папа?», а сама она от окна не отходила — все глаза проглядела, не идёт ли охотник лючи, потому что лючи может стать хозяином в её доме.

Было далеко за полночь, когда сквозь дремоту Юля услышала лёгкий стук в дверь. Она вспорхнула с постели и босиком бросилась в сенцы. Не спрашивая, кто там, открыла дверь и сразу узнала того, кого ждала все эти дни. Юля бросилась к нему в объятия. Она не говорила ни слова, не спрашивала ни о чём. Помогла ему разуться и раздеться, снять тяжёлый рюкзак с плеч. Потом предусмотрительно занавесила кухонное окошко и только тогда включила настольную лампу.

— Поди, проголодался, пока шёл в посёлок? Я мигом стол накрою, выпьем за встречу. На этот счёт я бутылочку водки купила, — Юля суежилась, глаза её светились счастьем. Она была похожа на верного пса, который истосковался по хозяину.

Бурундук понимал состояние души Юли, ценил такое отношение к нему, но не мог перебороть холодного равнодушия. «Напьюсь! Пусть делает со мной что хочет, — решил он. — Сегодня, видать, не удастся смотаться в тайгу, придётся идти завтра — тянуть нельзя. Голодная скотина в доме Никанора начнёт давать знать о себе. Соседи и знакомые поймут, что случилось что-то неладное, обнаружат старуху мёртвой, заявят в милицию, и начнётся гонка по горячему следу».

После сытного ужина и выпитого Бурундук проспал остаток ночи и почти весь день. Он ничего не помнил и не хотел вспоминать. У него было одно желание — скорее уйти в тайгу. Как только посёлок погрузился в темень, он собрался в дорогу.

— Я приду через несколько дней, — обещал он. — Отнесу только продукты товарищу и сразу назад, к тебе.

— Почему на ночь глядя уходишь, милый? — спросила Юля. Она не могла знать причину, которая гонит Бурундука в тайгу, и он не посвящал её в свою тайну.

— Не хочу, чтобы зря сплетничали про тебя.

Юле непонятна была его логика.

— Это хорошо, когда чужой мужчина хочет женщину с двумя детьми, пусть завидуют, я сама всем расскажу.

— А этого совсем делать нельзя! — сверкнув ледышками зрачков сказал Бурундук. — Если хочешь, чтобы я вернулся, молчи о том, что я был у тебя.

— Конечно, хочу! Молчать буду и ждать буду!

— Вот и хорошо! — Бурундук достал из рюкзака большой кусок сала и деньги. — Вот тебе, пока я не вернусь. Купи девочкам хорошую одежду, себе меховые сапоги на зиму и соболью шапку. Хочу видеть тебя самой красивой.

Бурундук торопился — он знал, как волнуется, сидя в избушке, Жмот, как ждёт его возвращения. Если ничего не произойдёт в пути, если он не заблудится и не попадётся ему другой какой праведник-эвенк, чтобы прострелить вторую ногу, то через пару дней они со Жмотом рванут подальше на север, пока не затихнут толки про убийство старухи. А уж потом они оба явятся в Нижнеангарск и вытрясут из Никанора всё припрятанное золото.

Бурундук вышел за посёлок пешком, потом встал на лыжи и подался в сторону зимовья, что стоит на истоке Мамаи.

Вторая половина ноября не отличалась холодами: днём — три-пять мороза, ночью — чуть больше. Зато снегу на перевалах навалило столько, что охотиться с собакой было невозможно. Пушок быстро уставал, плёлся сзади за хозяином по лыжне, виновато поскуливая. Чтобы собаке хватало сил работать по следу, её надо было хорошо кормить, поэтому Кеша не проходил мимо попавшегося на глаза рябчика или другой какой дичи.

Однажды случайно посчастливилось подстрелить кабаргу, бежавшую навстречу по утоптанной лыжне. Мясо было хорошим подспорьем к истощившимся Кешиным запасам. Хотя удача в охоте парнишку не покидала, настроение оставалось неважным. Напряжённое ожидание чего-то страшного не проходило, наоборот, с каждым днём всё сильнее и сильнее нарастало.

После того как Кеша нашёл замёрзшего Жмота, тот стал сниться ему по ночам. Едва охотник засыпал, как перед глазами появлялся отвратительный бородатый чужак. Он тыкал пальцем в Кешу, всегда говорил одну и ту же фразу: «Ты виноват в том, что я замёрз!» Кеша — парень не из трусливых, но когда такие сны повторяются, невольно поверишь в существование души и всяких таёжных духов. Он с неохотой возвращался в избушку. К тому же не было поблизости ни сухостоя, ни речки — дрова и воду приходилось носить издалека.

Охота — это добровольный рабский труд, испытание одиночеством и удачей, проверка на выносливость, терпение, умение... и Бог знает, ещё на какие непредвиденные обстоятельства, которые приготовила тебе судьба. Бороться со всем этим иногда не под силу даже бывалым охотникам. Плюнув на всё, они бегут из леса в посёлок, чтобы хоть день-другой побыть среди людей, успокоиться, набраться твёрдости духа и силы воли.

Кеша впервые охотился один, без отца. И хотя в жилах у него текла кровь настоящего охотника, побеждать одиночество он ещё не научился. Парень любил тайгу, горы, но особую любовь питал к ручьям и речкам. А среди рек ближе всего ему была Мама, в верховье шумная и быстрая. Она ещё долго будет сопротивляться наступившим холодам. Лишь в декабре, обессиленная, закованная в лёд, наконец-то, сдастся морозу. С обыкновенной удочкой, на червяка, Кеша таскал из неё хариусов и ленков. Бывали такие дни в сентябре, когда налавливал столько, что не мог унести. Ему нравилось бродить по её диким берегам, сидеть у жаркого костра, пить чай и под шум реки мечтать. А мечтал он о хорошем ружье с оптическим прицелом, мечтал стать чемпионом народов Севера по стрельбе. Зверьё тоже к речке сбегается. Густые прибрежные заросли не только хорошее укрытие, но и пожить там найдётся чем. Особенно, когда на хребтах и перевалах толстый снежный покров, который выгоняет копытных к подножию гор, в пади и распадки, на болота и в поймы рек.

Теперь Кеша мог идти в верховье Мама. Опасность, казалось бы, миновала: Жмот мёртвый, бояться некого. Разве Бурундука, дружка его, — вдруг вернётся? Кеше он, наверняка, не обрадуется. «Он, может, и разговаривать не будет, и доводы мои выслушивать не станет. В тайге, где нет свидетелей, встреча с Бурундуком ничего хорошего не сулит и может закончиться трагически как для меня, так и для него. Если Бурундук вернётся в зимовьё, сниму капканы и уйду в посёлок. Если нет — пробуду в тайге до конца ноября», — размышлял Кеша. Добытую пушнину он упаковал отдельно в полиэтиленовый мешок, решив временно спрятать в потайном месте.

Первое и очень важное приобретение охотника — это выносливость, которая является ключом к выживанию в таёжных условиях. Кеша этим качеством в свои шестнадцать лет обладал. Он мог часами, без отдыха, бродить по тайге, преодолевая подъёмы, спуски, завалы, чащобники, глубокий снег, умел побеждать смертельную

усталость. Этот секрет передавался у северобайкальских эвенков из поколения в поколение. Свернувшись в позу младенца и пробыв в таком положении двадцать пять минут, охотник восстанавливал свои силы полностью и снова был готов отмерять тяжёлые километры. В еде парнишка был непритворлив, но, как и всякий зверь, при возможности ел досыта, но хлеба из экономии потреблял мало. На охоте основной его пищей было мясо. В ход шли белки, рябчики, кабарожки, косули и даже кедровки. Мясо он всегда поджаривал на огне и редко когда варил. Чай пил с настоем из листьев или веток смородины, брусники, чабреца, рододендрона или малины, и только свежесваренным.

Перед уходом из зимовья Кеша оставил запас дров на двое суток, спички, соль и овсянку, спрятанную от мышей в жестяную банку. Перед дорогой сварил собаке мясо кабарги. Оставшиеся продукты, боеприпасы, ружьё и кое-какую охотничью снасть забрал с собой. Переселение из одного зимовья в другое Кеша начал с утра пораньше. Сидя у двери, Пушок следил за сборами хозяина. «Впереди тяжёлый переход, и кто знает, чем этот переход закончится», — сказал Кеша, глядя на своего верного спутника.

На путике, которым Кеша прошёл две недели назад, не осталось следа. Старые затёсы потемнели, запылили смолой и стали малозаметными. Но тот, кто проложил путь, сверял нужное направление по известным одному ему приметам, коими служили спуски, подъёмы, ручьи, речки, скалы и вековые деревья. Проходя мимо приметного места, охотник знал, какое расстояние прошёл от зимовья и сколько ещё осталось идти.

Кеша остановился передохнуть у скалистой вершинки на перевале. На скале на уровне человеческого роста виднелись две вертикальные черты, начерченные углём. Это значит, что от зимовья он прошёл десять километров. Конечно, Кеша мог бы ещё столько же шагать без отдыха, если бы не Пушок. Идя по свежей лыжне позади хозяина, он то и дело проваливался, между подушечек на лапах намерзали ледышки. Обкусывая их, Пушок слюнявил шерсть, отчего ледяные катышки намерзали ещё больше.

Пройти предстояло ещё двадцать километров, а у собаки на левой задней лапе начал кровить коготь. «Давай-ка, Пушок, перевяжу тебе рану. Не буду же я тебя на плечах нести». Кеша обработал йодом ссадину, из которой сочилась кровь, и тщательно замотал синей изолентой. Пушок пытался оторвать её зубами. «Я же сказал, что не понесу тебя на плечах, потерпи! Вот тебе отвлекающая косточка, погрызи». Собака переключилась на кость и забыла про больную лапу, тогда только охотник поднялся и зашагал дальше по хребту среди кедровника. Теперь приходилось то и дело оглядываться назад — следить, чтобы Пушок не сорвал повязку.

Утро было зябкое. При чистом небе дул резкий, пронизывающий ветер, отчего по тайге волнами прокатывался то угасающий, то нарастающий гул. Кеша знал, что к вечеру ветер пригонит непогоду, но к тому времени он уже пересечёт последнюю падь, от которой останется час хода до зимовья.

Пушок все чаще останавливался, ложился на снег и скулил. Поняв, что дойти до зимовья в один день не удастся, Кеша решил устроить ночлег у стоявшего на полпути векового кедра. Толстый, в три обхвата, ствол его наполовину был парализован. Из-под отвалившейся коры мышцами Геркулеса выпирала закрученная в узлы и наросты засохшая древесина. Обломавшиеся мелкие сучки костылями торчали по всему стволу. Большие сучья, как и вся вершина, словно язвами, пещ-рилами углублениями и дуплами, проделанными на протяжении столетий дятлами, боровшимися за жизнь великана. Часто в этих дуплах прятались от преследования собак баргузинские соболя, но никто из охотников не решался ради добычи зверька поджигать кедр.

Ещё будучи маленьким, Кеша слышал немало рассказов о старом кедре. С уважением и восторгом подошёл к нему как к старому знакомому. Парнишка долго стоял с задранной сверху головой, общаривая глазами толстенный ствол и раскинутые в

стороны могучие сучья. Метрах в десяти, чтобы не поранить корни дерева, неизвестным охотником была выложена печь из дикого камня. Кеша расчистил снег, натаскал сушняка и пихтового лапника. Пушок лежал на мягкой подстилке и умными глазами следил за работой хозяина. «Завтра повезу тебя на волокушах, — думал Кеша. — И без того отец ругать меня будет, скажет, что испортил собаку. Ты, Пушок, хорошая собака, так что придётся везти тебя, хочу того или нет. Пока ты будешь отлёживаться в зимовье, я буду промышлять капканами и по следу».

Лет пять назад ему уже приходилось вывозить из тайги лайку-соболятницу Курума на волокушах. Охотничью собаку в тайге не бросит ни один охотник. Не потому, что больших денег стоит, а потому, что хорошие собаки так же редки, как и хорошие охотники.

Бурундук возвращается

Бурундук шёл на лыжах, сильно хромая. Он опирался на обе палки, подтягивал больную ногу и, преодолевая боль, двигал её вперед. Особенно трудно давались подъёмы — с тяжёлым рюкзаком и больной ногой не очень-то разбежишься по заснеженным лесистым горам! Но он шёл с завидным упорством и хорошим настроением. Убийство старухи Бурундук не считал преступлением. По его представлениям, чего Матрёна хотела, то и получила. Сказала бы, где спрятано золото, осталась бы жива. Да и на его совести на одно убийство было бы меньше.

Силы придавала надежда на скорую встречу с другом — единственным близким здесь в тайге человеком. «Вот уж обрадуется Жмот, когда узнает про золото! — размышлял он. — Это тебе не дешёвка — российские рубли, похожие на разбавленное молоко: чем дольше хранишь, тем становятся дешевле. Золотишко всегда в цене, перед ним закон молчит, все двери открываются без ключа».

Бурундук уже не сожалел, что ему прострелили ногу. Поистине, не было бы счастья, да несчастье помогло. Не ранил бы его эвенк — не попал бы в больницу, не попал бы в больницу — не встретил бы Никанора, не узнал бы про золото. Так и шагал он с этими мыслями. Иногда только в них впутывалась Юля. «Если бы не был в бегах, женился бы. Сила жены в ласке и любви. Таких мужья любят, за таких жизни не пожалеют. Юля и есть такая. Она мужа не выдаст, убийца он или герой, она за него в голод и в холод, через леса и горы пойдёт. Я благодарю Бога, что надоумил меня дать ей денег — мне они в тайге ни к чему, но хоть одной живой душе сделал доброе дело. Прости меня, Юля».

Остаток ночи Бурундук решил провести на перевале у горелого кедра, где подстрелил его эвенк. Перед глазами встала неприятная картина: зябкая ночь, костёр, возле которого, скрутившись собачонкой на морозе, спал уставший юный охотник. И он, Бурундук, с чёрным замыслом крадётся в ночи с ножом в руках, чтобы убить невинного мальчонку. Ничего того, что произошло, могло и не быть, а вышло бы всё по-другому, кабы не спасла пацана собака.

Время перевалило за полночь. Звёзды мерцали иглистыми холодными снежинками на тёмном небе. Где-то верхом проносился ветер. Совсем рядом, за лесистой вершиной, из чрева хребта-динозавра выкатилась снежным комом луна, осветив перевал ярким серебристым светом. Жарко горел сухой выворотень, возле которого пристроился Бурундук. Он настолько выдохся, что не в силах был вскипятить чай. Если бы не раненая нога, он прошёл бы большую часть пути. Конечно, если бы лежал на больничной койке, рана зажила бы через неделю, а теперь надо довольствоваться тем, что есть.

Усталость и сон брали своё. Снились ему кошмары. Виделось, как ярким пламенем горит вековое дерево и огонь вот-вот поглотит его, он пытается бежать, но не может оторвать ног от земли. И тут невесть откуда появился эвенк. Он презрительно смотрит на Бурундука узкими, словно прорезанными осокой, щёлками глаз. В руках у него ружьё. Бурундук не успел крикнуть, как бичом стеганул выстрел малопульки. Раненый, он падает на четвереньки, пытается уползти в безопасное место, но неведомая сила кружит его вокруг горящего кедра.

Тяжело дыша, в поту, Бурундук вскочил на ноги, но, поняв, что это всего лишь сон, подложил в костёр дров и устало повалился на лапник. Он старался отвлечь себя от неприятных мыслей, да не тут-то было.

Вспоминалась старуха. Ведьма старая, так и не дала наводку, где схоронила золото! Конечно, Бурундука это не очень расстроило, он был уверен, что вместе со своим дружкой Жмотом найдёт способ, как разгадать этот ребус. Как там в «Коньке-Горбунке», говорится? «С золотишком-то, сам знаешь, и попьёшь, и погуляешь». Сейчас, думал Бурундук, у него есть повод для хорошего настроения — жратвы полный рюкзак, нога скоро заживёт, завтра не позже, как в три часа дня, он попадёт в лесное жилище и на радостях дерябнет со Жмотом бутылочку спирта, которую позаимствовал без спроса в больнице.

Усталость и сон оказались сильнее боли. Спустя минуту голова его уткнулась в колени и он безмятежно захрапел.

К истоку Мамы

Кеша срубил две небольшие пихты, соединил их перекладинами — получились хорошие волокуши. К перекладинам он приторочил завёрнутого в телогрейку, со связанными лапами Пушка, после чего закинул за плечи тяжёлую понягу, пропустив от шеи к подмышкам выполнявшую роль чересседельника, запрягся в волокуши и зашагал уверенной походкой, широко скользя на лыжах по медленно снижающейся покати. Чистый таёжный воздух и лёгкий ноябрьский морозец подбадривали его. Мягко поскрипывал под ногами ещё не слежавшийся глубокий снег, а в синеве неба куда-то плыли похожие на белых баранов разрозненные кучевые облака. Вокруг, насколько видит глаз, раскинулась тайга со своими тайнами и обманчивой тишиной.

Пушок повизгивал не от того, что ему было плохо ехать, а от того, что не мог смириться со своим положением больного. Оно и понятно, совесть заедала. Как так — лучший соболятник едет на собственном хозяине, вместо того чтобы искать дичь! «Терпи, Пушок, не пинками пинают. Пусть и связанного по четырём лапам, но везут. Слабых тайга не жалеет. Тот погибает, кто надеется на авось, пренебрегая её неписаными законами. Я друг тайги, она мне помогает, Жмот — враг, она его погубила. Рано или поздно тайга приберёт к рукам и его дружка Бурундука. Дух тайги воздаст ему по заслугам».

Один за другим оставались позади таёжные километры. Чем ниже с перевала спускался Кеша, тем тоньше был снежный покров. Через полтора часа он оказался в знакомом еловом распадке, откуда рукой подать до истока Мамы. Юный охотник всё чаще вглядывался в чащобник, прислушивался к лесным звукам, но не звериные шорохи и не следы животных его интересовали. Чем ближе он подходил к зимовью, тем тревожнее становилось на душе. «Вдруг в избушке хозяйничают непрошеные гости? В лучшем случае, они отберут ружьё и пушнину, оставят без продуктов и вытолкают на все четыре стороны. В худшем — избьют или убьют вовсе. Надо обнаружить их раньше, чем они тебя, и принять верное решение. Непрошенный гость в тайге опаснее шатуна».

Меж деревьев просматривался старый лыжный след. «Жмот прошёл, других следов не было», — определил Кеша. Это немного успокоило. Он развязал Пушка, осмотрел лапы и пришёл к выводу, что оставшиеся пару километров тот преодолеет самостоятельно.

В зимовье на столе лежала записка. Жмот писал своему другу: «Бурундук, приканаешь в хавиру, куда не рыпайся, я скоро буду». Внутренний голос подсказал Кеше, что нужно сохранить записку. Прочитав её, парнишка положил бумажку на видное место. В избушке стоял удушливый запах табачного дыма и мочи. Кеша не нашёл запасов соли и спичек, не было в избушке ни одного полена, чего таёжный обыватель никак не допустит. Такие они, чужаки, живут одним днём и думают только о себе.

Уже потемну Кеша наготовил дров на ночь, сварил белок для себя и вермишель для Пушка. «Ну, дружок, стереги хозяина, я посплю мал-мал с дороги». Мёртвым сном Кеша проспал до утра. Чуть свет он был уже на ногах.

Стояли погожие дни конца ноября — лучшее время капканной охоты. Грех упустить это время. Кеша не стал привязывать Пушка к нарам, а просто запер его в избушке. «Если зайвится чужак, Пушок воспользуется моментом и выскочит в открытую дверь. По следу найдёт меня в лесу, и я буду знать, что в зимовье кто-то есть», — размышлял юный охотник.

Когда Бурундук, наконец, увидел из-за деревьев лесное жилище, в котором прожил с дружкой несколько месяцев, до захода солнца было ещё с полчаса. Воровская привычка научила Бурундука осторожности. Не доходя шагов семьдесят до избушки, он спрятался в густом подлеске и некоторое время наблюдал за дверью. Но вокруг не видно было ни души, не слышно ни шороха, ни другого звука.

Когда он подошёл ближе, увидел свежий лыжный след, уходящий в глубь тайги. «Смотался на охоту», — подумал о дружке Бурундук, но тут вдруг услышал шорох внутри избушки, кто-то скрёбся в дверь. «Похоже, повязали кого-то... А вдруг это ловушка?!» — насторожился бандит. Поколебавшись, он осторожно подобрался к двери, шибанул ногой подпорку. Дверь распахнулась, и, чуть не сбив его с ног, вырвался на волю Пушок. Ни на секунду не задерживаясь, он рванул по лыжне в глубь леса.

Бурундук не успел опомниться, как собаки и след простыл. В голову полезли всякие нехорошие мысли. И кто знает, какое решение он принял бы, не найди известного содержания записку, оставленную его дружком. Бурундук несколько раз перечитал текст, коряво написанный рукой Жмота на развёрнутой сигаретной пачке «Прима». Он никак не мог взять в толк, откуда взялась собака, ведь в записке о ней ни слова? «Эта псина похожа на ту, которая схватила меня за руку. Конечно, утверждать не берусь, в свете костра мог не разглядеть», — размышлял Бурундук.

В неведении он оставаться не мог — не в его это правилах. На следующий день, едва дождавшись рассвета, бандит собрал рюкзак с продуктами, взял двустволку, полный патронташ и по хорошо заметной лыжне подался в дорогу, рассчитывая, что след приведёт к разгадке.

Пушок прибежал к хозяину уже глубокой ночью, поскрёб лапами в дверь. Кеша, проснувшись, впустил его в тёплую избушку. Радостно было, что собака цела и невредима, но тревожило возвращение Бурундука, от которого можно ожидать только самого плохого. Остаток ночи Кеша промаялся в раздумье, а на рассвете, собрав понягу, решил идти домой. На полпути между двумя зимовьями, у старого кедра, у Кеши была спрятана пушнина. Надо было забрать её и оттуда напрямую через перевал идти в посёлок. Парнишка, конечно, не мог знать, что в это утро ему навстречу шёл по путику Бурундук.

Юный охотник привык к аккуратности. Прежде чем покинуть зимовье, он заготовил на двое суток дров, оставил спички, крупу, соль, свечу, подпёр дверь, чтобы ветер

не распахнул её и не забрался внутрь шатун или росوماха. Потом парнишка спрятал в потайные лесные кладовки капканы. «Кажется всё, Пушок, можно отчаливать домой», — сказал он собаке, которая спокойно наблюдала за сборами.

В начале второй половины дня Кеша был уже у старого кедра. Он тщательно упаковывал в льняной мешок соболю и беличьи шкурки и привязал его к поняге. Перед дальней дорогой развел костёр. Не успел охотник подвесить котелок с родниковой водой над огнём, как Пушок вдруг сорвался с места и с лаем бросился к лыжне. Из-за густого кедровника показался тяжело идущий человек с рюкзаком и ружьём за плечами. До идущего было не более сотни шагов. Кеша нутром почувствовал приближающуюся беду.

Бурундук, наученный горьким опытом, не медля ни минуты, сорвал с плеча двустволку и выстрелил в собаку, которая, потеряв осторожность, подошла к нему слишком близко. Пушок жалобно заскулил и, приволакивая зад, повернул к хозяину, но второй выстрел оставил лежать его на месте. Бурундук, возбуждённый происшедшим, в спешке перезарядил двустволку и направился к старому кедру, за которым укрывался Кеша.

— Выходи, щенок, на этот раз я из твоей башки мозги вышибу! — Бурундук остановился метрах в тридцати от кедра, держа ружьё наготове. Кеша пошёл на хитрость. Он подцепил на палку свою шапку и высунул её из-за дерева, слегка пошевеливая. «Если выстрелит, тогда придётся убить его», — думал он.

Едва заметив шапку, Бурундук тут же выстрелил, приняв её за голову эвенка. Ссекая ветки и отшибая куски коры, просвистела картечь. Шапка, как сражённая глухарка, упала к ногам охотника. В ней зияли три сквозные дырки. Прикрываясь стволом могучего кедра, Кеша метнулся к лежавшему рядом камню. Бурундук его не заметил. Все ещё думая, что эвенк прячется за вековым кедром, он приближался к нему, не спуская глаз с дерева.

Кеша занял боевую позицию за выступом камня. Он не боялся бандита, не думал о том, что может быть убитым, как его собака. Юный охотник был решительно настроен на смертельную схватку, потому что никакого выхода не оставалось.

Кольцевая мушка «Белки» держала в кружочке прицела голову бандита, осталось только нажать на спусковой крючок. Кеша медлил — вдруг бандит предложит мировую? Однако надеялся он напрасно. Полный решимости отомстить эвенку за дерзость, бандит решил прикончить его здесь, в тайге, без свидетелей, как прикончил соболятницу-лайку. Выстрелы гремели один за другим.

Кеша понял, что если он не убьёт бандита, тот убьёт его. Он ещё сильнее прижал к плечу приклад. Дрожали руки, не поддавалось контролю дыхание — стрелять в человека непросто, пусть он хоть трижды бандит. Но остановиться парнишка уже не мог. Поймав в прицел правый глаз ненавистного Бурундука, он нажал на спуск. Глухо, как из игрушечного пистолета, щёлкнул выстрел из верхнего малокалиберного ствола, и бандит, уже смертельно раненный, запоздало вскинув руки кверху, тяжело повалился на снег.

Кеша едва поднялся на ноги, они были как чугунные. В висках кипятком хлопотала кровь, в голове путались жуткие мысли, а сердце стучало так сильно, что юноша судорожно хватался за грудь руками, дабы оно не выскочило наружу. Юный охотник не сомневался, что попал туда, куда целился, — с такого расстояния он без труда попадал белке в глаз.

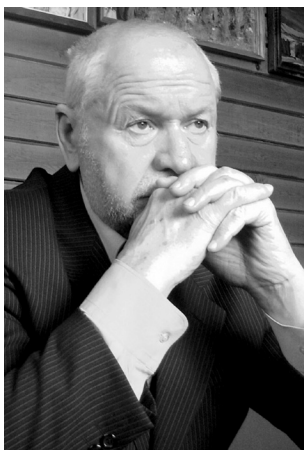
Закинув понягу за плечи и не оборачиваясь назад, где скрючившись лежал убитый Бурундук, охотник быстро зашагал по лесистому хребту на юго-запад, туда где на синем небе чётко виднелась белая пирамида вершины Байкальского гольца.

Километрах в восьмидесяти по прямой, почти у самого подножья, стоял родной Кешин посёлок, где с нетерпением ждал возвращения сына старый охотник.

ПОЭЗИЯ

ВАСИЛИЙ СКРОБОТ

Позову-ка я в гости друзей

* * *

Опять меня испытывает жизнь,
Опять судьба безжалостно мотает.
Уже весна, и снег неспешно тает.
Твержу себе: «На Бога положись!»

И я свою не замечаю боль,
Смиряюсь, говорю себе: «Не сетуй!
Ведь ты немало побродил по свету,
Поэтому не сыпь на рану соль».

С надеждою встречаю я рассвет,
Как и везде, он наступил в больнице.
Встревоженные проплывают лица,
А я библейский повторю завет...

Подумаю о близких, о родных,
О жизни до мгновенья скоротечной,
О Божьем смысле, о добре сердечном
И о терпенье, главном для больных.

СКРОБОТ Василий Александрович, поэт. Родился в 1941 г. в с. Андрюшино Куйтунского р-на Иркутской области. Автор книг: *Я радуюсь весне* (Иркутск, 1990); *Добротой поделиться* (Братск, 1991); *Моя судьба* (Братск, 1998); *Я дверь не закрываю никому* (Иркутск, 2001); *Моя родня: очерки* (Братск, 1998), *Повиниться хочу* (Иркутск, 2009) и др. Член Союза писателей России.

Пока могу

Родным я помогаю,
как могу,
поддерживаю нужными словами.
Конечно, жаль,
что не всегда я с вами,
но даже в мыслях вас я берегу.

Я детям помогу,
пока могу...
Возможно, укажу я им дорогу.
Она у них своя,
но хоть немного
советом добрым всё же помогу.

Я внукам помогу,
когда смогу.
Теплом своей души я их согрею.

Они со мной
становятся мудрее.
И сам я рядом с ними не солгу.

Родному человеку помогу,
Пока я ваш,
пока мне сердце служит!
Меня метель полярная закружит,
и я следы оставляю
на снегу.

Я миру помогу,
пока могу,
пока дышу, пока душа живая,
пока моя любовь не убывает...
Всей жизнью,
всею кровью помогу.

* * *

Я часто думаю,
Что всё уже прошло —
Дожди промыли мир,
Снега ушли на Север.
И небо стало
Необычно серым,
И солнышко
Как будто не взошло.

А может,
Это всё мне показалось,
И завтра
Распогодится опять.
Я смысл найду —
Мне рано всё терять.
Ведь, может,
Жизнь ещё не начиналась?

* * *

И эти я переживу морозы,
Надену валенки и козушок,
Как никогда,
всю зиму я твёрдый,
Уже забыл, как
пить на посошок.

Собаки от мороза обалдели,
Уверенно командует жена.
Ну, ничего,
даст Бог, придёт весна —
Тогда запью
на целую неделю!

* * *

Я дверь не закрываю никому,
От непогоды каждого укрою.
Беду и радость я всегда пойму,
Ну и, конечно, в доме стол накрою.

Что Бог послал, вот тем и угощу.
А что не так, заранее простите.
И я, поверьте, многое прошу,
Но только вы с душою заходите.

Как жаль...

Как жаль, что мы беднеем и беднеем,
Беднеем без любви и доброты.
И наши души стали холоднее,
Забыли «Вы» и перешли на «Ты».

Нам стало стыдно улыбаться встречным,
Тем более, от нежности краснеть.
Я понимаю, что никто из нас не вечен,
Но кто-то должен этот мир согреть.

Как жаль, что мы грохочем сапогами,
Забыли, как на цыпочках бежать.
Мы стали не рекой, а берегами,
И близких научились обижать.

Мне жаль, но почва из-под ног уходит,
И в жизни я по-прежнему грешу.
К финалу я, конечно же, спешу,
А боль в душе, и горечь не проходит.

* * *

Как никогда февраль заолодил,
И северный подул некстати.
Застыли тени на моей кровати,
Как будто леший снова загостил.

И я от непогоды поник,
Тоска дерёт,
Тоска берёт за плечи.
На небе звёзды
Вспыхнули, как свечи, —
Тоскливо мне
В такой февральский вечер...
Неужто к одиночеству привык?

На погосте

Загрустили над могилами берёзы,
Человеческой не слышно суеты,
И не дождь,
А это с неба слёзы
Омывают скорбные кресты.

Я всегда тоскую на погосте,
Божии неведомы пути.
Я пришёл на эту землю в гости,
Чтоб на небо
в свой черёд уйти.

* * *

Может быть,
Может быть, я не прав.
Что опять на кого-нибудь сетую.
Но, поверьте, все силы собрав,
Я законами совести следую.

Я не хнычу, что мне тяжело,
Никогда никому не завидую.
Много бед и невзгод пронесло,
Но живу я отнюдь не обидою.

Никого не хочу я корить,
Назидательным быть не получится.
Только б душу свою сохранить,
Только б попусту в жизни не мучиться.

И иду я дорогой своей,
То дожди, то снега,
То распутица.
Позову-ка я в гости друзей —
Вечер радости с ними получится.

ЮРИЙ РОЗОВСКИЙ

Святая земля

ОЧЕРК

Во-первых: «Мы успели...»

«Мы успели, в гости к Богу не бывает опозданий», — то ли пел, то ли шептал я слова Владимира Семёновича, удобно устраиваясь в кресле самолёта и счастливо улыбаясь. Вполне допускаю, что улыбка моя выглядела глупо, но тогда я не думал об этом. Да и вообще, о чём я только думал? Не к соседу побеседовать, даже не за семь вёрст киселя хлебать собрались. На Святую землю! Впрочем, наверное, лучше по порядку.

Я Юрий. Мне сорок девять. И я уже двенадцать лет инвалид-колясочник. Но это не мешает. Скорее, наоборот, помогает. Рядом со мной только те, кому я действительно необходим. Я начал писать, говорят, неплохо. Мне дарит свою любовь единственная, которую я ждал всю жизнь. И, главное, я пришёл к Богу. Или Бог пришёл ко мне. Я не просто верю в него. Я точно знаю, два и два сложить умею, Бог есть. Даже так любимая многими «реалистами» теория Дарвина своей полной несостоятельностью доказывает это. Да и чем ещё объяснить чудеса, главное из которых — возникновение жизни? Впрочем, убеждений своих никому не навязываю. Это я к главному пытаюсь подойти.

Отец мой духовный Андрей, настоятель храма во имя Всех Святых, в Земле Российской просиявших, ещё в мирской своей жизни был моим хорошим знакомым. В бытность советскую работали мы в одной организации, причем, ненадолго пережившую своего главного работодателя — СССР. Оба мы были молоды, интересы и увлечения, в силу этого, были близки. А тогда, надо сказать, интересы были проще и чище. Я уволился с работы перед самым распадом «великого и нерушимого». Поболтало меня, поматросило, как и всех, раскрутило и бросило. В 94-м инвалидом стал по болезни. Вскоре и один совсем остался — так мне думалось. Не сломался. Стихи помогли. Все чувства им отдавал, вот и не одурел совсем. А потом судьба вновь нас свела с Андреем — отцом Андреем. Он тоже уволился с работы. В то же время смутное, что и я. Но сделал это не в поисках лучшей доли, а твёрдо решив отдать себя

РОЗОВСКИЙ Юрий Витальевич. Родился в с. Чистоозёрное Новосибирской области. В 1965 г. вместе с родителями переехал в Братск. Первые публикации увидели свет в 2000 г. Издал четыре поэтических сборника: *«Не опаздывайте жить»*, *«Совсем немного до рассвета»*, *«Медовый ветер»*, *«Царь-бобыль и волшебные грибы»*. Публиковался в журналах «Сибирь», «Истоки», «Синильга», «Вертикаль», «Сибирячок», а также в новосибирских, красноярских, иркутских и братских периодических изданиях. Лауреат Сибирского литературного конкурса «Золотая Синильга» имени Геннадия Карпунина в номинации «Проза» (2008). Лауреат конкурсов «Золотая строфа» (2011), «Белая скрижаль» (2011) и «Звезда полей» (2011); победитель конкурса Общества любителей русской словесности имени Л.Н. Толстого (2012), лауреат национальной литературной премии «Серебряное перо Руси» (2012). Член Союза писателей России. Живёт в Братске.

служению, служению Богу. Андрей поступил в духовную семинарию, будучи в браке и имея сына. Мы много потом вспоминали с ним те времена и рассказывали друг другу о дальнейшей своей жизни. Так получилось, что прикипели мы друг к другу, встречались, беседовали о душе и о Боге. Батюшка, так я теперь к нему обращался, и знакомых своих и друзей стал ко мне приглашать. А мне и лучше. И сам много интересного узнавал, и из дома стал выезжать, да и стихи мои слушателей обрели. Кстати, батюшка и сам, как оказалось, неплохо сочиняет...

Открыв очередной раз двери квартиры перед батюшкой, я отъехал, склонив голову в ожидании благословения.

— Я сегодня с гостями, брат Георгий, — опустив руку мне на голову, сказал отец Андрей.

В двери зашли Владыка и ещё один священнослужитель. Поцеловав руку отца Максимилиана, я с интересом посмотрел на третьего гостя.

— Знакомься, Юра, — сказал батюшка, — отец Игорь, диакон.

Гости прошли к столу, и потекла беседа. Оказалось, отец Игорь летел самолётом домой в Иркутск, где и нёс службу в храме Ксении Петербургской. Но погода, как оказалось позже, в этот день сыграла на моей стороне. Иркутск не принимал, и посадку произвели в Братске. Пассажиров разместили в гостинице аэропорта, а отец Игорь позвонил друзьям. Так мы и встретились впервые. Этот бородатый, крепкого телосложения батюшка располагал к себе сразу же. Весёлый и в меру говорливый, он, я думаю, легко пришёлся бы ко двору в любой компании. Оказалось, что послушание отец Игорь проходил в Иркутском центре реабилитации инвалидов Дикуля. Он помогал инвалидам, в том числе и колясочникам, посещать Святую землю и совершать прочие путешествия, что иначе было бы им недоступно.

— Святая земля... Здорово! Вот бы и мне туда, — сказал я просто, чтобы что-то сказать, ни на что не надеясь.

— Готовьте загранпаспорт, придумаем что-нибудь к октябрю-ноябрю, — почти сразу отреагировал диакон Игорь.

Это было весной, ранней.

...Декабрь костяшками своей ледяной длани постукивал в окно. Никаких известий из Иркутска не приходило. Я, конечно, и не надеялся ни на что, о чём постоянно говорил тем, кому успел рассказать про сказочный шанс. Да и себя постоянно одёргивал в своих мечтаниях. Но загранпаспорт с помощью отца Андрея почему-то выправил и, тщательно это скрывая, ждал. И вдруг раздался телефонный звонок. Нет, неправильно выразился, — не вдруг. Звонят мне часто. Это я потом так подумал, когда собеседник на том конце провода спросил:

— Ну что? В Израиль-то поедешь?

Я растерялся. Вот ведь как — ждал, готовился, в голове всё прокручивал, а случилось — заробел. Вместо того чтобы ответить батюшке «да», замямлил что-то о здоровье, о согласовании с врачами и женой. И — положил трубку. И вот тут-то до меня дошло, тут-то я и испытал липкое чувство страха. Неужели я отказался? Вдруг уже не предложат ехать, никуда и никогда?! Чтобы хоть как-то оправдаться перед самим собой, заговорил с женой:

— Может, правда, не стоит? Нет, ну, правда, Лида! Да и врач не разрешила бы...

— Ты же всю жизнь жалеть будешь, — справедливо заметила жена.

— А врачу сейчас позвоним.

Всё и решилось. И отец Андрей перезвонил. Супруга быстро собрала в дорогу, с женской непреклонностью заставив взять с собой пуховик и зимние сапоги (это в Израиль-то!).

В Иркутск приехали уже вечером. Созвонились с отцом Игорем, подобрав его где-то на городских улочках. Так как самолёт отлетал утром, решили воспользоваться гос-

теплыми иркутян и заночевали в Центре Дикуля. На мой вопрос: «Где остальные из группы?» отец Игорь ответил: «Завтра в аэропорту встретимся». Ну, завтра так завтра. И я, уткнувшись носом в подушку, засопел.

Ещё затемно поехали в аэропорт. Зимнее утро встретило нас сибирским морозцем. Но что сибиряку мороз, когда он в пуховике! Инвалиды в иркутском аэропорту осуществляют посадку в самолёт почему-то через медпункт. Там я и встретился ещё с одним счастливым инвалидом. «Николай Андреевич», — представился он всем. И, несмотря на то, что у него ног не было совсем и на левом глазу была повязка, он будто светился. Я потом узнал от него, что, работая в каком-то забайкальском приходе чтецом, он тоже случайно узнал об отце Игоре, списался с ним и, спустя год, собрался на Святую землю. И столько было радости в его единственном глазу, что она освещала всех окружающих. В медпункте нас собралось шесть человек: отцы Андрей и Игорь, сын отца Андрея и друг отца Игоря, ну и, собственно говоря, мы — два счастливых инвалида. Я тепло попрощался с батюшкой Андреем, и они с сыном оставили нас. Некоторое чувство одиночества, на миг посетившее меня, тут же и исчезло. Впереди ждали новые встречи, новые знакомства и новая, пусть совсем короткая, но богатая событиями жизнь. «Интересно, — подумал я, — чем занимаются сейчас остальные члены нашей паломнической группы?» Мысленно я уже знакомился с ними. «В самолёте пообщаемся», — решил я и улыбнулся в бороду. Ах, да! Совсем забыл сказать. Я решил отпустить бороду. Нет, совсем не из суеверия, как поступают некоторые спортсмены и иже с ними. Просто так мне представлялся образ русского паломника. То, что удалось насобирать на лице, ещё бородой не было, но уже изрядно щетинилось. Оставшись в медпункте четвером, мы быстренько перезнакомились. Трёх членов нашей компании я вам уже ненавязчиво представил. Четвёртым был друг диакона.

— Александр Владимирович Гагаркин, вольный каменщик. Мой верный друг и надёжный помощник, — отрекомендовал его отец Игорь. — Нисколько ни масон, а действительно с камнем работает.

Уже в начале наших странствий стало ясно, насколько Александр Владимирович неординарный человек. Ну об этом потом. А пока он отличался от нас только своей возмутительной безбородостью.

Время шло, а никто за нами не приходил. От вынужденного безделья мы даже на весах меня в килограммах измерили. В пуховике, сапогах и с коляской вместе, я крутанул стрелку весов к цифре 124. Даже если убрать лишнее, ближе к центнеру. Весомое известие.

Наконец пришли за нами носильщики. Описывать процесс перемещения ими меня в самолёт не стану, по этическим соображениям. Одно запомнилось: с трудом дотащив меня до первого ряда эконом-класса, буквально уронив на первое же кресло, один из них, еле дыша, изрёк:

— Тяжёл ты, отец!

Так и не понял: из-за бороды или из-за «тяжёл» стал я отцом? Сидя на первом ряду, я снова не увидел никого из своей группы. Ну, теперь уж в Москве.

Пять с половиной часов полёта пролетели, извиняюсь за каламбур, незаметно. Хороший сервис и непродолжительный сон сократили расстояние. По обе стороны от меня расположились молодые мамочки с детьми, и я чувствовал себя мудрым дедом в окружении внуков.

Москва — это уже даже не Иркутск. Там, надо понимать, культурнее как-то: и узкое кресло на колёсиках, чтобы инвалида между рядов везти, и автомобиль с подъёмником для водворения одного в самолёт и обратно. Два специально обученных работника сопровождают до зала ожидания и потом производят посадку на следующий рейс. Ожидая самолёт в Израиль, я узнал интересную новость: оказывается, никакая группа с нами не летит. У всех вдруг перед отлётом нашлись причины отка-

заться. Так что мы, как истинные паломники по Святым местам, будем передвигаться одни, вчетвером.

Два часа ожидания и четыре часа перелёта остались позади, и вот мы уже в аэропорту Бен-Гуриона.

Этот аэропорт считается самым безопасным в мире; забегая вперёд, скажу, что мы в этом убедились на обратном пути. А пока чувство эйфории заглушало все другие чувства и глазам виделось только хорошее. Хорошие люди получали багаж вместе с нами. Хорошие полицейские хорошо смотрели на прилетевших и на встречающих. И всюду встречались хорошие евреи: в меховых шапках и без них, с пейсами и без, в окружении бесконечных родственников и совершенно одни (так по-хорошему одни).

Отец Игорь и Александр Владимирович поспешили взять напрокат автомобиль, так как была суббота и у хороших евреев Тора предусматривает Шаббат, т. е. воздержание в седьмой день тамошней недели от всяческой деятельности. Вполне можно было остаться без средства передвижения. А на общественном транспорте, с нашими грандиозными планами, не поездишься — хлопотно и дорого.

— Ну, слава Богу, успели! — радостно сообщил отец Игорь. В моей голове автоматически щёлкнул тумблер, завертелась бобина, и Владимир Семёнович запел: «Мы успели...» Усилием воли я нажал клавишу «стоп» и продолжил слушать.

— Значит, так, — сказал диакон, — сейчас я вам покажу грейпфрутовый сад, здесь недалеко, прямо на территории аэропорта. Отдохнём там и поедем паломничать.

Сгрузив весь багаж на тележку, а тележки там повсюду, мы отправились в сад. Солнце над Тель-Авивом, весело моргая лучиками, подсматривало, как паломники из России кушали очень сочные и почти не горькие, красные внутри бен-гурионовские грейпфруты. Отец Игорь был здесь уже семнадцатый раз и, как профессиональный гид, прямо от садовых скамеек начал обзорную экскурсию. Ладонь его двигалась от одного куска открывающейся из сада панорамы Израиля к другому. И повсюду происходило что-то возвышенное, везде ступала нога святого.

Во-вторых: «Ослик»

— Ну что, господа паломники, пойдёмте поищем нашего коня, — предложил диакон.

Собрав остатки фруктовой трапезы, с целью утилизации их в ближайшей урне, отправились мы в пункт проката машин. Проходя мимо выставленных в ряд красавцев иностранного автопрома, я тщетно пытался угадать нашу машину. Каждый раз, когда мой взгляд услаждал какой-нибудь четырёхколёсный красавец, мы шли мимо. Где-то в середине автомобильного строя мы, наконец, остановились. Здесь легковушки были попроще, но вполне подходящие для четвёрки непритязательных паломников. Но я снова поторопился. Видимо, просто не учёл, что Святая земля изобилует чудесами, на ней происходящими. Прямо у выезда со стоянки это чудо нас и ждало. Широко раскрытыми от ужаса глазами-фарами, и вздыбившись по-кошачьи маленьким салом на нас и на нашу поклажу, вопросительно взидала машина. Опять преувеличиваю — машинка. Размером она была сопоставима с легендой советских малолитражек производства Запорожского автомобильного завода.

— Нам что, всем — сюда?! — полубопытствовал я

— Ничего, ничего, — приговорил отец Игорь, внимательно осматривая и ощупывая взятый им напрокат автомобильчик.

— Оно, конечно, ничего. Но обещали коня, а тут ослик, — съязвил я.

— Говорят, в «Запорожец» двадцать человек запихнуть можно было, — подбадривал он то ли нас, то ли себя. — А нас — всего четверо...

— И коляски — две, и багажа — на пятерых, — добавил я здорового сарказма.

— Всё, чем могу, — улыбнулся то ли виновато, то ли задорно батюшка. — С молитвой и со смекалкой всё сладится.

Да, всё и сладилось! Будто чувствуя себя виноватым, «Сузуки», так звали нашего «ослика», широко распахнул боковые двери и багажник. Мне даже на миг и в самом деле представился ослик, услужливо подставляющий спину. Отец Игорь, перекрестившись и пророкотав «Отче наш», вместе с Александром Владимировичем взялись за дело. Говорят, не отрываясь, можно наблюдать за течением воды, горением огня и хорошей работой. Поэтому попытаюсь живописать хорошую работу. Мне не жалко — наблюдайте!

Я уже говорил ранее, что отец Игорь крепкого телосложения. Но я преуменьшил: телосложение у батюшки могучее. Поэтому не так уж сложно представить, как он, взяв меня под руки, поднял с кресла и пересадил на переднее сиденье автомобильчика. Со вторым инвалидом, Николаем, было ещё проще, так как он и весил-то чуть больше шестидесяти и мог сам передвигаться на руках. Он располагался слева, сзади. Затем у наших колясок снимались колёса и ставились между передними креслами. И, наконец, в машину с четырьмя инвалидами, учитывая обезножившие коляски, укладывался багаж. Хлопком дверок, утрамбовав заваленных вещами нас с Николаем, на заднее сиденье втискивался отец Игорь и, уложив на колени оставшееся, подавал мне ремень безопасности. Последним за руль усаживался Александр Владимирович. И его место было единственным, по понятным причинам, не являющимся багажным отсеком. Он пристёгивал наши с ним ремни безопасности и включал зажигание.

Я специально так подробно описываю процесс размещения нас в автомобильчике, дабы это не казалось чудом. Ну и, может быть, чтобы самого себя убедить в этом.

Наш «ослик» весело выскочил из аэропорта и не спеша «засеменял» по израильским дорогам, ритмично помахивая хвостиком выхлопных газов. Я этого, разумеется, не видел. Но и бесхвостого ослика я видел только в мультфильме про Винни-Пуха. Пусть наш «ослик» будет с хвостиком.

Ох уж эти израильские дороги! Нам, с нашими малопроезжими, но многоверстовыми, с расстоянием между соседними указателями не менее десяти, а то и ста километров, было как-то непривычно тесно на них. Первым пунктом паломничества, по плану нашего проводника-батюшки, был арабский пригород Тель-Авива Яффа. «Ослика» не прищипоривали, но глаза всё равно не успевали за мельканием дорожных знаков, разметки и указателей населённых пунктов. В результате, выехав в правильном направлении, мы очень скоро потерялись. Оно, конечно, если бы тайга, болота да буреломы... Тогда что ж!.. А тут ни затёсочки на сосне, ни просеки, ничего глазу привычного. Да и гид наш из-за багажа пути почти не обзирал. А дорог много, все под номерами, все в разные стороны петляют. Пока петляли, батюшка нам о пейзажах открывающихся рассказывал, о евреях и арабах, об истории Израиля и Палестины. А посмотреть, надо сказать, было на что, да и слушать было интересно. Слева и справа сменяли друг друга сады и плодоносящие поля, подсказывая нам, что мы уже не в черте города.

— Когда в 1948 году ООН образовывала Израиль как самостоятельное государство на территории Палестины, здесь были болота, — рассказывал отец Игорь. — А не болота, так пустыни. Всё евреи осушили и оросили. Кибуцы создали — колхозы еврейские. Не советские колхозы, а настоящие. В Израиле члены кибуцев люди уважаемые.

Глядя на дело рук израильских колхозников, я тоже испытал к ним чувство уважения. Не знаю, сколько бы мы ещё плутали и любовались садами, но батюшка решил ориентироваться по солнцу. И это дало свои результаты. Когда солнце уже окунало тело своё в Средиземное море, мы въехали в Яффу.

— Яффа — древнейший город-порт Израиля. Паломники именно через Яффу направлялись в Иерусалим, — продолжал наш персональный гид.

Средиземное море дышало холодным для здешних мест зимним ветром. Тут-то я и вспомнил с радостью, что Лида меня заставила взять пуховик. Солнце нырнуло в море с головой, и воздух стремительно остывал.

— Пора уже и чрево успокоить, не вкушавшее сегодня благ земных Христовых, — сказал батюшка. — Вот замечательная лавочка у моря. Прошу.

И, быстро выложив на неё нехитрый наш ужин, любезно предоставленный нам компанией «Аэрофлот» ещё в полёте и прозорливо нами поделенный и сэкономленный, пригласил всех к столу. Мы, обдуваемые прохладным ночным дыханием Средиземного моря, с молитвой приступили к трапезе. Многие ли могут похвалиться тем же? Одна из местных кошек, удивлённая непривычным зрелищем и прельщённая запахами, вальяжно приблизилась. Так как пост Рождественский не позволял нам вкушать скоромного, всё это было любезно предложено госте. Хотя гостями всё же были мы. Кошка милостиво приняла наше угощение, но и только. Попытавшегося погладить её Николая она ударила лапкой по протянутой руке и с подобающим ситуации достоинством удалилась.

— Дикая, — резюмировал оскорблённый Николай.

Перед сном мы решили прогуляться и отправились к стоящему неподалёку католическому храму Святого Петра. Эта прогулка явилась первым, но далеко не последним испытанием ходовых качеств моей инвалидной коляски. Дорога к храму шла в гору, довольно круто. Литые колёса моей «Надежды», предназначенные для паркета, а не для мощённой разнокалиберным камнем дороги, подбрасывали меня и пытались сбросить с сиденья. И только моё нежелание и мастерство отца Игоря, выбирающего дорогу поровнее, не позволяли этому случиться. В брызжущем свете уличных фонарей бликовали отполированные, возможно, ступнями паломников, возможно, сапогами наполеоновских солдат, булыжники прихрамовой площади. Статуи французских гренадеров охраняли журчащие фонтаны и каменные фигурки животных.

На обратном пути к морю нам навстречу вышел мужчина и стал приглашать куда-то. Оказалось, что это хозяин общественного туалета. Увидев инвалидов, он предложил посетить его заведение абсолютно бесплатно. Надо заметить, там были все условия для инвалидов. Впрочем, я не об этом хочу сказать, а о радушии человеческом... Спать мы с Николаем легли в салоне нашего верного «ослика». А батюшка с Александром Владимировичем, взяв спальные мешки, расположились где-то в парке. Ночь была долгой и холодной. В тесном салоне трудно согреться, движения ограничены, от постоянного лежания в одном положении ужасно болит спина. Иногда удавалось забиться коротким сном. А бессонницу я коротал, глядя на ночную жизнь Яффы, благо, машина была припаркована у ночного кафе. Наблюдая за его посетителями, в основном, арабами, пьющими кофе, курящими кальян и мирно беседующими, я дождался рассвета.

Долгожданный приход наших спутников обрадовал меня не меньше, чем восход солнца. Как только отец Игорь открыл салон «Сузуки» и сложил кресло, тем самым придав мне вертикальное положение, жизнь стала налаживаться. Боль в спине исчезла, прогретый солнышком воздух, устраиваясь в открытом салоне, щедро делился своим теплом с нами. И всё было ещё впереди! Размяв на улице одеревеневшее тело, я снова был готов ко всему. Следующим пунктом нашего паломничества стал город Лод (ранее Лидда) и греческий православный храм Георгия Победоносца. Именно в Лидде был рождён низвергнувший Змея, и там же он был погребён. Дождаясь одиннадцати утра, времени открытия храма, мы с Николаем стояли перед его воротами, точнее, сидели на колясках — грелись на солнышке. Батюшка и Александр Владимирович ожидали в машине. Вскоре к храму подошли ещё четверо русских. Не успели мы с ними и словом обмолвиться, как были облагодетельствованы милостыней, всунутой нам в ладони. Было немного неудобно. Но осознание того, что помогаешь

людям творить добро, заставило смиренно принять поданное. Доход, естественно, отданный нами в общую кассу, составил тридцать шекелей. Если по курсу, это 8 долларов, 6 евро, или 143 рубля. Ровно в одиннадцать храм был открыт, и мы попали на литургию. Служба сопровождалась мужским греко-арабским пением. По окончании её нам милостиво предложили исповедаться и причаститься. Спросили наши имена. Николай произнёс первый. «Николас», — повторил батюшка-грек. «Георгий», — сказал я. «Георгиус», — заключил батюшка, положив руку мне на голову. С этого момента и до самого возвращения мы в общении были Николас и Георгиус. Впрочем, это нисколько нас не задевало. Причастившись кровью и телом Христовым — вином и большим куском хлеба, мы были приглашены гостеприимными греками в трапезную на именины святой Варвары. Помолившись над могилой Георгия, находившейся под полом храма и разделённой с ним отверстием, забранным кованой решёткой, мы отправились в трапезную. Греки очень хорошо относятся к нам, русским. В Израиле я в этом убеждался не раз. Хотя, подозреваю, они ко всем так относятся. В трапезной настоятель храма усадил отца Игоря рядом с собой и долго беседовал. Нас хорошо угощали и поднесли по полрюмочки коричневой жидкости, назвав оную квасом. Я был немало удивлён такой малости. Но, попробовав этот «квас», я ощутил терпкий привкус неплохого коньяка. Немного «наквасившись» и попросившись с хозяевами, мы направили «ослика» в сторону Горненского женского монастыря, находящегося в Нагорной местности недалеко от Иерусалима. Дорога, ведущая к монастырю, изобиловала очень крутыми подъёмами. По обочинам её открывался сказочный пейзаж смешанного леса. «Ослик», тяжело пыхтя, карабкался вверх. И мне показалось, что он корит нас.

В-третьих: «В городе кошек»

«Опять кошка! Да ещё и чёрная!» — удивился я. За время пребывания на Святой земле мне ещё не встречались собаки, только кошки. Эта, чёрная, будто прочитав мои мысли, поспешила скрыться за рясами двух монахинь Горненского женского монастыря.

Была суббота — Шаббат. Многие евреи едут за город, в том числе и по святым местам. На дороге, ведущей к монастырю, образовалось скопление машин и израильтян, для которых его окрестности являются одним из любимых мест отдыха, к тому же от Иерусалима всего-то в четырёх километрах. Но наш «ослик», пользуясь своими небольшими размерами, ловко проскальзывал между габаритными, семейными минивэнами и внедорожниками, затащил нас на гору. Перед русскими паломниками были распахнуты ворота, и мы въехали на территорию. Освободившись от седоков и поклажи, «ослик», тяжело дыша, пользовался короткой передышкой. Нам тоже хотелось размять косточки. Отец Игорь катил мою коляску по асфальтированной внутримонастырской дороге и по его мощеным площадкам и дворикам. Надо сказать, что окружающее нас великолепие радовало глаз. Я всегда удивлялся красоте православных храмов и церквей, особенно русских. Хотя, что я видел кроме русских храмов, церквей и часовенок? Я попытался сравнить их с виденными мною здесь греческими храмами. Нет, наши всё-таки лучше, величественней.

— Купола храма во имя Всех Святых, в Земле Российской просиявших, были покрыты позолотой только в 2009 году, — продолжал знакомить нас с монастырём батюшка.

— А здесь что? — полюбопытствовал я, проходя мимо небольшой каменной постройки, в которую вошли две монахини. Помните? Ну, те, за которыми ещё чёрная кошка пряталась.

— Что? А-а, это лавка церковная. Иконки, крестики, свечи. Можно и службы здесь же заказать: литургию, молебен или сорокоуст. Только тут, в отличие от греческих монастырей, всё дороже.

Действительно, вспомнилось мне, в храме Святого Георгия я заказывал молебен и литургии совершенно бесплатно. Так что тут и за копейку дороже получится. Но супруга очень просила, чтобы я сорокоуст на Святой земле заказал за здоровье родных и близких. Греки же не знают, что это за служба. Эх!.. Да что я, совсем что ли нищий? Жену не уважу, родственников обижу?

— Ну, дороже так дороже. Поехали в лавку.

— Поехали, — крикнул отец Игорь, переваливая нас с коляской через задиристый порог церковной лавки. Подвезя меня к прилавку, за которым стояла монахиня в очках, он сказал: «Здесь службы заказывают», и начал осматривать выставленные товары.

— Мне за здоровье, пожалуйста. На полгода, — попросил я и протянул составленный ещё дома список близких, количеством в девятнадцать человек. Небольшой денежный запас в двух валютах внушал мне надежду на достаточную платёжеспособность. Ну, сколько уже можно себя обманывать?

— Восемьсот сорок долларов, — резануло уши.

«Скромнее надо быть, — упрекнул я мысленно сам себя, — скромнее».

— А если сорокоуст? — уже не так самоуверенно спросил я.

Поправив очки и поколдовав над чем-то, монахиня ласково произнесла:

— Двести семьдесят три доллара.

И это было уже как-то по-божески, если вспомнить первую цифру. Открыв барсетку, я сразу же приметил купюру достоинством в двести евро.

— А в евро сколько? — задал я очередной вопрос.

— Сто семьдесят восемь, — положив калькулятор на витрину и ставя ударение на каждом слове, окончательно подытожила «сестра».

Вздохнув, я протянул евро. Монахиня, подарив мне улыбку, взяла их.

— Однако! — покидая лавку, выразил я свои чувства с пылом Кисы Воробьянинова, просматривающего ресторанное меню.

Окончив прогулку по территории монастыря, мы погрузились на отдохнувшего и повеселевшего «ослика» и продолжили паломничество. С горки машинка катилась легко по уже изрядно опустевшей дороге. А дорога вела нас в восточный Иерусалим, к Гефсиманскому саду. Въехав на Масличную гору и найдя удобную для остановки площадку прямо в саду, мы собрались потрапезничать. Батюшка с Александром Владимировичем и Николасом сочиняли стол из купленных в городе нехитрых припасов, а мы с «осликом» любовались древним Иерусалимом, лежащим перед нами как на ладони. Ну, если честно, на ладони была стена старого города и возвышающаяся над ней мечеть «Купол скалы». Но всё равно красота сказочная!

— Георгиус! Подъезжай, стол накрыт, — позвал отец Игорь. — Сейчас покушаем и спустимся к гробнице Богородицы, а потом крестным путём пойдём к храму Гроба Господня.

Только мы расселись у «стола», появились всадники — два араба, скачущие верхом. Вот и поужинали! Видимо, нельзя здесь. «Нельзя здесь! Нельзя здесь!» — цокотом по асфальту раздавалось всё ближе. И аппетит куда-то делся.

— Рассказались тут.. Поесть спокойно не дадут, — нарочито громко бросил я в сторону проскакавших мимо верховых и, откусив большой кусок арабской лепёшки, густо намазанной овощной пастой, стал храбро жевать.

— Поблагодарим Господа нашего, — сказал отец Игорь по окончании трапезы. — Благодарим тя, Христе Боже наш...

Выехав из сада и спустившись к подножию Елеонской горы метров на пятьсот, мы оказались у церкви Успения Пресвятой Богородицы. Такое я видел впервые. Это

была пещерная церковь. Над поверхностью земли, которая, скорее, была дном ямы, окружённой с четырёх сторон каменной стеной, возвышались ворота. И прямо от них вели вниз ступени к самой гробнице Богородицы. Таксисты арабы, а надо сказать, что все таксисты на дорогах Израиля и Палестины, виденные мною, неизменно оказывались арабами, о чём-то оживлённо разговаривали. Увидев нас, они громко загалдели. Тут надо отметить, что все палестинские арабы, особенно дети, галдят. Да, ещё лица у них простые и добрые, правда, не без восточной хитринки. Тут же к нам подбежали помощники, предлагая свои услуги по транспортировке инвалидов, хоть до самой гробницы и обратно. Но отец Игорь вежливо отказался и, заправив полы подрясника за пояс, взялся за дело. Надо было видеть глаза разочарованных нашим отказом палестинцев. В них недовольство сменялось удивлением и уважением при виде происходящего. А батюшка между тем взял коляску за рукояти, надавил и поставил её на задние колёса. И в таком положении стал спускаться со мной по ступеням. То же самое проделывал и Александр Владимирович с Николасом. Спустившись на прицерковную площадку, мы подъехали к входу в церковь. От входа вниз вела, как мне показалось, бесконечная лестница. И я боялся даже представить, что придётся по ней спускаться. Но, как говорится, глаза боятся (мои глаза), а руки (руки батюшки) делают. Снова подняв передние колёса, отец Игорь начал спуск. Я уже привык к родео на собственной коляске и прочно держался в седле. Более того, тряска не мешала мне разглядывать окружающее и внимательно слушать «гида».

— Здесь, согласно преданию, — окончив спуск, заговорил батюшка, — апостолами была погребена Пресвятая Богородица.

Вытащив из рукава цифровой фотоаппарат, я старался снять самое интересное. Фотограф из меня ещё тот, и снимки подчас совсем не получались или же выглядели размыто. Но я взял количеством.

— Здесь находится чудотворная и очень почитаемая Иерусалимская икона Божией Матери русского письма...

Отец Игорь, дай Бог ему здоровья, повёз меня наверх. Процесс подъёма отличался от процесса спуска лишь направлением, но сил у поднимающего забирал больше. Не имея возможности чем-нибудь помочь, я просто считал ступени лестницы. У меня получилось что-то около пятидесяти... Сумерки опустились на город, встречая нас у входа. Некоторые палестинцы, очевидно, ещё не видевшие батюшку в деле, пытались помочь, но лишь удивлённо наблюдали за нашим подъёмом.

К старому Иерусалиму мы подъехали, уже когда темнота окутала Святую землю. Александр Владимирович припарковался невдалеке от Львиных ворот — начала крестного пути Иисуса на Голгофу... У вас, читатель, может возникнуть закономерный вопрос: почему я уже который раз называю батюшкиного друга по имени отчеству? Отвечаю: исключительно потому, что в общении между собой они сами обращались друг к другу только так. «Не соблаговолите ли Вы, дорогой Александр Владимирович...» «Сочту за честь, любезный Игорь Дмитриевич...» Что же мне нарушать этикет?

— Братья! — обратился к нам отец Игорь. — Возыдем же к храму Гроба Господня и к Голгофе путём последним Иисуса Христа, дабы проникнуться муками Его и слиться со страданиями Его.

Оставив «ослика» за воротами, мы отправились в путь. Трудно описать ощущения, охватившие меня при входе в город и хождении по его улочкам. Ну да попытаюсь. Вспомните средневековые города, наверняка виденные вами хотя бы однажды в исторических фильмах или фильмах-сказках. И пусть были они в основном с прибалтийским или западно-украинским колоритом, дух Средневековья отражали достаточно убедительно. Узкие, сжатые каменными стенами двух-, трёхэтажных строений, с такими же каменными мостовыми и часто со сводами арок вместо неба, улочки старо-

го Иерусалима виделись мне сказочно красивыми. Иногда ярко освещённые, иногда тонушие в полумраке, они то открывались мне со всей откровенностью, а то таинственно подмигивали редкими светящимися оконцами, скрываясь от любопытных глаз моих за занавесом теней. Посреди каменных мостовых, напоминающих потоки воды, катящейся под уклон, бурунами беспорядочно вздыбливались ступени. Они и колдобины на стыках дорожных камней заставляли испытывать нас немалые страдания. Но что они в сравнении с муками Христовыми! Мы понимали это и не роптали.

— Здесь был остановлен Симон Киринеянин, дабы нести на Голгофу неподъёмный крест Иисусов, — продолжал отец Игорь, несмотря на тяжёлую дорогу, знакомить нас со святыми местами.

А кошки, изобиловавшие на тесных улочках Иерусалима, не обращали на нас никакого внимания и шли куда-то по своим кошачьим делам. К воротам храма Гроба Господня подошли мы около восьми часов вечера, точнее, без пяти минут. И хранители ключей должны были вот-вот закрыть ворота храма.

— Со времён владения храмом Оттоманской империей была избрана семья арабов-мусульман на должность хранителей храмовых ключей. И до сих пор они исполняют свои обязанности, закрывая храм для уборки и открывая его перед службами, — тихо говорил батюшка. — Попытаемся пройти к Гробу Господа.

Нас пропустили. В храме уже почти никого не осталось, и, слава Богу, очереди в кувуклию, заменяющую пещеру с Гробом, совсем не было. Пользуясь этим, отец Игорь и Александр Владимирович, взяв меня под руки и за ноги, поднесли к Гробу Господа. Я с чувством, не постыжусь сказать, благоговения, прикоснулся к нему губами. Николас вошёл сам, с помощью рук. Помолившись о близких своих и о здравии своём, мы покинули храм. Выйдя на прихрамовую площадь, мы решили подождать вечерней службы, дабы принять причастие у Гроба Господня. Но и площадь нас попросили покинуть до одиннадцати вечера. Пройдя немного по улицам старого города, мы заметили удобную лавочку, у которой и расположились. Александр Владимирович отправился проведать «ослика», батюшка сел на лавочку, погрузившись в ведомые только ему размышления, мы с Николасом принялись за чтение канонов перед причастием.

Неподалёку женщина вынесла посудину с чем-то и, поставив её на мостовую, распрямилась. К ней сразу направилось несколько кошек.

— Батюшка, — обратился я к отцу Игорю, — почему здесь столько кошек? И ни одной собаки?

— Кошки охраняют людей от нечисти всякой, от змей и скорпионов. А собаки только мешать им станут. Кошек здесь любят.

Ночная прохлада умудрилась проникнуть ко мне даже под пуховик, и тело охватывало судорогой озноба. Посмотрев на часы мобильного телефона, я приготовился ждать ещё час...

В-четвёртых: «Каменный заяц и бронзовый лев»

«По-моему, это греческий», — думал я, вслушиваясь в пение батюшки, служащего всенощную в храме Гроба Господня.

Отец Игорь ввёл, вернее, ввёл меня на службу, когда та уже шла. Величественные своды отражали звуки молитв и песнопений на нескольких языках. Я крестился, как мне кажется, немного усерднее, слыша на русском «Отче наш». Краем глаза я видел и своих спутников, троеперстно накладывающих на себя крест. Неожиданно, навалившаяся на меня дрема заставила впасть в полузабытьё. Скорее всего, сказался перепад температур: с уличного озноба да в тепло храма. Чтобы окончательно не заснуть, я тёр

глаза и отчаянно молился. Молил Бога о родителях, дабы жили они как можно дольше и как можно меньше болели. Молил его о любимой и о детях наших, дабы оградил он их от невзгод жизненных и от ошибок собственных.

— Боже! — повторял я снова и снова, вспоминая того, о ком не молился ещё, или то, что требовало Божьей помощи. — Помоги!..

Немного впереди меня и левее молился Николас, читая по бумажке заранее написанные имена тех, за кого он хотел просить у Бога. Иногда мы с ним перебрасывались короткими фразами, шёпотом, конечно. Время, казалось, совсем не двигалось. Но когда святые отцы стали подходить к кувуклии и близилось окончание службы, оказалось, прошло уже три часа. Люди из залы, где проводилась служба, вслед за батюшками ринулись к кувуклии. Мы с Николасом, инстинктивно влившись в общую массу, покатали туда же. Но от Гроба Господня нас отделяла ступень, и пришлось тормозить. Без отца Игоря и Александра Владимировича это было непреодолимое препятствие. А их, сколько мы ни пытались найти глазами, как раз и не было нигде. Пришлось давать задний ход. Растерянно озираясь, мы закатились в угол залы, дабы не мешаться. Ждали. А что ещё оставалось? Правда, нам удалось исповедаться у русскоговорящего священника. Непонятно как, но окружающие распознали в двух инвалидах русских и желание этих русских пройти причастие. «Русси?» — задали нам вопрос и покатали к уже ожидающему нас батюшке. Не знаю, в чём исповедовался Николас, всё-таки тайна исповеди. Я же упомянул единственно пришедшее в голову — гордыню, ибо она уж точно прячется где-то внутри каждого. Да и как ещё назвать убеждение в собственной безгрешности? Гордыня и есть. Встав в конец образовавшейся на причастие очереди, я наконец ощутил за спиной надёжное дыхание отца Игоря. Я ни о чём не спрашивал, я просто был рад...

Вернувшись Крестным путём к оставленному у ворот «Сузуки», мы оседлали его и поехали ночевать к Мёртвому морю. Как только «ослик» засеменил по ночной дороге, я провалился в сон...

Лучи утреннего солнца тормозили спящих в машине. Я открыл глаза. И — закрыл. Светило поднялось ещё не очень высоко над блестящей поверхностью Мёртвого моря и слепило глаза. Я на ощупь опустил светозащитный козырёк и осмотрелся. Ветвистые акации неподвижно стояли на берегу и принимали солнечные ванны. Машина прикорнула на асфальтированной площадке недалеко от воды. Пустынный асфальт мёл рабочий. Сзади зашевелились отец Игорь с Николасом. Александра Владимировича на водительском месте не было.

— Утро доброе! — поприветствовал я спутников

— Действительно доброе! — потягиваясь, насколько позволяли его габариты в тесном салоне, поддержал меня отец Игорь.

— А где Александр Владимирович? — осведомился Николас.

— Проснулись? — то ли спросил, то ли констатировал факт подошедший откуда-то Александр Владимирович. — А я прогулялся немного... Игорь Дмитриевич, там мужик какой-то с метлой что-то сказать мне пытается. Ты английский понимаешь, поговори с ним.

Отец Игорь, вытолкав себя из задней дверцы, отправился к хозяину метлы. Мы наслаждались утренним теплом недолго, так как вскоре он вернулся.

— Тут такое дело, господа пилигримы. Бесплатно здесь стоять можно только до семи утра. Так что предлагаю отправиться в заповедник Эн-Геди. Тут совсем недалеко.

Нет, ради Бога, не подумайте, что победила наша меркантильность и мы сбежали, чтобы не тратиться. Просто словесный портрет заповедника, нарисованный батюшкой, оказался настолько красочен, что мы немедленно возжелали увидеть всё собственными глазами.

— Эн-Геди переводится как «ручей козлёнка», — рассказывал отец Игорь, пока мы ехали. — Там дикие козы людей совсем не боятся. Сами смотрите, мы уже подъезжаем.

И вправду, по обе стороны дороги попадались чуть ли не влезавшие на акации козы, дотягивающиеся до нижних листочков. Тут были и винторогие козлы и козы с козлятами. И шум шоссе несколько их не пугал. Справа в солнечных лучах сверкало море. Слева одноэтажное каменное строение прятало под пристроенным к нему большим шатром отдыхающих. Крыша шатра была покрыта пальмовыми листьями, а отдыхающими оказались израильские школьники. Некоторые из них увлечённо читали Талмуд, что меня несколько удивило. Хотя бы одного нашего школьника с Библией на отдыхе увидеть!

Около шатра, прямо в асфальте (в маленьких клумбах) ровным строем встали финиковые пальмы. Под шатром находились длинные деревянные столы и лавки. За одним из них мы сели позавтракать.

— Что это за птицы так звонко чирикают? — спросил я нашего гида.

— Это каменные зайцы, или, как их ещё называют, жиряки. И не птицы они вовсе, а травоядные. Похожи на больших жирных хомяков, но не грызуны. Говорят, ближайšie родственники слонов. Несмотря на внешнюю неуклюжесть, очень ловко по деревьям шастают и даже по скалам.

После завтрака, умывшись и почистив зубы в местной ванной комнате (язык не поворачивается назвать её туалетом!), решили сходить на экскурсию к ручью Эн-Геди. Благо, для инвалидов в Израиле вход почти всюду бесплатный. В ветвях акации я заметил жиряка. Остановившись под деревом, я обратился к зверьку:

— Скажи, пожалуйста, мне что-нибудь.

И каменный заяц откликнулся писком.

— Спасибо! — благодарно ответил я.

По дороге к водопаду я смотрел по сторонам. Вокруг были скалы из белого песчаника, богато заросшие местной флорой. И тут я увидел, что к каждому деревцу подведён шланг с бегущей из него водой. Заметив моё удивление, батюшка прокомментировал:

— Заповедник принадлежит процветающему сельскохозяйственному кибуцу. И здесь за всем следят и ухаживают.

— А... — глубокомысленно изрёк я и уставился на падающий водный поток Эн-Геди, к которому мы подъехали. Прогулка горными тропами, по понятным причинам, была отложена на потом. Но впечатление от заповедника осталось незабываемым!

— Мы покидаем, друзья, этот оазис, — сказал отец Игорь, закрывая дверцу машины, — и через Иудейскую пустыню направляемся к монастырю Святого Герасима Иорданского, настоятелем которого является замечательный человек, греческий священник Хризас Томас.

Может, во времена Моисея хождение по пустыне и было подвигом. Мы же, пока батюшка рассказывал нам о святом Герасиме, его верном льве и ослике, по современному шоссе подъехали к монастырю. Нас встречала бронзовая статуя льва. Лев — символ монастыря, верной дружбы и благодарности. Святой Герасим, встретив в пустыне раненого льва, не побоялся подойти к нему и, вытащив занозу из лапы зверя, облегчил его страдания. С тех пор лев стал верным другом Герасима, помогал ему во всём и жил с ним в обители до самой смерти святого. Въехав на территорию, отец Игорь радостно заулыбался, увидев священника в светлых одеяниях, следившего за ходом работ, выполняемых членами обители. Выйдя из машины, наш гид отправился напрямик к нему. Хризас с удовольствием обнял русского «медведя» как старого знакомого. Они поговорили о чём-то, и отец Игорь направился обратно.

— Братья! Нам рады и пригласили переночевать. К тому же мы приглашены на ночную службу. Так что милости прошу к их шалашу!

Мы, сойдя с «ослика» и сгрузив часть поклажи, необходимой для собственных нужд, отправились обустриваться на новом месте. По пути нам встретилась монастырская лавка. Вспомнив, что не мешало бы приобрести памятные подарки родным и знакомым, мы направились прямо туда. Да и гостеприимным хозяевам какая-никакая прибыль. Но не успели мы подойти к прилавкам, как были одарены иконками с изображением святого Герасима и льва. А продавщица заговорила с нами на чисто русском языке, поскольку оказалась в прошлом жительницей Владивостока. Обидели её там сильно. За утешением ли или ещё почему приехала она на Святую землю, добралась до монастыря, где и осталась. При попытках наших что-то приобрести, цена снижалась почти вдвое. И чтобы не чувствовать себя грабителями, мы распрощались. Нас привели в монастырскую гостиницу и расселили по двое. К моей радости, я увидел в келье все удобства и даже душевую комнату. На ужин, куда мы были любезно приглашены, я не пошёл, вытянулся на кровати и закрыл глаза. Перед тем как идти на ночную службу, отец Игорь помог принять мне водные процедуры. И пусть горячей воды не было, так как нагревается она солнцем (а было уже темно), жизнь снова обрела смысл. Это была первая помывка на Святой земле.

О ночной службе в монастыре следует упомянуть особо. К одиннадцати вечера отец Игорь затащил мою коляску, не без седока, конечно, по лестнице в верхнюю залу, где и проходила служба. Расположившись среди пришедших, я стал вести фотосъёмку. Никто мне этого не запрещал, но и не разрешал.

Уже служба близилась к завершению, когда на клирос к мужчинам вышла монахиня. Её стройная фигурка в строгом одеянии сначала была повернута ко мне спиной. Потом, разглядывая ноты и слова, она стала вполоборота ко мне. Лицо молодой гречанки венчал слишком уж греческий нос — очень большой и горбатый. Мне стало жаль бедную девушку. Но тут она запела! Наверное, так же прекрасно пели сирены, заманивая мореходов. Я уже совсем не замечал её изъяна, мир закачался в моих глазах. И лишь присмотревшись, можно было понять, что качаются только светильники, свисающие с потолка. Я и не заметил, как и кто их раскачал. Раздался колокольный перезвон...

Ещё долго я не мог уснуть, в голове раздавалось ангельское пение и божественный звон. Встали мы рано. Как-то жалко было тратить время на сон. Когда мы сидели в храмовом двореке за завтраком и разглядывали окружающие нас красоты — живого попугая на голове гипсового льва, иконки, крестики, изготовленные руками монастырских умельцев, ветвистые деревья и архитектуру древних построек, ко мне подошла работница обители. Она была из Канады.

— Пазалуйста, — сказала канадка, протянув мне иконку, тоже Святого Герасима, но побольше тех, что подарили нам в церковной лавке. Её глаза светились искренностью и добротой.

— Спасибо, — склонил я голову перед ней, чувствуя тепло внутри.

После лёгкого, но вкусного завтрака мы стали собираться в дорогу. Нас провожала улыбкой соседка по келье. Старая женщина была, как нам сказали, не в своём уме. Она почти не разговаривала, только улыбалась всем. Теперь уж ей в монастыре быть до встречи с Богом. Мы, не торопясь, шли к нашему верному «ослику» по монастырской дороге, и казалось, сам святой Герасим провожает нас добрым и мудрым взглядом.

В-пятых: «Искушение»

Ах, да! Совсем забыл сказать. В монастыре Святого Герасима я впервые увидел израильских собак. По дороге к церковной лавке к нам прибилась небольшая, серого окраса дворняга. Кудрявая шёрстка делала её похожей на болонку. В лавку за нами она,

как воспитанная собака, не пошла. А в лавке, о чём я тоже по забывчивости своей не упомянул, мы с Николасом приобрели особенные рубашки — для купания в Иордане. Батюшка сказал нам, что после монастыря мы поедem к Южному Иордану, где Иоанн Предтеча крестил Иисуса. Там, надев эти рубашки, трижды окунёмся в святых водах. После этого рубашки можно будет надевать для исцеления от болезней. И даже — перед встречей с Господом нашим. Я уже говорил о здешней щедрости. По цене одной мне продали две рубашки. Я подумал, что и для супруги можно освятить одеяние в иорданских водах, — вот будет рада! Так и сделал. А когда мы покинули лавку, к знакомой нам уже дворняге присоединился ещё пёс. Он тоже был из «дворян», но покрупнее и без завивки. Они сидели, будто поджидая нас. При нашем появлении подскочили и завили хвостами. Впрочем, наверное, сообразив, что мы и сами из бродячих, отстали. Собаки нам в Израиле больше не попадались.

Передвижение по шоссе в Иудейской пустыне возрождало в моей памяти «Марсианские хроники» Рэя Брэдбери. Красноватые пески, обожжённые опустошающей войной, кое-где заштопанные верблюжьей колючкой, изредка оживали оазисами кибуцев. Уже на подъезде к Иордану шоссе окружили фруктовые плантации и полуразрушенные старинные монастыри. А вот и следы войны — за врытыми деревянными столбами с натянутой «колючкой» надпись на английском и иврите «Осторожно, мины!» А я как-то уже стал забывать, что на землях обетованных войны — явление частое. За минными полями показалась красивая постройка в форме большой беседки из белого камня. Около неё стояли два пустых туристических автобуса. Мы припарковались и отправились пешком к скоплению туристов. У ступенек, спускающихся к знаменитой реке, собрались, судя по распевности языка, итальянцы. Они живо разговаривали о чём-то своём и, что бросалось в глаза, активно жестикулировали. За ограждением, на нижней площадке, сдержанно беседовали туристы из другой группы. Там же с автоматом на плече ходил израильский пограничник. Его, наверное, мало кто и видел, настолько он старался не выделяться. Да и вообще, военные с оружием в Израиле дело обыденное и часто встречающееся. А знаменитая река Иордан на самом деле представляла перед нами мутным ручьём, который в лучшие времена я переплыл бы гребка за четыре. Правда, место для омовения было, как я узнал потом, искусственно расширено израильтянами метров на семь. По этому ручью, тем не менее, проходит граница между Израилем и Иорданией. И на противоположной его стороне так же переговаривались туристы, скрывая за собой пограничника, только теперь уже иорданского. Купальни на обоих берегах пустовали, только металлические перила торчали из мутной воды. То ли граница отпугивала желающих, то ли мутная вода...

Но что же мы, напрасно ехали?! Да и сомнения нашим людям не к лицу. Немного оглядевшись, отец Игорь решил. Меня оставили наверху — больно уж грузен для разведки боем. Другое дело Николас — «техника» лёгкая. Его так быстро подхватили с двух сторон наши богатыри-сопровождающие, что я еле успел передать ему рубашки для того, чтобы он их намочил. Лучше уж так, решил я. Находясь на верхней площадке, я не показывал никому, что завидую Николасу. Теперь мне стыдно! Как я мог забыть, что русские своих не бросают. Быстро переодев моего коллегу по экстремальному путешествию на колясках в рубашку для крещения, отец Игорь и Александр Владимирович взяли его под руки и вошли в Святые воды. «Во имя отца...» — услышал я зычный голос батюшки и увидел, как тот, наложив могучую длань на голову Николаса, погрузил голову раба Божьего в мутные воды. «...И сына...» — продолжал гудеть батюшка. «...И святага духа...» — звучало над отфыркивающимся окрещаемым. «...Аминь...» — вынесли Николаса и посадили сушиться на скамейку. Солнышко, не скупясь, одаривало своим зимним теплом и омывающихся, и удивлённо на это смотрящих туристов, и кажущегося совершенно равнодушным пограничника.

А отец Игорь, видя, что никто не реагирует на наше купание отрицательно, крикнул мне:

— Георгиус, ты как насчёт окунуться?

— Легко! — не задумываясь, ответил я. А душа-то запела, запела душа-то!

И вот — я уже в мокрой рубашке... Выныриваю третий раз из Иордана, довольно сплёвывая попавшую в рот воду. А вот сижу на коляске под тёплым израильским солнцем, говорю тебе в видеокамеру о своей любви, Лида, и чувствую, что рубашка на мне высохла, и твоя, лежащая на коленях, тоже...

Полностью обсохнув от иорданских вод и облачась в дорожные одежды, поспешили мы к заждавшемуся «ослику».

— В Палестину! — объявил нам батюшка. Беспрепятственно миновав израильский блокпост, мы на полном ходу въехали на земли Палестинской автономии. Нам не раз приходилось пересекать границу между Израилем и Палестиной. Въезд в Палестину был бесконтролен. Порой не сразу и понимали, что пересекли границу. А вот в обратном направлении проверка была неизбежна. И хорошо, если, внимательно осмотрев машину, нас пропускали. Пару раз приходилось полностью выгружаться и, дай Бог здоровья еврейскому народу, даже пересаживаться на другие коляски, для осмотра наших. Впрочем, это вносило определённый колорит в наше паломничество, да и адреналин в кровь... Ну, это было ещё впереди. А пока шоссе из пустыни побежало в гору.

— Сейчас мы поедem на гору Искушения, — говорит отец Игорь, — где дьявол искушал Христа. На ней, прямо в скалах, создан монастырь, его ещё называют Каранталь, в честь сорока дней уединения Иисуса в пустыне.

Александр Владимирович пришпорил «ослика», и тот ловко «поскакал» в гору. У подножия горы расположилось кафе с вывеской на русском языке. Правда, оно было закрыто — не сезон, клиентов нет. Машину припарковали на площадке у кафе, развернув её передом в сторону старого Иерехона. И пока отец Игорь с двумя моими спутниками молились у подножия Каранталя, решив не подниматься к самому монастырю, я сидел на переднем сиденье «Сузуки», в свою очередь, стоящего на самом краю обрыва, и ощущал себя птицей. Нет, не птицей — маленьким мальчиком на плечах отца, идущего в первомайской колонне. А где-то подо мной шли ряды строевых древнего Иерихона. Всё было так реально, что хотелось выкрикнуть:

— Канатной дороге, связывающей город и гору Искушений, самой длинной в Израиле, ура, товарищи!

Прости, Господи! «Товарищей» не осталось, а привычка никуда не делась. Размышления мои прервал батюшка, садящийся в салон:

— Ну, что ж, помолились у святого места, теперь — в долину, в Иерихон. В нём с давних времён располагается Русская духовная миссия. Там есть гостиница для паломников. Даст Бог, найдём и на ночь приют.

Так и поступили. Немало пришлось поколесить нам по городским улочкам. Главным ориентиром, по которому отец Игорь искал миссию, была мечеть. Не помню уже её названия, помню, что была она довольно высокой и находилась совсем рядом с Русской духовной миссией. И вот, как только удавалось обнаружить её купол и минареты и поехать в их направлении, всё исчезало. Спрашивать у местного населения о цели наших поисков было всё равно, что спрашивать у девушки, где находится военкомат. Наверняка кто-то знал, но — кто? Блуждали мы, блуждали... Но зато на местных рынках купили маленькие бананы, я так давно хотел их попробовать, а также овощную пасту и лепёшки.

— Вот она! Тормози! — вдруг обрадовался наш гид.

Выскочив из припаркованной у шикарного особняка машины, батюшка вошёл в ворота и проследовал к дверям дома. Вскоре он вернулся и сообщил нам, что в этом здании теперь музей Русской духовной миссии. А сама она находится недалеко и называется Дом Закхей. Нам пообещали, что вскоре мальчик-араб, работающий здесь, проводит нас туда. Так вскоре и произошло. Из ворот выехал мальчик на вело-

сипеде и, махнув нам рукой, выехал на дорогу. Через минуту-две, указав нам рукой на зелёные металлические ворота, он растворился среди машин. Мы, разузнав заранее, что в монастыре обитают настоятель и три женщины, включая двух монахинь, приготовились к долгому ожиданию. Но вышло всё совсем по-другому. Только батюшка протянул перст к звонку, ворота стали отъезжать в сторону, и из них показалась женщина, несущая пакеты с мусором к стоящему на улице баку. Как потом мы узнали, звали её Наташей и служила она регентом и певчей в одном лице. Выслушав отца Игоря, она удалилась обратно и вскоре вернулась, сообщив, что настоятель отец Киприан рад будет принять нас. Ворота вновь распахнулись, и Александр Владимирович ввёл «ослика» на монастырское подворье. К нам вышел настоятель и с искренней улыбкой встретил нас. Мы сели за пластмассовый столик, стоящий в саду у розового куста, источающего тонкий цветочный аромат, и завели тёплую беседу. Внимательно нас выслушав, отец Киприан подозвал одну из монахинь и попросил её приготовить для нас гостиничные кельи на первом этаже. Потом он повёл гостей по территории монастыря, пригласив и в монастырский храм Дом Закхей. И тут меня посетило первое искушение! Я увидел в руке настоятеля телефон.

— Батюшка, — не сдержался я. — Простите, ради Бога, мою нескромность! У вас есть связь с Родиной? Мне бы супруге позвонить, а то там, наверное, переволновались все обо мне. Я бы коротко...

— Да, пожалуйста, — с улыбкой ответил отец-настоятель, протягивая мне трубку.

Рад я был безмерно. Мне не удалось приобрести здесь нужную симку, и никто из домашних ничего обо мне не знал. Набрав необходимый номер, я услышал голос любимой и смог сказать лишь «Привет». Впрочем, ничего больше и не нужно говорить. Говорила она, изредка делая паузы, чтобы выслушать мой ответ, но, не дослушав, продолжала говорить, как меня все любят и ждут.

Батюшка проводил нас в сад и, сославшись на занятость, откланялся. К нам за стол тут же подседа монахиня, представившаяся матушкой Евгенией. Она пригласила нас в трапезную отведать её супчика из овощей и вызвалась показать нам наши кельи. Мы предложили добрым людям помочь в их трудах, то есть в уборке сада, дабы нагулять аппетит. Честно разделив обязанности (Александр Владимирович помогал Наталье в уборке листвы и переноске тяжестей, а мы добросовестно нагуливали упомянутый выше аппетит), мы дождались ужина. Вкусив изумительного овощного супа, мы разбрелись по кельям. Перед сном я выехал в коридор, где были выставлены монастырские товары: иконки, крестики, литература и деревянные сувениры. Время было уже позднее, и никого, кроме меня, в коридоре не было. Я как раз рассматривал очень понравившийся мне серебряный крестик, когда за спиной раздался шаг:

— Нравится? Бери. Никто не увидит, а я никому не скажу.

Я обернулся — коридор был пуст. Перекрестившись, я рванул в келью. Николасу ничего говорить не стал — зачем народ смешить! Помолились мы и отошли ко сну. Чистые простыни и мягкая подушка быстро увлекли меня в царство Морфея. А ночью мне приснился сон. Я стоял на горе Искушения. Рядом был он, враг рода человеческого. Он указывал вниз, в Иерихонскую долину, где почему-то высился родной сибирский городок и в его центре стояли жена и родители. Сердце сжалось при виде родных лиц. А сатана искушал меня:

— Хочешь к ним прямо сейчас? Прыгай! Ангелы подхватят тебя.

И я отвечал ему:

— Сказано, не искушай Господа Бога своего!

А сатана продолжал:

— Отрекись, и получишь это, — на мохнатой лапе лежал крестик из коридора,

И я отвечал ему:

— Изыди, сатана!..

В-шестых: «Блеск и нищета Палестины»

Пять километров по Иудейской пустыне и горным дорогам, ведущие к монастырю Георгия Хозевита, пролетели незаметно. Батюшка рассказывал нам о монастыре, об отшельниках, его основавших, о его красотах и о том, что к самому монастырю мы спускаться не будем — круто очень.

— Там местные жители, бедуины, туристам, за определённую плату, осликов предлагают в качестве транспорта. Но вас на осликов сажать рискованно, так что ограничимся смотровой площадкой... А вот и приехали.

Мы остановились у выложенной из белого камня арки, имеющей три овальных прохода. Невдалеке скучали без туристов бедуины. К перилам у дороги был привязан их ослик. Больше никого не было, и бедуины подбежали к нам. Они наперебой стали предлагать нам свою продукцию — местную бижутерию. Надо сказать честно, что ожерелья из местных «полудрагоценных» камней и бусы из шлифованной верблюжьей кости смотрелись довольно симпатично, но интереса ни у меня, ни у остальных паломников не вызывали. Разочарованные аборигены стали предлагать услуги сопровождающих к монастырю. А поняв, что мы собрались ограничиться только смотровой площадкой, чуть ли не вырвали из рук отца Игоря и Александра Владимировича наши с Николосом коляски и повезли нас по горной тропе. Отец Игорь объяснял нам на ходу, что туристы — единственный способ для бедуинов хотя бы что-то заработать. Семьи у них большие, а сейчас не сезон, и надо бы заплатить им долларов по пять, чтобы немного помочь. Тропа на смотровую площадку оказалась ещё тем приключением! Если дорога на Голгофу, казалось, вытряхнула из меня половину внутренностей, то эта тропа лишила меня их окончательно. Огромные камни, лежащие на ней, кидали меня из стороны в сторону и вперёд-назад. Справа был обрыв. А ограждения, отделяющие меня от неминуемого падения, состояли из натянутых на металлические столбики верёвочек. Но отчаянный бедуин, не без помощи отца Игоря, всё же умудрился живым затащить меня на смотровую площадку и поставить у ограждения на самом краю пропасти. Перед тем как оставить меня наедине с Вечным, он сказал тихо: «Френд, твенти долларс. Ес?» Кто не «спикает», объясняю — наш бедуинский друг оценил свою короткую, но искреннюю помощь в двадцать долларов. Я многозначительно промолчал — на краю пропасти всё же!

Даже глядя на монастырь со смотровой площадки, чувствуешь его величие. Построенный в пятисотых годах нашей эры, на скальном выступе, он служил и жилищем монахам, и крепостью. У его подножия раскинулся оазис из смокв, кипарисов и других субтропических деревьев. Батюшка рассказывал, что монахи монастыря очень гостеприимные люди и всегда радушно встречают странников... Возвращались мы тем же путём, которым и пришли, и так же экстремально. Расплатившись с добровольными помощниками, мы погрузились на своего «ослика». К нам снова подбежали бедуины со своими бусами, от которых мы снова отказались. Они разочарованно вернулись к арке. И только один, самый низкорослый из них, остался стоять у машины. Он посмотрел на меня, достал откуда-то бусы из каких-то, коричневого цвета, костяных кружочков и протянул их мне. «Но, но», — сказал я с неловкостью. Маленький бедуин улыбнулся и, положив бусы мне на руку, произнёс: «Презент». Мы тронулись, а в боковом зеркале я видел машущего нам вслед маленького человечка с большим сердцем...

— Ну, а теперь к монастырю Саввы Освященного, — продолжил обязанности экскурсовода отец Игорь. — В Кедронское ущелье.

Александр Владимирович согласно кивнул и продолжил путь. Лишь изредка, на развилках, он спрашивал у друга дальнейший маршрут.

В монастыре Саввы Освященного

— А вот и селения бедуинов, — сказал батушка, когда мы проезжали мимо каких-то наспех сооружённых построек из досок и рубероида. Иногда среди них попадались армейские палатки, невесть как попавшие к жителям пустыни. Вскоре дорога круто пошла вниз, принимая форму серпантина. «Ослик», упираясь из последних сил, тащил нас по этому серпантину, испуганно ожидая встречного транспорта: разминуться с ним на сузившейся дороге

было бы нелегко. Обошлось! И вот мы благополучно подъехали к монастырю. Женщинам вход в него запрещён монастырским уставом. Но женщины у ворот стояли, так как иногда им выносили освящённый пальмовый листок, по преданию помогающий бездетным семьям. Нас же пропустили беспрепятственно. Лавра Саввы Освященного окружена высокой крепостной стеной. Она и выглядит крепостью, построенной на скальном выступе. Мы пошли не в нижние ворота, где стояли женщины, а чуть выше и левее. За монастырской дверью нас ждал коридор, резко уходящий вниз, в монастырские помещения. В ширину он был, пожалуй, метра полтора, с великим множеством ступеней. Спустившись до половины, мы обнаружили проход с правой его стороны, выведший нас в монастырский дворик. Посреди него стояла часовенка Саввы Освященного с его святыми мощами. Посетив её, мы перешли к собору Благовещения Пресвятой Богородицы, а затем — к пещерной церкви Николая Чудотворца. Неровный каменный свод с губчатой, закопчённой вековым чадом лампад и свечей поверхностью нависал над входящими. В монастыре нет электричества, и всё освещается лампами и свечами. В церкви шло приготовление к четырёхчасовой службе, и мы решили на неё остаться. А чтобы скоротать время, сначала зашли в архандарик (что-то вроде трапезной), буфет по-нашему, только без буфетчицы. Выпив по пластмассовому стаканчику кофе и заев его конфеткой, мы переместились на балкон — смотровую площадку. С неё открывался прекрасный вид на ручей Кедрон. Правда, сейчас этот великий когда-то поток превратился в сточную канаву города Иерусалима. Но, с высоты балкона, он по-прежнему грозно роптал о чём-то на дне ущелья. Противоположная скала ущелья была изрыта пещерами, бывшими встарь монашескими кельями. За интересными разговорами время близилось к службе, и мы вернулись во дворик, в котором уже собиралась монашеская братия. Отец же Игорь рассказывал нам, что когда-то службы в монастыре велись без песнопений, так как они услаждали слух и отвлекали от молитв. Но с тех пор как здесь подвизался Иоанн Дамаскин — знаменитый составитель церковных песнопений, традиции изменились. Кстати, им была принесена сюда икона Троеручница, с которой связана легенда о чудесном приращении отрубленной кисти Иоанна по его молитве пред Богородицей.

По двору прошёл монах с деревянной колотушкой, извещаая её стуком о начале службы... В темноту пещерной церкви не проникал и лучик солнечного света, только тускло чадили свечи и светильники. И в этом полумраке, казалось, что из ниоткуда возникло пение, сначала негромкое — вызывающее, затем, подхваченное другими го-

лосами, уже утверждающее и указующее. Силуэты монахов виделись в мерцающем свечении стражами грозными...

От лавры мы направились вверх, к Вифлеему. На пути нам встретились две арабские деревни. Нельзя сказать, что выглядели они привлекательно, но лучше бедуинских барачков, да и многих сибирских захолустий. Запомнилось одно: вдруг нам навстречу вышла группа палестинской молодёжи с большими палками в руках. Их лица были напряжены, и глаза горели как-то неистово. На «ослике» красовалась голубая эмблема израильской фирмы, сдавшей нам его на прокат. Учитывая генетическую неприязнь арабов к евреям, нам сделалось не по себе. Но обошлось на этот раз.

Стемнело, когда мы въехали в Вифлеем, и следовало подумать о ночлеге. У отца Игоря в этом городе был знакомый владелец местной гостиницы. Но отправились мы на поиски другой — гостиницы от Русской духовной миссии. Дело в том, что батюшке ещё в Иркутске рекомендовал её его знакомый, бывший некогда строителем и владельцем оной. Вдоволь попетляв по узким улочкам, мы почти что случайно наткнулись на помпезное здание, пытающееся безуспешно спрятаться между небольшими постройками. Батюшка прошёл через калитку и скрылся за гостиничной дверью. Вскоре ворота загудели и отъехали в сторону, пропуская нас. Вернулся отец Игорь, и, выгрузившись, мы прошли в холл. В глаза сразу бросились позолота и мрамор. Я нечастый гость подобных учреждений и точно не знаю штатного расписания персонала гостиниц. Назову человека, встретившего нас на первом этаже, — портье. Так вот, портье очень доброжелательно к нам отнёсся, он немного владел русским. А чему я удивился, — хозяева-то русские! Услышав цену двухместного номера на ночь, мы поблагодарили и решили уйти. Матушка-настоятельница русского монастыря, случайно находившаяся рядом, узнав в нас соотечественников, сказала портье, что оплатит ночь пребывания двух инвалидов. Мы, конечно, стали отказываться. Дошло до того, что и сам портье стал убеждать нас остаться. Добрые люди всё-таки эти палестинские арабы! Но тут в разговор вмешался наш гид и объяснил, что мы от Сергея. Сергея здесь знали и помнили. Тут же позвонили нынешнему хозяину, Олегу, и объяснили ситуацию. И всё получилось. Олег дал указание разместить паломников в хорошем номере за его счёт. Видимо, сибирское братство не пустой звук. Номер на четвёртом этаже, куда мы поднялись на лифте, оказался очень даже уютным. Состоял он из двух комнат на два хозяина, удобств и кондиционера. А из окна открывался замечательный вид на ночной Вифлеем. На мгновение мы ощутили себя «состоятельными кротами». А Александр Владимирович по такому случаю и по нашей просьбе даже в город сходил за бутылочкой вина. Отпраздновав удачу и наговорившись, мы улеглись. Ранним утром, проснувшись, отправились на литургию в храм Рождества Христова, находящийся совсем рядом с гостиницей. «Ослика» беспокоить не стали, направились пешком. Постояв в верхнем пределе храма, спустились в пещеру Рождения Богомладенца, прикоснулись к яслям, куда его положила Дева Мария. Здесь же отстояли литургию. Потом вернулись в гостиницу, чтобы попрощаться.

Но «богатая» жизнь на этом не закончилась. Утром мы были приглашены на завтрак в ресторан гостиницы. Восточные сладости и другие деликатесы подносили нам официанты и желали приятного аппетита. Обращались с нами как с дорогими гостями. Впрочем, других, пусть даже и не таких дорогих, гостей в ресторане просто не было, я уже говорил про несезон. Радости нашей не было предела!

В-седьмых: «Под сенью эвкалипта»

— Николас, — улыбнулся батюшка, — поздравляем тебя! Сегодня день Святителя Николая Чудотворца, а значит, и твои именины. Сейчас мы направляемся в храм

имени этого великого святителя. Он самый почитаемый в Вифлееме у православных палестинских арабов. Когда-то, во времена первой интифады, Вифлеем являлся центром борьбы палестинских повстанцев с израильскими захватчиками. И вот однажды, подавляя сопротивление плохо вооружённых арабов, армия Израиля подвергла массированному обстрелу христианский район Вифлеема. Всё вокруг рушилось. Но храм Святителя Николая, казалось, был неуязвим для ракет и снарядов. Множество православных собрались под его сводами и молили Господа и Николая Чудотворца о защите. И вот будто бы непробиваемый купол встал над храмом. Только один шальной снаряд пробил его свод и упал в переполненное людьми помещение. Но и он чудесным образом не взорвался... Окончив артобстрел, израильтяне пошли на штурм города. Повстанцы, вооружённые автоматами Калашникова, отступили к храму. Им необходимо было спрятать своё оружие, но нигде не находилось для этого места. А израильтяне были уже совсем рядом. Ворвались внутрь и, сколько ни искали оружие, ничего не обнаружили. Покинули храм. А прямо на иконостасе висели, не увиденные солдатами, автоматы повстанцев...

«Ослик», подрагивая от напряжения, взобрался по крутой и узкой вифлеемской дороге прямо к входу в храм. Стоянка здесь была запрещена, и нам сразу же решил напомнить об этом местный полицейский. Но, увидев, что выгружаются инвалиды, стал наблюдать, чтобы никто нам не помешал. Потом, пока Александр Владимирович искал стоянку для машины, он даже помог войти нам в притвор храма. Служба была уже в разгаре, в зале было очень много народа. Пришлось долго стоять у входа. Мне было не видно происходящее в зале, зато я запросто мог вглядываться в лица стоящих рядом. Кстати, в красивые и добрые лица. Создавалось впечатление, что здесь каждый знаком друг с другом. Вот молодая мамочка обнимает подругу, тоже держащую на руках малыша. А вот пожилая женщина, с улыбкой, кивает такой же пожилой соседке. И вот уже все они дружно осеняют себя крестом, услышав «Аллилуйя». Периодически люди расступались, пропуская подростков с хоругвями в руках, несущих их к месту службы. Я так увлёкся наблюдением церковной жизни палестинцев, что и не заметил, как пролетело время. Служба закончилась, и всё пришло в движение. Кто-то выходил из храма, а кто-то, наоборот, входил. Мы тоже, воспользовавшись представившейся возможностью, зашли в зал. Здесь было всё ярко и величественно. Везде горели свечи и большие, и маленькие. Батюшка подвёз меня к иконе Николая Чудотворца, обратив моё внимание на нарисованные под образом картинки с падающими на храм снарядами. Потом отец Игорь с Александром Владимировичем присели отдохнуть у стены, а мы с Николасом стали ходить, ну, то есть ездить по храму, рассматривая образы святых, читая молитвы и прося у святителя Николая каждый о своём. Вдруг ко мне подошла женщина, улыбнулась и, протянув кусок белого хлеба, видимо, хлеба причастия, сказала: «Крисмас!» Я улыбнулся ей в ответ, поскольку улыбка не ведает языковых барьеров, и благодарно взял белый кусочек. Немного покопавшись в голове, благо, пришлось неглубоко и копать, вспомнил значение сказанного мне слова — «Рождество» по-английски. Католичка, понял я. У них на днях Рождество. Что же привело её сюда? А впрочем, хороший, наверное, человек. Так я в раздумьях и подкатил к своим спутникам. Вдруг к нам подошла Наталья. Помните, регент из Дома Заххей? Хотя, почему вдруг? Живёт она здесь, в православном храме соседнего города. Вот и посетила православный храм в праздник. Но я и более простым вещам здесь готов был удивляться. Она поздоровалась и сказала, что отец Киприян очень расстроился оттого, что не смог нас проводить. А вскоре подошёл к нам и сам Киприян, в сопровождении грузинских паломников, коих встретил тут же. Дело в том, что его когда-то очень радушно принимали, там, в Грузии, и по-хорошему впечатлили. Мы тоже с удовольствием поговорили с ними — одним хлебом вскормлены как-никак, одной Родиной возвращены. Грузинские паломники в основном оказались детьми. Родина наградила их поездкой по святым местам за победу в конкурсе на знание Ветхого Завета, о чём мы

от них и узнали. И, естественно, они ничего не могли помнить о братстве советских народов, но искренне радовались встрече с сибиряками. А с улицы влетели под своды храма звуки барабанов и волюнок. Все поспешили наружу. И когда мы вышли из храма к дороге, по которой должны были пройти ряды музыкантов, пробраться к ней уже не представлялось возможным. Но тут на помощь снова пришёл полицейский. Он махнул нам рукой, приглашая следовать за ним. Палестинцы, видя его порыв и двух инвалидов, доброжелательно расступились, пропустив нас к самой дороге. Какие хорошие люди, подумал я, и стал глядеть на дорогу в ожидании барабанно-волюночного шествия. Но только появились первые ряды палестинских школьников с барабанами, передо мной выскочили на дорогу светло-кремовые штаны, обтягивающие широкий мужской зад, и всё загородили. «Ну, здравствуйте! — подумал я. — Только что восхитился палестинской вежливостью, и на тебе!» «Ира! Ира! Иди сюда!» — закричали кому-то штаны. И всё стало на свои места. Я даже не сердился на обладателя штанов, так как избежал разочарования в целой нации. А школьники прошли мимо нахала и предстали передо мной во всей красе, ритмично ударяя палочками по коже маленьких барабанов и колотушками по барабанам большим. Они проходили мимо, ряд за рядом. А гул барабанов порождал где-то в глубине моей души, уж не знаю почему, боль за униженный народ и обиду. За барабанщиками маршировали волюнщики. Я видел любовь в глазах палестинских женщин, наблюдающих за шествием с противоположной стороны дороги, и гордость в глазах мужчин. Надрывный плач волюнок вызвал к справедливости и защите страдающего народа. И я уже был полностью на стороне палестинцев в их конфликте с израильскими захватчиками. Последние ряды детей-музыкантов ушли вверх по улице и скрылись. Вместе с музыкой ушло и наваждение. Ни обиды, ни гнева не осталось, только удивление. Как я мог поддаться эмоциям, тем более таким? Зрители этого завораживающего зрелища стали расходиться. Даже широкозадые мужские штаны были уже где-то вдалеке. И мы пошли вниз по дороге, к давно ждущему нас надёжному другу, к нашему «ослику».

— Ну, а сейчас снова через границу, — заговорил батюшка, — в направлении Северного Иордана.

Через короткое время мы уже подъезжали к израильскому КПП. Я уже говорил о бдительности здешних пограничников. Вот именно эта проверка засела у меня в памяти. Я бы даже назвал её не проверкой, а, выражаясь на языке «камерном», шмоном. Но всё когда-то заканчивается. Вот и мы с пограничниками, любезно улыбаясь друг другу, наконец-то распрощались.

А вскоре показались павильоны Северного Иордана. Здесь всё кардинально отличалось от Иордана Южного. Чистая, изумрудного оттенка вода бежала между двух обрывистых, утопающих в зелени берегов. Берег, на котором находились мы, был укреплен каменной кладкой и огорожен перилами. Из воды тоже поднимались металлические перила, указывающие на место разрешённого входа в воды Иордана. Прямо у берега, под ограждением, сидели чайки и наблюдали за плавающими в воде сомиком. Нам даже повезло увидеть двух плывущих по своим делам выдр. Тут уже туристы, не задумываясь, заходили в воду и окунались. Кстати, одеты они были в продающиеся прямо здесь такие же, какие были и у нас, рубашки. Наверное, им казалось, что именно в этих водах крестился Христос. Но мы-то с вами знаем! Кто не в курсе, напомним. В этом месте по совету святого Ильи, семь раз окунувшись в воды, излечился от проказы известный и богатый военачальник. Ну, да пусть будет блажен неведующий! Мы же в воду не стремились, а спокойно отдыхали и оглядывали окрестности. День уже перевалил далеко за половину, и надо было задуматься о ночлеге.

— А послушайте, братцы! — сказал отец Игорь. — Предлагаю вам сегодня многозвёздочный отель. Погода просто шепчет. Ни ветра, ни дождя. Не заночевать ли нам сегодня прямо на земельке, под звёздным небом, средь куш райских?..

Остановив «ослика» у металлической ограды, окружающей большой фруктовый сад, мы выгрузились. Что произрастало в саду, разглядеть было уже трудно. Калитка в ограде была открыта, и отец Игорь с Александром Владимировичем, взвалив на себя наш багаж, скрылись за ней. Скоро отец Игорь вернулся за мной и Николасом. Мы оказались в коридоре, образованном оградой двух соседствующих садовых участков. Он, коридор, по словам батюшки, вёл к Галилейскому морю. Тропа перед нами едва освещалась звёздами, но отец Игорь уверенно продвигался вперёд. Вскоре вдали вспыхнул свет — это Александр Владимирович уже развёл костерок. Да и вообще, рядом с морем даже ночью светлее. Мы расположились у огня, разложили на земле ужин и завели беседу перед сном. Батюшка рассказывал нам, как он ловил здесь сомов в прошлых поездках. А в этот раз, к сожалению, не взял снасти, и придётся обойтись без рыбы. Кстати, еле уловимый, запах свежей рыбы напоминал о соседстве с морем, укрытым от глаз пышной растительностью. А местные рыбаки, оказывается, попавших в сети сомов выкидывают обратно в море, так как у них рыба без чешуи таковой не считается.

— Вон видите, — говорил отец Игорь, — за деревьями верхушка пальмы виднеется? Я в прошлый раз под ней у моря ночевал, правда, это было летом. Утром встал, а с пальмы, рядом совсем, палестинская гадюка упала с крысёнком в пасти. Это бы ничего. Следом мамаша этого крысёнка на змею прыгнула...

Так за байками да разговорами пришло время отходить ко сну. Вскоре повисла тишина, нарушаемая пискom каких-то животных.

В-восьмых: «Перед концом Света»

Ну и отопление в нашем отеле! Даром многозвёздочный. Халявщики! Я пытался побольше двигаться и прятать руки в рукавах. А тут ещё всё время кричал кто-то за деревьями, тоже не спалось, бедняге. Ворочался я, ворочался, то на кусты тарасился, то на звёзды пялился, да на холод брюзжал. Но, слава Богу, сморило. И приснилось мне оно — моё плохое настроение. Толстое такое, небритое существо, с плаксиво перекошенным лицом.

— Ну и чего? — сказала вдруг настроение. — Чего, я спрашиваю? Заманил меня сюда. Рай на земле обещал. Ну, на земле-то, это да! А рай где? Все бока и себе и мне отлежал, а холодно-то как! Бр-р-р! Несчастное я, несчастное! Доверчивое! А досталось-то кому-у-у?!

Крупная слеза скатилась по щетине и брякнулась мне на нос. Потом ещё одна, и ещё. Я открыл глаза. Крона могучего эвкалипта протекла, и дождь добрался до его постояльцев.

— Мужчины! Вставайте! — подал команду батюшка. — Уже утро, а дождь только начался. Предлагаю вещи спрятать у дерева, а самим бегом в машину. Пока съездим на гору Блаженства, глядишь, и дождик пройдёт. Вернёмся потом за оставленным, я думаю, промокнуть не успеет.

Так и поступили. Пока шли к «ослику», дождь заметно усилился. Пришлось накинуть капюшон, наполовину закрыв лицо. Разыгрался и ветер. Батюшка лавировал коляской, объезжая уже размокшие от дождя участки тропы. Но сильно промокнуть не успели, «ослик» уже ждал нас, широко распахнув двери. А так как вещи остались под эвкалиптом, мы довольно быстро спрятались в машине. И поехали мы на гору Блаженства утешиться после напряжённой ночи. Подъехав к подножию, как принято, прочли Нагорную проповедь, полюбовались пейзажем и направились к католическому францисканскому храму Преумножения Хлебов и Рыб, где Господь накормил пятью хлебами и двумя рыбинами пять тысяч человек. А дождь и не думал прекращаться... Мы свернули под ближайшую храмовую крышу, под стропилами которой нашли себе

укрытие какие-то местные птицы. Они довольно громко чирикали и носились над нами. А у входа, в каменном бассейне, плавали разноцветные рыбы, батюшка сказал, это форель. Капли дождя прыгали в воду, так как бассейн был не защищён крышей. Навес был только по периметру двора, в центре которого росла олива. Дойдя под навесом до храмовой двери, мы вошли в сам храм. В центре его стоял каменный алтарь, на котором Господь раскладывал хлеба и рыбу, чтобы накормить собравшийся народ. Под алтарём находится очень древняя и, как говорят, самая красивая на Святой земле византийская мозаика, изображающая корзину с хлебом и двух рыбин. Помолвившись у иконы Спасителя, мы вышли наружу. Уже не обращая внимания на усиливающиеся дождь и ветер, мы дошли до «ослика» и поехали в город Капернаум, точнее, в то, что от него осталось. А осталось, надо заметить, совсем мало. Нельзя сказать, что ничего — фундамент и немного каменной кладки. Зато на территории этого умершего города находится множество монастырей. Если говорить откровенно, я настолько засмотрелся на разбушевавшуюся за лобовым стеклом стихию, что просто пропустил мимо ушей то, о чём батюшка говорил, указывая на монастырские постройки, проносящиеся мимо. Вдруг «ослик» встал невдалеке от монастыря с розовыми куполами, точнее, Александр Владимирович его остановил.

— Это, братья, православный греческий храм Двенадцати Апостолов, — продолжая исполнять обязанности экскурсовода, сообщил нам отец Игорь. — Здесь Господь исцелил расслабленного, друзья которого разобрали крышу дома, пытаясь пронести его к Иисусу, ибо в двери пройти не было возможности...

Дружненько сев в коляски, мы, ведомые спутниками, поехали к храму. Дождь, будто испытывая стойкость сибирских паломников, хлестал нас нещадно. Да и ветер не утихал. Но что нам! Не для того в такую даль приехали, чтобы перед непогодой пасовать. Справа от дороги, ведущей к храму, за металлической изгородью, важно вышагивали павлины среди фруктовых деревьев. На земле валялись мандарины, апельсины, памелы. «Живут же люди!» — естественно, подумал я. А вслух попросил:

— Спой, птичка!

Не услышав ничего в ответ от длиннохвостой птички, я понял, что павлины совершенно незнакомы с классикой советской мультипликации, и потерял к ним всякий интерес. Тем временем мы подъехали к монастырю, закрытому и совершенно не подающему признаков жизни. Пришлось расположиться за стоящим на улице столом, прямо под открытым небом. А Галилейское море вздыбливалось. Батюшка читал молитвы; мы терпеливо мокли и мёрзли. И я уже думал, как бы не заболеть и не стать ещё большей проблемой для друзей. Ведь и отец Игорь, и Александр Владимирович и, конечно же, Николас стали мне настоящими друзьями. И когда мы снова оказались в машине, я облегчённо вздохнул. Дальнейшие наши планы были связаны с горой Фавор. Узкий серпантин, ведущий на Фавор, был почти пуст. То ли погода была такой отвратительной, то ли паломники не такими смелыми, но потоки небесные текли по совершенно пустой дороге. И вдруг, за очередным поворотом, перед нашими глазами появился ответ на все наши вопросы. По горному серпантину, явно не предназначенному для транспорта более габаритного, чем гужевой, дерзнул проехать, пусть не самый большой, но всё-таки автобус. Безумству храбрых поём мы песню, хорошо, если не реквием. Автобус, видимо, занесло на влажном асфальте, и он перегородил всю дорогу, ткнувшись носом в каменное ограждение. Это, ну и конечно промысл Божий, спасли беднягу от полёта в пропасть. Но без специального крана дорогу было не расчистить, и полицейский жестикнул нам о развороте. Ну что ж, решили мы, приедем сюда позже. Фавор, конечно, место значимое, но не единственное. Мы развернулись и поехали в Назарет с целью посетить храм Благовещения, где архангел Гавриил принёс Марии благую весть о зачатии ею от Святого Духа Сына Божия. Перед этим заехали в Кану Галилейскую, где Христос совершил первое своё чудо,

превратив на свадьбе воду в вино. Естественно же, и вино это, может, конечно и не совсем это, но из этих мест, мы не могли не взять с собой. В нижней части храма Благовещения всегда слышен шум источника, у которого, как верят все православные христиане, и получила Мария благовую весть. В конце небольшого холла, куда мы и зашли, располагался вход в пещеру с этим источником. За кованой оградой мы увидели небольшое углубление, выложенное камнем и усыпанное множеством монет. С левой его стороны и бил источник, уходящий куда-то по трубам. А по краям каменной кладки стояли маленькие иконки. Мы немного обсохли и согрелись.

«Вы-то обсохли и согрелись. А сумки-то ваши? Небось, под эвкалиптом промокли и застыли», — услышал я голос то ли совести, то ли ночного плохого настроения.

— Ах, ты ж, батюшки! — вырвалось у меня.

— Что, Георгиус? — отозвался батюшка.

— Да вспомнил вот, что про багаж-то мы и забыли совсем. Вымокло всё, наверное.

— Помню я, — начал успокаивать отец Игорь. — Мы с Александром Владимировичем всё надёжно спрятали и ветками укрыли.

— Ну, значит, зря переживал, — выдохнул я, обращаясь скорее к обеспокоенной совести.

— А сейчас снова на Фавор! — услышали мы от батюшки.

Дождь лил и лил. Фавор окутали редкие облака. На серпантине не было ни одной машины, кроме «ослика», конечно. Но на лице отца Игоря, в зеркале заднего вида, читалось сомнение.

— Не знаю, пустят нас, не пустят? Паломников совсем нет. Могут, конечно, и не открыть. Не знаю.

С этими словами «ослик» подъехал к монастырским воротам. Наш гид вздохнул и вышел под дождь. Перекрестившись, он позвонил в висящий у ворот звонок. Но сколько ни звонил батюшка, ворота так и не открылись. Устав звонить и намокнув, он вернулся в машину.

— Ну, вот и не ждали нас тут. Скоро вечер. Надо уже думать о ночлеге, не под дождём же кости студить!

— Батюшка, — взял я слово, — а помните, нам Наталья, из Дома Закхей, говорила, отец Киприян жалел, что не смог с нами попрощаться? Может, исправим положение и заедем в гости к хорошим людям? И поздороваемся, и попрощаемся потом.

— Неудобно как-то, — помолчав немного, промолвил отец Игорь. — А впрочем, под дождём неудобнее, — и, махнув рукой, добавил: — Александр Владимирович, поехали за багажом.

— Поехали, — отозвался тот и нажал педаль газа.

Небесная «сантехника» сломалась окончательно, и вся вода напрямую текла вниз. Дворники с каким-то неземным усилием спихивали её с лобового стекла. К тому же на горе сгустились облака, сделав путь наш почти невидимым. В голове, как на табло, неизвестно откуда, выскочило: «21.12.2012 г. Конец света». Понимая, что это бред, я с удовольствием наблюдал, как уверенно Александр Владимирович крутит баранку. Да и в конце концов, сегодня только двадцатое!

За сумками друзья наши сбегали, разумеется, без нас: чего всем грязь месить! Вещи впрямь промокли, но не так чтоб уж насквозь. А в Доме Закхей, если и не сильно нам обрадовались, встретили радушно. В Иерихоне было сухо. Выслушав наш рассказ, настоятель сказал, улыбаясь:

— А у нас дождь раз в пять лет — пустыня как никак.

И тут же капли дождя пали на сухую землю. Вот и очередная пятилетка, с мелким сарказмом подумал я. А дождь всё усиливался, и мы поспешили под крышу. Нас накормили и расселили по уже обжитым нами кельям. Лёжа на кровати, я с содроганием вспоминал прошедший день.

— Дождь у них раз в пять лет!.. Шалишь! — вдруг тихо сказал я и улыбнулся.

В-девярых: «Такого неба я ещё не видел»

Как здорово всё-таки просыпаться не под эвкалиптом, да ещё и не под дождём!

— Как хорошо! — потягиваясь в кровати, почти простонал я. — Двадцать первое уже число, а никакого тебе конца света. Снова обманули!.. Как хорошо, как хорошо!

— Да, хорошо устроились, — поддержал меня Николас. — На улице дождь не прекращается, а мы под крышей, в тепле и сыты... Поднимайся, на литургию пойдём.

— На литургию, это хорошо, — согласился я.

Оглядев келью, залитую нежно-розовым светом, я откинулся спиной к стене и прикрыл глаза. Но вспомнив о литургии, стал усаживаться в кресло. Вскоре зашёл и отец Игорь. Он повёз меня к выходу. Стоило нам пересечь двор, как мы сразу оказались у небольшого строения, являющегося здесь молельным залом. Заехав внутрь, мы приятно удивились, снова повстречав делегацию грузинских школьников и сопровождающих их педагогов. Службу проводили три батюшки, отец Киприян и два святых отца из Грузии. Когда читал отец Киприян, на клиросе пела Наталья, а когда выходили грузинские батюшки, пели две грузинки на родном языке. Причём происходило это в полной гармонии друг с другом. Такое единение вызывало давно забытые братские чувства. Окончив литургию, батюшки благословили нас, и отец Киприян пригласил всех в трапезную. На столах, покрытых белыми скатертями, стояли блюда с финиками, бананами и конфетами. Тут же были чашки с чаем и пустые бокалы.

— Дорогие гости, — говорил настоятель, — чай, который мы с вами пьём сейчас, заварен на местном иерихонском шалфее. Это очень вкусно и полезно.

Пусть простит меня отец Киприян. Он очень хороший человек и замечательный священник, но чай был всё же совсем невкусный. Но зато конфеты и финики были очень даже ничего. А вино, выставленное из монастырских подвалов, имело превосходный вкус и настраивало всех на приятное общение. После тёплых слов, сказанных друг другу, дошло дело и до пения. Знаменитое грузинское пение снова и снова радовало слух. Мы тоже не ударили лицом в грязь и спели наше, русское. Всему, однако, приходит конец. Расставание было тёплым, но печальным. И долго потом ещё, казалось, звучали красивые, добрые, немного гортанные голоса под сводами трапезной. Мы, ощутив на миг вкус забытого уже единства, даже не замечая этого, держались друг к другу поближе, стараясь найти любой способ, чтобы продолжить общение. И совместно приняли решение — сегодня устроить себе выходной и никуда не уезжать. К счастью, никто нам не возразил. Перед сном я вышел в коридор, где в прошлый раз увидел так понравившийся мне крестик. Он, или такой же, лежал на прежнем месте. Но в этот раз крестик мне показался абсолютно обыкновенным. Я пожал плечами и пошёл спать.

А дождь ещё днём как-то незаметно прекратился. Да и конца света так и не случилось.

Как всегда, за период нахождения на Святой земле, проснулись мы рано. Солнце в Израиле в это время года встаёт в шесть утра. Вот и мы приучились вставать вместе с ним. Несмотря на это, чувство усталости и сонливости я, по крайней мере здесь, никогда не чувствовал. Наоборот, всегда был бодр. Думаю, и остальные могли сказать так же. Умывшись и попив чаю, мы попрощались с Домом Закхея, ставшего для нас самым родным здесь домом, взяли вещи и пошли к «ослику». Александр Владимирович с Николасом были уже в машине, когда и мы с батюшкой вышли из дома и направились к ним. Я приветственно махал им, а отец Игорь вёз меня прямо к бордюру, всё ближе и ближе. Я ни о чём не думал, так как и не такие препятствия мы уже одолели...

Коляска сорвалась передним колесом вниз, и меня выбросило вперёд. Опыт какой-никакой по экстремальному покиданию своего транспортного средства уже был у меня за плечами. И я довольно удачно сгруппировался перед встречей с дорожным

покрытием. Было больше шума, чем причин для него. А всё оказалось просто. Вывезя меня на улицу, батюшка развернулся, чтобы закрыть за собой входную дверь. Небольшой уклон, небольшая потеря контроля — и небольшое самостоятельное путешествие вниз к дороге с совсем уже небольшой ссадиной на руке. Конечно, и Александр Владимирович, и отец Игорь испуганно кинулись мне на помощь. Но, увидев мою улыбающуюся физиономию, облегчённо вздохнув, посадили меня в седло. И вот уже зелёные ворота закрылись за выехавшим «осликом», теперь уже окончательно.

— Всё, друзья паломники, — сказал батюшка, — сегодня «ослик» возит нас последний день. По договору, его уже пора сдавать обратно в пункт проката. Так что едем в Иерусалим. Там посетим ещё некоторые святы места, потом найдём гостиницу, где и оставим вас, Георгиус и Николас, с вещами. Сами же с Александром Владимировичем отправимся сдавать машинку. Ну и дальше — по расписанию.

Ещё не зная, что там дальше по расписанию, я загрустил. Всё же я его уже успел полюбить — «ослика» нашего. Но до обеда мы ещё будем вместе, думал я, незаметно поглаживая переднюю панель машины.

Расстояния израильские, я уже говорил, по сравнению с Сибирью — к соседу зайти. Совсем скоро, дождавшись на КПП «Таможня даёт добро», въезжали на Масличную гору. Там мы посетили монастырь Русской зарубежной церкви Воскресения. В отличие от просто Русской церкви, её основали русские эмигранты, а прихожанами являются их потомки, возможно, никогда и не бывавшие на Русской земле. Они ещё разговаривают на русском, но уже с заметным акцентом. На территории монастыря возвышается часовня, видимая отовсюду. Её называют здесь Русской Свечой. Помолвившись тут у места обретения главы Иоанна Предтечи, мы посетили саму часовню Вознесения, видели камень, на котором стояла левая стопа Спасителя и отпечаталась на нём. Потом побывали в католическом монастыре кармелиток, где Иисус учеников своих, во второй раз, учил молитве «Отче наш». Внутри его на боковых стенах галереи находятся тридцать три мраморных доски с текстом молитвы Господней, написанной золотыми буквами. Посетив ещё несколько замечательных мест монастыря, мы покинули его. Сев на «ослика», доехали до смотровой площадки, с высоты которой весь Иерусалим виден как на ладони.

— Вон, — начал обзорную экскурсию батюшка, — францисканская церковь Слёз Господних, построена в память о слезах Иисуса Христа за грядущее разрушение Иерусалима. А вон там, — продолжал он, отводя руку правее, — видны золотые купола православного храма Марии Магдалины, где покоятся мощи Святой Варвары. Далее — католический храм Всех Наций...

Отец Игорь, словно желая открыть для нас все тайны древнего города или просто не желая самому отрываться от столь прекрасного зрелища, всё говорил и говорил. Про иудейское и мусульманское кладбища, находящиеся на Елеонской горе, на которой быть похороненным считается большой удачей, так как будешь находиться ближе к Золотым вратам Иерусалима во время Страшного Судилица и вернее получишь прощение. Рассказывал он и про Геенну Огненную, ущелье на территории Иерусалима, где сжигался всякий мусор и трупы преступников и куда через Навозные Ворота стекались нечистоты. Указуя на Стену Плача и на мечеть Купол Скалы, отец Игорь говорил и говорил... Но всё имеет завершение. Завершилась и наша обзорная экскурсия. Александр Владимирович с Николасом пожелали спуститься от площадки по каменным ступеням к великолепному храму Марии Магдалины, а мы с батюшкой смиренно ждали их у «ослика». Вскоре они вернулись, и мы поехали к подножию горы, к католическому храму Всех Наций, построенному католиками различных государств. В это место Иисус, взяв с собой трёх учеников своих, приходил молить Отца своего о том, чтобы пронёс чашу мук мимо него. Помолвились и мы, и отправились в Старый город. В Иерусалиме, в первую очередь, мы нашли офис фирмы, сдавшей

нам в прокат «ослика». То ли мы не поняли евреев, то ли они нам плохо объяснили, но оказалось, что мы опоздали на сутки с возвращением транспортного средства. К тому же мы совсем забыли, что наступила суббота и очередной Шаббат. Сотрудники офиса уже закончили работу, и сдать машину теперь получится только в понедельник.

— Видимо, штраф придётся заплатить, — то ли утверждал, то ли спрашивал батюшка.

Довольно быстро нам удалось найти хостел (гостиницу в Старом городе), доступную нам по цене. Ну, с «гостиницей» — это я погорячился, приют с маленькими кельями на шесть коек. Может возникнуть вопрос, как же шесть коек уместилось в маленькой келье. Ответ прост, как и всё гениальное, — койки были двухъярусные. Но занимали эти роскошные апартаменты только мы, и это компенсировало нам мелкие неприятности в виде общего на этаж туалета, окошка под потолком и отсутствия отопления. Зато на нашем втором этаже, а гостиница была трёхэтажной, находился шикарный холл с просторным диваном, столиком и кофейным автоматом. Разместившись у себя в комнатке и разложив вещи, мы вышли туда поужинать. Кофе, оливки и лепёшки — как обычно. Кроме нас здесь почти никого не было, разве портье за конторкой у входа общалась со своими братьями — хостел, как мы поняли, был делом семейным. Мы сидели, а мысли наши были уже на обратном пути домой. И хотя оставалось ещё трое суток до момента возвращения четырёх паломников со Святой земли, и хотя в разговорах домашняя тематика всячески ещё избегалась, но глаза... глаза-то говорили обо всём! Так, наверное, смотрели друг на друга Одиссей и его спутники.

Утром мы отправились к Гробу Господню. Я впервые поднялся на Голгофу, вернее, меня подняли. Лестница была весьма крута, с высокими ступенями, и закруглялась кверху. Но батюшка всё же решил на этот весьма и весьма небезопасный подъём. Александр Владимирович страховал меня снизу, и мы мало-помалу вскарабкались. Там уже выстроилась очередь из желающих прикоснуться к месту, где когда-то стоял Крест Распятия. Многие целовали это место. Подошла и наша очередь. Отец Игорь и Александр Владимирович, взяв меня под мышки и за ноги, поднесли к отверстию, в котором стоял крест, и я коснулся его рукой. Все остальные из нашей четвёрки проделали то же, но самостоятельно. Потом мы отошли в сторонку и начали молиться. Священник, несший службу на Голгофе, подошёл к нам с Николасом и помазал крестом образно лбы и руки каким-то маслом. А мужчина, молившийся рядом, захотел подать нам по десять долларов. Я уже говорил, что отказываться было неудобно. Поданное я тут же передал в наш общий фонд.

Выйдя из храма, батюшка сел отдохнуть на каменную лавку, а я остановился рядом. Яркое светило солнышко, оно согревало наши выстуженные иерусалимскими ночами тела. Вдруг отец Игорь тронул меня за плечо и указал на небо. Я поднял голову и удивлённо замер. Такого неба я ещё не видел. Будто отара белых овец паслась на голубом лугу, ограждённом стенами и крышей храма...

В-десятих: «Домой!»

Жизнь штука парадоксальная. Чем дольше сидишь дома, тем сильнее хочется вырваться куда-нибудь. Но стоит этому желанию материализоваться, как с каждым днём тоска по этому самому дому разрастается до неприличия. Вот и я, всего ничего как покинул родные стены, и всё мне в радость, всё интересно, ан нет — скучаю. «Скучно, видите ли ему, на земле на райской-то! — укорял я себя. — А в раю-то, если что, как будет? Э-эх, прости мя грешного, Господи!..»

Наконец, мы в полёте. Домой, скорее домой!

Я чувствовал себя на подъёме, что, впрочем, соответствовало действительности — в небе всё-таки. На центральном дисплее салона, по синей стрелке, ведущей

от Тель-Авива к Москве, двигался нарисованный самолёт. Перемещался он так, перемещался и, наконец, ткнулся носом в кружок с надписью «Москва». За иллюминатором жмурилась ночь и сияла многочисленными огнями столица. Двигатели самолёта смолкли, пассажиры потянулись к выходу. Когда салон опустел, вошли двое, при виде которых радостно забилося сердце. Это были провожавшие нас в Израиль специальные служащие аэропорта. Пожилой мужчина и парень лет тридцати тоже вспомнили нас и заулыбались как родным. С явным профессионализмом, как и в прошлый раз, нас переместили из самолёта в здание порта. Эх! Как сладок всё же воздух родины!

Вскоре мы были уже там, где расстались с сопровождающими нас служащими аэропорта и где должны были встретиться с ними снова. Несколько часов ожидания тянулись и тянулись. Мы с Николаем посетили каждый уголок, доступный для наших колясок, заглянули во все ларьки и буфеты и, наверное, надоели отцу Игорю своими разговорами и расспросами. И всё же наступило долгожданное «наконец-то». Когда мы находились уже в полудрёме, появились наши сопровождающие.

— Ну, как вы тут? Готовы? — берясь за коляски, спросили они. — Поехали!

Вскоре мы уже сидели в комфортабельных креслах лайнера, готового вот-вот взлететь. Долго выруливали. В салоне стало невероятно жарко, и я снял через голову джемпер. То, что на нём висели мои очки, я тогда не вспомнил. Наконец, огни стали уплывать вниз, а мы, наоборот, подниматься вверх. Мы возвращались! Ночь за иллюминаторами сузила весь мир до размеров соседних кресел. И лучше всего, конечно, было бы поспать. Но какое-то внутреннее беспокойство не позволяло мне закрыть глаза и задремать. Я несколько раз просил у стюардов воды и сока.

А потом я увидел удивительную картину. Когда жизнь проходит не в полёте, а на земле, смена времени суток происходит плавно. Ночь всегда постепенно, потихоньку рассеивается, разгораются утренние краски. Совсем другое дело в небе, когда смотришь на мир из иллюминатора. Там существует чётко видимая граница между ночью и днём. Из мрака ночи мы за секунды попали в дневной свет. А вскоре по громкой связи объявили, что самолёт совершает посадку в аэропорту города Иркутска.

Я спешно стал натягивать через голову джемпер — всё-таки зима за бортом. И вдруг понял, что очки, которые до того висели на его воротах, пропали. И пока я пытался безуспешно искать их под креслами, сам и с помощью соседей, самолёт благополучно

приземлился. Пассажиры начали покидать самолёт, и тогда я понял, что уже ничего не найду. Да и Бог с ними! Паломничество наше прошло замечательно, а очки — плата за это небольшая. Я просто не знал, что очки это ещё не всё. В салоне оставались лишь мы, когда в него зашли рабочие аэропорта с целью

В иркутском аэропорту

нашей выгрузки из самолёта. Конечно, кресла для передвижения по узким проходам салона у них не было, подъёмника на базе автомобиля — тоже. Надо понимать — не столица! Да и грузчики, исполняющие роль сопровождающих, чувствовалось, опытом в таких делах не отличались. Но куда деваться — работа такая. Сначала в карету «скорой помощи», подъехавшей к трапу, перенесли Николая. Это-то как раз было несложно. А потом всё равно надо было приниматься за меня. Взяв меня под мышки и за ноги, рывком вынесли в проход и... и поняли, что нести, пусть даже вдвоём, почти центнер живого веса как-то уж очень тяжело. А нести-то надо. Если несущий ноги как-то ещё справлялся, то у несущего остальное это самое остальное буквально выскальзывало из рук. И вот уже я голой спиной вытираю коврик салона, а уши сжаты ногами бедолаг-грузчика. Чувствуя, как отрываются мои уши, я понял, что очки мне и в самом деле не нужны — носить будет не на чем. Я громко возмутился этому факту. Сопровождающие растерялись и просто опустили меня на пол. В салон вошли ещё один грузчик и какая-то женщина. Погадав, как быть дальше, они стали оправдываться, наверное, передо мной, что ничего у них не приспособлено для таких вот случаев, что много раз обращались к начальнику аэропорта, однако, воз и ныне там.

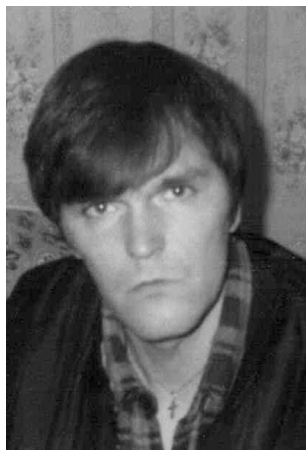
— И почему никто из вас сам не пишет жалобы? — обратилась женщина, видимо, ко мне.

Я молча улыбался. А что мне было делать? Наконец, подошёл отец Игорь. Дав указание поставить мою коляску перед трапом, он просто взял меня под белы ручки, поднял и посадил на неё. Затем скатил коляску вниз по трапу и усадил в «скорую». Я даже какую-то радость почувствовал — вот какие у меня друзья! В аэропорту меня уже встречали — Лида весь Братск подняла по тревоге. Сергей Губарь и Игорь Михайлович, церковные водители, как раз были в Иркутске по делам церкви. Попрощавшись с Николаем и Александром Владимировичем, мы отвезли батюшку Игоря в центр Дикуля и отправились в десятичасовую дорогу домой.

Описывать дорогу не стану, боюсь, не закончить повествование. Скажу лишь, что уже на самом подъезде к Братску аккумулятор стал умирать. Пришлось отключить свет и отопление салона. Так и ехали, в темноте и в холоде. Отец Андрей был постоянно с нами на связи и в готовности выехать на помощь в любое мгновение. Но, с Божьей помощью и с молитвой, мы подъезжали всё ближе. А потом аккумулятор ожил, и мы благополучно добрались. Всё в руках Божьих!

ВЯЧЕСЛАВ ТЮРИН

Не свернуть со стези,
не предать языка...

* * *

Кровоточат ветвистые жилы,
небывалая осень горит.
Всё, что в сердце безвыходно жило,
поднялось, о любви говорит.
О любви к этой серой дорожке,
что петляет меж пёстрых стволов,
о бессоннице в чёрной сторожке,
о буграх уходящих голов,
там, на стогнах, среди суматохи
городской и среди толчеи.
О любви к уходящей эпохе,
где все лучшие годы мои.

ТЮРИН Вячеслав родился 23 марта 1967 г. в Республике Саха (Якутия). Семья долго кочевала по Северу, пока не осела в Красноярске, затем в пос. Лесогорск. Стихи пишет с 1992 г. Автор книг *«Всегда поблизости»* (2001), *«Розы в стране гипербола»* (2006). Печатался в журналах «Знамя», «Сибирские огни», «День и Ночь» «Сибирь». В 1998 г. занял первое место в номинации «Поэзия» на областной конференции «Молодость. Творчество. Современность». А в 2001 г. удостоился Гран-при конкурса «Илья-премия». Член Союза российских писателей. Живёт в Лесогорске.

Календы ноября

Календы ноября! ненастные календы!
Шуршат о чём-то зря надрывы киноленты.
Автобусы с утра качают незнакомца.
Всплывёт из-за бугра ваноговское солнце.
«Порядок и закон», — выкрикивает зомби,
плюётся в мегафон, торчит на горизонте.
Размазано везде, куда ни тычет зрение,
как будто кто в беде — сквозное настроенье.

В подвал, где подают от Вакха анекдоты!
Накуранный уют и вспененные соты.
Достоинство бродяг, имеющих изжогу
жителей передраг, крепчает понемногу.
Снаружи листодёр ещё гнёт ветлы долу,
а здесь уж разговор, уже тоска по дому.
Клеёнчатые цветы на фартуках у женщин,
чья помыслы чисты, но кругозор уменьшен.

Ноябрьская хмарь оглядывает окна.
Налей ещё, корчмарь! Ты тоже одинок, но
зато невозмутим, что многорукий Будда.
Сквозь узловатый дым виднеются, как будто
набросок от души, расплывчатые лица,
фиксатые мужи, чья цель — опохмелиться.

Погоде наплевать на содержание сводки.
Скрипучая кровать, разбросанные шмотки,
бумага на столе, в углу — паучья пряжа.
Слегка навеселе идёт ночная стража.

Как резвые чтецы своих произведений,
куда бегут часы, не знает даже гений.
И вынужден сновать туда-сюда челночник.
И мысль обосновать не может полуночник
о том, как далека другая половина.
О чувствах двойника, чья суть неуловима.

Разносчики дождя, меха с холодной хлябью
над площадью вождя, чью кличку помнит бабью
весёлая страна, — висят, как дирижабли.
Смеркается. Луна блестит подобно сабле
над сетью фонарей. И путник угловато
замедлил у дверей, прославленных когда-то
способностью служить поющим бастионам
сердец, готовых жить по собственным законам.

И вот уже легли на клавиши те пальцы,
что некогда могли сыграть для постояльца
дешёвых номеров, особенно под вечер,

когда закат багров и небеса как глетчер, —
регтайм из рваных роз, забывчивых и нежных.
Расти, ночной рогоз, дождись весны, подснежник!

Так, с песней на устах герой повествования
отряхивает прах истлевшего преданья.

Днём облака плывут, и всадники на фризах
по-своему живут, а ночью — только призрак.
Мозаика бойниц остекленевшей груди
бетона да возниц тугие перегуды.

Грохочут поезда на дальнем перегоне.
Я буду, как всегда, трястись в общем вагоне;
за тамбурной слюдой метаться, точно в клетке,
испорченный средой пацан на малолетке,
покуда не возник из душного содома
лукавый проводник сказать, что вот и дома.

Штатается молва в бессонных переходах
вокзала, чуть жива. Неутомимый «кодак»
тарашится на вещь из путаницы мозга,
как будто в этом весь смысл жизни, вся загвоздка.

О, вне календаря вы справлены по-царски,
календы ноября в ненастном Красноярске!

Костёр в заповеднике

Некий мыслящий дух,
очевидно, таится в расслабленном теле,
раз оно, демонстрируя как бы готовность к броску,
всё, что сказано вслух,
понимает буквально, пока на постели
не замрёт начеку.

Тишина в небесах
обусловлена тем, что все птицы находятся в гнёздах.
Там уютно, тепло.
Сотрясая в сердцах
и грабастая крыльями воздух,
молодая сова покидает дупло,
чтобы где-то на пятой версте
цель ночного полёта
стала жертвой когтей, растерзавших её на куски,
в темноте заповедника, в той темноте,
где желанней охота
и не видно ни зги.

Спи. Ведь только во сне,
в этом мире, лишённом границ и таможен,
отдыхает душа, когда телом устал
наяву, по весне,
стеклотарою в сумке бренча, ветерком обнадёжен.
И возник по ту сторону взгляда, где жёлтый металл
в виде ценной бумаги лежит на зелёном сукне,
за столом игроков возбуждая внимательный шелест,
либо с блеском во рту коронует обточенный клык,
тяжеля с непривычки, что призрак в окне
чью-то нижнюю челюсть
в жанре читанных книг.

Я пишу в никуда,
полагая возможным ответ ниоткуда
с пожеланьем любви.
Мимолётны года,
Постоянны лишь мы со своим ожиданием чуда,
растворённом в крови.
Что же слышно поглубже в лесу, кроме визга пилы?
Кроме плача зегзицы по сгинувшему в местных дебрях
путешественнику? Да почти ничего. Глухомань,
равнодушная к выстрелу, плотно сомкнула стволы.
Она сплошь сговор сил, к человеку враждебных
и с него собирающих ночью бессонницы дань.

После краткого ливня маслята в соседнем бору
появляются на люди в шапках защитного цвета,
словно мысли земли.
С монотонностью дятла, долбящего клювом кору,
незаметно кончается дачное лето,
сигареты, рубли.

Меньше солнечных дней,
чем хотелось бы жадному взгляду.
По вечерней стране пробегает дождливая дрожь.
И все звёзды над ней
как-то ярче горят, образуя плеяду,
перед тем, как начать откровенный балдёж.

У большого костра
бронзовеют и кажутся масками лица.
Ненасытным огнём пожираемых дров трескотня,
словно песня, стара.
С нею можно спокойно делиться
впечатлениями дня.

* * *

Отрешённость осеннего леса,
где застучает вас только дятел.
Заповедные дебри Велеса,
что назад все пути закосматил.

То ли цапля кричит на болоте,
то ли просит душа разговора.

Словно вырваться хочет из плоти
в златостволье соснового бора.

В многостворчатый сумрак чертога,
на цветами заросшую площадь,
в резиденцию Господа Бога,
Чья десница шершава на ощупь.

* * *

По утрам, наблюдая восход светила,
я не ведаю точно, как это было,

то есть было и стало на самом деле,
чтобы шар вращался и птицы пели.

Да, пожалуй, земная твердь неподвижна,
ну а солнце погаснет скоропостижно.

Хорошо в телескоп на звёзды глазети
иль читать о курсе валют в газете.

Хорошо, когда мир и никто не мёртвый
от свинца или подруги чёрствой.

Стоит, кажется, только нажать на кнопку,
и судьба вам преподнесёт обновку.

Но мы как-то забыли, что вещь — в работе
и ей нету дела до нашей плоти.

* * *

Перемычки коридоров, переключки постояльцев,
простыня казенной койки, обезглавленные сны,
недосолы разговоров, перехрустыванье пальцев
да тщеславные помойки расплескавшейся весны.

А сограждане под утро, словно глупые котята,
слепо тычутся в троллейбус, утрамбованы с трудом.
иней на ветвях — как пудра, на душе холодновато,
и мигает, точно ребус, окнами кирпичный дом.

* * *

Пепел сыпался на рукопись,
и дремала голова.

Грибники в лесу аукались,
словно в словаре — слова.

Мгла висела подворотнями,
вроде вражеских знамён.

У пейзажа смысл не отняли —
всё равно его поймём,

Весь, со всем его орнаментом,
листопада глядя сквозь,
по местам гуляя памятным,
вспоминая, как жилось.

* * *

Фонари-светляки разводили всё лето вокруг
обладателей душ акварельные сумерки сквера,
задевая сюжетами скорбно заломленных рук,
и росла в одиночестве древлезаветная вера.

До скончания дней оставайся начальником грёз
относительно кружев осеннего ритма прогулок.
Относительно ветра, которому жалко до слёз
уходить, оставляя в покое родной переулочек.

Говорливее чётко и чёрного хлама хандры
тупики зазеркалья, шагаловы грани задворков,
эти как бы попытки расширить окрестность игры,
поднимая листвы за собою шафрановый ворох.

У вокзала меняется паства, но всё же приют
остаётся приютом и теплится, будто ракушка.
Приклони своё ухо. Послушай, кого там зовут
и кому приготовлена жёсткого света подушка.

Каннелюровы ноги в колготках, однако, не жди,
что проступит из мрака пилястра легендой складок.
Если даже проклюнется что, проливные дожди
заштрихуют твою неорганику тусклых догадок

о лачугах орды, где кочует дремотная хмарь.
О предместьях Эдема, где свет изуверски проскважен
позывными гудками куда-то несущихся харь
и казнён экскрементами демократических башен.

* * *

Я бедствовал однажды на селе,
спрягая хриплым голосом глаголы
перед оравую навеселе
гудящих, как откормленные пчёлы,
мальчишек и девчонок, чьи глаза

мне говорили больше, чем тетради.
Когда какая-нибудь егоза
меня звала на перемене «дядя»,
то «дядя», перед тем как занемочь
ото всего, что связано с проверкой

каракуль, украшавших ему ночь,
ей отвечал учтиво: «Не коверкай».
И продолжал разбрасывать зерно,
которое всходило понемножку.
Затем пришёл указ от гороно,
и начались набег на картошку.
Почти неделю все кому не лень
меси́ли грязь и собирали клубни.
С мозгами, съехавшими набекрень,
я пользовался ночью, дабы глубже
зарыться в одеяло с головой,
любовью не страдая как занятием.
Я был для неё как бы голубой

и шел её причёске, смеху, платьям.
Очнувшись пару месяцев спустя
в гостинице, голодный и небритый,
я к этому отнёсся, как дитя.
Как Мастер, удручённый Маргаритой,
из плена совершившего побег
без помощи метлы, в тот девяностый,
когда на землю мирно падал снег
и хлопья были крупными, как звёзды.
Но — таяли на солнце. Только стих
на память о случившемся мне дорог.
Он — всё, чего я, собственно, достиг,
учительствуя в узких коридорах.

Песня для дальнобойщика

1

Одна мысль ускользает ящерицей в кусты
перед носом у дальнобойщика, но другая
появляется с наступлением темноты,
голосуя на трассе, погоду судьбы ругая.

Что там ещё за новости? Резко по тормозам.
Как глазницы голодного дога, пылают фары.
«Не подберёте до города?» — «Надо сказать «сезам».
И всякие разные мысли, числом как монголо-татары

берут его башню приступом, изводя
мозг эпизодами счастья, — вроде прокрутки фильма
в пустом кинозале, под барабан дождя.
Но, в общем-то, все приемлемо. Даже стильно.

Ворона кричит на ломаном языке
древних людей о том, что всё это лажа.
Стоит ли возражать, если перо в руке,
чай на столе, в начале ночная стража?

Разве не к этому все мы так долго шли?
Каждый своей дорогою нёс котомку
со снедью, дикорастущей из-под земли,
в подарок изголодавшемуся потомку.

Сетуя на библейскую суету,
всё же взгляни вокруг. Озираться надо.
И, набирая медленно высоту,
камнем сорваться под ноги променада.

В гуще толпы завязнув, обратно ввысь
резко рвануться: через колючки — к звёздам.
Или на чём-то более близком остановись,
если не вышел ростом.

Это же так естественно. Даже зверь
с номером навороченной иномарки
вряд ли станет ломиться в любую дверь,
чтобы спросить там спичек или заварки.

2

Редая на подступах к городу, дебри тайги
меняют окраску. Тучи висят, как горелая вата.
Ковыряются в солидоле многодетные битюги,
бабы в оранжевых куртках орудуют угловато,
дергая на развилках за рычаги.
Жизнь, она приключениями богата.
В смысле, чревата возможностью, вставши не с той ноги,
кончиться раньше времени, как зарплата.

3

Содрогаясь от наваждения, человек
открывает глаза и всматривается в небо,
как авгур. Неужели скоро повалит снег,
рассуждает он про себя, неприятель снега,

летописец тоски, меняющей адреса,
узник совести, самоучка, певец абсурда,
в силу коего совершаются чудеса
и паршивых овец отлавливают из гурта.

Вероятность, что мы не встретимся никогда,
велика. Впрочем, как и всякая вероятность.
Я не знаю, куда уходят мои года
и не верю, что Боги заново сотворят нас.

Очевидно, что просто кончится монолог,
адресованный в пустоту. Перестанет петься.
Человек из народа вычтется как налог
на ту жизнь, что была им прожита горше перца.

4

Ангелам остаётся крыльями развести.
Буквы пляшут перед глазами, словно чёрные человечки.
Смерти не скажешь: «Уйди. Считаю до тридцати
семи», чтобы ждать её в январе, возле Чёрной речки,
а вовсе не моря, шумящего далеко,
словно мятежное войско на стогнах Рима.
Вслушайся в эти волны. Как на душе легко
было тому, кто, расслышав эхо в ущельях Крыма,
воспел эти каменистые берега,
молчаливые кипарисы на страже чудом
уцелевшей Эллады, что памятью дорога

для певца, высоко равнодушного к пересудам
о себе, но сражённого ревностью по любви.
Ибо стрелы калёные есть у неё в колчане.
Так реви же, пучина, вздымая валы, реви!
Делай тризну по брату, ведь вы с ним однополчане.

Ливонец и корова

«И краткое» похоже на ливонца,
пришедшего, как тать, под стены Пскова,
где тусклое ноябрьское солнце
вот-вот за горизонт уплыть готово.
С одною ставней так косит оконце,
когда в нём отражается корова.
Без лишних слов всё становилось ясно:
корова пережевывала силос;
ливонец возражал, как контрабас, на
то, что в вечернем воздухе носилось.
«Соваться на рожно — тебе наука!»
Врага не катапульти поражали,
но крики с крепости: «Смотри-ка, бука!

Сюда ползи!» Над ним открыто ржали
посадские, рогатиною тыча:
«Проваливай, откель явился, немец!»
Такая вот воинственная притча,
священная война, где прав туземец.
И ты, царица с добрыми глазами,
зелёный цвет прославившая белым,
ты Господу покорней, чем в исламе,
сильней, чем на аспидных досках мелом
изложенное с хрустом наставленьё:
недаром же ты мне в строку попала,
рогатый символ русского селенья,
которое судьба замордовала.

* * *

Даже если подамся в иные края,
никогда не забуду,
как растила меня ты, Россия моя,
как вела меня к чуду

песнопения. Этим обязан тебе
я и Богу, конечно.
Крепко спаян с тобой в разночинской судьбе.
Ты вела меня нежно

через вьюгу, колдобины, ямы, тайгу,
торфяные болота.
Я тебя в своём сердце навек сберегу —
это долг патриота.

Потому что нельзя позабыть твой народ,
твой язык, твоё имя.
Можно просто пойти по одной из дорог,
что зовутся твоими.

Не свернуть со стези, не предать языка...
Край певучих наречий!
Только здесь я могу созерцать облака
и твой лик человеческий.

АНДРЕЙ АНТИПИН

У самого синего моря...

ПОВЕСТЬ

I

С вечера зябко и морошно. Сырое тёмное облако, полное крупного огня и фосфорического света, встаёт со стороны реки и, пронёсшись над селом чёрной зыбучей тенью, наконец наплывает на широкий двор старика Аксёнова, кружит над высокой рубиновой избой из выморенных лиственниц.

Сам старик в прострелянной ольховым костром телогрейке, напущенной на плечи, сидит на крыльце, щербатом от облупившейся краски. Щурясь, чтобы вернее взять глазами предмет, узким надфилем на деревянной ручке он правит якорьки блёсен из прожжённых самоваров, медных и латунных. Обласкав затупленные острия подпилком, пробует цепкость крючков, проводя ими по глянцевой ладони. Если крючок зарочит за незримую царапку на коже, старик удовлетворённо матерится:

— Ну так, так её!

Когда же измытый точилом тройник гладит руку, старик с сокрушением швыряет крючок под крыльцо, в щель между половицами, под которыми он пролежит до скончания своего железного века, пока его не сглохнет ржа, но старик-то, конечно, сгниёт раньше.

АНТИПИН Андрей Александрович родился в 1984 г. в с. Подымахино Усть-Кутского р-на Иркутской области. Автор произведений, опубликованных в журналах и коллективных сборниках: *Теплоход «Благовеценск»*: рассказ (Сибирь. 2006. № 6); *На перекрёстке* (Иркутск, 2009; Наш современник. 2010. № 7); *Житейная история*: роман в повестях (Сибирь. 2009. № 1; 2010. № 2–3); *Солнечный Кавказ*: повесть (Сибирь. 2011. № 4); *Тоска*: рассказ (Радуга: лит. альманах. Вып. 2). Член Союза писателей России.

— Ни туды, ни в Красную Армию! — вздыхает старик, а сам не разберёт, крючок он жалеет или себя.

Корпит он битый час, пальцы его нашарканы скользящим надфилем и надраны крючками, а дело его ничемушное. Он им вяжет руки, ожидая вестей с улицы, и то и дело бросает точить, поднимает сухую голову и ждёт, когда захватанная сальная верёвка натянется в воротах и, лязгнув о скобу, кивнёт вошедшему тяжёлый засов. Однако в проулке тихо, не раскатится под ногой камешек, как будто на тыщу вёрст и вовсе ни души, — и только скворцы с перебранкой таскают изумрудную солому и собачью шерсть в фанерный почтовый ящик без дверцы, в котором они выют гнёзда. И старик смурнеет, брови его хищными птицами летят на озёра голубых от старости глаз, а поджатые блёклые губы шепчут, шепчут, шепчут...

Облако рваным крылом завешивает белый свет, и вот уже старику не видно его мелкой работы.

— Встало, проклятое, расшипе-е-е-рилось! — приладив ладонь ко лбу, старик некоторое время глядит на облако, а затем складывает блёсны в кожаный подсумок и уходит в избу.

Изба его пришлая в селе, в гомозливое время скovyрнул её Григорий Ильич с упразднённого Перевеса и примостил с тутошнего краю, у косого сворта в поле, и печальные машины, которые ползут на кладбище, полвека уже плачут за её окошками. Их шесть, три из них поворочёны на реку, штапики в рамах ссохлись, стёкла клацают от стука двери. В избе убого и тускло не от вечера, а от ненастья, которое принесло с собой рыхлое облако. Его сизое живое пятно накрыло даже огород; он по-весеннему раздет и черён от влажной земли, и в неё с лёгкой руки старухи уже упали первые семена. Пахнет в избе яблочным укусом, прелыми шубами и карманной пылью, а в кухне разъяли кованые челюсти лодочные замки. Когда-то лодок у реки было не счесть, лепились одна к другой «Казанки» и «Южанки», «Оби» и «Прогрессы», примкнутые к огромным якорным цепям, вкопанным в угор, а меж дюралевыми сновали дощатые прогудроненные с задранными носами, и вся эта разнокалиберная флотилия при ветре и волне шлёпалась бортами друг о дружку, а с большой водой заплывала во дворы и огороды или день-деньской шасталась в тальниках по старицам и за брустверами, где мужики караулили сетями рыбу. Нынче лодки распродали и поворовали на металл, затартали в ограды и на крыши сараек, а кинутые без догляда поуволокло с весенним льдом в море Лаптевых. Но раньше рыбаки-охотники поизбылись: кто в город подался, кто в сквозной осинник за полем, а кто издрях в труху и сменил весло на берёзовую палку. Теперь, считай, сколько лодок, столько семей! Иные из уезжавших растеряли ключи и, прежде чем погрузить судёнышко в телегу, поспешно рубили топором лодочную цепь, а самих замков почему-то не трогали, оставляя их на потеху старику Аксёнову, который один никуда не девался и при всяком режиме был тут, как сторож этих мест. В майские тёплые дни, когда отхлынет вода и обнажит склизкое подгорье, старик бродит по берегу и, вороша палкой иной полезный хлам, который набуравили шальные воды, на удачу подбирает к замкам ключи из гремющей связки и радуется, если какой-нибудь провернётся. Замки полны песка, механизмы их скрежещут, будто выкликая голоса своих забытых владельцев. И старик бережёт замки, ибо с годами даже маломальская вещь обретает для него неясное значение, и за каждым замком он помнит хозяина лодки, вообще уходящее село, чью жизнь уже никакими цепями не удержать, громадными замками не примкнуть к земле, — так всё быстро стареет и умирает под этим небом.

— Как Плюшкин, коробчи-и-ишь в избе дрянь! — попрекает старуха, когда он возвращается с добычей и, сев за печкой, щепочкой толкает в замочную скважину жёлтый солидол, а для чего, и сам не знает: в амбаре мышь удавилась, в избе дребедень и уныние, и рады бы, как говорится, приветить вора...

Живут со старухой одинёшеньки, горюют дни и ночи да ждут, когда придёт смерть без стука, унесёт без звука. Старуха строчит швейной машинкой: всё кроит, дура, разнаряды; он загодя подшивает новые валенки — тоже ни к чему, старые бы сносить. Телевизор заглох по зиме — свалило ветром антенну, радио давно нарушилось, его сетчатый зев на семь слоёв зачихало пылью... Ти-ши-на! Собака загопит во дворе — ни он, ни она не шарахнутся к окошку: на двадцать восемь изб молодёжь гогочущая, редок старый чуткий человек, а приедем-то взяться неоткуда. Был сын, да вышел клин, обратился в прах, в маткины слёзы, в раннее седьё отца; деревянная тумба на его могиле пощелялась и скосилась, и ног-то нет у них со старухой наведать родимого, покрасить оградку и одолеть сон-траву. У старухи есть в посёлке сеструха, а в городе братовья; старик же пустынным семенем просеменил по свету, ему и зыбко. И в этой-то гнобящей тоске часто, часто слышится старику то морозный шмыг ноздрей в сенцах, то перемирание половиц у порога, то отперхивание немоты, словно и впрямь Мишка явился с утра поране и, кинув стёганку и верхонки в угол, пьёт в кухне чай. А то он вдруг увидит его на реке, в проулке, в промчавшей машине; и всё-то Мишка сам не свой, в помятом свитерке и брючках-дерюжках, с синими бугристыми руками и удушенным лиловым лицом. На днях поднялся из-за плеча низкий хрипачок и поманил: «Па-па-ня-я!», а когда старик обернулся, то никого рядом не было. И видит, видит старик, закрыв наслезнённые глаза, как сын лежит в узкой могиле, в сопревшем глухом гробу, в истлевших одеждах, и никуда не идёт, и ничего не говорит, и хочется ему только дышать, дышать, дышать...

Старуха с утра упылила в посёлок, не то за магазинским компостом пошла, не то иное бабье заделье сочинила; зарекалась быть к обеду, а сама осталась с ночевой, и без неё даже полаяться не с кем. Старик мается по избе, наступая на свою бледную немощную тень, которая едва плетётся впереди него, и то задёргивает оконные занавески, то отдёргивает. Или застынет в красном уголке и вперится в женский портрет под стеклом: короткие толстые косы, угольные овальные глаза, грубые мужиковские скулы, а под угловым разрезом платья, налезшим на самое горло, — фарфоровая брошь... Он сопит, крикает от досады на своевольную старуху, на дымчатую паутинку, пересёкшую фабричную рамку от угла до угла. И волнует его разная чепуха: и бумага-то уже повыцвела, от сырости водянистое облако на малёванном лице, и вообще нет смертным надёжи, одно запустенье грядёт после них на земле, а краски ссыльного еврея из бывших троцкистов, рисовавшего селян до войны, выгорят на чёрном солнце беспамятства, как сам художник давно истёрся в глазах людей, лишь тени от его грустной жизни висят по стенам. И уже совсем некстати вспоминает старик шумное венчанье в клубе, вечерние катанья на вёрткой тележке, хохот реквизитных бубенчиков под дугой, обвитой атласными ленточками, белое гладкое лицо Любы и её жёсткие губы, которые он, уже хмельной, загребая девичьи плечи рукой, рвал жадным ртом, как неспелую землянику. В ковш со смородиновой наливкой уронил дружка ключ от дарёной горки — хлебал жених через губу, сплёвывая в дорожную пыль и придавливая плевки наморщенным яловым сапогом, пока не высушил ковш и не добыл со дна ключик. Не с той ли поры у него любовь к замкам?

Он задыхается от слепого восторга, и выпирает его петушиная грудь, а в груди квохтит и скребёт острой лапой.

— Пришёл сват — как с куста сломал! — бахвалится старик и, не зажигая света, пьёт в кухне чай без сахара, макая в кружку нераскусную баранку...

Ночью он просыпается от могильной тишины, в которой мечется его сон, живёт его дыхание. Его сердце трясётся под рёбрами, как в непогоду бродяга под кустом. На улице частит дождь. Сначала серебристый бисер, потом тысячи прозрачных ниток. И вот уже охает и сверкает, задув огни в селе. За окном расползается чернота, поражаемая синими спицами молний, и в этих клокочущих вспышках рвутся за рекой комки

тёмных деревьев, смешанных с облаками. Наконец, бьёт наотмашь — косой, сильный. Он протекает через гнилые рамы, капает с подоконника. В избе пахнет свежим дождём, и струйки воды, как стеклянные, мерцают на половицах. Старик встаёт, бросает тряпку под окно и босыми ногами идёт на крыльцо. Косматая мутная пена шкварчит над селом. На стене амбара, контур которого проступает во мгле, сеется тень дождя: «шу-шу», «шу-шу». Быстрые капли колеблют жестяную лопасть деревянного самолёта, на длинной тычке прибитого к крыше. Винт раскручивается и тревожно гудит. Обомшелый зелёный жёлоб захлёбывается, плюёт помимо бочки. Старик стоит на холодном ветру, выпущенная рубаша парусит за его костлявой спиной и яростно белеет в темноте. Вдыхая волглость разбухших тротуаров и тлен, сухую старость подворья, размоченного ненастьем, он говорит, обжигаясь от своих слов:

— Пахнет, как на кладбище!

А жизнь его прошла... Восемьдесят лет и три года он ходил по этой земле, пахал её, растил в ней хлеб и картошку, проводил в неё своих стариков и сына. От навстреченных детских цыпок до синюшницы на руках он рыбачил, ни зимой, ни летом не вынимая снасти из реки, — до сего в трёхстенном капроновом ряже, развешанном под навесом на штырях, ольховая чешуя и глубинная горечь воды, истёкшей сквозь его сети. Но вот он стал лёгок, как пёрышко, и звено от тракторной гусеницы, которое он следом за корчагой выбирает из реки, увлекает его за борт. Смерть свила в его волосах серебряное гнездо, корчаги его на крыше сарая, а лодка на берегу. Скоро, скоро кочевать ему в страну вечной охоты! Летом он ещё пускает на перекате струганные саночки с блесной, не умея вымотать её спиннингом, ничего не ловит и больше дремлет на тёплых камешках, а ветер шевелит его волосы. Зимой киснет за двойными стёклами и грызётся со старухой, весной возит в коробе снег из ограды и чистит русла для ручьёв. В субботу с грехом пополам, но вспахали им картофельное поле, он изболелся нутром, глядя на изодранную землю, и весь день бил берёзовой колотушкой промёрзшие комки, а затем, сухой без пота, который давно не сочился из него, сидел на споткнувшейся огороже и смотрел кругом, сквозь стоявшую над землёй стеклянную дымку. Небо золотилось в пожарах, мучительно и безобразно умирали леса, и от дыма было сладко во рту, как от молодой крови. И вдруг над пылающей гривой, над захолустным полем, над русским селом один за другим, судорожно размахивая крыльями, проплыли семь больших ржавых коршунов, и что-то ужасное, вещь было в их появлении, конечность чего-то ясно почуялась в этот миг...

— Ну, придёт старуха, наведу я шороху! — сквозь зубы цвиркает старик, и слюна заколдованно летит по ветру.

С крыльца слышно, как под угором рассыпается частыми воронками река и как мощно содрогается в небе, как струится дождь по стеклу веранды, так же всё хорохорится в старике, бегут его мысли, воспоминания. И, подчиняясь этому природному ходу, он возвращается в избу, пьёт чересчур прямо из ведра, давясь кадыком, наконец укладывается.

Не спит, лежит с пустыми глазами.

В небе уже не грохочет, дождь стихает. Молнии нет-нет, а озаряют стёкла и трупную предрассветную синеву, как будто кто-то горстями метает в ночь горящий фосфор. И, словно продолжение молнии, блестит стальная бельевая проволока, протянутая через двор.

II

Утро его ослепляет великолепьем воздуха и света, яркой мокрой зеленью, воспрянувшей в мире, солнечной игрой стёкол в окошке веранды. И по-летнему тепло, дорога в гору жирно коричневеет и плетётся карандашным следом. От воробьиной

чиркотни звонко в ушах, но пуще продирает ноздри сыростью воды, которая всякую весну заливаает подполье. Сусеки уже освободили со старухой, и через день-два будут садить огородчик...

Сграбастав себя за плечи, скрестив руки на груди, старик с хрустом обжимает сносившееся тело. Все кости ропщут в нём, но покуда нет между ними разлада. Закончив утренний медосмотр, он берёт в кухне ведра и черпает из бочек воду, жёлтую от рябинового цвета. Но старика не купишь за рупь двадцать, а за рупь двадцать пять и старуху, пожалуй, не взяли бы в оборот, и уж кто-кто, а он-то насчёт этого «цвета» подзревает: родился из неба, отравленного алюминиевым заводом, кислотный дождь, — и отгоняет пену, чтобы она не спалила мойщице волосы. На ветерке однообразно колотит в бочку молоток без рукоятки, привязанный верёвкой к жёлобу. Ковш с покусанной эмалировкой, проскребая дно бочки, вздымает пыль прошлого лета, квёлую черёмуху и старые листья, осенью закупорившие жёлоб, но вот выткнутые дождём. Медленно разлепляя припотевший войлок, отворяется банная дверь, дыша мылом и берёзой, и твякают дужки опрокинутых ведёр, лиловыми кольцами множится в кадушке раскоченная вода. И мыслится старику, что мало надо человеку: лишь бы видеть этот чудесный мир, в котором хорошо пробуждаться со светом, идти во двор, мимо опухших сонных собак, и, встречая новый день, брякать заложкой парадных ворот, а затем кропотливо, с думками, расходовать ночной дождь, радостно и бережно (будто может погаснуть навек!) топить баню на юру, вообще жить. Надо бы только забыть себя, изрыть свою мелкоту, стать большим, добрым, чутким...

Старуха так и не показала носа.

Теперь, распластавшись с дождевой водой, старик хватается за мощный рычаг насоса, чугунного и тяжёлого, который стоит под кухонным окошком на четырёх ногах. Толстый ребристый шланг, подведённый одним концом к насосу, другим через дыру в заборе выброшен в проулок; второй такой же уползает в подпольную отдушину. Наплевав на ладони, старик делает пробные качки, перемещая рычаг вправо и влево. В шланге шебаршит, стреляет, потом шмыгает влажной ноздрей и, отхаркнув кислой пеной, пузырит ржавой струей. Ломит в плечах, но руки ещё крепки, и пускай они иногда теряют, словно обмылок, заложённый рычаг, старик всё качает и качает, не даёт себе передыха. Зелёная от гнили грязь, которая образовалась оттого, что насос прохудился и с него капает, хлюпает под ногами, и старик цепче душит рычаг...

Наконец в шланге свистит ледяной воздух. Сняв с гвоздей решётку, старик заглядывает в отдушину.

— До вечера не наберётся... — переводит дух, и горят из темноты красные глаза одичавшей кошки, которая давит в воде мечущихся крыс, когда они покидают затопленные норы. Грустно и горько старику, ведь и у крысы нет от кошки прибежища, а у него от смерти нет; потом, он всегда к жизни с душой, а она к нему совсем другим местом. Нынче упала тёплая снежная зима, ещё в декабре тротуары индевели вдоль щелей, сквозь которые дышала земля, и черничное варенье забродило в погребе, старик употребил его на брачонку, а банку скрыл у печки, за белёным листом шифера, представленного к переборке. Пospelвал к своим именинам, но старуха пронюхала раньше и расхлестнула банку с крыльца; кобель полизал тёмно-красный от бражки тротуар, а к вечеру подох... Ти-ши-на!

И старик, поднимаясь с колен, легонько задыхается от обиды. Она, как ветер осенний лист, наполняет его тело движением и волочит по ограде. Старик идёт в избу, в её громкую пустоту и сумрак — электричество так и не включили. Но от мрака и стылости, от грязной посуды в тазу и старухиногo гребня на подоконнике тошно, а чай отдаёт болотиной. В тянучей липучке, свешенной с потолка, звенит одинокая муха, и ядовитая химия заливаает мухе рот. Муха не умирает. Свадебная горка, к которой старик подступает с шилом и даже ширяет им в узкий замок, не открывает ему своего

секрета. И, не зная, куда пропасть от несчастья, он мимоходом заглядывает в бочку. Она пуста на две трети, на дне бедует какой-то моллюск. Может быть, он пострадал ещё при советской власти, а нынче терпит от слепошарой старухи, когда та гремит в бочке ковшом.

— Сейчас по воду пойду, а старуха приплетётся к обеду! — старик смотрит на узника с пониманием, а затем ловит его в ведро, чтобы выпустить в реку.

Он надевает возле печки линиялую штормовку и на голову кожаную фуражку тракториста, а сидя на лавке, — словно в две чёрные воронки, разверзшиеся в полу, — с первого раза угадывает ногами в резиновые сапоги. Они огромны для него — на одну ногу две байковые портянки, — и высокие литые голенища трут под коленами. Но старик не возьмётся за нож: сапоги он лично снял с ног непутёвого сына. Вёсен, однако, двадцать назад, а то и поболее, он ушёл с трактором под лёд, и железным приветом от него ржавеет в проулке расклёпанная гусеница, косолапая и грубая, как Мишкина судьба, и, как память о нём на селе, — короткая. Крапива и лебеда полонили гусеницу, ноги прохожих втоптали в зыбь, ребятишки втихоря промышляют из неё траки на грузила для корчаг и сетей. В непогоду и на рыбалку, в лес по грибы-ягоды, как что-то священное, старик обувает эти сапоги, пугаясь их необжитости, ходит ими остаток своей и Мишкиной жизни и упрямо, до психа верит, что через него и сын дошагивает своё непройденное на земле.

— Дурака свалил потому что! — пасмурным облаком раззевывается рот старика, но при свете дня в думах его о сыне нет надрыва, одна давнишняя претензия, а к кому или к чему, о том ни у себя, ни у кого-то другого не дознаться. С кого спросишь-то?

И старик, пристукнув сапогами в пол, сам себе и отвечает:

— Открыл дверку по течению, его и смыло под лёд! Теперь я один казакою, а старуха упёрлась к сеструхе, будто сто лет не видались, пропади оне обои...

Солнце в дымном разлёте над рекой; на белом песке проулка сохнут жирные шлепки влаги: старик носит воду. Всё к той поре накаляется как в парной, перемежаются запахи осенней травы и свежей короткой зелени, и жётся в руке камешек, который старик бросает в воду. И вот уже жарко в сапогах; пыль на зубах; во всё небо слабая синева, разбавленная ночным дождём. На дорогах темнеют лужицы, и голуби мелко пьют из них, то и дело высоко задирая сизые горла. Полные вёдра стоят на угоре, коромысло, обёрнутое на сгибе суконкой, покоится у старика на плече, а длинные проволочные крючки, насеребрённые руками, качаются от его крупного дыхания. Оно уходит неглубоко, кажется, живёт сразу за чахлой кожей, а дальше всё заилило и закоряжило. Вот-вот оловянная глухота зальёт его всего: ноздри, которыми он сипло дышит; уши, которыми мало-мало слышит, навертев в раковине мизинцем; глаза, которыми ещё что-то видит, поправляя съехавший на брови картуз...

Но пока этого не случилось, старик мнёт траву-мураву и, словно какой-нибудь лихой генералишка пред грозным сраженьем, смотрит за мост — на брусовой посёлке, разгромивший старую деревню наголо и уже почти отвоевавший у неё из-под ног кровную пядь земли.

— Теперь и сельсовет в той стороне! — как об огромном уроне, нанесённом лично ему, восклицает старик.

Он не любит посёлок за его гомозливость и гам, за трубу котельной, что всю зиму сморкает в небо угольную сажу, за то, что посёлок своей горбатой тенью помертвил в селе сначала почту, а затем клуб и магазин. Все беды, какие ни возьми, от посёлка: и реку изрыли на отсыпку поселковых дорог, и люди безобразничают от вольной жизни в посёлке, а перелески сдают в рубку тамошние лесники. Всё, всё он! Редко бывает старик в посёлке, разве в День Победы на митинг или в больницу для срочного ремонта, а в прочее время — ни ногой. По другим делам: прикупить продуктов, заверить бумагу на дрова или оплатить свет — в посёлок с раннего утра уходит старуха, тол-

чётся на людях до вечера, болтовнёй отвлекает от работы. Старику стыдно за неё, и, кукуя весь день один, он горячо воображает, что без него, без его руководящей линии старуха ни к чёрту не годна. И он ревнует старуху к любому пустяку, а всего больше к тлетворному и пагубному для её здоровья веселью — без него...

Под угором жгут щепу и летошнюю траву. Грабли на обожжённых еловых черенках расчёсывают алое шевеление огня. Седобородый дым идёт по улице, окликает старика по имени, а тот кивает в ответ:

— Здорово! Здорово!

В небе, обмытом с утра, машут хвосты первых облаков, но лёгкие, прозрачные, и солнце горит за ними, как за берестяной шелушинкой, — золотым пламенем. От этого света всё делается резким: плотно, как в горле кадык, ворочается в берегах река; явственно, писанный наслонявленным карандашом, дыбится за рекой лес; крупно, будто выдавленные в фольге, стоят на угоре избы, которые утратили связку и смертно зияют провалами... И даже старуха в соседней ограде как на ладони — высокая, чистая старуха, бывшая лекарша из больницы. Она с того века живёт одна, без Игната Степановича, которого изурочил автобусом пьяный Чалмаев. Вера Филипповна снимает с верёвки бельё, обдутое на речном ветру.

Старик хоронит вёдра и коромысло за воротами: копнулась в нём одна мыслишка.

— Здравствуй, соседка! — входя в ограду, нарочно кричит старик, и рубит с маху: — Да-а, с горя поникла моя старуха: руки, говорит, на себя наложу! Я ей: зачем руки накладывать? Давай я схожу к Вере...

Вера Филипповна, прижав к животу железный таз с острой кромкой, внимательно слушает; волосы её белы и густы, как стерильная вата.

— Давай, говорю, схожу до Веры, спрошу у ней... Нет, кричит, у ней! Как, говорит, быть?! Где я, говорит, возьму его, как достану паспорт либо прочий документ?! Ведь всё, каждая бумага — та-ам!

Он от досады замолкает, суёт руку под штормовку, шарит в рубашечном кармане.

— О чём ты, я не пойму? А-а, Григорий? С сердцем у тебя — да?! Ну-ка!

— Ключик старуха спровадила под половицу! — послушно сядясь на крылечко, печалится старик. — Всё, хана горке, сейчас ломать буду...

— Какой ключик?

— От го-о-орки ключик! Я уж и сам обыскался с фонариком, и старуха заколебалась шукать кочергой, а нигде ничего... Вам же с Игнатом тоже... с нами в один год дарили горку?

Поставив таз на тротуар, Вера Филипповна массирует пальцами сухие виски. Пальцы у неё тоже белые, чистые, с лоснящимися ногтями: отроду не садила Вера Филипповна огород, весь день в фельдшерском пункте, а Игнат Степанович, секретарь сельсовета, и вовсе пурхался в бумагах.

— В один год, верно... Это ж Иннокентий Иванович постарался, без очереди написали в сельпо! А что?

— Догадка у меня имеется: замочки тама-ка на одну колодку! Ты бы дала ключик, жалко же дверцу. А моя растеряха откроет горку, найдёт запасные ключи... Тоже, нашла куда положить!!!

Миг только сомневается Вера Филипповна, даже берётся за таз, чтобы уйти в избу:

— А чё ж она сама не пришла, гонца послала?

— Толкую тебе который раз: лежит, убитая горем! Вы же, бабы, такие... заполошные. Мне бы, примерно, плевать, а она, вишь, руки поднимает на себя... Выручи, а?

Ловко это он придумал про ключ; да и замки в горках советского привоза, верно, одинаковые. Получив ключ, старик рысцой бежит домой и отворяет горку, куда старуха прячет своё бельё, сберегательные книжки, метрики, водку.

III

Старик сохнет, как худая трава, мелеет его речь, и глаза голубыми солнцами навсегда закатываются в лицо. Голова как в сметане, рот синяв и крив, а тело гнёт к земле, норовит кинуть на четвереньки. Всё ближе красная от глины ямина, всё громче голодное клецанье лопат... И тем дороже старику его недужное стояние под небом, одинокое качание на ветру, костяное скрипение дырявым деревом на бору, которое утробный червь точит, а птица небесная бежит. Его руки набрякли от жизни большими страшными кулаками, в них память тяжких крестьянских работ и потешных, селом на село, битв, которым он былинный свидетель. Но вот руки побелели, как сплюнутая весенней рекой ольха, искрутились, словно сводимая в нитку пряжа, и от плеч вянют плетями, а пальцы, из которых ушёл тракторный рычаг, хищно отверсты. Из коротких и твёрдых ног, точно из корней, утекает сила, нынче всё зыбче почва, колеблет старика малый хиус. Это аукаются ему мешки с пшеницей, которой он на своём веку перелопатил вволю. Умные мужики искали лёгкой жизни, седлали её, едва она падала на колена, и на засыпку овса в сеялку становились в очередь: овсом не надсадишься, а пшеница и двужильного сгорбатит. Он же всегда нырял жизни под брюшину, брал на свой хребет, давая стране план, вот и вышел дурак. В газогенераторном «Натике» с железной седулкой он растряс кости, сбил их в кучу, как гвозди в мешке, и теперь всё в нём зияет и сквозит. Не ровён час, потеряет он опору, и пошатнётся без тычка, и повалится на светлую поляну...

Словом, идёт старик в ущерб, как осенний месяц.

Это ещё великое благо, что не из назьма слепил его Господь, с веком наравне возрос старик и насобачился, иначе не прибёг бы он сегодня к коллективистским методам хозяйствования, а старуха так и ходила бы в кулаках. Он, вообще, мастер на все руки, ум его сделался государственным и зрит сквозь огонь и воду. Пока не издох телевизор, старик сидел перед ним в суеверном внимании, как в доме умирающего, и, словно последние наказания, чин-чинарём выслушивал все новостные программы, а ночью, просвещённый, читал дремучей старухе политику. Старуха, прыгнув с кровати, лупила политикана веником, но его гражданскую активность заштрафить не могла. Переплыв по осени за реку срубить ольху — себе на коромысло, старухе на прихват, — старик прикидывал к носу: коромысло уже не сносить — скорее шея перетрётся, — а вот лопатку надо строгать потоньше, ибо голова уже не та, что в молодости, с трудом отражает старухины удары. Нынче и боты он выбирает полегче, а ведра под воду поменьше, но разоружаться по остальным объёмам — воздерживается. Одолжив из горки бутылку белой, заныканную старухой на Троицу, старик наполняет острый от двадцати граней стакан, сидя в вытащенной на берег лодке, хокает да позыркивает по сторонам в упреждение возможных действий противника.

Разговаривает сам с собой:

— Ну, Гриха, дай Бог, не последняя! — и обращает вдохновенное близкой смертью лицо к небу, ожидая, пока водка достигнет пункта назначения.

И вот уже проворно — по-девчинному — приголубливает голову тёплыми ладонями.

— Прими за лекарство! — заканчивает молитву.

Нынче он облазил весь берег, но замков так и не нашёл: две семьи, Калиничевы и Духаевы, съехавшие с первым дождиком, видно, распродали лодки с замками, — и эта забота отпала. С хламом принесло пузырьёк от духов, такой гладкий и пахучий, старик разглядел на донышке сколько-то капель и припас пузырьёк на правое дело. Теперь он извлёк его из кармана, поппикал на себя и остался доволен свежестью, которой повеяло от него как от студентки. Он провернул в уме утренние хлопоты, вспомнил про ключик — и ничего: гору, можно сказать, срыл, грех не украсть и не выпить. Опять же в избу наношено воды, а в бане почти полубочье; им же со старухой немного и надо

на помывку. Это когда старухина сеструха привалит на гостевье — готовь бочку, баба справная, ей кадушка воды — грязь размазать. Но вёдра старик всё же прихватил, потому что у него свой план. Вёдра ради осуществления его скучают на лавне — широкой разбухшей плахе, на двух железных колёсах выкаченной в реку, — черпать воду и полоскать бельё, заголя женские мягкие места. Старуха вот-вот нарисуеться, найдёт полой избу и, конечно же, первым делом на берег — где ещё обретаться древнему рыбаку? Порожные вёдра, сам старик в лодке — всё это должно просигнализировать ей об одном: прошёл теплоход «Заря», поднял муть, старик ожидает в реке просветления...

Тонкая жилка на удилище Серёжки-рыбака унижена сверкающим бисером, и видно её далеко, как летящую по ветру паутинку.

— Что, рыбак? — когда Серёжка, стравливая поплавок по течению, ровняется с лодкой, спрашивает старик. — Где рыба?

Серёжка от горшка два вершка, а без сандалий и того меньше. Он худ, как апрельская ветла, и пятки его, верно, нажалены крапивой — никто шустрее Серёжки не гарцует по селу. С утра он даёт дёру из дома, плюёт в речку с моста или мышкует на мелководье ракушки. Это занимает его нынче, а завтра он, глядишь, в кочкарном лугу возле ельника, пасёт берёзовым прутом бабочек и ловит на хлебную корку медведя-людоеда. Вовеки веков не бывает Серёжке скучно, всё идёт ему на пользу: и горе, и радость, и дождь, и зной! Круглое лицо, уже опалённое ранним загаром, стыдливо притемнено козырьком бейсболки, потому что весёлых конопушек у Серёжки, как сыроежек на лесной полянке. Он, кажется, весь из этих веснушек, из огня и силы, этот рыжий городской мальчик, привезённый на каникулы в село. Друзей он ещё не завёл, деда съел рак, а с бабушкой у Серёжки разногласия. Он то вскарабкается на баню и закроет трубу фанерой — парщица прыг-скок на улицу в дыму и с голыми причиндалами, то посадит хромого пса в стружок и командирует в Киренск на курорт, а то ещё не глаже — нацелит рогатку и зарядит соседке в зад, когда она на раскоряку стоит в огороде. Оружие из школьного циркуля всегда при нём. Серёжка меткий стрелок, бьёт кого ни попадя: птицу ли божью, бабушку ли ледащую, не то безвинного человека. Однажды он и старику сотворил под глазом огнестрельный фонарь, пульнув по нему кусочком нажёванной бумаги, но в основном они контактируют на почве рыбалки — старый да малый...

Капроновая сумка, на грубой верёвке продетая через плечо, болтается у Серёжкиных обветренных икр. Сумка подхватывается ветром и задирается выше головы мальчика, и печаль рыбака понятна без слов:

— Рано ещё, подожди маленько, река и отстоится!

Вдруг на реку наплывает тугая плёнка мазута — спустили в городе с танкеров, когда мыли в порту их рабочие механизмы, готовя судна в навигацию. Чёрная полоса замахивает половину реки — нужно соединить расстояния двух или трёх рогаточных выстрелов, чтобы достать с этого берега до чистой воды. Пробегает ветерок — плёнка струится, как целлофан, и сверкает на солнце. Волны сами собой нахлестываются на берег, а на камнях после них мажется нефть. Серёжка, поплевав на червяка, всё же делает заброс. Поплавок с хлопом проклёвывает нефть, образуя крохотную лузу, которая с чмоком затягивается. Однако грузило из дробинки не идёт вглубь и не топит настрой, а лежит вместе с леской на воде, и живой червяк крутится на крючке. Из-под облака налетает серая чайка, атакует волну и поднимается к небу; с её загнутого клюва вместо рыбёшки расплзается струя мазута, и чайка кричит об обмане.

— Кончают реку! — старик качает головой, но сделать ничего не может: зло это безглавое, и нет на свете таких рук, чтобы разом удавили его за шею. Он закрывает глаза от боли и обиды за реку, за мёртвого сына и Серёжку-рыбака, за то, что он, старый человек, ещё жив и этот чёрный позор марает его белые волосы. — Сперва испахали земснарядами, нагородили всюду брустверов, а теперь горючкой глушат!

И мальчик вздыхает, задвигает удилище.

— Пойду домой за книжкой! — бренчит по камням китайскими сандалиями; от них на траве отпечатываются маслянистые следы, на которые садятся зелёные мухи, вязнут ножками и жужжат.

...Старик обсказывает Серёжке свою долгую жизнь, когда мальчик возвращается с книжкой и залазит в лодку, обжигаясь об её горячие дюралевые бока:

— Я, Серьга, со своей старбенью воюю, как могу, но бережу мушинскую честь! Ты понимать должен, маленько ориентироваться в этом вопросе...

— Как это?

— Ориентироваться-то? Ну, вертеть, так сказать, головой во всей стороны, пока резьбу не сорвёшь... Я не говорю про триста шестьдесят — это только совы могут, но на сто восемьдесят дай всегда! Не выпуска-а-ай их из виду!

— Кого?

— Опять же погляди, что она учиняет! — не слушая, рассуждает старик, который за то время, что мальчика не было, выхлебал бутыль на четыре пальца, занюхал жжёной коркой и зажевал диким луком. Он не сразу отыскал горький лук среди первой слабой травы, ползая на четвереньках под берегом, и этот лук острился в горле, резал губы, а может, это и не лук был... Теперь старик трещит без умолку, выговариваясь за молчаливую ночь, прошедшую с поры, как старуха ушла в посёлок и, не иначе, полегла смертью храбрых.

— Третьего числа мне исполняется... как не девяносто!.. — старик скашливает шершавый лук, а Серёжка загибает пальцы, шевеля маленькими губами, от ветра и слюны обшелушенными в уголках.

Наконец, он измеряет жизнь старика и восклицает:

— Ого-о! Много-ого! Я бы столько не смог!

— Это ты сейчас так рассуждаешь! — старик ласково гладит мальчика по коленке; рука у старика щербатая, ногти толстые и выпуклые, а на коже сизый пух. — С города, конечно, приезжает сынок Мишка с бабчей, и это... с ребятишками! Ну, ставит машину под окошками, заносит в избу разные подарки. Вечером, понятно, приходят соседи с ближнего околотка: Степан Палыч с гармонью, Башаровы обои, Фиса на одной ноге... Старуха — хвост трубой, идёт к подвалу. Сидим! Моя не успевает в закрома нырять... Одну, правда, я прихватизировал на поправку здоровья, заныкал в дровах!

Он сухонько смеётся, глаза его блестят. Но вдруг лицо омрачается, и резкостью этих перемен старик подчёркивает тягость преступления, содеянного против него старухой.

— Дак она ж, покась, всю ограду в шахматы взяла, всю поленницу рассортировала по полешкам, а всё ж таки нашла бутылку! — он стучит задубелыми пальцами в деревянное сидище, от которого пахнет рекой, тиной и временем, и всё оно белое, отполированное брезентовыми штанами, солнцем и дождём. Он как бы говорит: из одной основы — лавка и старуха, а старуха ещё чего-то шебаршится, лезет всюду без мыла.

— Баба Люба мне тот раз пирожков дала со с малиной! — говорит Серёжка, а затем, выученный своей передовой бабкой, начинает вправлять мозги: — И чё ты, дед, всю дорогу воюешь с ней? Сидел бы на мудях...

— Ещё чё! — смачно фыркает старик, похохатывая от слов сопливого наставника. — Бабью во-онь нюхать?!

— Баба Люба до-обря!

— Когда задом к стенке спит — до-обря! А коснись чего — с пол-оборота заводится...

С нефтью много мёртвых мушек несёт по течению. Снизу, разеая бледные рты, их подъедают рыбки. Там, где сплавился ельчик или гольян, надуваются фиолетовые пузыри, и тут же лопаются. Береговые камни как в мокрой саже, и на лавню с ведрами

наплескалась нефть. В траве рядом с водой прохаживаются кулики, суют туда-сюда длинными носами, подцепляя букашек, и ничуть не боятся близости мальчика и старика.

Серёжка молчит, карябая на коленке боевую ранку; ветер треплет страницы его книги, которая разломилась посередине. Старик думает; в глазах у него ясно, разве что набежит светлая грусть оттого, что ничего уже не изменить. Но и эта морочь развееется по ветру, как черёмуховый цвет.

— Да-а, — глядя на реку и, кажется, узнавая себя уже на том, сумеречном берегу, вздыхает о своём старик, и стакан клацает у него на зубах. — Прожил век за холщовый мех! За каким бесом гонялся?

Мальчик, понимая боль старика, тоже делится своими переживаниями:

— А я спиннинг в магазине присмотрел прямо с катушкой, ваще, чё-ё-ёткий! И по цене ништяк, — а она мне не даёт денег: привяжи, грит, блесну к палке и води по воде! Щука, грит, и клюнет! Ну, это умная разве?

— Кто? — рассеянно спрашивает старик.

— Дак бабка-то!

— А-а! Шугани её, старуху-то...

Небо после обеда то густо-синё, то нежно-голубо, а то пламенно-розово; и это хорошо, как в детстве, — вольно смешавшее акварели небо. И всё вокруг в дымчатом жаре: ребристые спины лодок, густая от нефти вода, донца перевёрнутых вёдер... На солнце сверкает лобовое стекло тупорылого катерка природоохраны, замаскированного в жёлто-зелёные тона. Он спешит в низовье с тревожным свистом и уже запыхался — мотор его хнычет и то и дело сбавляет ход. Чайки сидят на его корме и, поднимая одно, затем другое крыло, чистят слипшиеся от нефти перья, а клювы скоблят о борт — как ножи точат. Российский флаг парусит над рубкой в сторону, противоположную ходу катера. За катером ковыляет шлёп-нога — теплоход «Михаил Светлов», играет музыка за стёклами его кают. Круглые «лапти» безуданно молотят воду и на выходе из реки с фырканием отряхиваются. Пассажиры пируют на палубе за белыми столиками, швыряя над решётками бортов оприходованные бутылки. И бутылки мерцают на солнце, и даже с берега виден этот колючий блеск.

Им обоим, мальчику и старику, отчего-то печально смотреть на теплоход. Сухая слюна, которую сглатывает старик, хрустит у него в горле.

— Тоже — жизнь!.. — соглашается старик, но молвит это так: нет, не жизнь это, а трын-трава, сенокос в январе.

Теплоход долго гудит из-за поворота, приветствуя посёлок; зато на газах мчит бортовая машина, гружённая дровами. Когда пыль после неё оседает и снова делается тихо, старик вскидывает бутылку на свет. На донышке — чуть-чуть. Водка почти не взяла его: как весенняя земля, податливо его нутро, только смерть оно покуда не приемлет. И стоят они, жизнь и смерть, сторожат друг дружку, в порядке живой очереди подступают к старику. Зевая без звука, одним вывертом розового рта, он говорит:

— Хоть бы книжку почитал, Серьга! А то сидим с тобой, как на поминках. Так и вправду помрёшь...

И мальчик, раскрыв книгу на коленях, громко и выразительно читает:

«Жил старик со своею старухой у самого синего моря...»

Он сбивается в слогах, встаёт на полдороги и, вспоминая что-то, до красноты надирает ногтем лоб. Буквы, как от худого хозяина, бегут от него в поле, перепрыгивая точки и запятые, шарахаются от вопросительных и восклицательных знаков, и назад их не заманишь калачом. Вот уже, кажется, убежали все, а он догоняет их быстрым шёпотом, в тайне проговорив имя каждой, а потом уж окликает букву вслух. Собрав буквы на сворку, назад ведёт уже табуны — слова. И хоть читает через пень-колоду, всё же старается — тархтит бойко, вводит старика в опасное заблуждение о своих успехах в чтении. Слова от такой пальбы строчат в его устах — ничего не разобрать.

— Не беги! — советует старик, а сам чутко слушает, забыв про водку, про горку, про всё на свете.

«Они жили в ветхой землянке ровно тридцать лет и три года...»

— Какие ж это старики? Взять, примерно, за факт, что оне сошлись в двадцать лет, а до того холостяцкие платили... К этому плюс тридцать три года... Чуть больше полтинника им! Или уж это у них по второму браку?

— Я не знаю, — Серёжка пожимает плечами и уже открывает рот, но старик не может уговориться.

— Наверное, тоже прикончили его родную деревню, построили на ней какую-нибудь... ГЭС, или колхозы укрупнили, вот старик и вырыл времянку на новом месте, поближе к работе! Тут уж обустроился, взял за себя сельскую активистку, стал с ней, вертолобой, горе мыкать...

— Пусть так, — соглашается мальчик и, зачерпнув полную грудь воздуха, читает дальше:

«Старик ловил неводом рыбу, старуха пряла свою пряжу...»

— Ага, пряла! — петухом встревает старик. — Которую зиму прошу: свяжи, баушка, нагрудник из собачьей шерсти...

Серёжка в сердцах захлопывает книжку, заложив палец на нужной странице:

— Нет, ты будешь слушать, политикант несчастный?!

Старик искусно робеет перед мальчишкой, или вправду боится, что Серёжка упорхнёт от него.

— Буду, не обзывайся...

«Раз он в море закинул невод, — пришёл невод с одною тиной...» — ведёт печальный сказ мальчик, и как далеко уходит его палец по странице, так же далеко уходит старик в заповедный лес. «В третий раз закинул невод, — пришёл невод с одною рыбкой, с непростой рыбкой, — золотою. Как взмолится золотая рыбка! Голосом молвит человечьим...»

— Не спи, дед!

Открыв глаза, старик смотрит осовело; на лице его колышется цинковая тень от ведра, в донышко которого сучит жёлтыми пятками танцующее солнце.

— Хорошо! — бормочет старик. — Я тоже... четыре класса покончал до войны, дак по сию пору помню про этих... про зайцев, про деда Мазая... Ага, нам читал учитель — Юза Давыдыч! У самого синего моря! Смотри-ка!

Над рекой пестрит от светло-золотистых бухариц; их маленькие тельца чуть наклонены в воздухе. На воду не садятся, а исследуют бутылку, заканчивая свои научные опыты тем, что угорают в стакане и пьяные блудят в волосах. И Серёжка, осекая чтение, с презрением счёсывает их пятерней:

— Фу, зассыхи!

«Вот пошёл он к синему морю; видит, — море слегка разыгралось. Стал он кликать золотую рыбку...»

Под колыбельную речной волны и говорок мальчика старик засыпает; голова его клонится к коленам и не чувствует, как бухарицы щекочут уши и лицо. Серёжка читает молча, а затем неслышно встаёт и уходит с книжкой по берегу.

IV

К вечеру ветер утихает, распаиваются облака, и во всём небе воцаряется одно горящее солнце, а в нефтяной реке, как в чёрном зеркале, отражается его лик. Тяжёлое стадо бредёт без пастуха, вьётся в ногах коричневая пыль и дышит у качающихся морд, смешанная с жужжащей мошкой. Белая, с огненными подпалинами на боках корова, заступая в реку на водопой, опрокидывает с лавни зазвеневшие ведра.

Напившись, корова подходит к лодке, нанохивает лицо спящего человека живыми ноздрями, а затем с шорохом лижет его в макушку и языком сдёргивает фуражку. Под языком, как под малярной кистью, седая голова человека красится в мазут. Старик мажет по голове рукавом, отгоняя назойливое ласканье, и открывает веки. Он спросонья ищет в лодке фуражку, её оторвало какой-то внешней силой, и ему кажется, что вместе с фуражкой он лишился головы. Наконец, находит картуз под лавкой и, пошарив над плечами, возвращает его туда, где он и должен сидеть. По его скорому и благополучному устройству догадывается, что голова тоже на месте. Это его обнадеживает; старуха загостилась в дальнем плавании, и ключик от горки он сейчас же вернёт Вере Филипповне. А до Троицы он помрёт...

Пустую бутылку старик с глаз долой спроваживает в реку, стакан прячет в лодочный бардачок, берёт ведра — и скорее домой. А старуха, глядь, в кухне сычом — руки в боки, ноги колесом, маленький вздорный нос — пипкой, держится остро, ни «здрасьте», ни «до свиданья» — а уже задирает всякую страждущую душу. Старуха приплелась в избу проулком, незаметно для старика, напилась из его воды чаю со своими мармеладками и уже вымыла полы; пахнет мокро и свежо, и в избе много уличного света. Оранжевые половицы ещё не обсохли и блестят. Солнечный зайчик, рождённый оконной стеклиной, играет с шерстяным клубком, из которого старуха натёртыми спицами потягивает нить. Старик, не выпуская из руки дверную скобку, во все гляделки смотрит на старуху, как будто не может признать; спохватившись, шаркает сапогами отжатую тряпку.

— Порви, порви от усердия! — не поднимая глаз от вязанья, говорит старуха, и голос у неё зычный, требовательный, как у завхоза, у которого своровали из склада ведро гвоздей.

И старик, заслышав этот собачий бас, вдруг пьянеет на прежнюю закваску!

Ноги его, как две случайные птицы, норовят разлететься в стороны, а руки плещутся на весу и куда-то зовут его кочующую душу. Но старуха и на это ноль внимания, — как так и надо, мельтешит спицами и вяжет барахло, да ещё сопит от старанья. На лавке, против печи, — набычился, как сама старуха, — двуручный целлофановый пакет, что Любовь Никитична стрелевала из посёлка на своей горбушке. Из оплывшего пакета перешёптываются красные сладкие яблоки (а старик любит зелёные, с кислинкой!), кичится печенье с посыпкой из белого сахара (а у него сахар в крови!), скучают пакушка чёрного листового (хорошо!) чая и гречка (хрен на неё!), а над всем этим охально свесился кончик свиной колбасы... Нарочно оставила на виду: вот, дескать, Григорий Ильич, на чьи средства живёшь-питаешься! И эта-то праздничная чистота в избе, в которой давно ли стучало его оскорблённое сердце; это-то презрение старухи и полыхание половиц, что он за бессонную ночь загваздал босыми ногами, а старуха, ползая на карачках, всё его горе смахнула ветошью в ведро; эта-та магазинская завозная еда, от коей растрата кошелек и мутность желудка, — всё это разом наваливается на старика и, облапив сзади за горло, душит его склизкими руками.

— Приехала, египетская туристка?! — старик, зажмурившись, пинает ведро; ведра, взвизгнув, наутёк...

Невозмутимо проследив порчу имущества, старуха вдруг откладывает вязанье и грозно поднимается. Клубок спрыгивает с её колен и, разматываясь, катится к порогу; зайчик бежит от клубка за окно, алым языком лижет стекло, пыльное с улицы. Губы у старухи поджаты до бледности, которую не замалевать помадой; попадись ей сейчас кто-нибудь на язык, вряд ли он увидит свет прежде, чем старуха зевнёт или сплюнет.

— Явился, чалы драны! Ни днём ни ночью нет от него покоя! — оглядев старика от ног до маковки, с возмущением, как на собрании, рапортует старуха.

...Верно, смолоду Григорий Ильич давал жару: то с полоротой агрономшей куролесит в соседнем селе, пока Любовь Никитична не шуганёт его на историческую

родину, то муку из амбара умыкнёт, а то в кровную драку влезет — всю башку искре-
стят железяками. Но доконали Любовь Никитичну и вынудили уйти из сельсовета,
где она до пенсии мыла полы, две известные выходки Григория Ильича, тогда ещё
крепкого настырного мужика с забелёнными висками. Как-то получил совхоз новый
«Беларусь», Григория Ильича командировали за ним в сельхозуправление. А чёрт ря-
бой опился «сучком», из города выехал навеселе. Упали осенние сумерки; село спра-
ва от дороги, всё под горку, через поле. Слева — дорога на вольное поселение, где
жили и работали заключённые, — изножье хребта, спуск торили, взрывая тротилом
скальник. Ну, Григорий Ильич отвёл колёсья налево; вот и огоньки замигали внизу; он
отключил тормоза — и что ему камни-буераки!.. Передних колёс как не бывало. Он
ещё пел «Ландыши», когда солдаты с овчарками на длинных поводках сопровождали
его в каталажку. Наутро, извещённая через сельсовет, припылила с попуткой Любовь
Никитична — и песни как отрубилло, а явилось жгучее осознание случившегося: «Был
бы трезвым — убился бы к чёртовой матери!»... Подался Григорий Ильич с опасных
работ на дизельную станцию. Раз, опять по осени, завёл движок, а сам в лес по грибы.
Долго ли, коротко ли, а нарезал полное лукошко и — через поле на станцию. И вдруг
подозрительно шумнула пшеница; он лукошко на землю, а сам узнать, что данное
событие есть вблизи. Оказалось срамно: потный, как племенной боров, директор со-
вхоза шель-шевел со студенткой-практиканткой, приехавшей постигать сельское хо-
зяйство. Григорию Ильичу попятиться бы от греха, а поганый язык возьми да брякни:
«Бог в помощь, Пётр Федотыч!» И уж как ни кланялась Любовь Никитична, а назавтра
пригласили Григория Ильича в отдел кадров...

Заглотив разом всю их жизнь, измерив брошенными вёдрами, сколько старик вы-
пил из неё крови, а также являя, какой он есть против неё сморчок, старуха набирает
гнева полный зобок:

— Тьфу! Весь пол залекванил!

— А тебя не спросил! — прикрикивает старик, скрывая тихонькую — тише мура-
вья за пнём — радость: старуха дома! Он снимает на пороге сапоги, а между делом ла-
дом-порядком докладывает, пуская старухе пыль в глаза и в нос: — Я столь переделал
за сутки! Дождь ночью пошёл: бочки, Григорий Ильич, ставь под жёлоб, старуха — та
не разбежится... Ладно! Гулевань, Любовь Никитишна, позорь мужика! Я ж не корю,
я ж для порядка! Должен быть порядок в доме?

— Заткнись лучше...

— Не-ет, я тебе ответу: должен! Если есть порядок, кто за ним следить обязан? —
развивает старик мысль, то хоякая, чтобы прогнать из горла перхоту, а то зевая до на-
слезнения глаз. — Кого, то есть, из двоих мо-би-ли-зу-ешь: мужика или бабу? Кто в
доме хозяин? М-м?

Застыв посреди кухни, под лампочкой, старуха с рыбьим ропотом слушает ста-
рика, который лохмат и пьян и бузит, и бузит, прёт на неё, как шальной катеришко на
бруствер. А то она покосится на груду замков за печкой и вздохнет: старик не замок,
рот ему не закроешь!

— Конечно, мужик в доме хозяин, любого спроси! Теперь, что? Окошко прохуди-
лось, рама-то сгнила — опять разруха! А я, можно сказать, обучен этому делу...

— Язык бы у тебя прохутился, балаболка!

— Ага, прохунилось! — подхватывает старик. — Всё сквозь стёкла да в избу,
дождь имею в виду! Кто встанет, тряпку кинет? Я встану, тряпку кину! А старуха —
она лишь критиковать... Политикантка она, старуха-то! И мне же ещё такие слова-а!
То есть, сколь я дел переворочал?! Отвечай, когда тебя допрашивают!

— Переворо-о-чил, переворо-очил, как в штаны не наклал! — подзуживает стару-
ха. — Гляди, прорва дел схлынула со двора! Чем завтра займёшься, бедный?!

От изумленья старик даже вскидывается, хотя шатко ногам и всему его существу,

и руки — туда-сюда вокруг тела, водят хоровод, гоняются друг за дружкой, взвинчивают старика, и, того гляди, пробуравит он в полу дырку, а то взвоётся к потолку ракетой.

— Кышь, проклятая! — пробует унять старуху. — Ещё будешь пререкаться! Я знаю, какие слова сказать, и могу прижучить тебя! Вот потом и жалуйся своей Альбинке, запивайтесь на пару рябиновкой...

— Только спро-обуй! Вот то-о-олько спробуй! — отдельно кричит старуха, и вся подаётся вперёд, оттесняя старика к стене. На горле у неё, как в половодье молодости, набухают две толстые синие жилы. — Я-то имя своё не обмарала, урона совхозу не чинила, с судами вовек не зналась! Я тебя так съездию этим замком по каторжной башке, ты у меня враз станешь покойный! Ишь, сволочь, грози-ит битьём...

— Да не битьём! Я же словами хотел... — трусит старик, хлопает веками. — Ты маленько-то оринтируйся!

— Ты у меня, пожалуй, соринтируешься! Я сбегаю до Веры Филипповны, вызвою братовъёв из города — ты сразу соринтируешься! Ты вспомни, чё она тебе в тот раз говрели за поваркой?!

Щёки багровеют у старухи, словно кожура сваренной свёклы, и лицо её крупное, мясистое, ему ещё далеко до той поры, когда оно изострится на скулах, западут в серые воронки глаза, а челюсти, наоборот, выпрут. И вообще не видно края её власти и могуществу. Всё в ней по-прежнему живо и сильно: шея, руки, ноги, и, судя по всему, не скоро она обмельчает до костей. На старухе новая цветная кофта с большими светло-зелёными пуговицами — как же, обихаживает себя с обеих пенсий, а ему и рубашонки вшивой не купит, разве в гроб снарядить расщедрится! — а пёстрый шёлковый платок, в котором блестят золотистые стёжки, по-молодому выпущен на грудь, тоже литую, ведёристую, — на коромысле, Григорий Ильич, неси, если сама старуха не сможет! Не зная, чем поддеть супротивницу, какое учинить над ней посрамление, старик с пролетарским гольным презрением смотрит на Любовь Никитичну, на её буржуйскую одёжку, затем на свои грубые руки, босые ноги...

И тут чёрт подуськивает Веру Филипповну, она из проулка зыкает в стекло, вызволяя старуху для разговора:

— Чё ж, добыли ключ?

Обратно старуха идёт при вздутых парусах.

— Та-ак, — открыв горку своим ключом, мстительно говорит Любовь Никитична. — Работник? В доме хозяин?!

— Мг... — покаянно кивает старик.

— Иждивенец ты, дармоед, который на всё готовенькое! Всю жизнь стоишь с протянутой рукой... как нищенка!

О, всю великую боль, что запеклась в нём за дождливую ночь, за продымивший белыми облаками день, всю его печаль и всё одиночество души, с которыми он тыкался по жизни, как слепой пёс по ограде, и ни у кого не снискал доброго участия, всё то мучительное беспокойство, что владело им долгие часы старухиной пропажи, — всё она взбаламутила в нём ехидным взглядом и нечутким словом, как дорожным камнем, выстеклила его душу. Пьяный уже не от водки, а от стыда и обиды, размётывая на ходу штормовку, будто навильник сена с горящей копны, и не умея вынуть из себя это равно леденящее и опаляющее жжение в груди, старик кружит по избе, не зная, что предпринять. Пятки его в половицы: тук-тук! И сердце его в рёбра: тук-тук! На глаза ему попадает верёвка от сети, побелевшая от воды, но ещё годная на разную подвязку.

— Ничего-ничего! — заикаясь, старик сдёргивает тетиву с гвоздя. — Я отыграюсь на тебе за эти слова! Я покажу один фокус...

Старуха задыхается от смеха, оползает на табуретку:

— Давай... фокусник! Ты уж сделал фокус, унёс из-под замка бутылку!

— Я, имей в виду, сотворю над собой, а тебя привлекут к ответу! Имей в виду, Любовь! И ты посидишь в судах, дорогуша, и братовья тебе не помогут!

На крики кидается в избу Серёжка, и глаза его огромны и голубы. Не найдя старика под берегом, он явился к нему домой, потому что бабкин петух, которого мальчик ловил на земляного червя с крыши сарая, оборвал его снасть. Клавдия Еремеевна вот-вот отпихнёт штaketину, какой Серёжка заложил дверь избы, и тогда никто, кроме деда Гриши, не заслонит несчастного рыбака. Серёжка долго шарахался под окнами Аксёновых, страшась шума, и теперь, словно большой, всё понимает без слов и за руки цапает старика, который уже брякнул западнёй и свесил ноги в подполье:

— Де-е-еда Гриша, не надо, а?!

— Не могу, Серьга! — квохтит, булькает в старике. — Мушинская гордость — я должен отреагировать!

— Да пускай давится, чё ты его держишь! — торжествует старуха. — Небось, дерьма мно-ого, любой трос оборвёт! Ну, залазь, чё ли, чурка с глазами! Мне за тобой, грязнулей, полы подтирать!

— Во, видал! — жалуется старик, исчезая под крышкой.

Снизу доходит его глухой голос:

— У ней — своя политика, а у меня — своя...

V

В погребе тленье и сырость; с утра, когда старик жинькал насосом, грунтовая вода скопилась опять, стоит под всплывшим настилом, и толстые листовые плахи бродят под ногами. И в самом старике тоже что-то зыбкое и зябкое, будто стучит какая-то сбитая с гвоздка планочка, хлопает и заволакивает глаза. Жёлтый кружок отдушины, как месяц в ночи, светит в черноте. Вдруг его закрывает узкая тень, которая метнулась из сусека с пищущей крысой в зубах и, поворотившись, глядит на старика.

— Пшла! Пшла! — старик плещет впереди себя верёвкой, как на саму смерть, и тень, изогнувшись и зашипев, исчезает сквозь месяц.

Низко кланяясь под полом, он идёт в дальний угол, и ему есть от чего согнуться: столько лет героической борьбы со старухой, столько слёз и чекушек выпито — и всё дохлому кобелю под хвост! Сев на перевёрнутое ведро без донца, залатанное решёткой из алюминиевой проволоки, он мастерит удавку да кумекает, на какой поперечине найти себе погибель. Пальцы его деревянные никак не свяжут концов с концами; он злится, отпускает матерок, который, не найдя общественных ушей, возвращается к нему летучей мышью. В отдушину видна часть двора, залитого июньским вечером, и когда солнце громоздится точно напротив кухонного окошка, на мокрых глазах старика расцветает золотой луч. Затекая с улицы в избу, он отражается в гладкой половице, сквозь щель косит в подполье. И за какие добрые дела напоследок послан старику этот сигнал?! Луч метит в крайний, на возвышенности, сусек — там они берегут до осени едовую картошку. Из сусека лучу отвечает будто огромная дождевая капля, а едва луч и капля скрещиваются, глазам старика бластится праздник. Старик соскабливает с шеи мерзкую гадюку и крадётся к сусеку, выставив руки, а затем, ведомый высоким знанием, роет в картошке, пока пальцы не оскальзываются на стеклянном...

— Ладно, дрыгнуть ногой всегда успею! — смиряется с текущим положением в божьем царстве; а через миг и чернявый рисовальщик в круглых очочках, и Любин портрет, и разбухший от воды Мишка, которого на их со старухой просьбы сплюнула полынья, — всё проскакивает у него перед глазами, а то вдруг замирает и копытит на холостом ходу. Все лица смешиваются, нахлёстываются одно на другое, как речные волны. Любовь Никитична мелькнёт то молодая, а то толстая и горбатая. Очки ху-

дожника вспархивают стеклянной бабочкой и улетают в красную темноту, а вослед им ударяет свинцовый шмель чекисткой пули. И, глядь, Мишка — живой, правдашней! — скалит в смехе ротище и поднимает синюю руку, стоя меж пассажиров уплывающего теплохода, и над рекой сверкают огнём и солнцем бутылки...

В избе тихо. Вторые рамы вынули на Чистый четверг, и сквозь одинарную стеклинку слышно, что на реке жужжит моторная лодка, старуха отмахивается от неё как от мухи. Она ещё крепится, надаивает из неведомых запасников терпенье, чтобы, не дай Бог, не раскваситься и не дать себе послабления, старику — не выслуженной милости. Руки её сцеплены на коленях — попробуй отомкни! Пластмассовый гребень свалился с макушки и висит на кончиках волос, на скорую руку криво срезанных перед зеркалом. Жуткое молчание под полом, куда червём уполз старик, это гибельное действие, которое ставится под её ногами, расшатывает старуху без ветра, без постороннего касания — одним существом тупой боли. И старуха, как одна большая слеза на выкате из глаза, едва-едва мостится на хлипенькой табуретке, у которой жалобно скопились ноги.

Табуретка тоже — крепится. Разъезжаясь под старухой, семят её ножки, и Серёжка ждёт, когда табуретка взбрыкнёт, сверзит бабу Любу с трона и убежит из избы, протаранив дверь. Он сидит на пороге, как давеча старик, и супит бровки, поглядывая на старуху, на подпольную крышку. И не ясно, что огорчает его: худая доля старика или его собственная судьба, преследуемая кусачей клюкой, с которой бабка, поди, рыщет внука за огородами. Ну, да расправа ещё далека, а беда — вот она! И Серёжка, исподтишка наводя на Любовь Никитичну циркуль в порядке необоримого желания отквитать обиды деда Гриши, живо воображает по какому-то фильму, как старик возится на верёвке, в верхке от пола, и язык его, длинный, словно у скворца, трепещет в тошном удушьи...

В горле у старухи сипит и чмокает; и вот руки её стартуют с колен, сгая к голове, но чисто взять высоту не могут и спихивают гребень:

— Сползай, Серёжа, в подпол, глянь его!

И мальчик, как того и ждал, разряжает рогатку и за натёртое стальное кольцо опрокидывает крышку.

— Деда Гриша! — как в чёрный лес, аукает Серёжка. — Где ты тут, а?!

Сунуться в лаз ему страшно: он разом боится и крыс, и неизвестности, и старика на верёвке, а снизу ему надувает в лицо могильной тьмой и плесенью. И в этой-то глубинной тишине, сквозь громкий, уже не таящийся плач старухи и квохтанье её ноздрей, под щебет маленького сердца, которое клюётся у Серёжки в груди, из-под пола распеваётся тягуче и жалобно:

— Медицина беси-и-льна-а, смеё-ё-ё-т-ся над бо-о-лью моё-ё-ёй!

На пол, как две рачьи клешни из морской пучины, выскребаются руки, стылые от мокрети, следом в грязной паутине и зашельном соре является на бранный свет голова, а уж за ней и весь старик на четвереньках, цепляясь за что ни попадя: флягу, табуретку, ножку стола, — ради пушего утверждения себя на земле, под этим переменчивым небом и ненастным ликом старухи, которая быстро сохнувшими глазами вызрелась на него. Она уже натёрла щёки рукавом, и лицо её красное, как у партийного работника.

— Ты чё, а, Григорий Ильич? Ты почто это такой, а?!

Она вдруг вскрикивает и, оттиснув мальчика и старика, колом скатывается в подпол, а уже через миг с зарёванной миной восстает в квадрате лаза. Над собой, над своей некрытой горестной головой, раскудахтавшей волосы, над всей своей некорыстной русской жизнью Любовь Никитична вздымает порожнюю бутылку, в которой вместе с прозрачными одоньями переливается солнечный луч, и этим движением словно бы адресует небесам всю меру своего бабьего страдания, испитого в жизни со стариком.

— Поконча-ал! Всю как есть поконча-а-ал! — захлёбывается старуха, и рот её сгребается в куриную гузку. — Оставляла две штуки на Троицу, а он и одну, и другую поконча-а-ал!

...Потом они троём сидят на западне; старик со старухой, как дети, плачут.

— Баушка-а?! Писят грамм — и ша: мы с тобой в расчёте! — старик, душевно шмыгая носом, ищет вспоможения.

Любовь Никитична придавливает пальцами уголки опухших глаз. Но серебро всё равно истекает по морщинам в рот, и с солёными слезами старуха откашливает горестные слова:

— Тебе не писят грамм нужно, а глотку лужёную заткнуть!

— Чем, Люба, заткнёшь, если она прорва?

— Найдётся, поди, чем!

— Ты подумай сперва, а потом вноси предложение...

В горле у старика нарастает и ломится к выходу ком:

— Не подашь, значит, с устатку? У тебя же есть в мучном амбаре...

— Подам, догоню и ещё поддам! — беззлобно, скорее с невольной усмешкой, ворчит старуха.

— Дай тебе, баушка, Бог здоровья! — в том смысле говорит, что пропади ты пропадом.

Рот у Серёжки пучится в зевоте, ведь старуха лает, а дед Гриша не шибко-то лезет на рожон. И мальчику скучно, он уже ищет другой забавы, ибо постоянно в нём одно: на остреньком плече сияет прививка от оспы — крохотное розовое пятно, как будто прижали монетку и немного погода убрали. Всё остальное у Серёжки в окончательном разброде: кончик языка, забываясь, лижет под носом, синяя майка навыверт, а великоватые шорты, вызеленные травой, только крепостью резинки сторожат его мужские интересы. Со всеми заодно подрожав плечиками, он убегает домой — доброе дело он совершил, сговорил старика со старухой, теперь бы самому улыбнулась жизнь хоть краешком жёсткого рта. Ни старик, ни старуха, кажется, даже не заметили — был, нет ли с ними рыжий мальчик? — как не сказали бы, жили они или ещё нет под солнцем...

— Впредь одна такая попытка, Григорий Ильич, и да-а-авай расходиться! — чистым, без перхоты, горлом дохлипывает старуха, долбит пальчиками в пол: — Вбей себе это в шарабан!

— Как это?

— Расходиться-то?

— Но.

— А вот так! Соберусь и уеду в город, околевай тут один, пей да водись с шалашовками...

Ни капли не верит старик, но и словом не попрекнёт, подъелдыкивает старуху, желая узнать, с какого бока её ещё можно подъелдыкнуть:

— К Алёхе попросишься на постой или к Борису? У них фатеры вольготные, на том ядовитом заводе выслуженные...

— Этого не будет! Что я, просящая? Пенсию-то, как-никак, получаю!

— У тебя есть деньги, я же знаю! Ты с двух пенсий откладываешь себе на чёрный день: со своей и с моей...

— Свои ты все потаскал, забудь о них! А сколь есть, те мои! Лишь бы на маломальскую квартирку хватило...

— Возьми ебатеку! — участливо советует старик, политически грамотный. — Путин даёт...

— Я лучше полену возьму... — поднимаясь с оханьем, старуха глядит в окно: первые сквозные сумерки, косая струя красного света над лесом, безлюдный двор... — На дождь, что ли, опять морочит?

— А-а, — старик, плечом к плечу становясь рядом со старухой, с подвывом зевает. И добавляет зловеще: — Поплывём нонче! Если зарядят ливни — поплывём. Как два пальца... Только за талинки цепляться будем!

— Завела-а пластинку! Чё ты каркаешь?

— А ты думала, так и будет стоять избёнка? Осерчает Лена-матушка — все твои черепки поплывут! Как в пятнадцатом году...

— Ты жил, что ли, в пятнадцатом-то?!

— Я не жил, врать не буду! Старики докладывали мне. Как пошёл вал — вся деревня за осику убежала, в лес... Даже частушка была:

*Как в пятнадцатом году
Выдалась потоп,
Просидела б на пече,
Если бы не ж...!*

— Вот одну хреновину буровить и можешь!

— И сёгоды тоже будет — попомни моё слово.

— Много ты знаешь! Посмотрите на него...

— Я всё знаю!

— Куда там! Какой... академик! Давно ли давиться собирался? Сел на лавку, нос опустил, как ведьма...

— Потеха! — не выдюжив напора, старик вежливо хихикает. Но на душе его не весело; как эта изба, отслоившаяся на землю раннюю, ещё не начернившуюся тень, душа старика или какая-то кровная болезнь с ней омрачают его; и за окошком, правда, сгущаются лимонные облака, однако, вряд ли на дождь — на какое-то иное ненастье, может быть, на его смерть.

И старик, совсем трезвый, улыбается бледно-пепельным лицом:

— Нынче бы летом Мишке — сорок три! Стокнули бы с ним лодку на воду, завели бы мотор — почти новый «Ветерок-12» уж сколь годов сохнет в амбаре! — кинули бы на Перевесе сетушку, костерок бы разожгли на берегу...

— Налакались бы до поросячьего визга... — следуя за мыслью Григория Ильича, подсказывает старуха, но и ей несладко, вздрагивает подбородок.

— Эх, Любка ты, Любка! Хоть бы уж избу рекой смыло...

— Будет! — старуха с маху задёргивает штору, оборвав несколько канцелярских скрепок, приспособленных вместо крючков. — Опостылел со своим нытьём! Ничего путного на его дурной язык не сядет...

— Какая уж тут мысль?! Умру скоро, вот и всё. И сына мне жа-алко...

— А мне не жалко?! Тоже... как в кипятке окунули, а всё ж таки я, Гриша, не попускаюсь. Вот и ты бы старался, о чём-нибудь добром думал!

Старик часто смаргивает, но не слезы, нет, — пустое. Настропалённый старухой, думает о добром, наконец, надумывает:

— Как тебя-то провожал?

Он молчит, возвращает то далёкое время, и сумрачный крест — тень от кухонного окна — стоит у него в ногах. И старик ничему не даёт веры! Ничего как будто и не было. Один белый туман кругом, и в этом тумане синее трупный лик сына, в котором он, Григорий Ильич, мог бы продлиться. А иного продленья нет ему, всё смертно на свете, всему грозит урон, всё мрак, пыль, тленье.

— Ты на конном дворе работала... — вспоминает старик.

— Будто без тебя не знаю, где хрип гнула!

— Ага, гнула, выполняла план! В сорок восьмом на Первой заразили три лошади очоурились — съели прелый овёс... Помнишь?

— Кто-то как будто стучит в ворота! Ты не слышишь?

— Приезжали с города в кожанках, нюхтили тебя. Ты у тётки Маруси Шишкиной на бане отсиживалась... Тётка Маруся-то на Половинке жила?

— Да вались ты со своей Марусей! — уходя в сенцы от разговора, старуха отпихивает хриплую дверь и уже справляет будничную работу, копая в сухом носу...

Вечер тих и ясен, космато за свежей огородной пашней седьё неопушенных берёз, молчит во дворе винт самолёта. Дорога через поле обсохла и дымится за пригородным автобусом золотистой вертикальной пылью. Зычны голоса у реки, на зелёных полянках, и ещё за полночь отражается на стекле кухонного окошка остыло-красное беснование молодого костра. Его после школьного бала зажгли под угором счастливые школяры, пьют из хрустящих стаканчиков дешёвое коробочное вино и с хмельным хохотом пускают над пламенем самолётики из тетрадных исписанных страниц. Пламя, как адрессированное, взвихряется пружиной и на глазах слизывает добычу стремительными языками, а высокие самолётики вспыхивают от искр и рыжими выглотанными дырами догорают во мгле. Старик, поднимаясь хлебать брусничный морс, стоит у окна, освещённого костром и месяцем, — босой, в чистом белом исподнем и с огромной, прощальной светлостью в душе. Двумя слабыми руками, как малый, держит ковш на весу. И мысли его погибают в огне заодно с самолётками: «Помру, нет ли, в этом году?»

Ночь тёплая и мягкая, как старухина пуховая шаль.

Из окна вынули четвертинку, а марлю ещё не натянули; с рассветом в избу летят комары, липнут к влажному изнутри стеклу, огибают ободок кружки, в которой застыл фиолетовой нефтяной плёнкой вчерашний чай.

ПОЭЗИЯ

НАДЕЖДА АНУЧИНА

Прошу тебя,
пожалуйста, пиши...

* * *

Небо разорвано шпильями острыми,
В жерло развёрстое звезды уставятся.
Ты говоришь: «Жить не просто!» —
А просто ли
Каяться,
 каяться,
 каяться?..

АНУЧИНА Надежда Леонидовна родилась 5 октября 1976 г. в с. Непа Катангского района Иркутской области. В 2002 г. окончила Восточно-Сибирский государственный технологический университет. Печатается с 1991 г. в усть-илимской и иркутской периодике, в журнале «Сибирь», в коллективных сборниках «Пусть будет музыкой любовь», «Перекрёстки», «Родники». Автор книги «Небесные дети» (2006). Лауреат областной конференции «Молодость Творчество Современность» (2001). Член Союза писателей России. Живёт в Усть-Илимске.

* * *

Опять не спишь, и на ладошках
Следы от впившихся ногтей.
Боль на груди свернулась кошкой,
Но тесно ей.

А там, на кухне, — ночь за шторой,
Бессонных глаз — окошек свет.
Наступит утро очень скоро,
А счастье — нет.

* * *

Давай присядем на скамейке,
Немного стылой ставшей за ночь.
А сердце бьётся канарейкой,
А ты со мной — как строгий завуч.

Тепло скамейку успокоит,
И канарейка сдохнет в клетке.

Уйдёшь, простившийся со мною,
Глотнёшь сердечные таблетки.

Я тоном менторским цитаты
Твоих напутствий повторяю...
Мой строгий завуч, ну куда ты?
Урока я не понимаю...

* * *

Промозглая пропасть в ночных небесах,
Закрытые наглухо клетки-квартиры.
Догнать, докричаться, письмо написать?!
Но нет никого в этом вымершем мире.

Лишь впадины окон на серой стене,
В фонарных ловушках снежинок иголки.
И нет настроенья в потухшей стране
Родиться счастливым и жить слишком долго...

Кочевнице

Протяни гребешок —
Покажу тебе, как я играю
О свирельных лугах
И о войлочных степях твоих.
Поднеси посошок —
За ордою твоей пошагаю
Там, где лука дуга
Выбирает судьбу на троих.

Через косы твои
Протекает блаженство вселенной.
Не смотри на меня
Как на варвара стен городских.
Я из глины творил
Не таких своевольных, наверно.
И большее огня
Нож очей азиатских твоих.

Кто он — твой господин?
Я из чаши его выпиваю.
Знает имя твоё
И поэтому глуп и жесток.
Поднеси гребешок —
За ордою твоей пошагаю
Через правильный Запад
На Богом хранимый Восток.

* * *

Так сильно никогда сентябрь не плакал.
Угнетены погодой наши души.
Полны ладони у капустных лапок,
И сердца стук придавленной и глуше.

Повисли ветки сочных георгинов,
Хоть выжимай соцветия руками.

И непонятный морок лёг на спины
И горбит, как вины тяжёлый камень.

Хоть лучик солнца! Хоть кусочек сини!
Тоскливый крик погоде или Богу...
Скупое обещание подкинёт
К весне звянувшей дальняя дорога.

* * *

А песня смеётся над нами,
Как будто сфальшивили мы,
И серыми-серыми днями
Всё снится кончина зимы.

И снится, метель расплетает
Свой злой, ненавистный клубок.
И тает, и тает, и тает
В душе моей горечи смог...

* * *

Прошу тебя, пожалуйста, пиши!
О том, что очень облачно сегодня,
О том, что было ночью новогодней,
О песенности ветреной души.

Прошу тебя, пока сентябрь идёт,
Неспешной вязью вылейся на строчки,

Меня в сетях удерживая прочно,
Пиши о том, что нас нескоро ждёт.

И, разрушая прошлые мечты,
Меня пленяют новые обманы,
Но я ещё сильнее верить стану
Лишь потому, что это пишешь ты.

* * *

Ветер горек и твёрд, забивает он пылью дорожной
Ран кровавое дно, и до одури хочется пить.
В то, что здесь я иду, мне поверить никак невозможно,
И душа, как щенок, начинает тоскливо скулить.

Сквозь прорехи одежд нагота равнодушно зияет,
И никто, нет, никто не посмеет поднять головы.
Я не вижу того, что усадьба моя догорает,
Что иду без платка, не успела надеть поневы.

Потемнели глаза. Нам не больно, не больно, не больно!
Убиваю в себе и мольбы, и стенания слов.
Смотрит дикая степь, смотрит важно и самодовольно
На устало ползущих, изломанных новых рабов.

Жри, татарская тьма, безучастное белое тело,
Ветви девичьих кос преломляя в мозольной руке.
К Богородице-Деве стрелою душа улетела...
Крестик маленький медный до боли сожму в кулаке...

* * *

Дорога без начала и конца —
Искать напрасно логику глупца.
И чтобы жизнь бесцельно не пропала —
Не распыляй её на что попало.

* * *

Какой тропой уходят старики?
Ссутулившись и шаркая ногами,
Харону ли относят медяки?
В сады ль святые, там, за облаками?

Накрыть ладонью дряблую ладонь
И полчасца — о прошлом, о далёком.
И жажды жизни теплится огонь,
И ранит безразличие жестоко.

А на заливке — многоцветье лет,
А на душе — утраты и утраты.
Какой тропой уходят? Я ответ
Пойму, когда сама уйду к закату.

АЛЕКСАНДР ОГНЕВ

Морские рассказы

Отпуск

Крысы, корабельные крысы — это не только вредные грызуны, но и полноправные члены экипажа. Как только человек переселился на воду, они дружно последовали за ним, являясь такими же первооткрывателями морей и континентов. Ходит байка, что когда корабль начинает тонуть, они первыми бегут за борт, тем самым оповещая всё живое, что пора задать деру. По среде своего корабельного обитания, они, как и матросы, делятся на маслопупов и пассажиров, конечно, сами того не зная. Трюмные крысы — всегда грязные, мокрые создания, постоянно рыскающие в поисках чего-нибудь сожрать. Живущие в продовольственных кладовых и имеющие доступ к другим более цивилизованным местам, — холёные, с чистой шелковистой шкуркой. И те и другие пакостны одинаково. Грызут всё что ни попадя, начиная от матросских ботинок — прогар, и до оплётки электрокабелей. Мерзко пищат и отчаянно дерутся за место

ОГНЕВ Александр Леонидович родился в Тайшетском районе Иркутской области в селе Николаевка в 1952 г. Окончил Братское медицинское училище, затем служил на Тихоокеанском флоте по специальности. В 1975 г. поступил на службу в Органы внутренних дел в уголовный розыск. Без отрыва от работы получил высшее юридическое образование. В 1985 г. в литературном объединении «Факел» вышла его первая повесть «Последние гастроли». В конце 90-х гг. издан роман «Неприкасаемые». В 2008 г. вышел в свет историко-приключенческий роман «Логово белого волка».

под «солнцем», при этом успевая катастрофически быстро размножаться. По всем флотам этим нежелательным членам экипажей объявлена настоящая война. Война, которая, по всей видимости, никогда не кончится. По флоту существовал даже приказ: десять суток отпуска с выездом на родину взамен на пятьдесят добытых на крысиной охоте хвостов. Где, когда и при каком штабе родился этот приказ, никто не знал, но по ознакомлению с ним охотиться начали все. Кто из спортивного интереса, кто из мести, в отместку за проеденные ботинки и штаны, а кто в тайне желая добыть заветное число зверей и отбыть до дому, заранее приготовив легенду, что отпуск имеет место за боевые заслуги в дальних суровых походах. Таких заготовителей на проверку оказалось больше всех. Жаждающие убить на родину пускались на всевозможные хитрости. Взяв на вооружение брезгливость замполита к добыче, умудрялись сдавать один и тот же хвост по два-три раза.

— Выкинь эту гадость за борт, — старался небрежно говорить замполит, записывая в журнал очередной хвост, а сам старался смотреть в сторону. Уж больно мерзостная была вся эта процедура. Нашлись и такие, которые крутили хвосты из нитей флотского одеяла, прогутаив муляж перед сдачей. Халтура быстро вскрылась, и фармазоны были изгнаны из числа охотников.

— Я вам, господа страдатели, найду способ успокоить плоть, — ревел старпом, до которого дошли слухи, что большая часть экипажа вместо того, чтобы денно и ночью повышать боеспособность корабля и, естественно, свою, иными способами пытается заполучить заслугу. Но всё равно все отсеки от кормы до носа сами по себе разбились на охотничьи участки, изобилующие всевозможными ловушками. Крысы приняли бой достойно. В ловушки шли плохо, отраву ели неохотно, быстро адаптируясь ко всем человеческим хитростям, направленным на уничтожение их рода.

— Нам их никогда не победить, — сокрушенно сказал замполит, с тоской взирая на жиденькие строчки в специально заведённом журнале по учёту добытых хвостов.

— Да, слабо идёт заготовка пушнины, — согласился с ним корабельный врач.

— Вы бы вообще помолчали, доктор! Это ваша прямая обязанность блюсти наше эпидемиологическое благополучие. А моя — воспитание личного состава в духе марксизма-ленинизма и любви к отечеству, а я... — замполит махнул рукой, — отрезанные хвосты считаю.

— Ну вы, счетоводы, — вмешался в их вялую перебранку штурман, — я где-то слышал, что надо вырастить крысу-каннибала. Потом вы её выпускаете на волю, и она быстро делает своё дело...

Никто из них, конечно, не мог даже подозревать, что весь экипаж находится на пороге трагикомических событий, о которых впоследствии ещё долго будут чесать языки на базе и которые будут иметь некоторое своё вполне благополучное продолжение. Было время, когда могучий Союз успешно строил социализм, и флот, как наиболее яркий представитель Вооружённых сил великой державы, гордо нёс свой флаг по всем морям и океанам. В кубриках ели, спали и чесались представители всех союзных республик великой страны. Хохлы, прибалты, кавказцы, сыны знойной Средней Азии и прочая, прочая. Служить в плавсоставе было архитрудно, но почётно.

— Ноев ковчег, — как-то дал определение старпом, глядя на разноцветие национальностей, построившееся по большому сбору. — Увидев такие рожи, весь империализм разбежится к ядрёной матери.

Иннокентий Дуракинов, а попросту Кеша, комендор кормового орудия, был родом из суровой Якутии и заканчивал уже первый год службы. Росту ему Бог явно не дал, да был он ещё вдобавок ужасно кривоног, глаза-щёлки, приплюснутый нос. Вот такой получился у родителей портрет. Поистине дурацкая фамилия его, скорее всего, досталась его предкам по воле пьяного попа-миссионера, когда якутов и тунгусов, язычников по вере, крестили в христианство и нарекали русскими именами и фами-

лиями, приводя под высокую государеву руку. Вот и появились на ледяных просторах Якутии всякие там Дуракиновы, Блохоедовы и Кривозадовы с библейскими именами. Кроме «красоты неписаной» была у Кеши вторая отличительная особенность: он был до ужаса неряшлив и грязен. Загнать его в баню была нелёгкая задача для всей артиллерийской боевой части.

— Уберите это чудо природы! Тундра!!! — часто слышался рёв старпома, наткнувшегося на верхней палубе в очередной раз на Кешу, который, путаясь в сползающих с худого зада штанах и шмыгая вечно сопливившим носом, ковылял в одном известном ему направлении.

— Мать вашу, да что же это делается, из чума и прямо на боевой корабль, что у нас в государстве совсем мужиков не стало?! Я бы этому военному... — витиеватый мат быстро терялся в стальных закоулках корабля.

И слышащие эту угрозу представляли, каким способом и что оторвёт старпом да лёгкому военному.

Кеша слушал все эти нелестные отзывы в свой адрес с полнейшим спокойствием и только улыбался в ответ.

— Дурака включил по полной, — трепались матросы, — может таким образом списаться на берег хочет?

Однако желания покинуть борт Кеша никаким образом не выказывал. Просто он был такой сам по себе. Хотите любите, хотите нет. Чтобы он как можно меньше мелькал перед грозными глазами старпома, других офицеров и старшин, ему нашли достойное применение по корабельному расписанию. Кеша надолго засел в посудомойке. Весь день он безропотно проводил в соседнем от камбуза крохотном помещении, где отдраив от жира алюминиевую посуду, надолго помещал её в жарочный шкаф. Поздно вечером уже перед отбоем он заполнял огромные бачки-лагуны пресной водой и доводил их практически до кипения. Процедуру эту он осуществлял ежедневно. Корабельных коков такой неназойливый помощник вполне устраивал. Кеше, как типичному представителю хомо сапиенс, также ночью снились сны, от которых бросало то в жар, то в холод, а военно-морские трусы бугром дыбились по утрам от взбунтовавшейся плоти. Молодость, ничего не поделаешь с матушкой-природой! Кеша прекрасно понимал, что отцовское стойбище и родную тундру он увидит только через два с лишним года, и в душе был с этим согласен. Но в снах к нему приходила чаще всего та, чей образ он, как и многие матросы, в тайне хранил в личном рундуке. Боясь публичных обсуждений и возможных насмешек, Кеша вообще никому не показывал фотографию своей единственной и желанной, той, которая обещала ждать. Именно это слово «ждать» и являлось камнем преткновения всей службы. Из-за него случались побег, суициды и другие несовместимые со службой вещи.

Конечно, как члена экипажа, тема крысиного отпуска также не обошла Кешу стороной. Немного поразмыслив в своем мисочно-ложечном закутке, он решил действовать, как научили его природа и предки. Охотник и следопыт от роду, он вообще не видел проблемы выполнения поставленного командованием плана заготовки вредного для экипажа материала. Прошла какая-то неделя всеобщей кампании по уничтожению нежелательных попутчиков, как матрос Дуракинов выбился в передовики. О его успехах судачили не только в матросской курилке и кубриках, но и в офицерском отсеке, где замполит стойко отстаивал возложенную на него политотделом обязанность контроля по выполнению этого мероприятия.

Кешу подвели, нет, не жадность, а разгильдяйство и желание доказать, что лучше охотника, чем он, нет. Он уже перевалил установленный приказом рубеж и мог бы с успехом продавать «левую» сверхплановую пушнину жаждущим или готовиться к отъезду к той, которая обещала, но Кеша продолжал охотиться и таскать хвосты замполиту.

— Здесь что-то не так, — решили матросы, в очередной раз обсуждая Кешин охотничий фарт. — Не может этот огурец, эта обезьяна вот так просто...

Нашлись желающие проследить за самим процессом профессиональной охоты. Ждать пришлось всего-то пару дней, и Кеша попался.

Как говорится, всё гениальное просто, просто как грабли, и Кеша решил проблему так же просто, как, возможно, её решали его предки, добывая себе пропитание. Он использовал камбуз как охотничий участок и ловушку одновременно. Заполнив лагуны водой и включив их на подогрев, он снимал с них крышки, прикрыв их парящее жерло развёрнутыми газетами. Благо, этого материала, благодаря деятельности замполита, имелось в неограниченном количестве. Зарядив таким образом ловушки, Кеша усаживался на раскладную баночку и начинал ждать. Ждать приходилось совсем недолго. Запах пищеблока на крыс действовал просто убийственно. Он звал, он гнал вперёд сквозь все опасности. Стремительно пролетев по вентиляционной магистрали, хитрый грызун прыгал на устроенный Кешей плацдарм, дабы, легко оттолкнувшись от бумажной площадки, продолжить свой бег дальше, но... кипяток делал своё дело. Не давая тушке основательно разопреть, Кеша коковской чумичкой вылавливал животное из котла и на разделочном столе отсекал заветный хвост камбузным ножом. Ещё трепещущее тело летело в иллюминатор, а он опять замирал в уголке, ожидая очередную добычу. За этим занятием он и был пойман группой активистов, желающих раскрыть его тайну. Утром началась охота на Кешу. Гоняли его по всему борту. Гоняли все, кто мог, кто видел в будущем борще обезхвощенное туловище грызуна, кого уже стошнило от этого известия, а кто просто так, за компанию. Но, увы, Кеша выскальзывал от захвата, как соболев из пасти непутёвой лайки. В итоге Кешу загнали под барбет кормового орудия, комендором коего он и числился. Ощерившись гнилозубым ртом, он никак не шёл на уговоры покинуть свою шхеру и выйти на суд народный.

— Хрен с тобой, неделю караулить будем, голод не тетка, вылезешь, — объявили матросы, — а там...

— Хрен вам, — отвечал Кеша, демонстративно показывая рюкзак, набитый булками хлеба и ещё какой-то снедью, — я туточки до дембеля досижу.

Проблему как всегда разрешил командир.

— Прекратить балаган! — рявкнул папа по большому сбору, узнав, что матрос Дуракинов отсутствует в строю по причине охоты на него.

— Писарь, изготовьте приказ об отпуске матроса Дуракинова с выездом на родину мне на подпись, — и, давясь смехом, он величественно удалился к себе в каюту, оставив на корме негодующую толпу.

Скорее всего, эта традиция перекочевала во флот еще с петровских времён. В отпуск или совсем на берег матроса провожает весь экипаж. Провожает так, чтобы не было стыдно за флот, за флаг, за братву в конце концов. Дело сделано: Кешу начали одевать в дальнюю дрогу. Шили, подшивали, набивали чемодан тельняшками и майками, чтобы мог одарить родственников и друзей. Наконец, отмытый, отглаженный, в лихо заломленной на затылок бескозырке, Кеша прокосолапил по трапу на пирс, неся левой рукой туго набитый корабельными дарами чемодан.

— Кеша, бескозырку не потеряй, бестолочь!

— Передавай привет всей Якутии!

— Ты, мариман сраный, девок, девок пощупай хорошенько за нас! — завистливо кричали с борта многочисленные провожающие.

Салага

Матрос первого года, какого там года, месяца службы, Андрюха Пагирев испуганно озирался, прижимая к ногам объёмистый вещевой мешок с форменным добром, которым его снабдил во флотском экипаже заживевший, похожий на колхозного кладовщика мичман.

Ноги, обутые в тяжёлые кирзовые ботинки-«гады», со шнурками из полосок сыромятины, горели огнём от усталости и сбившихся в комок трикотажных носков. С семи часов утра у него не было маковой росинки во рту, а время уже неумолимо приближалось к ужину. Весь день на ногах: электричка, автобус, а потом ещё километров шесть пехом, то и дело поправляя сползающий со спины тяжёлый мешок. Сопровождавший его угрюмый, с изъеденным чирьями и видно ещё какой-то немочью лицом главстаршина-сверхсрочник за дорогу проронил всего лишь несколько слов, и то не касаемых его, Пагирева, персоны. Он привёл его к этой пышущей жаром, ошестинившейся боевым оружием стальной махине, поставил у трапа, а сам куда-то исчез с папкой документов. Вскоре он быстро прошагал мимо Пагирева по подрагивающему трапу, не удостоив его даже взглядом, а тот остался торчать голодным сусликом там, где его поставили. Чувство страха и неуверенности полностью овладело им. До слёз хотелось назад, домой, в тихую и зелёную деревню, где так звонко кричат ранним утром петухи, будто соревнуясь с мычащим коровьим стадом, уходящим на пастбище. Где тёплые, добрые руки матери по утрам мягко тормошили его за плечо: «Андрюша, вставай, сынок...» И вот всё это исчезло как чудный сон. Почти месяц его, как и других, ещё вроде на вид пацанов, а по возрасту уже мужчин, гоняли по докторам, потом везли эшелонам, мыли, стригли, вновь прогнали через медицинскую комиссию и переодели в пахнущую мышами форму. Пять суток тащился на восток эшелон с томящимися от неизвестности и скуки на жёстких полках общих вагонов новобранцами. По вагонам ползали страшные слухи о жестокой армейской жизни, которые отчасти распространяли солдаты, сопровождавшие молодёжь.

«Масло, мясо не рубать, а дедам всё отдавать!» — это означало неписанный закон, что воин-первогодок должен всячески заботиться о желудке «дедушки», которому скоро домой, куда он должен прибыть в полном здравии. А чтобы он как можно ранее почувствовал это сладкое слово «гражданка», нужно ещё бегать под окнами казармы с зелёными или голыми ветками, смотря какой период года, создавая в душе «деда» ощущение движущегося поезда. Чистить обувь и подшивать «деду» подворотнички — это вообще ежедневная услуга.

«Плавсостав» — как приговор прозвучало из уст усатого дядьки, на котором белый халат был завязан со спины на скрученные тесёмки, как у совхозного ветеринара Евстигнеича. «Три года...» — вяло отозвалось в Андрюхиной голове, которая последнее время была забита таким ворохом информации, что он устал от неё и почти ни на что не реагировал.

Он потряс головой, пытаясь отбросить грустные воспоминания. В это время мимо него на пирс с корабля прошествовала странная процессия: двое матросов без синих воротников (гюйсов) и вырванных с мясом погон были скованы меж собою наручниками, отчего передвигались по-крабьи, боком. Их сопровождал конвой, состоящий из офицера комендантской роты и двух солдат-срочников, то ли узбеков, то ли туркмен, с карабинами на изготовку. Рожи азиатов, исполнявших конвоирование, светились неподдельным счастьем.

— Па-а сторони-и-сь! — офицер повелительно отодвинул Пагирева рукою в грудь.

«Кто это, куда их?» — Андрюха ошалело глядел вслед удаляющемуся конвою.

— Эй ты, огурец! Чего балдой трясёшь?

Перед ним стоял матрос с повязкой на рукаве рабочей рубахи. Рассыльный по кораблю, «собачка», как позже узнал Андрюха обидную кличку этой беспокойной, но ничего особенно не обязывающей вахты.

— Давай, сыпь за мной, — матрос резво двинул на палубу и скрылся в одной из открытых дверей корабельной надстройки.

Куда и что «сыпать» Андрюха не знал, но на всякий случай подхватил свои пожитки и заспешил вслед быстро исчезающему в железном чреве рассыльному. Он почти бежал за «собачкой», не успевая запоминать, куда они двигаются. Прямо, поворот, вниз, вверх, над головой толстенные пучки кабелей, какие-то трубы с надраенными до блеска барашками вентилей, электрощиты с мерцающими лампочками. Навстречу, и обгоняя их, спешили люди: рядовые матросы, старшины и офицеры. Андрюха, уже познавший дисциплину во флотском экипаже, на всякий случай прижимался к переборке и как мог вытягивался по стойке «смирно». Странно, на него никто не обращал внимания, будто бегаёт он со своим мешком сам по себе тут с утра до ночи каждый день. Никто не орёт: «Как стоишь, салага! Сгною в гальюне!», что он слышал каждый день от сержантов экипажа, которые мнили себя бывалыми моряками, а сами, оказывается, море видели только на городском пляже, куда ездили в увольнение троллейбусом. Этакое безразличие к нему, салаге, которого нужно гноить каждый день за строптивость, даже вселило в его издёрганную, ничего не понимающую за последнее время душу некоторую уверенность.

— Дневальный, принимай огурца!

Андрюха врезался в задницу согнувшегося пополам рассыльного, который кричал куда-то в открытый проём люка какому-то невидимому отсюда дневальному. От такого толчка рассыльный чуть не улетел вниз, но вовремя опёрся обеими руками о поручни круто падающего трапа.

— Ты что, огурец, смотри куда прёшь! Я так и до дембеля не доживу, — беззлобно сказал рассыльный. — Давай, сыпь в низа, там тебя встретят.

Прижимая к груди постоянно мешающий мешок, он начал, как баба на сносях, осторожно, нащупывая непослушными ногами ступеньки трапа, спускаться вниз.

— Приполз...

— Ага, — Андрюха обеими руками держал перед собой своё добро и вопросительно глядел на матроса, изрёкшего короткую фразу — «приполз». Он уже приготовился выслушать очередное нравоучение, по крайней мере, это было написано на недовольном лице дневального, но «каштан», динамик, висевший на переборке, хрюкнул, и металлический голос возвестил: «Окончить корабельные работы, команде руки мыть, бачковым накрыть столы!» Тотчас же где-то над головой загрохотали матросские ботинки, и в кубрик стремительно начали падать, именно падать, так показалось Андрюхе, люди. Бачковые выхватили невесть откуда складные столы, быстро привели их в готовность и, похватав из рундуков алюминиевые бачки, умчались наверх так же стремительно, как рой пчёл.

— Не стой в проходе, мешаешь, — сказал дневальный. — Вон сядь на рундук, — он указал на сооружение, похожее на нижнюю полку в пассажирском вагоне.

Андрюха присел на самый краешек, в тоскливом ожидании дальнейших событий.

— Ты на нашем баке рубать будешь? — спросил его матрос, вернувшийся с полным бачком пищи.

Андрюха лишь пожал плечами.

— У нас, — решил за него бачковой. — Тогда помогай, режь хлеб.

Вскоре вокруг стола собрались все обитатели этого закутка — десять человек вместе с Пагиревым. Последним спустился в кубрик и уселся во главе стола — бака, высокий, костлявый старшина, с ровной щёткой усов и тремя лычками на маленьких квадратах погон. Бачковой разлил по мискам исходящий паром борщ, и Андрюха

судорожно дёрнул кадыком, проглатывая накатившую слюну. Помятуя правила экипажа, где сначала и всё лучшее едят старшие, он не решался начать есть.

— Ты чего как на именинах? — спросил старшина и, встретив его беспомощный взгляд, понял: — А, ты с экипажа начинал, там «сапожня» свои порядки устанавливает. Отвыкай, у нас перед пайкой все равны. Так что бери весло и наваливайся на борщ.

Андрюха так махал ложкой, что на лбу у него выступила испарина. Желудок быстро наполнялся, и бляха ремня уже больно уперлась в кожу живота. Так он ел последний раз ещё дома. Потом была баранина с гарниром из сухой картошки и традиционный компот. Глаза его осоловели, и он начал зевать, чувствуя, что вот-вот уснёт. После ужина матросы собрались пойти на перекур.

— Захватите с собой молодого, — сказал старшина, — а то он сейчас сомлеет совсем.

«Старшину первой статьи Зайцева к старпому!» — пророкотал динамик.

— Ну вот, Таракан по мне что-то соскучился, — старшина неспешно вылез из-за стола.

Курили на носу корабля, собравшись у «фитиля», обрезка деревянной бочки, наполненной водой. Андрюху посвятили, что он попал в отделение штурманских электриков, что старшина Зайцев, их командир, — мировой мужик, и до осени сделает из Пагирева человека. Что экипаж условно делится на две касты — маслопупов и пассажиров. Маслопупы — это все, кто служит в машинной боевой части номер пять, они дают кораблю ход и прочее жизнеобеспечение. Пассажиры — вся остальная хрень, как считают маслопупы. Но вражды никакой нет, так как экипаж — одна семья. Ещё маслопупы просто сгорают от любви к пассажирам, когда те попадают к ним по залёту чистить трюма. На корабле нет человека, который бы избежал этой участи. Кстати, сегодня арестовали двух «годков» из БЧ-5 за то, что они совсем замордовали одного трюмного машиниста, из молодых, конечно. Теперь старпом и замполит гайки всем закрутят и законтят навечно.

— Почему до осени? — простодушно спросил Пагирев, выслушав краткий экскурс из истории корабельной жизни.

— Потому что осенью Зайцев уйдёт на дембель, а дембель не фрайер, и мимо не пройдёт, — сказал старший матрос с едва пробивающимися усами, — и я займу его место. Короче, всё отделение подвинется на одного человека.

Матрос из боцманской команды выдал ему пару чистого постельного белья и брезентовый матрац, набитый пробковой крошкой, объяснив, что простыни, как и всё остальное, стирать он будет сам, так как нянек и прачечной по расписанию не положено. Андрюха долго разглаживал перекатывающуюся под брезентом пробку, стараясь получить ровную поверхность этого йогова ложа, но всё безуспешно. Перегородки давно сгнили, и теперь матрац был похож на мешок с мелкой семенной картошкой.

— Брось, — посоветовал ему сосед по койке, — поначалу бока будут болеть, а потом привыкнешь.

— А что, других, помягче, нет? — спросил Пагирев. — И почему пробка?

— Тонуть начнём, на нём и поплывёшь, ежели на верхнюю палубу выберешься. А тут и спать есть на чём, и как никак индивидуальное средство спасения.

После вечернего чая подали команду: «Палубы проветрить и прибрать!» Пока Андрюхе объясняли, что это такое, его вызвал к себе старпом.

— Покажите молодому, где офицерский отсек, — распорядился Зайцев, — а то будет блукать и на неприятности у «хроника» нарвётся.

Андрюха не стал выяснять, что такое или кто такой «хроник». Он неслышно ступал своими «гадами» по большому ковру, и ноги приятно тонули в мягком ворсе. Вот и каюта с казённой надписью «старший помощник командира» и маленький картонный трафарет — «Хрони В.В.»

— Матрос Пагирев по вашему вызову явился! — как можно чётче произнёс Андрюха и вытянулся, как говорится, во фрунт, вскинув правую руку к виску.

Старпом в звании капитана третьего ранга сидел за небольшим столом перед открытым иллюминатором и что-то быстро писал. Это был молодежавый мужчина, его слегка вытянутое лицо украшали длинные, торчащие по обе стороны, смоляные усы.

«Точно, Таракан, — успел подумать Пагирев, — а ещё и «хроник», из-за фамилии смешной, наверно».

— Является Христос народу, товарищ матрос, — не отрываясь от письма, произнёс старпом, — а советские матросы прибывают по приказу. Потрудитесь прибыть ещё раз.

Обескураженный таким оборотом, Андрюха вывалился из каюты и для приличия пару минут потолкался по пустынному офицерскому отсеку, где дорогое убранство помещения вполне гармонировало с военным строгим аскетизмом.

— Товарищ капитан третьего ранга, матрос Пагирев яви... — он замолчал, испуганно выпучив на него глаза.

— Во-о-о-н! — взревел Таракан, и его усы грозно взмыли вверх.

Дальше он плохо что помнил. То, что он упал на трапе, ободрав о балясины обе коленки — это ерунда, это заживёт. Он, к своему стыду, заблудился. Обратиться за помощью к снующим туда-сюда матросам Андрюха посчитал быть поднятым на смех. Добрые полчаса, делая независимый вид, будто занят службой, он бродил по внутренним помещениям, пока не выбрался на верхнюю палубу. На бухту уже опускались вечерние сумерки, и с моря дул свежий ветерок. Пагирев подошёл к леерам и, взявшись за покрытый серебрянкой трос, мечтательно стал разглядывать открывшуюся перед ним панораму бухты. Хорошо всё-таки, что его призвали во флот, правда, всё идёт пока как-то наперекосяк, но это поправимо. Тут его и поправил неслышно подошедший боцман.

— Что, салажонок, пейзажем любуемся? — голос не предвещал ничего хорошего.

«Пропал... — оборвалось всё внутри. — Боже мой, да что я такой неуклюжий... — только и успел подумать Андрюха, ещё не подозревая из-за чего он пропал.

— Товарищ боцман...

— «Товарищ боцман» будет у тебя на каком-нибудь пароходе, а здесь я пока главный корабельный старшина, усёк? То-то... Ну, пошли, родненький. За хождение по правому офицерскому борту, кое разрешено нижним чинам только по боевой тревоге, авралу и так далее, а в остальное время это просто променад, грубо нарушающий дисциплину. Так что необходимо прибрать за собой.

— Кого прибрать? — не понял Андрюха.

— Место, от сих и до сих, — боцманская рука совершила полукруг, — намусорил ты тут основательно. — Он подвёл Пагирева к приборочному кранцу, откуда извлёк, как потом Андрюха со смехом вспоминал, «Маньку», здоровенную, лично боцманскую «наградную» швабру. — Вот тебе подружка, чтобы не скучал.

Пагирев сначала со стыдом, а потом, увлечшись, гонял «Маньку» по палубе, периодически опуская её за борт на длинном шкертё. За этим занятием, имеющим, оказывается, огромное воспитательное воздействие, и застали его сослуживцы, посланные Зайцевым на розыск пропавшего без вести новоиспечённого штурманского электрика.

— Трудисься? — спросил Иван Сотников, матрос второго года службы.

— Угу, — буркнул Андрюха, посылая «Маньку» в очередной полёт по палубе.

— Завязывай.

— А боцман?

— Не придёт, не бойся, он свои целеуказания, а короче «ЦУ», не проверяет, знает, что залётные всё сделают так, как положено. По палубе ходи, ногами не шаркай, а то опять с «Манькой» танцевать будешь, за борт не плюй — последнее кошунство, на

правый борт ни ногой без надобности, ну, ты это уже понял, — наставлял его Иван, когда они возвращались в кубрик. — Вот так с месяц, тебя попинают, потом врубишь-ся во всё, и, считай, что служба наладилась. Послезавтра, суббота, кино будут крутить. Если погода хорошая, то на верхней палубе, сможешь посмотреть, если хорошо зашхеришься.

— Как это?

— Спрячешься. Если в большом кубрике, то не суйся — выгонят.

— Потому что молодой?

— Нет, потому что ещё не сдал зачёты по устройству корабля и борьбе за живучесть.

— Это так важно?

— Важней некуда. А вдруг ЧП какое — затопчат. Офицеры зелёные из училища приходят, им тоже поблажки нет, учат и сдают как миленькие.

После команды «Загерметизировать отсеки, отбой, ночное освещение включить!» матросы начали быстро разбирать койки. Пагиреву было предложено место на нижнем рундуке, причём голова его должна была покоиться под какой-то железной загогулиной, торчащей из толстой трубы, проходящей откуда-то снизу сквозь кубрик и дальше.

— Элеватор, снаряды из погреба подаёт во вторую башню, а это механизм ручного подъёма, если напруга пропадёт, — пояснил Иван. — Во сне резко не подпрыгивай, звезданёшься об него, будь здоров. И ещё, по секрету, ночью ожидается аврал, так что держись меня, — наше отделение на левом шкафуте расписано.

— Спасибо, — поблагодарил Пагирев. — А что такое аврал?

— Корабль с морей придёт, писарь, годок мой, проболтался. Он в штабе был, подслушал нечаянно, что швартоваться к нам по левому борту будет. А нам его принимать.

Вымотанный за день Андрюха последние его слова уже слышал сквозь тяжёлый сон, который навалился на него глубоким наркозом. Даже ложе его, жёсткое, как вокзальная лавка, казалось периной. Душа его, издёрганная событиями прошедшего дня, отозвалась кошмаром. Ему снилась преисподняя корабля — машинное отделение, где годки-арестанты волокут его к пылающим жерлам топок, а старпом, распушив усы, что-то беззвучно орёт и скалится, предвкушая, как горит и корчится в белом огне этот салага, явившийся на корабль как Христос. Андрюха ужом извивается на рундуке, давно вытолкнув из-под себя пробковую подстилку, но сон крепко держит его в своих объятиях.

Сопел и прихрапывал весь кубрик, спал огромный боевой корабль. Но это лишь видимость ночного покоя — четыре шага влево, четыре вправо, ходит у трапа часовой, придерживая рукой болтающийся чуть ли не под самым коленом «ТТ», не спят дежурный офицер по кораблю и дежурный по низам. Там, где-то в самой глубине корабля, не спит дежурный по посту энергетики и живучести, внимательно вглядываясь в доску непотопляемости, мерцающую разноцветными лампочками и дающую информацию о состоянии каждого отсека. Корабль находится лишь в мнимом состоянии покоя. В любую минуту он готов взорваться отрывистым лаем команд, грохотом матросских ботинок, потому что там, дальше на запад, — Россия, Родина. Она спит, уверенная, что её надёжно берегут.

Глубокой ночью пронзительной трелью залились колокола громкого боя. Андрюха от такого будильника подскочил как ошпаренный, всё-таки крепко ударившись лбом о ручной привод элеватора.

«Аврал!» — рывкнули десятки «каштанов», и невидимый голос возвестил швартовым партиям: «Баковым — на бак, шкафутовым — на шкафут, ютовым — на ют, по местам стоять, корабль с левого борта принимать!»

Горохом посыпались матросы из коек, на ходу выхватывая из рундуков робу. Подхваченный общим порывом, Пагирев завозился, судорожно ища брезентовые штаны и свои гады. Сыромятные шнурки никак не хотели попадать в отверстия, и Андрюха решил бежать так. «На месте дошнурую», — решил он.

— Шевелись, мать вашу! — орал старшина кубрика.

— Живей, живей! — торопил его Иван — Держись рядом!

Ногами по трапу не получилось, по-обезьяньи, на карачках, толкаемый снизу, Андрюха вылетел из кубрика и, не теряя глазами широкую спину Ивана, помчался вслед за ним. Окончательно он проснулся в строю, когда ночная прохлада быстро залезла под рубаху-голландку. Стояли «вольно», тихо переговариваясь и на чем свет кляня ночные швартовки. Андрюха слушал и помалкивал, пытаясь увидеть виновника их ночного беспокойства. Неожиданно из тьмы прямо на него стала надвигаться жаркая свистящая паром громада, заслонив собой более светлый горизонт над окружающими бухту сопками. И он увидел, увидел, как корабль возникает будто из небытия. Вот уже тёмными пятнами виднеются шеренги таких же, как они, швартовых команд, построившихся вдоль борта, хитросплетения радиоустройств и локационных станций, глыбы орудийных башен и ракетных установок. Темень, только ходовые огни говорят о том, что это не призрак, ворвавшийся в тихую бухту из океана.

— Стоп машина! — неожиданно прозвучал чей-то уверенный голос. — Подать носовой! — И тут же: — Подать кормовой!

Что-то тяжёлое просвистело в воздухе, буквально в нескольких сантиметрах от Андрюхиной головы, и по плечу его заструился тонкий капроновый линь. Он, не зная что предпринять, сбросил с себя эту верёвку.

— Выброска! — закричал Иван. — Хватай выброску!

Кто-то уже подхватил линь, и вот уже три человека дружно выбирают выброску на борт, на конце которой вскоре показалась петля троса. Андрюха в общем порыве подхватил его и потащил вместе со всеми. Трос был какой-то липкий и больно колот руки.

— Заводи, заводи на вьюшку! — кричал Иван. — Чего телитесь!

Матросы поднажали, и Андрюхе показалось, что он несколько раз на тросу подвисал в воздухе.

— Порядок, — видя, как трос стал натягиваться туда, в темноту, сказал Иван.

— С почином тебя, салага, — он дружелюбно хлопнул Пагирева по плечу. — О-о, да ты руки все поколол, — заметил Иван, видя, как Андрюха держит перед собой израненные ладони. — У меня в рундуке «Кармен» есть, протрёшь после отбоя аврала, а то загниёт.

В это время что-то не заладилось у носовой партии пришедшего корабля, и над тихой ночной водой взвился отборный, витиеватый мат, с вполне литературной добавкой: «Что там ползаете, как беременные воши по гребешку!» И далее вновь что-то непередаваемое, из которого Андрюха понял, что эти самые воши получают в итоге месяц без берега.

— «Без берега» — это что?

— Один шланг запортичил швартовку, вся партия наказана, — пояснил Сотников, — месяц в увольнение ходить не будут. Да тут и некуда, — он рассмеялся, — сопки одни, на одной «Помни войну», на другой «Ленин с нами». У нас во флоте, брат, таков порядок: один за всех и наоборот, иначе каюк, кранты, понял?

Побудку сыграли, как и положено, в шесть утра. Густой туман надёжно укутал бухту и прилегающие сопки, поросшие дубняком. Полусонный экипаж, подгоняемый старшинами, с явной неохотой построился на пирсе для утренней зарядки. Пагирев, по пояс голый, бежал в толпе матросов, поёживаясь от утренней свежести. Одна мысль сверлила голову: сколько ещё дней бегать ему по этой дубовой аллее. Он пытался на ходу посчитать, но сбился. Главное, один день уже есть.

К восьми утра сыграли большой сбор на подъём флага и развода на корабельные работы. К своему ужасу Андрюха заметил, что матросы в строй становятся в чистом рабочем платье, а его роба стала похожа на зебру от просолиженного троса — результата ночной швартовки.

— Хана тебе, — мрачно сказал Зайцев, — и мне тоже. Что, второго комплекта нет?

— Есть, не готов ещё.

— Станешь во вторую шеренгу, может, Таракан не заметит.

Но судьба — злодейка, от неё, видно, не убежишь, не спрячешься за спины товарищей.

— Первые шеренги два шага вперёд, кругом! — скомандовал дежурный по кораблю.

Таракан в сопровождении доктора и боцмана пошёл с осмотром по строю боевых частей. Андрюха стоял ни жив ни мертв, чувствуя, как с каждой секундой уменьшается его вполне радужное настроение.

— Что это? — длинный сухой палец старпома указывал на него. — Уберите это, дабы оно гнусным видом своим не позорило флага российского! — Усы уже грозно дыбились вверх, а на скулах заходили желваки.

— Мухой в кубрик, — одними губами прошипел ему Зайцев.

Андрюха не просто убежал, он просто исчез, испарился. Одинокое сидел на рундуке, готовый расплакаться, сгорбившись и зажав израненные ладони рук коленками. А на корме в это время Таракан изощрялся в красноречии, сравнивая отделение штурманских электриков с эскимосами, которые, живя у океана, лают на воду, не зная её истинного предназначения — содержать в чистоте тело человеческое. Глубокие познания истории малых народностей привели его и к нанайцам, которые почему-то в количестве трёх штук, и обязательно в пьяном виде, при помощи луков захватят корабль, потому что на нём служат такие матросы, как подразделение Зайцева. Но он, капитан третьего ранга Хрони, старший помощник командира, ни в коем разе не позволит превращать боевую единицу флота в какое-то судно.

— Что-то он сегодня америкосов-супостатов, постоянно рыскающих у наших священных рубежей, пропустил, — тихо сказал Сотников, когда старпом, посчитав, что его речь дала заряд бодрости для матросского духа на целый день, удалился, отвалив Пагиреву пять внеочередных нарядов на корабельные работы.

— Ничего, я вам напомяну, — пообещал Зайцев...

Днём Андрюха зубрил корабельный устав, устройство корабля и азы своей пока непонятной специальности, а ночью качался на спасательном плотике за бортом, яростно возя по нему щёткой. По мнению старпома, от чистых бортов резко повышается боеспособность корабля...

Как-то тихо, незаметно, подкралась осень. Сначала сопки заполыхали ярким жёлтым огнём, потом резко похолодало, и они почернели, ошетилившись частоколом корявых дубовых стволов. Андрюха давно оморячился, выпив в первом походе плафон горько-солёной забортной воды. Исчезла неуклюжесть, и давно зажили разбитые о трапы коленки. В кармане его рубахи-голландки уже лежала книжка — боевой номер, которая причислила его к экипажу, сделала полноправным членом, и которую он мог без запинки цитировать наизусть с любой страницы в любое время суток. В холодный и ветреный ноябрьский день он спешил на свой боевой пост, когда у трапа на шкафуте увидел одинокую фигуру матроса, с вещевым мешком у ног, с тоской вззирающего на окружающий мир.

«Салага...» — подумал он мимоходом и помчался дальше по своим делам.

Бацилла

Операционная залита ослепительным светом, который равномерно льёт многоглазая бестеневая лампа. Её свет отражается от хромированных инструментов, ровными рядами улёгшихся на хирургическом столике. Вокруг операционного стола неслышно скользят, передвигаются члены операционной бригады. Хирург, упакованный заботливой сестрой в стерильный халат, стоит, выставив перед собой руки, затянутые в тончайшие резиновые перчатки. Больной глядит на него со страхом и благоговением. Последние приготовления — и ему дадут наркоз.

— Что это?! — хирург гневно и вопросительно тычет резиновым пальцем в крохотное чёрное пятнышко на белоснежной стерильной простыне, укрывающей больного. — Бацилла?

— Бацилла! Просыпайся, салага! Ну напозаеешься ты у меня, карась, по трюмам!

Рассыльный, сам ещё молодой матрос, орал больше для понта и изо всех сил добил ногой, обутой в грубые матросские ботинки-прогары, по дверям медицинского отсека.

Блеск операционной начал стремительно съёживаться, тускнеть, а фигуры людей терять реальные очертания.

— Бацилла!!!

Матрос Пирогов, фельдшер сторожевого противолодочного корабля, в кои обязанности входило, прежде всего, беречь личный состав, вверенный ему в этом походе, а потом уже и всякой другой лабудой заниматься, подскочил на подвесной койке второго яруса и больно ударился коротко остриженной головой о подволоку.

— Бацилла-а!!! — вновь загрохотала дверь.

Пирогов кулём вывалился из койки на палубу. На ходу подтягивая сползающие огромные синие трусы, бросился открывать двери.

— Ты что, салага, дрыхнешь как пожарник?! — спросил разъярённый рассыльный. — Давай рысью к командире!

Сон окончательно слетел. Помня, что одеваться надо всегда как по тревоге — за сорок пять секунд, которых у него уже не было, Пирогов вставил ноги в прогары, накинул голландку и, как был в трусах, рванул по трапу на верхнюю палубу. Брезентовые штаны натягивал уже на ходу, прямо через ботинки, прыгая поочередно то на одной ноге, то на другой. Сторожевик, подгоняемый лёгким бризом, дрейфовал в нейтральных водах неподалёку от Корейского пролива. Ночь была тёплая и на удивление звёздная. Тёплый июньский ветерок приятно ласкал лицо и наносил с моря какие-то незнакомые запахи.

Он промчался левым бортом до надстройки и, преодолев ещё метров двадцать узкого коридора, в нерешительности остановился — или на ходовой мостик, обычное место командира в походе, или...

— Он у себя в каюте, — выручил рассыльный, — дрейфуем же.

Перед входом в каюту Пирогов вдруг с ужасом обнаружил, что забыл пристегнуть к голландке синий воротник — гюйс, который сейчас сушился под вентиляшкой в отсеке. «Могут и пару нарядов подвесить, уж как пить дать».

Вторая неделя пошла, как он ступил на палубу этого корабля. Пирогов думал, что во флоте, куда он попал вопреки своим ближайшим планам, будет только пользоваться больных матросов и офицеров, наслаждаясь чистотой и блеском корабельной амбулатории. Радужные мечты быстро развеялись, как только он ступил на палубу ожидающего длительного ремонта корабля. На эту импровизированную плавказарму собирали молодёжь, прибывшую с гражданки, шестимесячных («недоношенных») из учебных отрядов, для последующей перевалки в боевые борты. Пирогов сразу же

поступил в распоряжение корабельного доктора — унылого старлея, с презрением относящегося ко всему военному и отбывающего трёхлетний срок срочной службы. Доктор был очень рад, что корабль надёжно и надолго привязан к пирсу, каждый вечер уезжал домой в военный посёлок, где у него были жена и маленькая дочь. После первого сухого знакомства он сразу же предупредил Пирогова, что жить тот будет с матросами в кубрике, в лазарете свой нос никуда не совать, кроме приборки этого помещения. Каждое утро после подъёма флага старлей с усталым от жизни и службы лицом заваливался в лазарете отдыхать, давая понять, что Пирогов должен покинуть медотсек, дабы не мешать этому важному процессу. Пирогов всё равно с утра отправлялся проходить курс молодого бойца, так что видел своего патрона крайне редко. Так продолжалось уже несколько дней. Если кто-то планирует твою жизнь за тебя, она в какой-то мере начинает терять смысл. Шлёпая жёсткими подметками по плацу, Пирогов всё время думал: как ему пригодится в дальнейшем этот бессмысленный ежедневный променад или знание устава караульной службы. Строй по команде остановился, и его выдернул из шеренги посыльный. Опять кто-то спланировал всё по-своему. Его, недоученного, необстрелянного, срочно пожелал лицезреть флагманский врач бригады, существование которого Пирогов пока ещё только предполагал.

Огромный, квадратный череп с унылым редким пушком по закрайку, гориллообразная фигура. Глаза спрятались так глубоко, будто на тебя смотрит барсук из норы.

«Прямо питекантроп...» — подумал Пирогов, представив, каких же размеров мама, которая его произвела на свет.

— Тут у меня один му...к экипажу в походе опрелости на ногах формалином излечил, — прорычал питекантроп без всяких предисловий, — кое-как до базы добрались. Некоторые, как балерины, ещё сейчас на цырлах пляшут. Интересно, за сколько баранов этот чурек диплом купил? Сегодня эта коробка вновь на бээску уходит. Пойдёшь на ней вместо него, и смотри у меня, — перед физиономией Пирогова возник огромный волосатый кулак.

При виде такого веского аргумента Пирогов не стал выяснять, что такое «бээска» и как чурек умудрился проформалинить заживо почти весь экипаж. Чужая, что его толкают в какую-то тревожную неизвестность, на всякий случай сказал:

— Я присягу ещё не принял, товарищ капитан медицинской службы.

— Тебя что, мать твою, за присягой сюда за тыщи километров припёрли! — взревел питекантроп. — Хватай свой сидор и рысью на борт 853-й! Идеальный, бля, какой нашёлся!

Трехэтажный с балкончиками мат Пирогов слышал уже на безопасном удалении. Ему сразу же вспомнился старый хирург Тихомиров, который лаялся ничуть не слабее и мог в ходе операции запросто запустить в нерадивых помощников инструментом, а хуже того, и кое-чем похлеще — чем-либо от сладко спящего в наркозе пациента...

— Дурак, — вяло произнёс старлей, наблюдая его суетные сборы, — пароход наш вот-вот в ремонт года на три встанет — это город и все вытекающие отсюда последствия. Шанс такой один из миллиона, а так сгниёшь на железе.

Первые дни похода походили на загородную прогулку, а медицинская деятельность его заключалась в раздаче витаминов, которые он каждый день рассыпал по обеденным столам, как заботливая птичница кормит кур. Кто-то пустил «утку», что на боевой службе, то есть в автономке, Бацилла по указанию замполита таблетками глушит основной мужской инстинкт. На этот счёт у Пирогова была даже лёгкая разборка с некоторыми лицами, кто ревностно следил за состоянием своей мужской гордости. Обидно было, что его, вроде бы доктора, приняли как обыкновенного салажонка, призванного из какой-нибудь деревни Кукуевки. Потом понял, что здесь уважают людей сноровистых в корабельной жизни. От ежедневных упражнений по морской практике руки его быстро огрубели, ногти обломались и забились чёрной каёмкой грязи. Пи-

рогов трудился, сцепив зубы, понимая, что чем быстрее он вольётся на первый взгляд в суетный, а на самом деле чёткий, размеренный ритм боевого корабля, тем для него лучше.

— Пра-ашу добро, есть матрос Пирогов, — он перешагнул через невысокий комингс с надеждой, что командир не заметит вольности — прибыть к нему без воротника.

Командир сидел в кресле у стола, заваленного какими-то документами. Он некоторое время молча разглядывал неказистую фигуру корабельного лекаря.

— Ты как, Пирогов, вирши свои читаешь? — неожиданно спросил он.

— Какие вирши? — не понял Пирогов.

— Ну, там книги всякие, что касается медицины. Литературы у тебя в медотсеке предостаточно должно быть...

— Читаю, товарищ командир, — соврал Пирогов, так и не поняв цели вопроса.

— Ну-ну, — снисходительно хмыкнул командир, — это у тебя первый поход.

— Так точно, первый, — согласился Пирогов.

— Тут такое дело, — командир крутнулся в кресле, — один разгильдяй наш сунул руку под крышку люка.

— Ко мне никто не обращался.

— Значит, не доверяют ещё тебе. Не везло нам последнее время на лекарей, уже третьего списали за бездарность. И где вас только учат? — продолжал командир. — Осмотри больного и доложи мне. Или мы идём к кораблю, где есть хирург, что крайне нежелательно, или продолжаем выполнять поставленную нам боевую задачу.

Сторожевик создан, чтобы воевать, и каждый квадратный сантиметр его площади говорит об этом. Пирогов вошёл в офицерскую кают-компанию и снял с обеденного стола белоснежную скатерть. Перед ним открылся операционный стол со всеми положенными ему причиндалами. Он включил висящую над ним операционную лампу. Стерильные укладки и прочая медицинская утварь лежали на своих штатных местах в кранцах, надёжно закреплённые от качки, что он сделал ещё перед выходом. Вскоре в сопровождении командира БЧ пришёл и разгильдяй. Кривясь от боли, он нянчил повреждённую руку, наскоро обмотанную бинтом из индивидуального пакета.

— Осторожней, Бацилла, — отдёргнул раненую руку матрос.

Пирогов решительно размотал набухшую от крови повязку.

— Ну-с, что мы тут имеем? — как бывало в травмпункте на гражданке задал он сам себе вопрос. — Открытый и красивый перелом вторых фаланг четырёх пальцев, ровненько прихватило, — больше для командира БЧ сказал Пирогов. — Пойду доложу командиру, чего и как...

— Ты смотри, сынок, не подводи своего знаменитого однофамильца, — сказал командир, узнав о принятом Пироговым решении, — да и меня тоже.

— Первичную хирургическую обработку делать буду в лазарете, — сообщил Пирогов командиру БЧ, — туда его отведите, а я пока тут всё в порядок приведу.

В лазарете он долго и тщательно мыл руки, скрёб их щёткой. Потом обильно смочил ватный тампон спиртом.

— Плеснул бы ему для храбрости, — сказал наблюдающий за его приготовлениями офицер.

— Плесну, — сказал Пирогов, набирая из ампулы в шприц бесцветную жидкость, — один кубик промедола, чтобы страх снять.

Он сделал матросу инъекцию и занялся инструментами.

— Что-то мне захорошело, — хихикнул больной, — так можно пальцы каждый день ломать.

Лёгкая дрожь в пальцах исчезла, исчезла и теснота корабельного лазарета, перед ним возникло лицо старого травматолога Петра Петровича, его добрый лучистый

взгляд и мягкий голос: «Ну-с-с, молодой человек, смелее, смелее, в будущем из вас получится хороший хирург. Мы — травматологи, как слесари, чиним то, что поломалось в человеке».

— Тебе лучше отвернуться, — сказал Пирогов, укладывая травмированную руку на большую салфетку.

— Не дрейфь, Бацилла, не такое видали, — храбрился раненый.

— Рожу на меня, — сказал ему офицер, увидев, как Пирогов вновь наполняет большой шприц, на этот раз уже из флакона, предварительно плеснув прямо на палубу.

Нашипиговав новокаином руку и бегло глянув на циферблат корабельных часов, Пирогов принялся за привычную некогда ему работу.

Утро. Легкая зыбь мягко качает корабль с носа на корму, где по бортам замерли длинные шеренги матросов. Тёплый ветерок треплет гюйсы, ласково гладит кожу лица. Приняв доклад от боевых частей о наличии личного состава, вахтенный офицер доложил старпому.

— Добро, — гукнул тот и, привычно заложив руки за спину, заходил вдоль строя.

Экипаж замер, гадая суть и смысл очередной проповеди, которая обычно касалась качества боевой подготовки, постоянного наступления мирового империализма, повального бардака в боевых постах и жилых помещениях и что они тут нагло прожирают подоходный налог, который из последних сил выплачивают их близкие, там, на гражданке.

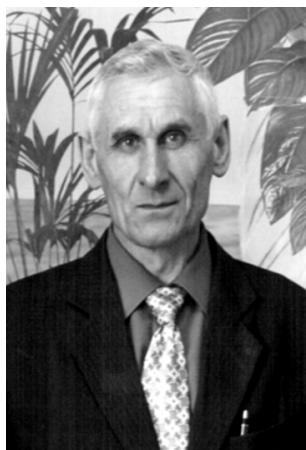
— Кхе-хе... — бодро выдохнул старпом и, проведя ребром ладони под щёткой усов, начал: — Последнее время наш язык, великий русский язык, на котором мы повседневно общаемся, претерпел некоторые изменения лексики. И я не потерплю, чтобы боевая единица флота превращалась в задрипанный третьеразрядный кабак или воровскую малину! — Голос его крепчал с каждой фразой. — «Чифан, корефан, гарсун!» Это что, мать вашу! — витиеватый мат, который по мнению старпома только мог улучшить русскую лексику, пронёсся над палубой и затих где-то в просторах океана. — «Огурцы, батраки, караси, бациллы», — продолжал старпом, — и прочие представители фауны и флоры навсегда должны покинуть этот борт. Иначе, — он потряс «любимой» экипажем потрёпанной общей тетрадью, — все знают, как с помощью этого инструмента многие поднимут свой культурный уровень. Р-р-р-а-зойдись!

Пирогов не слышал этой очень правильной и справедливой речи. Свою проповедь старпом счёл необходимым произнести после доклада о его успешной ночной операции. Уставший, он крепко спал в своем крохотном лазарете и не мог знать также, что уже прижился в этом экипаже.

Плавание продолжалось.

МИХАИЛ КРИВОШЕИН

Напоённая песнями грусть

Куда нас всех нелёгкая несёт,
Каким ветрам довериться нам, знать бы!
А у крыльца прогнившего цветёт
Черёмуха в заброшенной усадьбе.

Видать, мы сбились с верного пути,
Коль всюду нас преследуют заботы,
Сулит нужда великие щедроты,
Что в жизни повседневной не найти.

КРИВОШЕИН Михаил Николаевич родился в 1952 г. в г. Чите. Окончил школу-интернат № 5 на ст. Карымская. Учился в Читинском ГПТУ № 7, продолжил учёбу в Улан-Удэнском индустриально-педагогическом техникуме. С 1976 г. живёт в п. Балаганск Иркутской области, работает в профессиональном училище. Издал три сборника стихов: *«Играй, мой баян»*, *«Есть такое село»*, *«Песня утренней зари»*. Печатался в журналах «Сибирь», «Северо-Муйские огни», в «Иркутском альманахе», в альманахе «Белая радуга».

* * *

Этот солнечный ветер горячий
Тронул струны уставшей души.
Пьёт деревня от жизни собачьей,
Прозябая в забытой глуши.

Вижу изб безучастные лица,
Их глазниц роковую печаль.

А она под замах веселится,
Будто дней улетевших не жаль.

Одряхлев, сгинул век в дальнем поле,
Горькой долей насытилась Русь.
В ней осталась родная до боли,
Напоённая песнями грусть.

* * *

Г. Панькиной

Навылет стрелы камыша
Пронзили шкуру тёмной тины.
Глядит на речку не дыша
Моя ровесница Галина.

Мы торопились жить скорей,
Хотя наш век ещё был хлипок.
В реке ловили пескарей,
А может, счастье скользких рыбок.

* * *

Не спеша шагает на закат
Кроткий день, забывший про усталость.
Дать бы ему в руки самокат —
Прокатись, дружок, под горку малость.

Мы с тобой не встретимся уже
Ни в другом, ни в этом измеренье.

Видишь, ночь стоит настороже
В неприглядном тёмном оперенье.

Вот и даль, ласкающая взгляд,
Улеглась дворянкою под ноги,
Завтра сбросит серости наряд
И уйдёт, шальная, по дороге.

Лось

Он жил один в еловой чаще,
Скрываясь там в метель и зной.
И ключ таёжный, мёда слаще,
Поил отшельника водой.

Когда сентябрьским утром ясным
В нём вдруг проснулся предков зов,
Глухой, пугающий и властный,
Потряс округу трубный рёв.

Звериной движимый любовью,
У обнажённых серых скал,

С глазами налитыми кровью,
Трубя, соперников искал.

Стволы, что не согнуть руками,
Ломал рогатой головой.
Не устоял бы даже камень
Под неуёмной силой той.

Лось землю рыл копытом острым,
Крушил поднявшийся подрост.
Под стать ему гудели сосны,
Вершинами касаясь звёзд.

* * *

Поник дымок над речкой безымянной,
В кустах прибрежных тает костерок.
От суеты, от спешки окаянной
Сбежать сюда я дал себе зарок.

Здесь доживают век свой сланцев плиты,
Висят росинки, каплями дрожа.
И каменным спокойствием гранита
Пронизана ранимая душа.

Над просветлённой гладью дикой речки
Белёсый мир черёмухой прошит.
Зимовий дом с оплывшей в блюдце свечкой
Нечаянную повесть завершит.

* * *

Степану Антоновичу Хабанюк

Ночь. Разбитая дорога.
Позади — селений свет.
Зрим Антоныча берлогу,
А её, родимой, нет.

Из-за елей взгляд совиный
Бросит зоркая луна.
Слушать ток тетеревиный
Будет вскорости она.

Затяжной подъём всё круче,
Нестерпим мотора свист.

Будто рвёт меха в падучей
Залихватский гармонист.

Скрипы краткою отсрочкой
В тень густую отошли.
На снегу следов цепочки —
Лоси чуткие прошли.

И в ночи мелькнёт приветом
Долгожданный огонёк.
Мне б сюда вернуться летом,
Ну хотя бы на денёк!

* * *

Пустынный тракт. Заброшенный давно,
Он помнит дни времён Екатерины.
Хранит в мосточках каждое бревно,
Забвения печальные картины.

Шли по нему эпохи и века,
Воинственные всадники летели.
Иссякла жизни бурная река,
В пыли погоста гнёзда вьют метели.

Остался в прошлом звонкий стук копыт,
Повозок заунывное скрипенье.
Растерянность, невольное смятенье
Как будто бродят средь могильных плит.

* * *

На бельма луж из слякотных небес
Ложится снег, предвестник скорой стужи.
От цепкой тишины оглохший лес
Глядит на замерзающие лужи.

По вырубам, таясь в густой траве,
Пасутся осторожные косули.
И мнится чутко дремлющей сове:
В калыпах* ржавых льются в зиму пули...

* * *

Мне б прошить угрюмых дней сукно
Лентою атласною по краю.
Пригоршнями в стылое окно
Листья разноцветные бросаю.

Мне б давно из лыка дней сплести
Расписные чудо-лапоточки,
Чтоб моей души живые строчки
До тебя, читатель, донести.

* * *

Не зря горланят петухи,
Видать с прибытком лето будет.
Птенцы за пазухой стрехи
Весёлым гомоном разбудят.

Всё громче, громче стук колёс
Рабочей нынешней недели.
«Лети вперёд наш паровоз!» —
Мы и сегодня бы пропели.

Отяжелев в горячке дня,
Стремится солнце в тень заката.
Постой, покой не для меня —
Так и звенит в руках лопата.

И лижет преданный топор,
Смолою пахнущие доски.
Белеет новенький забор,
Как сосен свежие затёски.

*Калып — форма для отливки пуль.

АЛЕКСАНДР ДУЛОВ

Религиозные символы и памятники в Восточной Сибири

(XVII — начало XX в.)

Поскольку православие было господствующей формой мировоззрения русского и значительной части аборигенного населения, до 1917 г. его символы и религиозные сооружения играли огромную роль в жизни сибиряков. Их часто использовали для фиксации мест важных событий.

Самым распространённым знаком, отмечавшим «исторические места», был крест, чаще всего деревянный. Крест, ставший в IV в. символом страданий Христа, а также главным символом Христианства, устанавливали на могиле православного человека; им же отмечали важные места в недавно присоединённых территориях, его ставили в качестве знака принадлежности их христианам и Русскому государству. Кресты часто имели небольшие размеры, особенно на могилах, иногда же они представляли собой крупные величественные сооружения с надписями, изображениями и могли выполняться не только из дерева. Над особо чтимыми крестами возводили часовню или церковь, устраивали к ним крестные ходы.

Самым ранним из известных нам является деревянный крест, поставленный казаками в 1644 г. на пустом месте. В 1648 г. там был основан Покровский городок, получивший позднее название Нижнеудинска.

В 1655 г. Е. Хабаров поставил большой деревянный крест в Киренском остроге — как символ Православия. Спустя несколько лет на этом месте был основан Троицкий монастырь.

Из памятных крестов, устанавливавшихся на территории Прибайкалья, наиболее известен деревянный крест, поставленный в конце XVII в. за городской чертой Иркутска, на месте, где собирались основать женский монастырь. Но монастырь (Знаменский) построили в другом месте. Тем не менее, крест сохранялся, а возвышенность, на краю которой он был поставлен, стала называться Крестовой горой. В 1719 г. здесь срубили церковь, получившую название Воздвижение Святого Креста. В 1758 г. вместо деревянной возвели каменную Крестовскую церковь, «причем был поставлен большой деревянный крест в память об этом, на котором были сделаны надписи об освящении».

Знаменитый казак, землепроходец-исследователь Владимир Атласов, назначенный приказчиком Анадырского острога, решил присоединить к России Камчатку. В начале 1697 г. он с отрядом в 120 человек объясачил коряков, взял острожек на реке Чаныч, притоке реки Камчатки, и поставил там крест с надписью: «205 году (1679 г. — А. Д.), июля 18 дня поставил

ДУЛОВ Александр Всеволодович. Доктор исторических наук, профессор. Родился в 1938 г. в Иркутске. В 1961 г. окончил ИГУ по специальности «История». Действительный член РАЕ. Автор 147 работ, в том числе 7 монографий (из них 4 — в соавторстве). Живёт в Иркутске.

сей крест пятидесятник Володимир Атласов с товарищи (55 человек)». В 1741 г. был установлен крест на месте смерти капитан-командора В. Беринга. Беринг умер 8 декабря на острове, который позже был назван его именем (один из Командорских островов). Спутник Беринга Г.В. Стеллер записал в своём дневнике: «На другой день похоронили мы прах любезного начальника нашего, предали его тело земле и положили оное в середину между адъютантом его и комиссаром. Пред отплытием с острова, нареченного нами Беринговым, поставили над могилой крест и начали от оного судовое счисление...»

Интересна история креста в Старо-Селенгинске. Изложим её, пользуясь сведениями монографии А.Д. Жалсараева*. По преданиям, в 1760-х или 1770-х гг. в 4 верстах от Селенгинска был обнаружен полужасыпанный песком крест. Крест был поставлен на паперти в городской Спасской церкви. Вот его описание: «Крест этот осмиконечный, сделан из соснового дерева, длиною от тумбы (продолжение того же дерева) 2 арш. 13,5 вер. (2 м 1 см — А.Д.); ширина Креста 2 арш. 8,5 вер. (179 см); а толстота 3 вер. (13 см), тумба в окружности 1 арш. 3 вер. (84 см). На лицевой стороне Креста сверху рельефное резное изображение распятого Иисуса Христа, которое длиною 1 арш. 10 вер. (115 см), а ширина распростертых рук 1 арш. 14,5 вер. (135 см); оконечности перстов простираются до слов, также рельефных, резных: ИИСУС ХРИСТ. От слов сих продолжение концов Креста: с правой стороны 5,5 вер., а с левой 4,75 вер. (21 см). На противоположной стороне Креста вырезано рельефно славянскими буквами: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко и Святое Воскресение Твое славим. Лето 7198 года (1690 г. по Р.Х.) строил атаман Диятьев». А.Д. Жалсараев поясняет, что по народному преданию гетман Диятьев — один из запорожских казаков, поселенных за Байкалом около 1673 г., славившийся лекарским искусством. Видимо, Диятьев обладал также способностями резчика по дереву, раз сумел выполнить такую сложную работу, как изготовление креста с рельефными изображениями и надписями.

Спасская церковь, в которой на паперти стоял этот крест, сгорела в 1780 г., но крест оказался неповреждённым. Его перенесли в Покровскую церковь, которая тоже сгорела в октябре того же года. Но крест вновь уцелел.

Чуть позже Клементьев, человек, впервые обнаруживший этот крест, построил специальную часовню, в которую и был поставлен этот символ. В 1856 г. обветшавшая часовня была заменена новой, устроенной на средства М.М. Лушников. После постройки Клементьевым первой часовни, он ежегодно приезжал в Селенгинск и служил молебен Животворящему кресту, как его стали называть. По его примеру стали совершать подобные же молебны и другие жители городка, а позже из Спасской церкви стали совершать крестный ход к часовне. В числе «усердствовавших» были и наследники Клементьева. Жители считали, что Крест может исцелять.

В 1891 г. на средства кяхтинского купца 1-й гильдии А.М. Лушников была построена каменная часовня, отличавшаяся архитектурными достоинствами, недалеко от Спасского собора. В 1980-х гг. активисты ВООПИиК передали крест на хранение в Новоселенгинский музей декабристов.

Священник Василий Прокудин в статье «Торжество православия св. Креста в с. Новосёловском, Минусинского уезда» (Енисейские епархиальные ведомости, 1916, № 16) рассказал о любопытном факте. Осенью 1915 г. там был найден на престольный старинный крест с датой 1782 г. Развинтив шурупы и открыв крышку на лицевой стороне, обнаружили, что в нём содержатся маленькие конвертики с частицами святых мощей. Оказалось, что в 1824 г. этот крест пожертвовал епископ Иркутский Михаил. С согласия енисейского епископа решено было 21 мая 1916 г. прославить этот крест. В Москве изготовили икону, в которой оставили место для помещения креста, издали брошюру о нём. Для участия в празднике из соседних приходов пришли три крестовых хода; торжество возглавил епархиальный благочинный протоиерей В. Кузьмин.

Интересны сообщения инженера Р. Зонненберга о крестах в Якутии. Сообщив, что путешественники находятся на «вершине самого трудного перевала по всему зимнему пути от Якутска до Охотска», он продолжает: «Площадка перевала небольших размеров. На ней несколько лиственниц и довольно много ползучего кедра. Кем-то на перевале поставлены два креста; на одном из них икона св. Николая-чудотворца. Такая же икона вделана в дерево и тут

*Жалсараев А.Д. *Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII – XX столетий: энцикл. справ. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2001. С. 197–201.*

же, в расщелине дерева и за кору воткнуто несколько мелких медных монет — пожертвования путешественников нуждающимся или на молебны, которые здесь служат случайно проезжающие священники».

В другом месте, в Юдомокрестовской, по его же словам, «около станционной избы стоит несколько крестов с надписью, кем они поставлены. Вообще, это излюбленный способ проезжающих в крае оставить память о своём путешествии: «Дети подрастут, будут также здесь проезжать, увидят крест и вспомнят отца своего». Так рассуждают они. Иные, особенно якуты, обтесывают высокий пенёк, вырубая ему головки, делают засеку для коновязи и также выкладывают на нём свое имя и фамилию.

Недалеко от Юдомокрестовской, — продолжает Зонненберг, — перед нами открывается обширная, кочковатая равнина; это местность, носящая название «Кресты». Проезжающими здесь поставлено два креста, один в 1842, другой в 1907 годы. По отзывам Расторгуева, Сивцева и тунгусов, здесь обычно летом прекрасный корм для скота и лошадей*. Таким образом, кресты здесь поставлены для того, чтобы отметить удачное место для отдыха и корма животных.

Топоним Юдомский крест в «Сибирской Советской энциклопедии» (т. 1, с. 526) объясняется следующим образом: «Исходные пункты волоков обозначались обычно крестами; поэтому в обиходе, вместо волока, говорилось иногда «крест» (Юдомский крест)». И действительно, отсюда начинался Юдомский волок с реки Алдан на реку Охоту.

Писатель В.Г. Короленко, возвращавшийся осенью 1884 г. из якутской ссылки, рассказывает о кресте, поставленном около Верхоленьска отважному ямщику: «В одном месте ямщик указал мне на крест, мелькавший среди деревьев. Я заинтересовался этим памятником и вышел с ямщиком, оставив смиренных лошадей. Ямщик рассказал мне следующую историю. Был в этом месте удалой ямщик, который отбил несколько раз седоков от разбойников. Разбойники сделали засаду и убили его. Начальство и купцы, из которых многих он спас, сложились ему на памятник».

В сущности, на положении памятников были общие кладбища в городах и сёлах. Хотя кладбищенских сторожей на них, как правило, не было, они обладали статусом заповедных мест. По закону городские кладбища должны были отстоять не менее чем в 100 саженях (213 м) от ближайших жилых построек. На деле эта норма соблюдалась не всегда. Наиболее благоприятными местами считались возвышенные участки местности с песчаной почвой или хрящом. Глубина могил по русским законам XIX в. составляла 1,7–1,8 м, а расстояние между могилами — до 1,2 м; детские могилы разрешалось располагать теснее и копать до меньшей глубины. Опустевшие кладбища не могли использоваться под пашни, на них запрещалось возводить постройки, без особого разрешения переносить с закрытого кладбища гробы и тела умерших. Общие кладбища не могли состоять в частной собственности; местные жители не имели прав хозяйственного использования территории опустевшего кладбища. Духовное начальство также могло использовать кладбища только по их прямому назначению.

Наиболее крупные кладбища иногда огораживались, проводились работы по благоустройству, нанимались сторожа. Так, в Иркутске в конце XVII в. Иерусалимское кладбище было обнесено рвом и валом, а в 1858 г. — оградой, чтобы на него не забредал скот. В сторожке дежурили служители и рабочие для копки могил. Е.А. Гудаева выявила архивный документ, из которого следует, что в 1893 г. на средства «именитых граждан» были установлены ограда, сторожка и часовня на Ремесленно-Слободском кладбище в Иркутске. В городе иногда проводились и «чистки» кладбищ — Иерусалимского, Нового Еврейского, а в 1911 г. — немецкого (лютеранского).

Над могилами видных лиц иногда ставили часовни или церкви. Первой из них стала часовня над могилой Василия Мангазейского. По преданиям, родился он в 1583 г. в Ярославле. Василий усердно трудился в лавке. В 1602 г., придя из церкви, Василий увидел, что его лавка ограблена. Хозяин обвинил приказчика в краже и передал его воеводе Савлуку Пушкину. Не выдержав зверских побоев, Василий умер. Его тело закопали в болоте.

В 1649 г. «вышел гроб из земли, и на том гробу положена была для мирского ходу доска судовая, и то е де доску гробом переломило». Чтобы сохранить гробницу, жители насыпали земляной вал, в 1652 г. устроили часовню и стали говорить, что там находятся мощи

*Зонненберг Р. Из Якутско-Охотского края. 1910. С. 96–97.

«Мангазейского чудотворца». В следующем году один из местных жителей сообщил, что в «видении» ему открылось имя мученика — Василий. Священники начали записывать «чудеса», связанные с именем Василия и готовить его канонизацию. Тобольский митрополит даже направил в Мангазею дьякона, который освидетельствовал мощи. Эти материалы были высланы в Москву, но их там даже не стали рассматривать.

Василий Мангазейский был провозглашён местночтимым святым; в 1670 г. его мощи были перевезены в Туруханский Троицкий монастырь, где его культ получил широкое распространение. Среди жителей Енисейского уезда культ Василия был широко распространён: к нему обращались с просьбами об исцелении, а коренные жители считали его покровителем охотников.

Ещё большую известность приобрёл Посольский Спасо-Преображенский монастырь. В 1651 г. на берегу Байкала бурятами были убиты 8 членов русского посольства в Монголию — посол Ерофей Заболоцкий, его сын и ещё 6 человек, сошедших на берег из судна и гревшихся у костра. Это место стали называть Посольским мысом. В 1681 г. здесь основали Посольский монастырь, а в 1687 г. над мощами погибших построили часовню. В 1868 г. эта ветхая часовня была заменена каменной. На чугунной мемориальной доске, находившейся в монастыре, была сделана надпись: «На пролитой здесь христианской крови, в 1681 году пришедшие из Москвы проповедники веры монгольским язычникам, игумен Феодосий и иеромонах Макарий с братией основали монастырь в память убиенного посла, названный Посольским».

Ещё одна часовня была построена над могилой купца Г.А. Осколкова, который обустроил монастырь. «Надпись на простой, могильной плите этой могилы, глубоко вырезанная на камне, гласит: «1714 года декабря десятого дня преставился купчина Кяхтинского каравану Григорий Афонасьев сын Осколков».

В числе реликвий Посольского монастыря были также мощи (кисть руки) Симеона Верхотурского, память которого праздновалась 12 сентября.

Киренский Свято-Троицкий монастырь был основан в 1663 г. иеромонахом Гермогеном. В 1666 г. Гермоген был захвачен разбойниками и увезён в Забайкалье. В Албазине Гермогеном были построены Воскресенская церковь и Спасский монастырь. Вернулся в основанный им монастырь Гермоген только в 1689 г., а в следующем году умер. Похоронен он был под клиросом церкви, называвшейся первоначально Троицкой. Эта деревянная церковь сгорела, на её месте была поставлена новая, которую постигла та же участь. В 1830-х гг. монахи восстановили гробницу основателя монастыря, поставив над ней церковь, получившую теперь название Алексеевская. В середине XIX в. было написано «Житие преподобного Гермогена Киренского», который почитался как местночтимый святой. Вскоре сгорела и эта церковь. В 1891 г. на этом же месте возводится новая Алексеевская церковь. Источник начала XX в. сообщает, что в ней «и поныне почивают мощи преподобного Гермогена».

Две часовни и «святой колодец» находились в Иркутском Вознесенском монастыре. Там в 1802 г. купцом Н.С. Чупаловым была поставлена каменная двухэтажная часовня. Случай к построению её был таков. Чупалов в означенном году приступил к сооружению ограды вокруг монастыря. Во время копания рвов под фундамент ограды нашли камень с надписью: «1676 года генваря 20 дня преставился сего Вознесенского монастыря первый строитель схимонах Герасим». В той же обители в 1836 г. построена часовня над источником с чистой и целебной водой, в память епископа Иннокентия Кульчицкого, который когда-то пил эту воду. В 1865 г. в монастыре появилась часовня над могилой архимандрита Синесия. Стояли часовни и на Иерусалимском кладбище, в частности, над могилой знаменитого публициста В.И. Вагина. По сведениям И.В. Калининой, в 1903 г. была построена часовня на могиле мещан Бызовых (кладбище на реке Рубахиной, недалеко от Нижнеудинска).

В Ачинске большой известностью пользовался старец Даниил. Родился он в 1784 г. в семье казака, недалеко от Полтавы. Служил солдатом в артиллерии, участвовал в Бородинском сражении. Выучился грамоте, стал унтер-офицером, читал христианские книги и был настроен очень религиозно. В 1823 г. Данила Корнилиев, сын Делие, был осуждён «за принятое намерение удалиться вовсе от службы для пустынножительства», из-за чего был сослан в Нерчинск для работы в рудниках. Затем длительное время жил в Ачинске, ходил на поклонение мощам Иннокентия в Иркутский Вознесенский монастырь. В Ачинске «старца все прославляли и почитали, как великого подвижника». Полагали, что он мог читать мысли. В январе 1843 г.

старец переехал в Енисейск и умер в Енисейском женском монастыре 15 апреля 1843 г. В 1859 г. над могилой Даниила была построена каменная часовня, сгоревшая во время сильно-го пожара 1869 г. Но старца Даниила продолжали чествовать там, где он долго жил. В 1886 г. в деревне Зерцалы крестным сыном его, купцом А.Д. Даниловым, была построена над келью старца каменная церковь во имя Даниила Столпника, и 11 января 1887 г. храм был торжественно освящён епископами Томским Исаакием и Енисейским Тихоном при огромном стечении богомольцев. В нижней части храма сохранялась келья Даниила в том виде, в каком она была устроена старцем.

Недалеко от нынешней Читы находится озеро Иргень, на котором в 1653 г. был построен Иргенский острог. В 1656 г. туда прибыл отряд воеводы Пашкова, печально прославившегося своей жестокостью. Могила его жертв хранится в церкви, а части гроба, в котором они были похоронены, превратились в реликвии: «...на Иргени же покоятся останки (кости) мучеников, которые народное предание относит ко времени Иргенского острога. Эти останки заключаются в новом гробе в подполье малой церкви, причем старый гроб, в котором найдены были останки, разошёлся весь по рукам почитателей. Возможность появления мучеников при звероподобном Пашкове, как мы видели, не подлежит сомнению; здесь остается только сказать, что народное предание сохранило имена этих мучеников, называя их: Симеоном, Киприаном, Иосифом и Василием...»

Там же почитали священника миссионерского стана на Иргени Герасима. Под его руководством была построена в 1881 г. крупная пятиглавая церковь, возведено много новых хозяйственных построек. Он активно занимался миссионерской деятельностью, хотя в 1890 г. его перевели в Читинский архиерейский дом в сане игумена. «На берегу о. Иргени, где издавна стоял деревянный крест, поставлена часовня в честь Герасима, Иорданского пустынножителя».

Игумен Чикойского монастыря в Забайкалье Варлаам шёл к этой должности трудным путем. Василий Фёдорович Надеждин, крестьянин Нижегородской губернии, научился читать и писать, в 1811 г. ушёл от помещика и явился в Киево-Печерскую лавру, желая жить в монастыре. Поскольку паспорта у него не было, его сослали в Сибирь как бродягу. За Байкалом, в Урлущкой волости, он ушёл в горы и 5 лет жил в деревянной келье. Узнав о его отшельничестве, к нему стали приходить старцы, стремившиеся к уединению. Вскоре он стал известен в Кяхте; некоторые её именитые жители стали посещать Василия и поддерживать его материально. Архиепископ Иркутский Михаил, познакомившись с ним, предложил ему стать монахом. В 1830 г. Василий, получивший монашеское имя Варлаам, был посвящен в иеромонаха, а в 1831 г. построил в обители храм. К 1834 г. им было окрещено уже более 70 человек. Чикойский скит был причислен к заштатным монастырям, Варлаам был признан строителем, а в 1839 г. — игуменом. Монастырь продолжал расширяться, вокруг него по реке Чикой было основано несколько единоверческих церквей, заведена школа. В 1845 г. Синод наградил его золотым наперстным крестом. Умер Варлаам 23 января 1846 г., не дожив до 72 лет. На могиле его установили памятник, а в 200 саженях от монастыря сохранялась его первая келья, которую посещали «набожные поклонники».

Часовней, а позже — церковью, была отмечена могила второго иркутского епископа, управлявшего епархией с 1732 по 1747 г., Иннокентия Неруновича. В 1671 г. в 5 км от Братского острога была основана обитель, называвшаяся Братской Пустынью. В 1746 г. Иннокентий ехал из Иркутска в Енисейск, но из-за болезни остановился в монастыре и целый год управлял отсюда епархией. В 1747 г. он умер, и над могилой его поставили деревянную часовню, которая вскоре сгорела. В 1750 г. на том же месте построили деревянную церковь, которую в 1776 г. перенесли в другое место. Лишь в 1837 г. на могиле епископа установили надгробный камень и построили памятник-часовню. В 1960 г. останки Иннокентия были перенесены из зоны затопления на Радищевское кладбище Иркутска, а в 2001 г. — на территорию Знаменского монастыря.

В 1682 г. монахи Якутского Спасского монастыря основали Покровскую пустынь на том месте, где в ночь на 27 сентября воевода Иван Приклонский разбил восставших кангаласских якутов. 27 сентября отмечалась память соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия, поэтому в главном храме устроили придел Зосимы и Савватия. Пустынь же считалась поставленной «в память и в благодарность Богу за дарованную победу». Расположена обитель была на берегу Лены, в 85 верстах от Якутска.

С военным делом была связана и часовня в Красноярске на Караульной горе. Она построена на том месте, где в XVII в. находился караул, следивший за передвижением киргизов и других местных племён, грозивших Красноярску нападением. В 1805 г. построили здесь деревянную часовню, а в 1855 г. заменили её каменной.

Иногда часовню или церковь ставили состоятельные люди, желавшие отметить важное для них событие. Так, согласно преданию, иркутский купец К. Сибиряков, чудом спасшийся во время кораблекрушения, срубил в память об этом часовню в истоке Ангары и дал обет построить храм. Уже после смерти купца его вдова в 1844 г. закончила сооружение там церкви во имя Николая Чудотворца.

Судя по дошедшим до нашего времени народным представлениям, часовни и церкви ставились также на месте «явления иконы» или распятия. Так, в центре деревни Кежма (ныне — Братский район), по преданию, в XVII в. была построена деревянная Иннокентьевская часовня. «В ней стояло резное распятие с вырезанными в верхней части господом Саваофом, держащим в одной руке сферу с крестом, в другой — чашу». Считалось, что распятие везли казаки в лодке в Братский острог. Однако началась сильная буря, которая понесла лодку не вниз по Ангаре, а вверх, и выбросила её на берег. Здесь и возвели часовню, в которой поставили распятие.

В селе Муксоме (п. Семигорск Нижне-Илимского района), по преданию, явилась икона св. Николая Мирликийского чудотворца, о которой рассказывали, что «куда бы ни пытались унести её, она возвращалась назад». Икону считали чудотворной, и в 1760 г. построили для неё деревянную часовню, а в 1864 г. ветхую часовню заменили небольшой деревянной церковью.

На горе Иоанновой (Прибайкальский район Бурятии) в начале XIX в. в лесу, по народным рассказам, обнаружили «небольшую, писанную на дереве икону, с изображением главы С. Предтечи и Крестителя Иоанна». Икону передали в ближайшую церковь, а на месте её явления дважды сооружали деревянные часовни, одна из которых сгорела. В 1901 г. построили каменную часовню на месте обветшавшей деревянной.

В 1904 г. А.И. Семёнова, супруга купца П.В. Семёнова, увидела в часовне села Сотниково (ныне — Иволгинский район Бурятии) среди старых икон икону Божией Матери Владимирской, очень похожую на ту, которую за 10 лет до этого увидела во сне. Эту икону А.И. Семёнова поновила и украсила, а затем, вместе с мужем, построила в селе Сотниковском храм во имя Божией Матери там, где была найдена икона.

Часовни ставились также, чтобы увековечить находившуюся на этом месте церковь. В селе Бельск (Черемховский район) вместо сгоревшей острожной церкви была поставлена «тщанием балаганской купчихи Киселёвой» часовенка. В Киренске в 1700 г. освятили церковь Архангела Михаила. В 1825 г. она стала жертвой пламени, а в 1867 г. это место было отмечено памятной часовней.

Во второй половине XVII в. в Балаганске (Балаганский район Иркутской области) была построена церковь. После уничтожения её пожаром в 1782 г., с разрешения иркутского архиепископа «был поставлен каменный памятник в виде часовни с иконами на каждой стене». Каменный памятник был сооружён в 1797 г. и на месте первой церкви Святителя Николая Чудотворца в селе Черемхово (Иркутская область), полностью обветшавшей.

Особой мемориальной постройкой стала полковая церковь 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка во имя св. Николая, построенная рядом с казармами полка (ул. Красноярская). В Русско-японской войне полк потерял более тысячи человек. Церковь возводилась на деньги, собранные участниками войны, «в молитвенную память героев-мучеников». Крупный деревянный храм вмещал около 1000 молящихся.

В «Иркутской летописи...» Ю.П. Колмаков пишет: «Автор проекта военный инженер Ф.Ф. Коштал спроектировал церковь, отличающуюся своими архитектурными объёмами, наружной и внутренней отделкой от других приходских храмов. Она была выполнена в виде Георгиевского креста. В отделке храма преобладали цвета малинового тона — цвета полкового знамени. Внутри на стенах было укреплено 20 мемориальных досок с именами солдат и офицеров, «живот свой положивших... во главе со своим незабвенным героем — начальником Р.И. Кондратенко. Иконостас украшали иконы, написанные офицерами полка по рисункам художника Виктора Васнецова. Здесь же находились иконы, привезённые с полей Русско-японской войны» (с. 234–235).

Необычная история церкви Николая Чудотворца на станции Нижнеудинск. Во время октябрьской забастовки 1905 г. жандармы расстреляли железнодорожных рабочих, убив 8 и ранив 25 человек. В память об этом на пожертвования рабочих и была сооружена по типовому проекту скромная деревянная церковь. Основной частью этого приземистого храма является двухъярусный четверик. Колокольня, храм и аспида увенчаны небольшими главками.

Особым видом религиозно-исторических памятников были в России мощи святых. Даже если это были местночтимые святые, они пользовались особым уважением. К ним приходили с молитвами, просьбами об исцелении, к наиболее почитаемым устраивались паломничества. Уже упоминались мощи Василия Мангазейского, Гермогена Киренского, кисть руки Симеона Верхотурского в Посольском монастыре. В Якутске при строительстве в 1708 г. Свято-Троицкого собора были положены «мощи святые Великомученицы Варвары и Преподобного Варлаама, игумена Печерского и Преподобного Ефрема епископа».

Но главной сибирской религиозной реликвией были, конечно, мощи первого иркутского епископа Иннокентия Кульчицкого. Хотя он управлял епархией всего 4 года (1727–1731), но оставил о себе прекрасную память. Человек высокой нравственности, не бравший взяток, он не был похож на местных администраторов и пользовался большим уважением народа.

Спустя 33 года после его смерти при ремонте Тихвинской церкви в Вознесенском монастыре, где он был похоронен, выяснилось, что его тело, одежда не подверглись разложению. С этого времени местное духовенство, которому весьма престижно было иметь собственных святых, стало добиваться канонизации Иннокентия. С 1800 по 1804 г. было произведено несколько обследований мощей епископа, велись также записи исходивших от них «исцелений и явлений». В итоге 1 декабря 1804 г. Синод решил: «...тело первого епископа Иркутского Иннокентия огласить за совершенные святые мощи... с установлением празднования ему ноября 26-го числа, на память преставления сего святителя, о чем и объявить из Синода во всенародное известие указами».

9 февраля 1805 г. состоялось торжественное перенесение мощей Иннокентия, находившихся под алтарём деревянной Тихвинской церкви Вознесенского монастыря, в Вознесенский собор того же монастыря. Из «церемониала» прославления святителя, напечатанного в «Иркутской летописи», явствует, что праздник продолжался почти целый день, сопровождался колокольным звоном всех церквей города, крестным ходом из кафедрального собора в монастырь, торжественными богослужениями в церквях. Для сохранения порядка вдоль пути движения крестного хода было выставлено охранение из войск. Весь Вознесенский монастырь был иллюминирован «плошками» — сосудами с зажжённым масляным фитилем. Это событие имело большое значение для епархии. Мощи Иннокентия фактически стали ценным историко-религиозным памятником, святыней для Иркутска и всей Сибири. Культ Иннокентия имел широкое распространение в Сибири: крестьяне нередко называли его «сибирским богом»; известно не менее 30 посвящённых ему церквей; к 1994 г. специалисты выявили 83 его иконы. В честь первого иркутского епископа сибиряки нередко именовали детей Иннокентиями.

В Сибири было несколько местночтимых святых, но вплоть до конца 1917 г. общерусским святым оставался лишь один Иннокентий. Вознесенский монастырь вскоре становится самым почитаемым из сибирских обителей: число посещающих его увеличивается, его переводят в первый класс; поклониться мощам Иннокентия приезжают даже из европейских губерний России. В начале XX в. паломники в монастыре исчислялись тысячами. Так, в 1913 г. обитель посетило 8544 человека.

С главной святыней Сибири духовенство обошлось весьма своеобразно. В 1914 г. Синод, по просьбе Красноярского епископа Никона, разрешил «отделить для Енисейской епархии указательный перст левой руки» от мощей Иннокентия Кульчицкого. В связи с этим в июне в Иркутск прибыло поездом около полутора тысяч паломников из Красноярска. Красноярский епископ приехал в Иркутск заранее и участвовал в отделении части мощей. Во время торжественных церемоний, состоявшихся по этому поводу, перст Иннокентия был вложен в икону Иннокентия, привезённую из Красноярска.

Паломники из Красноярска, Минусинска, Ачинска вышли из поезда на станции Иннокентиевская (ныне — Иркутск-Сортировочный), провели в Иркутске два дня, посетив Вознесенский и Знаменский монастыри, храмы Иркутска. Миссионер, протоиерей В. Кузьмин,

писал: «Для иконы со святыми мощами был приготовлен в поезде особый почтовый вагон, который был украшен зеленью и цветами. На каждой станции народ большими толпами осаждал этот вагон: на протяжении всего пути от Иркутска до Красноярска население знало о паломническом поезде и о той святыне, которую он везёт; все выходили встречать поезд, и всем хотелось приложиться к образу чудотворца со святыми его мощами». 15 июня поезд прибыл в Красноярск, где двое суток проходили празднества по этому поводу. Икону с частицей мощей епископа вложили в драгоценную раку кафедрального собора.

На положении мемориальных оказались дома выдающихся деятелей православия — Иннокентия Кульчицкого и Иннокентия Вениаминова. В середине XIX в. в Иркутске существовало предание, что рядом с католическим костелом стоял домик, в котором жил Иннокентий Кульчицкий, когда приезжал в город из Вознесенского монастыря. Древний домик с подклеем (тепловым устройством внизу) имел две половины. Этот факт был доказан в 1863 г., когда был обнаружен документ о том, что около 16 декабря 1728 г. епископу отведён двор сына боярского Дмитрия Елизова. В другом документе сообщалось, что «23 февраля 1689 г. иркутскому посадскому человеку Васье Васильеву сыну Елизову выдана данная на порозжую землю...». В «Иркутской летописи» говорится также: «Последний наследник дома из фамилии Елизовых Михаил Андреевич с чувством благоговения показывал следы священных стоп святого постояльца. Скончался М.А. в 1851 г. и завещал исторический домик своей дочери, жене чиновника Ф.К. Колодезниковой» (с. 359). Однако в 1862 г. загорелись постройки у костёла, причём пламя перекинулось на домик Елизовых. Пожар был потушен, но от дома остались только развалины. В 1877 г. на месте домика была построена часовня в память об Иннокентии, на сооружение которой было собрано 6739 рублей.

В 1916 г. духовенством Забайкальской епархии было обращено внимание на дом, в котором в 1720-х гг. жил Иннокентий Кульчицкий в селе Поселье (ныне — Бичурский район), которое было тогда вотчиной Селенгинского Троицкого монастыря. Архимандрит Ефрем в докладе архиерею писал, в частности: «В д. Поселье мною были допрошены многие местные жители, из коих некоторые в возрасте свыше 90 л. Все они свидетельствуют, что, согласно преданию, идущему от их отцов и дедов, здесь и в этом именно доме проживал некогда Угодник Божий, Святитель Иннокентий, почему они не позволяют себе пройти мимо него не осенив себя крестным знаменем. При этом жители деревни заявляют, что дом этот, когда в нем жил Святитель Божий, находился в другом месте этой же деревни, откуда был перенесен на место, занимаемое ныне, лицами, коим дом был пожертвован Святителем и потомство коих здравствует поныне, свидетельствуя факт дарственности».

С дома Святителя Иннокентия мною были сделаны снимки со всех сторон его и с внутренней стороны — вид горницы, в коей в переднем углу находится образ — «Планица», будто бы написанный самим Святителем, а перед образом церковная свеча; образ этот почернел от времени до того, что на нём с трудом различаются черты изображений лиц.

Дом... пришёл... в крайнюю ветхость... Поддержать его для дальнейшего существования едва ли возможно, ибо всё дерево, за исключением некоторых бревен, совершенно сгнило и обращается в труху...

Местные жители очень скорбят при виде разрушающегося дома, ставшего для них святыней, скорбят по поводу отсутствия у них храма или часовни. Все они выражают горячую готовность от себя доставить лес, необходимый для сооружения храма или часовни, если бы были найдены откуда-либо средства на этот предмет».

Прочтя доклад, епископ Иоанн предписал духовенству произвести сбор 9 февраля 1916 г. в церквях епархии на сооружение храма во имя Святителя Иннокентия. Вероятно, постройке храма помешали события 1917 г.

В 1913 г. во время поездки викарного епископа Евгения (Зернова) были приняты меры для охраны дома, где родился Иннокентий Вениаминов, в конце жизни — митрополит Московский и Коломенский. Дом стоял около Ильинской каменной церкви в селе Анга. Сопровождавший епископа священник Н. Пономарев рассказывает: «Дом — простая крестьянская изба, посередине — битая русская печь, голец, оконцы старинные, маленькие. Когда митрополит проезжал из Якутска на кафедру Московскую, побыл и на родине; в храм пожертвовал хорошее евангелие с собственноручной надписью, расписавшись, говорят, впервые: «Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский», затем посетил и свою хижину. Она

в то время была уже в чужих руках, видимо, дальних родственников. Митрополит просил их продать дом ему, чтобы долее сохранить дом в первоначальном виде. Увидев в стене деревянную спицу, он сказал, что на эту спицу он всегда весил свои чирочки с красными опушками, подаренные ему крестным. Спица эта сохранилась по настоящее время.

Иркутский Миссионерский комитет исходатайствовал на ремонт дома 1500 руб. По реставрации самого дома предложено устроить при нём аудиторию для воскресных чтений и религиозно-нравственных собеседований. О. Кокоулину Владыка сделал точные указания — как должен быть реставрирован этот исторический памятник великого просветителя ино-родцев — Аляски, Якутска и Благовещенска... Собственно, это и понудило Владыку заехать в Ангу; она находится в стороне от прямой дороги».

Но этот дом не сохранился. В 1997 г. в селе Анга был открыт музей в доме, принадлежавшем дяде Иннокентия Д.И. Попову, в котором после смерти отца в 1803 г. несколько лет провёл будущий митрополит.

Строились также церкви, часовни и другие сооружения в память видных политических, церковных деятелей и событий российской истории. В 1833–1844 гг. была построена в селе Алземае (ныне — Нижнеудинского района) деревянная церковь Св. Иннокентия, епископа Иркутского. В 1859–1860 гг. в Иркутске на левом берегу Ангары возникла церковь Николая Чудотворца и Иннокентия, епископа Иркутского. В дальнейшем стали строиться всё новые церкви, посвящённые тому же лицу, и в целом на территории современной Иркутской области их было 31. (При подсчетах использовались сведения монографии И.В. Калининой о церквях Иркутской епархии.) Если проследить динамику их строительства по десятилетиям, получится следующая картина. В 1831–1840 гг. возведена одна церковь; в 1841 — 1850 гг. — ни одной; в 1851–1860 гг. — 2; в 1860-х гг. — 3; в 1870-х гг. — 5; в 1880-х гг. — 5; в 1890-х гг. — 3; в начале XX в. — 6; в 1910-х гг. — 6. Последней из них была церковь в селе Икей (ныне — Тулунского района), освящённая в 1917 г. Таким образом, если в первые десятилетия таких церквей строилось мало, то начиная с 1870-х гг. их стали возводить гораздо чаще. Всё это свидетельствует о большом развитии культа первого иркутского епископа. Церкви, посвящённые ему, сооружались и за пределами Иркутской губернии.

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

Мир окраин моих...

* * *

В году, уходящем за сферы небесного льда,
где бывшее время сквозь космос безмолвно струится,
где свет возрастает горчичным зерном,

навсегда

остался мой сын...

«Ни единая малая птица
не будет забыта...»* — дарована вечность и вам,
утраты земные...

Как мало погрелся от солнца
отцовской любви безоглядный мой мальчик Иван,
мой сын, не познавший нелёгкого счастья отцовства!..

Поверил бы в то, что написано так на роду,
и в неотвратимость внезапных, как взрыв, расставаний,
когда б не лежали на кладбище в каждом ряду
такие же дети,

такие же русские Вани...

*От Луки. 12:6.

ПЕРМИНОВ Юрий Петрович родился в 1961 г. в Омске. После окончания филфака ОмГПИ им. Горького служил в Армии (Забайкальский военный округ), работал на промышленных предприятиях города. С 1994 г. — на журналистской работе, с 2005 г. — главный редактор газеты «Омское время». С 2010 г. — главный редактор историко-культурологического, литературно-художественного альманаха «Тобольск и вся Сибирь». Член Союза писателей России. Автор десяти книг и многих публикаций в журнальной периодике, в том числе и за рубежом. Лауреат нескольких Всероссийских литературных премий. Живёт в Омске.

* * *

Ни желания нет по швейцариям ездить, ни визы;
для поездок других берегу драгоценные дни,
а пока из окна

наблюдаю, как строят киргизы
(утверждать не берусь, но, быть может, узбеки они)
иноземно большой — для посёлка извечного — терем...

Здесь — картоха растёт (ничего, что она — не моя),
и, как мама поёт, «цвіте» терпкий окраинный терен...
Словно корни пустил, каждый тутошний столб для белья,
даже местный алкаш спился здесь как борец за идею...
Но любая мечта — пусть о самом земном — высока,
потому и живу, здесь имея всё то, что имею,
благодарно держась за бесхитростный титул «совка».

Наше дело не в том, чтобы знать времена или сроки*,
потому не избыть и «совковую» правду мою,
но... работа кипит на чужой нам беспамятной стройке,
и растёт зиккурат в нашем тихом равнинном краю,
путеводный клубок истончился, в потёмках утерян
прежних лет окоём, вот и новый возник, да не тот,
что вчера... Но пока — «цвіте» мамин окраинный терен...

В Средней Азии, кстати, похожий терновник цветёт...

* * *

Вольготно живётся любому приезжему в Сочи —
ещё ни один от зелёной тоски не зачах...
А в городе Сочи действительно тёмные ночи —
темнее бывают, наверное, только в Сочах.

Курортный проспект обречённо латают узбеки,
а может, армяне, но тем и другим недосуг
халтурить, пока отдыхают курортные «зэки»
заплёванных пляжей и прочих курортных услуг.

Бог в помощь (Аллах ли...), вчерашние дети Союза!
Спокойного сна, мотыльки олимпийских огней!
Всем поровну зрелищ достанется завтра — от пуза,
но хлеба и зрелищ кому-то намного ровней.

Безжизненный холод змеится с ночного Олимпа
дарованных празднеств...

Заметим, с утра или нет,
как нитью небесной латает дорогу от «пипла»
к народу забытый — почти что забытый — рассвет?..

*Деяния. 1:7.

* * *

Саид, ты что здесь делаешь?
(из кинофильма)

Несмотря на жару каждодневную, вне
моего восприятия бредни
криминальных историй, хотя в чайхане
«У Саида» стреляли намеренно.

Нам бы в руки (сон разума нынче глубок)
взять хотя бы рогатки, да где нам...
В чайхане, говорят, преподали урок
толерантности аборигенам.

Ни к чему мне такие подарки судьбы,
потому и не гложет обида
оттого, что я не был во время стрельбы —
не без жертв — в чайхане «У Саида».

Завари мне чайку, досточтимый Саид!
Ах, какой — иноземного краше —
из окна чайханы открывается вид
на просторы сибирские наши!..

* * *

Время утицей белой плывёт
на рассвете далёкого мая...
Колыбельную мама поёт,
молодую себя вспоминая...
Это там, где идёт шестьдесят
первый год, где бабусина липа
расцвела, где закаты гостят
над домами барачного типа,
где читается сердцем строка
горизонта родного — веками,
инвалиду войны сорока
нет ещё — из квартиры над нами...

Месяц — тёплый, как хлеба ломоть.
Звёзды — пышки из райских пекарен.

С неба слушают маму Господь,
молодой мой отец и Гагарин.

Игорю Тюленеву

В последних прожилках осеннего тёплого света
вечернее небо, предела которому нет...
На омском перроне встречаю большого поэта —
Тюленева Игоря. Едет к Байкалу поэт,
к Распутину едет, в Иркутск!

Велико расстояние,
но связаны кровно мы, и не Транссибом одним:
мы — русские, брат мой! — Над нами святое Сияние
России, которой ни пяди мы не отдадим
гундосам и разным пиндосам залётным — не выгорит
у них ни на горсть, ни нить из льняного рядна!
Я сам остаюсь, провожая Тюленева Игоря
в дорогу, которая с нами — навеки. Одна.

На Домбае

Туманлыкель внимает Гоначхиру*...
Свою родню — и разве он один? —
боготворит, сдающий мне квартиру
черкес Шебзухов Миша — Мухадин.

С восторгом о родном своём ауле
(у нас — вино, беседа) говорит —
о сыновьях, жене любимой Зуле —
друг Федя, карачаевец Фарид.

Тот и другой с душевным интересом
внимают мне. А в целом, как родня,
по-русски карачаевец с черкесом
друг друга понимают. И меня.

* * *

Так и жил бы до смерти, как нынче, — дыша
миром наших окраин, когда надо мною —
как Всевышнего длань — небосвод...

С Иртыша
сквозняки наплывают — волна за волною.
Незабытым, несуетным прошлым богат
мир окраин моих, словно вечным — планета...
Одинокая память родительский сад
опахнула неслышимой бабочкой света
и вернула меня — на мгновение лишь! —
в мир окраин страны без вражды и лукавства,
но напомнив о том, что бессмертный Иртыш
двадцать лет из другого течёт государства,
и века — из того, где в далёком году
свет мой-бабушка деду «Соловушку» пела,
родилась моя мама,
а с яблонь в саду
навсегда в сорок первом листва облетела...

* * *

В ночь сырую, глухую — народную песню запели
так, что выплыл из хлябей луны золотой апельсин,
не бичи заплутавшие — наши родные кудели,
тот же самый народ прииртышских моих палестин.

Пойте, если поётся, родные Васёк да Ванятка,
или как вас...

Никто, никакой басурманин-злодей
не посмеет насрать на сердешных ни стражей порядка,
ни проклятие!

Пойте — порадуйте вечным людей!

*Озеро и река в ущелье Гоначхир.

...И под песню легко просыпается, тихо алея,
поселковый рассвет — прямо с Божьей ладошки рассвет!
В центре мира живём: здесь — направо от нас — Галилея,
здесь — налево от нас, если к свету лицом, — Назарет.

В центре мира живём — иногда засыпая под песню,
иногда просыпаясь. К примеру, сегодня, когда
дышит вечное небо над нашей несуетной весью,
как над люлькой — теплом.

И от ночи сырой — ни следа...

Когда б Сибирью мы не прирастали...

1

Тобольск — в зиме, узбек — в тулупе:
от рассвета до музея и обратно
лопатою снег задумчиво скребёт,
за что не будет славы и наград, но
он терпелив — настойчиво сопя,
скребёт... Как много в этом человеке
упорства, мне вот — дворником себя
представить трудно в городе Бишкеке.

Узбек в Тобольске — тоже сибиряк!..

На ссоры люди местные не падки —
здесь, где причалил к берегу Ермак
и положил Кучума на лопатки.
С тех пор идёт всего лишь пятый век...
Вопрос гудит сквозь вековые дали:
куда сейчас подался бы узбек,
когда б Сибирью мы не прирастали?..

2

Случилось так: прикрыл с устатку веки —
и сон мне был (кошмар, виденье ли),
в котором я жалел, что не узбеки —
хотя б они! — Сибирью приросли...

* * *

Нынче нет ни сырости, ни злого
ветра... Веет солнышком с небес...
Нынче осень — медленная, словно
бабушка, идущая в собес.

Видно, как бабусе хорошо под
тёплым небом — радостно! Увы,
с каждым днём — всё горше ясный шёпот
медленно желтеющей листвы...

* * *

Не сумели в оборот мою
черти душу взять... Спою
песню — русскую народную —
«Светит месяц...», как свою.

Месяц в небе — словно печево.
Снова песню затяну...

Мне делить с народом нечего —
что со мной делить ему?

Спел, как мог. И — тихо в комнате.
И в посёлке. В общем, тут — дома...
В нашем тихом омуте
черти долго не живут.

* * *

Помстилось мне: людей в округе нет,
есть — толпы, человеческие массы.
Сомкнулся мир настолько, что рассвет
встаёт из-за ближайшей теплотрассы,

где чутко, без мобилы и гроша,
укрывшись несминаемой рогожей,
спит Вечный Бомж, настойчиво дыша,
ни на кого на свете не похожий.

* * *

...и город — замер.

Тихой не была
ночь нынешняя, полная тепла...

И так бывает — город спит, хотя
наполнен всклень земными голосами...

...и город — замер вместе с небесами,
когда в ночи заплакало дитя.

* * *

Несусветно темно, как в мешке у Солохи,
ни на проблеск не видно небесный испод.
Протрезвлённая жизнь под забором эпохи
(чья — не ведаю) песню душевно поёт.

Что за песня! — Такую не слышал я сроду! —
Или... тихо забылась, как детские сны.

Поселковый народ просветлел в непогоду,
погружённой в беспамятный сумрак страны.

И — подхвачена песня! Наверное, вскоре
кто-нибудь —

испарись, вековая тоска! —
непрерывно отыщёт

то место в заборе,
где непрочно сидит гробовая доска!

* * *

Просёлком пыльным, кладбищем, потом
околом, где легко дышать с устатку...
Церквушка. Дом...

Для престарелых — дом,
живущий по скупому распорядку,
где жизнь во веки медленных веков
пьёт белый свет из солнечной кадучки,
где влюблены в забытых стариков
такие же забытые старушки.
В больных глазах — ни страха, ни тщеты:
чем ближе тьма, тем к солнышку — добрее...
И хочется угадывать черты
родных кровинок в здешнем иерее...

* * *

Хотя не праздник, в кои веки
гармошку — в руки,
и — пою!
...Квартирсоёмщики-абреки
заводят музыку свою —
они мои соседи снизу.

Играю с чувством, но без нот
так, что ворона по карнизу
царевной-лебедью плывёт!

Без горячительной микстуры
поём. Пока — на первый взгляд —
живут две песенных культуры —
душеспасительные — в лад.

Поём. Становимся добрее.
Алаверды, вечерний звон!
...И целый день по батарее
стучит провизор Шниперсон.

* * *

В масле фасованном сыром совковым катаясь,
ладно живём — коротаем безадресный век:
аборигены, а также — местный китаец,
тутошний скинхед и здешний семейный узбек.

Утром просторным — на лавочке бабушки в сборе
все до единой, кто пережил зиму: домком
вечности местной!

И светится в их разговоре
каждое слово, не важно — о чём и о ком.

Ну, например, о моей беззаветной любимой,
мол, хороша! — И поэтому быть начеку
надобно с ней — долгожданной...
Быстрее лети, мой
ангел, к родному, надеюсь, уже очагу.

...Снова под окнами вырастут лук да редиска,
снова придёт понимание сущего: под
прессом тревог и житейского буднего риска
сердцу не надо
дарованных сверху свобод.

* * *

О чём горюешь, красна девица,
кроссворд в уме решаешь ли? —
Куда он — твой желанный — денется,
твой принц на «мерине»...

Вдали
забрезжил свет...
Ну чем так вас они
прельщают? —

Сердцу нужен тот,
кто не на тачке с прибабасами —
на сером волке увезёт.

ВЛАДИМИР ЕСЕЛЕВИЧ

Житейские истории

Бела

Почему-то он решил, что именно я могу это сделать.

Никаким крутым я не был, в спецподразделениях не служил, с криминальными личностями дружбу не водил. Ничего, кроме одноствольного охотничьего ружья 16-го калибра, которое я изредка доставал из-под кровати, чтобы смахнуть с него пыль, и по великим праздникам, когда уже совершенно нечем было заняться, почистить дуло и смазать курковый механизм, у меня не было. Признаюсь, для пущего эффекта я иногда это проделывал в его присутствии. Мог и схвастнуть, что, да, когда-то, мол, я неплохо стрелял: на стрельбище выбивал 89 из 100. Этим фактом и ограничивалась моя крутизна или, лучше сказать, в этом вся моя крутизна и состояла.

Думаю, что именно поэтому он и обратился ко мне со своей просьбой. Обратился, кстати, не впервые — до этого я несколько раз ему отказывал, и, вообще, как только он начинал заводить разговор на эту тему, я сразу же делал вид, что мне некогда, дома

ЕСЕЛЕВИЧ Владимир Семёнович родился 8 июня 1958 г. на прииске Кировск Красноярского края. В 1988 г. окончил Иркутский государственный медицинский институт. С этого времени и по сегодняшний день работает врачом-хирургом. Стихи и рассказы в разное время печатались в коллективных сборниках. Первая большая подборка стихотворений была напечатана в журнале «Сибирь» (№ 4, 1984 г.). В 2004 г. в Иркутском издательстве «Папирус» вышел сборник повестей и рассказов «Звонок с того света». В альманахе «Первоцвет» опубликована пьеса «7 : 0 в ее пользу». Живёт в г. Железногорск-Илимский.

работы невпроворот и т. д. и т. п., и уходил от него куда подальше. Но всё это было уловкой, временным отступлением, потому что с каждым днём он становился все более настойчивым и уже изводил меня беспрерывными телефонными звонками, прося немедленно прийти и договориться о сделке.

«Сама мучается и нас мучает, — жаловался он. — Покончить бы разом... для тебя ведь это пара пустяков». «А как я по-твоему буду потом себя чувствовать?» — задавал я ему бессмысленный вопрос, потому что на подобного рода вопросы он никогда не отвечал. Ему было все равно, что я буду чувствовать. Его проблема была важнее.

— Хочешь, я дам тебе ружье, и ты сам это сделаешь? — предлагал я.

— Я не смогу, у меня будут руки дрожать...

— А у меня не будут, у меня в этих делах огромный опыт. Тебя послушать, так я вообще человек без нервов.

— Ты же сам рассказывал, как охотился на волков.

— То охота была, а ты мне убийство предлагаешь — тоже мне, хрен с пальцем спутал!

— Мы же заплатим тебе, — не отставал он, — все честь по чести, сколько скажешь, столько и заплатим.

— При чём тут деньги?! Где ты видел, чтобы за это деньги брали? По телевизору? И почему ты меня выбрал для этой цели? Ведь у тебя столько друзей, и у каждого ствол почище моей пукалки. Нет, тебе надо обязательно меня привлечь!

— Я же к тебе по-соседски, — грустно оправдывался он.

По-соседски... Да, мы соседи, мы живём в одном доме много лет, нет ничего такого, чего бы они не знали обо мне, да и я, наверное, знаю про них почти всё.

Бывает, обращаемся друг к другу за помощью, размеры которой не превышают разумных, чаще всего на бытовом уровне: полить там цветы, если кто-то из нас долго отсутствует, занести что-то тяжёлое в дом, угостить чем-нибудь вкусным — ничего существенного и обязательного, обычные добрососедские отношения.

И вдруг появилось напряжение, да такое, что лишний раз теперь встретиться с соседом на лестничной площадке означало испортить настроение на весь оставшийся день.

Не припомню, чтобы у них случались катаклизмы. Из года в год в их образцово-показательной семье не происходит никаких потрясений, даже свадьбу сына они справили в другом городе, у родственников невесты, освободив таким образом себя от лишних забот.

Все у них чинно и гладко, в доме ни соринки, ни пылинки, все прибрано, каждая вещь знает своё место. Кажется, даже характер у хозяев с годами не меняется: оба они, и супруг, и супруга всегда приветливы и доброжелательны.

Григорий работает мастером на бетонном заводе, а Полина Ивановна преподаёт в школе русский язык и литературу. Возможно, когда-то обязанности у них по дому были поделены, но прошли годы, и незаметно все домашние хлопоты легли на широкие плечи Григория. Сдаётся мне, что Григорий взвалил на себя обязанности домоуправа добровольно. Он с удовольствием кашеварит на кухне, по выходным пылесосит ковры, ходит на рынок за продуктами, следит за счетами и аккуратно их оплачивает, с началом весны он выносит из дома половики, дорожки и шубы Полины Ивановны, и целый день выбивает их до тех пор, пока последняя лёгкая пыль не отлетает от них, как душа от покойника, потом он подкрашивает свежей краской пожелтевшие за зиму косяки и двери, потом оконные рамы и фрамуги, короче, заставить Григория дома без дела непросто. Если он когда-нибудь помрёт — все вокруг будут знать, что это случилось с ним точно не от скуки.

Жена его, Полина Ивановна, в то время как её супруг неустанно трудился на ниве семейного благополучия, придя домой поздно вечером, тоже спать не ложилась, она

приносила с собой ворох школьных тетрадок, усаживалась под ночную лампу и проверяла перлы своих учеников до тех пор, пока её, почти сонную, Григорий не поднимал с дивана и, ласково поддерживая за талию, не провожал до ванной.

На следующий день всё повторялось — и так изо дня в день.

Привычные к крестьянскому труду — и он, и она выросли в деревне, — супруги всё лето жили на даче. С ранней весны, едва начинала распускаться верба, а на берегах набухать почки, распространяя вокруг горьковатый и терпкий запах, Григорий на своей красной «пятёрке», которую холил и берёг, как берегут, верно, только любимых домашних животных, завозил на участок ящики с рассадой, мешки с удобрениями, рулоны тепличной плёнки, новые резиновые шланги на смену пришедшим в негодность старым, гвозди, штапики, заранее заготовленные под лопаты, и вилы свежие черенки, тёплую одежду и продукты, чтобы лишний раз не гонять машину в магазин.

Несколько раз за лето я наведывался на их «фазенду», и, когда наступало время уезжать, всегда испытывал, если не зависть, то лёгкую меланхолию от того, что у них так всё красиво всходит и цветёт; на даче, как и дома, всё прибрано, всё дышит лёгкостью и чистотой, плодовые деревья, разросшись вокруг домика, дают приятную тень, в которой в жаркие дни можно посидеть, покурить и поболтать о чём угодно; в бане в это время топится печь, и из трубы поднимается едва видимый сизый дымок, а иногда и дыма не видно — просто над козырьком трубы брезжит, переливаясь, как голубая прозрачная вода, воздух...

О том, что собака тяжело заболела, я узнал прошлой весной.

Зачем-то, я не помню, тогда зашёл к ним и увидел, что она лежит на коврик у дверей на боку, вытянув лапы. Она даже не повернула головы в мою сторону, видно, совсем ослабела. Заметно было, что дышала она тяжело, с натугой, — бок её почти не надувался, только шерстинки слегка распрямлялись и опадали на выдохе.

— Белочка, Белочка, — присев перед ней на корточки, позвал хозяин, как маленького ребенка, — дядя доктор пришёл, сейчас он тебя посмотрит. Давай, моя хорошая, моя лапочка, давай, повернись.

Собака никак не реагировала.

Я тоже присел, осторожно взял её мохнатую влажную голову и повернул набок, чтобы получше рассмотреть правое ухо. Именно там, в заушной области, бугрилась твердая, как картофелина, опухоль. Григорий смотрел на меня умоляюще: «Ну?..»

Я отрицательно покачал головой. Всё же мы отвезли её в городскую ветлечебницу, где пожилая ветеринарша, пощупав дулю, развела руками — собаке ничем не помочь, забирайте домой, жить ей осталось недолго. Я было заикнулся насчёт того, чтобы усыпить, но Григорий нервно схватил собаку в охапку и выскочил из кабинета.

— Усыпить всегда успеется, — не глядя на меня, пробурчал он в машине.

— Конечно, — подтвердил я.

Ветлечебница стояла на склоне горы, от неё к подножию спускалась размытая, со множеством колдобин дорога. Заботливо укутанная хозяином собака лежала на переднем сиденье. При каждом толчке машины Григорий придерживал её рукой. Я сидел сзади и думал о собаке.

Если честно, то Белу я не любил. Это было взаимное чувство. Она никогда не относилась ко мне дружелюбно. В те времена, когда она была здоровой и резвой, она на каждый мой визит реагировала угрюмым рычанием, как будто я был злейшим её врагом. Не знаю, за что она меня невзлюбила, может быть, за то, что долгое время я не обращал на неё никакого внимания, но с годами, хоть я и пытался иногда её приласкать или угостить чем-нибудь вкусным, она своего отношения ко мне не изменила — в лучшем случае не рычала, а просто отворачивала морду.

Породы она была неизвестной, скорее всего, подзаборного происхождения — довольно крупная, величиной примерно со среднюю лайку, вислоухая и лохматая.

Шерсть у неё была жесткая и напоминала щетину, которой она заросла до самых глаз. В общем, так себе собака, хотя и довольно неглупая. Григория она слушалась как родного отца, если так можно выразиться по отношению к собаке; куда бы он ни отправлялся, место на переднем сиденье рядом с водителем было заранее занято — Бела в нетерпении выглядывала в окно и громко лаяла. Полина Ивановна и вовсе относилась к ней как к маленькому ребенку, она кормила Белу сосисками и мыла дорогими собачьими шампунями. Зимой Бела бегала во дворе в шерстяных пинетках, связанных на досуге хозяйкой.

К привязанности соседей к собаке я относился скептически. Не исключено, что Бела на уровне своего собачьего подсознания это чувствовала и потому так враждебно ко мне относилась. В обоюдной неприязни друг к другу мы просуществовали несколько лет, пока не случилось с ней это несчастье. Теперь она не только рычать — повернуть в мою сторону голову не могла, не хватало сил.

Хоть и не любил я собаку, всё равно мне было по-настоящему её жалко, а соседей — нет. Я — принципиальный противник содержания животных в квартирах. Во-первых, наши современные квартиры для этого не приспособлены, прежде всего, они ограничивают свободу самих животных, а во-вторых, какими бы умными и добрыми ни виделись эти лучшие друзья человека, несть числа драмам и конфликтам, какие они, сами не желая того, вызывают. Я могу ещё понять бездетных, одиноких и инвалидов — в таких случаях собаки и кошки заменяют любые лекарства и всех врачей. Но если в семье есть дети, да не один, а несколько, и при этом родители ещё заводят пса, то я этой бедной псине могу только посочувствовать!

Как бы там ни было, собака была жива, и, когда я последний раз заходил к соседям, она приподнялась, повернула ко мне дрожащую, словно привинченную к слабой пружине голову и, сверкнув как и в прежние времена недобрый чёрным глазом, даже попыталась тявкнуть, но вместо лая из груди у неё вырвался слабый сип, она уронила голову и неподвижно замерла.

Я поразился её терпению и стойкости, по внешним же признакам ей оставалось жить всего ничего...

— Не ест ничего, — пожаловался Григорий.

Он сидел на стуле, на коленях у него лежала старая газета, а на газете такой же древний сапог, из которого он зачем-то выпарывал замок. Он ловко проводил лезвием бритвы вдоль голенища, нитки с треском лопались, и сапог на глазах освобождался от замка.

Полина Ивановна как всегда сидела на диване, уткнувшись в тетради. Свет от лампы падал на неё так, что та половина лица, какой она была обращена ко мне (она сидела вполоборота), казалась выкрашенной в лимонный цвет. На мой визит она отреагировала вяло, буркнула себе под нос едва слышное «здрасьте» и опять уткнулась в тетради. Хозяйева были заняты делом, больная собака неслышно лежала у дверей, доживая последние дни, повсему мне здесь было делать нечего, и я уже собрался уходить, как в это самое время Бела вдруг тонко, протяжно и жалобно закулила. Я увидел, как щека у Полины Ивановны из лимонной мгновенно стала пунцовой.

— Вот так... — горько сказал Григорий, отложив сапог, — вот так мы теперь мучаемся.

Ясно было, что мучаются мои соседи только потому, что до сих пор я им не могу помочь.

Надо было что-то решать. Мы вышли с Григорием в прихожую, где после недолгой паузы я, наконец, признался, что мне тоже надоело видеть, как страдает животное и что я согласен прекратить её страдания. Григорий обрадованно пожал мне руку.

Ночью я никак не мог уснуть, ворочался, всё думал о том, как я завтра буду убивать собаку.

Приходилось мне бывать на охотах, где я, развлекаясь, лупил из ружья по пролетающим мимо уткам от всей души, но все это было баловством, можно сказать, времяпровождением, по крайней мере, убийством это никто, да и я сам, не считал. Другое дело — убить собаку, к тому же смертельно больную...

Хотя, опять же, с какой стороны посмотреть: если именно с этой, то я заведомо могу себя оправдать, поскольку избавлю животное от дополнительных мучений.

Я видел, как на охоте убивают абсолютно здоровых собак только за то, что они отлынивают от работы или портят добытых зверьков. Это здоровых-то и породистых, за которых немалые деньги, наверное, потрачены! А тут — беспородная, да ещё больная... охотники — это всё-таки особая категория людей, — продолжал мысленно я оправдывать себя, — у них свои правила, своё отношение к жизни, может быть, более жесткое и в то же время более правильное, поскольку они живут внутри природы и чаще руководствуются её законами.

Приснился мне этой ночью нехороший и странный сон. Будто бы я провалил госэкзамен в институте, начал пересдавать — и снова провалил... И так несколько раз, пока какой-то незнакомый мне профессор с очень сердитым лицом, больше других мучавший меня на экзамене, заявил во всеуслышание, что всё, хватит, больше я сдавать предмет не имею права и мне придётся начинать учёбу с самого начала, с первого курса! От страшной мысли, что я безвозвратно потерял шесть лет, что столько сил потрачено впустую, бездарно, зря... я проснулся, не соображая, что со мной произошло и где я нахожусь.

За окном только-только начало светать. Я лежал невыспавшийся, разбитый и проклинал себя на чём свет стоит за то, что согласился убить собаку.

Весь следующий день я был не в своей тарелке. Работа с утра не ладилась, больные все, словно сговорившись, на приёме вредничали, и к вечеру я так устал, что даже ужинать не захотел, прилёг на кровать, чтобы хоть немного отдохнуть и собраться с мыслями.

За стеной слышались неясные голоса, по-видимому, это соседи вернулись с работы. Через час, как договаривались, за мной должен был зайти Григорий.

И Григорий, и Полина Ивановна были людьми практичными. Григорий, который был вместо домохозяйки, никогда не выбрасывал старые вещи, производя с ними немыслимые для меня операции, после чего вещи либо становились как новые, либо продавались или опять же выгодно обменивались. Полина Ивановна отличалась на даче, где всё посаженное её умелыми руками, так же легко и красиво по осени всходило. Подвал у моих рачительных соседей всегда ломился от банок с томатами, огурцами, кабачковой икрой собственного приготовления, разнообразных ассорти, всевозможных варений и наливок. Пожалуй, самой непрактичной и в то же самое время самой любимой вещью в их доме была собака...

Я уже обул сапоги, как вдруг раздался телефонный звонок. Я поднял трубку.

— Отменяется, — услышал я усталый Гришин голос, — только что померла.

«Вот и ладно», — подумал я обрадованно.

Только в таких случаях надо говорить не померла, а сдохла. Впрочем, она у них была членом семьи, стало быть, померла. Я выразил свои искренние соболезнования и, когда Гриша повесил трубку, скинул сапоги и, поудобнее устроившись, уснул.

Никакие глупые сны мне больше не снились.

Ссора

Горюнов хлопнул дверью и вышел вон.

Несколько минут назад он поссорился с женой. Не в первый раз, конечно... но сегодня ссора их не только затянулась, но и ужесточилась до того, что Горюнов впервые

в жизни поднял на жену руку. Нет, нет, он её не ударил, он только замахнулся, резко закинув за голову руку, побраговав при этом лицом и тяжело дыша. Наташа испуганно присела на стул, глядя на него жалкими, как у животных перед забоем, глазами, в которых, кроме ужаса и страха, не осталось ничего человеческого, куда-то глубоко-глубоко, в тёмные омуты зрачков провалился недавний её гнев, она, подобрав плечики, молча ожидала удара.

Горюнов также резко, сломав воздух, дёрнул рукой вниз. Секунду ещё постоял над замершей, будто в моление женой, потом бросился в прихожую, набросил пальто и, хлопнув дверь, высочил.

На улице нестерпимо захотелось курить. Но курить он давно бросил и знал, что начать уже не сможет, начать было ещё сложнее, чем бросить. В кармане пальто он нащупал гаражный ключ. Он недобро усмехнулся, вспомнив, как в их городке поссорившиеся накануне со своими половинами мужики, нередко в гаражах сводили счёты с жизнью — как бы в отместку жёнам.

Можно назвать это по всякому: аффектом, отчаяньем, российской забубенностью, «белочкой» — факт останется фактом: смерть, похороны, слёзы, траурные дни и ночи и уж совсем ненужные упокоившимся горькие покаянные речи.

Всё, амба, отвоевали. Теперь можете навещать с цветочками и бутылочкой, за которую костерили и распинали в прежней жизни, хоть каждый день — не заказано!

Как любой нормальный человек, Горюнов к смерти относился плохо.

Больше того, он смерть люто ненавидел. Когда-то прочитал немало книг, православных, мусульманских, буддистских, но ни разу не поверил, что смерть — это продолжение жизни. Иерихонская труба, Страшный Суд, реинкарнация — все это придумано живыми, не бессмертными. Понятно, речь идёт не о спасении тела, а только о многострадальной душе, но и здесь столько вопросов, что десяти жизней не хватит, чтобы на них ответить, а тут всего одна — и с той не разберёшься никак.

А главное, что всё из-за какой-то глупости, из-за пустячка, из-за ничего — и пошло-поехало, слово за слово, и чем больше ты, тем пуще и круче тебе — будто в теннисе послали трудный хитрый мяч, ан, подожди, я тебе такого сейчас назад верну — не обрадуешься!

А ещё почему-то остановиться невозможно. Никто не хочет останавливать перепалку первым, каждый желает закончить последним, хоть чем закончить, хоть плевром — но последним! Но и каковы мы после этого божьи люди?

Ах, как курить хочется! Недаром все нервные — курильщики, их хоть табак на время отвлекает от всяких подлостей. В гараже, в бардачке машины давнишняя непотчатая ещё бутылка коньяка. И ноги, невзирая на возражения головы, уже идут верным курсом. Правда, при этом голова всё же занимается анализом, ищет исходную точку и причинно-следственные связи.

Нет, ссора на этот раз не на пустом месте образовалась, и не из-за пустяка началась. Причиной стала старшая дочура, которая после трёх лет гражданского брака с неким молодым человеком (неким потому, что кроме его имени и фамилии, разрозненных и разноречивых сведений о его родителях и двух-трёх мимолётных с ним встреч, они ничего толком не узнали и никакого ясного представления о нём как о человеке не вынесли — он для них неким и остался) забеременела, о чём вскользь поведала шокированным родителям по телефону, прибавив, как бы равнодушно, что молодой человек, то бишь, гражданский муж, смертельно заскучав от такого неожиданного и для него самого известия, несколько дней назад исчез в неизвестном направлении. Из непроверенных слухов, возможно, даже эмигрировал в Австралию, о которой давно втайне мечтал.

И тут, конечно, в доме Горюновых всё разом смешалось. Три бездарных, вычеркнутых из дочерней, да и из их жизни года просто взбесили старшего Горюнова. Дочь

свою он любил сильно и беззаветно и убил бы любого, покусившего на её жизнь и честь. Поэтому не в силах задушить этого мерзкого некоего молодого человека, исковеркавшего им жизнь, тотчас же, немедленно, в эту же самую минуту, как только обо всём узнал, весь свой гневный ураган он обрушил на голову страдавшей не меньше, чем он, супруги.

Будучи ни в чем невиноватой (её советов относительно замужества и всего остального тоже никто не спрашивал), Наташа, выдержав первый удар цунами, взревела, как раненая лосиха, и с такой же страстностью и горячностью высказала мужу всё то, что он ей только что предъявил. И пошло-поехало...

А закончилось тем, что впервые в жизни ему захотелось её ударить.

Он прекрасно понимал, особенно сейчас, бредя по сухой осенней листве, медленно остывая вслед за опускающимся всё ниже и ниже за горизонт тускнеющим солнцем, что замахнулся он от тоски и безысходности, от невозможности исправить случившееся, не от силы вовсе, а от бессилья. От этого было гадко, противно и стыдно. Сейчас он ненавидел себя больше, чем исчезнувшего в никуда гражданского мужа. Бог с ним, с этим недоноском и вырождением, как был он для них никем, так никем навсегда и останется. А как быть теперь с этим щекотливым положением, в каком оказалась неожиданно-негаданно их любимая дочура? Рожать или избавляться? Быть или не быть? — вот в чём вопрос. Конечно, решать будет она, дочь, это безусловно. И он как отец примет любое её решение, хотя в глубине души он хотел, чтобы она всё-таки решила рожать. Во-первых, ей уже двадцать семь, во-вторых, у неё не было до этого ни одного, слава те господи, аборта, и, если уж так случилось, если даже зачала она от недоумка, то общими усилиями они, по его мнению, уж как-нибудь воспитают будущего ребенка, вольют в него свою любовь и душу. Как высказался один ирландский писатель (когда кто-то из журналистов заметил, что в Ирландии стало больше незаконнорожденных детей): «Я ненавижу любую смерть и приветствую жизнь во всех её проявлениях!»

Стало быть, надо приветствовать. Только бы дочура не наломала в очередной раз дров!

До горюновского гаража идти недолго. Надо сперва забраться по крутой лестнице в гору, там перейти главную дорогу, ещё раз подняться по лестнице, пересечь ту же самую дорогу, которая здесь делает серпантин, потом пройти мимо вечного, как огонь на мемориале, родника, который никогда (даже в самые лютые морозы) не замерзает, ещё раз взобраться на взгорок, прибавив прыти — иначе можно скатиться вниз, — и вот они, ряды железобетонных гаражей, где в основном и проводят время здешние мужики и где их жизнь и смерть схвачены и зацементированы так же крепко, как железо и бетон.

В гараже Горюнов достает из бардачка бутылку дагестанского коньяка, вскрывает её и, не прибегая к помощи стакана, делает три больших глотка.

Коньяк равномерно и справедливо обжигает все стенки желудка. Тепло движется дальше, к длинным ногам Горюнова, которые он вытянул в сторону водительского сиденья, так как сам сидел на кресле пассажира. Печку включать не стал — машина ещё хранила летнее тепло. Для пушечного релакса он откинул спинку сиденья, закрыл глаза и задумался.

В этом году ему стукнуло пятьдесят. Пора бы, как говорится, подвести итоги. Чего такого совершил, чтобы хотя бы перед самим собой не было совестно? А ничего такого и не совершил: дом не построил, сына не родил, дерево, может, где когда и посадил, так этих деревьев в Сибири нынче столько изведено, что вопрос этот с повестки дня можно смело снимать — цитата классика или, по крайней мере, её половина с каждым годом теряет свою актуальность. Должность главного инженера тоже не предел мечтаний, просто он ответственнее других, а в принципе, любой из тех, кто помоложе да поинициативнее, с таким же успехом мог занять его место — просто у него опыта по-

больше. Семья... Пожалуй, это и есть его всё. А всё — это как раз то, чем он каждый день живёт, о ком всё время думает, переживает, мучается — как сейчас, например. Младшая в следующем году окончит школу, тоже не ангел, нет-нет да и преподнесёт «сюрприз». Ну она хоть здесь, с ними, под боком, они с женой из поля зрения её никогда не выпускают, всё время руку на пульсе держат. Отклонение влево либо вправо пресекают на корню.

«Что вы меня опекаете? — кричит порой. — Я уже не маленькая. Все девчонки, вон, в пирсингах да в татушках, а вы мне вторую серёжку в ухо вставить не даёте!» «Да, не даём. Такие у тебя несовременные родители. Сатрапы, одним словом...»

Успокаивается, правда, быстро. Понимает, что это любовь родительская, а не амбиции.

Ладно, ещё пару глотков — и хорош! — завтра с утра на работу. Горюнов порылся в бардачке, нашёл леденец в обертке, развернул, бросил конфету в рот и опять задумался.

... Три года назад дочура и её друг уехали в Питер. Оба закончили юридический в Новосибирском университете, успели поработать в госслужбе, но то ли под чьим-то влиянием, то ли от избытка молодой энергии, бросив всё, в одночасье рванули в Питер. Сняли комнату в Петроградском районе, устроились на работу: она экспертом в какую-то «крутую» (с её слов) торговую фирму, он — в частную адвокатскую контору. В дальнейших планах было доскональное изучение английского языка и эмиграция в одну из успешных европейских стран.

В прошлом году Горюнов у них побывал. Молодая ячейка общества ютилась в угловой, три на четыре метра, комнате, где три четверти занимал диван, остальное пространство делили между собой столик с компьютером и сумки с то и дело вынимаемыми из них вещами. То, что носилось повседневно, едва помещалось на вешалке за дверью. Горюнов не без труда втиснул туда свою куртку.

Продукты хранили в холодильнике хозяйки на кухне.

Не понравилось всё это Горюнову, но вслух он ничего не высказал. Нашел ближайший супермаркет, купил там сервелатов, рыбных ассорти, фруктов, конфет, для дочки бутылку сухого вина «Шардоне», мужикам — армянский коньяк. Притащил всё, выставил на стол.

«Ну, папа, ты даёшь!» — восхитилась дочь.

Дружок повертел в руке бутылку сухого, потом коньяка. Криво усмехнулся, изучив этикетки.

Горюнов не подал вида, что заметил и это. Подумал только про себя: «Ты, поди, на «Хеннесси» рассчитывал, сопля зелёная?»

Командировка его проходила в Москве. В сущности, она уже заканчивалась, и он прикатил к ним в Питер всего-то на один день — только лишь с тем, чтобы посмотреть и убедиться, что живут они именно так, как они с Наташей и думали, и совсем не так, как они хотели.

А их убогая комната, пожилая угрюмая хозяйка, похожая на отставную «вохровшу» на пенсии, да гражданский этот румянощёкий муж, после первой же рюмки начавший ему тыкать, ещё больше укрепили его сомнения. Дочура в отличие от своего словоохотливого, сыпавшего во все стороны прибаутками и анекдотами друга, в основном, помалкивала.

Горюнов, втайне надеявшийся, что под коньяком разговорит «зятка», ошибся и на этот раз: никаких планов ни в отношении их будущего, никаких-то других серьёзных намерений, он от него не услышал — тот лишь похохатывал, весело и смачно закусывая, и на Горюнова не обращал никакого внимания.

Ему даже негде было уединиться с дочерью, чтобы поговорить по душам. В кармане у него лежал билет на обратный путь до Москвы, и до отъезда оставалось всего ничего: каких-нибудь два-три часа.

Он уехал, так ничего и не выяснив для себя, мучаясь неопределенностью жизни всей их семьи, с грузом неразрешимых вопросов и с растревоженной, как долго незаживающая телесная рана, душой.

«Даже Питера не увидел!», — скорбно думал он в поезде, лёжа на полке с закрытыми веками, не в силах заснуть от сонма лезущих в голову мыслей...

...Горюнов закрыл гараж, толкнул дверь, проверив ещё раз надёжность замков, и пошёл к дому.

Постепенно темнело, только дальняя западная сопка, за которую недавно закатилось солнце, светила равномерным малиновым светом. На пути ему встретились собаки, давно обитавшие здесь в гаражах. Никогда на него не злые прежде, они вдруг стали облаивать его с двух сторон. Одна из них, большая и чёрная, звонко клацнула возле его ноги челюстями.

«Ах ты, паршивка!» — сказал Горюнов вслух и нагнулся, делая вид, что ищет чем бы в них кинуть.

Чёрная, которая, видимо, была и опытнее, разом шмыгнула в густые придорожные кусты. Вторая же собака — ушастый разномастный спаниель, засеменила к гаражам. И тут она сделала такое, чего Горюнов отродясь в своей жизни не видел: спаниелька легла рядом с гаражной дверью, прижавшись к ней спиной, задрала переднюю лапу и прикрыла ею морду. Так она надеялась защититься от человека.

Горюнов видел, как из-под лохматой лапы боязливо выглядывал на него блестящий напряжённый глаз. Он тут же вспомнил о жене, и второй раз за день ему стало стыдно.

Он заторопился домой.

Там, дома, он с силой прижал Наташу к себе. Жена с готовностью, будто ждала этого мгновенья целую вечность, уткнулась ему в грудь. Они стояли посреди комнаты, крепко обнявшись, долго не разнимая рук.

Немного погодя, не сговариваясь, они позвонили в Питер.

«Скоро приеду, — заверила родителей дочура. — Да, да, я всё решила. Буду рожать дома».

ПОЭЗИЯ

ЕЛИЗАВЕТА ФОМИНА

Сильна Христом Святая Русь...

* * *

Красота спасет мир, то есть — Христос.

Ф.М. Достоевский

Литература — поле битвы,
Где все слова — слова молитвы,
Где все творцы — бойцы Христа,
А победитель — Красота!

ФОМИНА Елизавета Анатольевна родилась в 1971 г. в г. Намангане Узбекской Республики. Окончила среднюю школу. В 1986 г., переехала в Бурятию. Получила профессию мастера художественной вышивки. Работала на сувенирном заводе, затем художником-оформителем. Стихи начала писать с двадцати лет. Печаталась в литературных журналах: «Роман-Журнал XXI век», «Москва», «Новая книга России», «Сибирь». В 2003 г. издала первый сборник стихотворений «*В стране, где все Великое...*». Член Союза писателей России. Живёт в Бурятии, в селе Иволгинске.

Природа

Природа дышит Небесами,
Молчаньем Неба говорит,
На нас глядит Его глазами,
Его душой животворит.

Объемлет мир Его величием,
Его грозой сердца страшит,
И красотою поэтичной
Сказать о Вечном нам спешит.

Русская баба

Закалилось в скорбях ее сердце.
Повенчалась как будто с бедой.
Никуда горемычной не деться,
Ведь Россия сама в бабе той!

На «хребте» она носит невзгоды
И свои, и чужие с лихвой!
Говорят: «Баба — крепкой породы!» —
Уцелела в войне вековой!

Ты взглядишь в нашу русскую бабу:
Ее руки истерты нуждой,
А лицо — как суровая правда —
Словно корка землицы сухой.

Враг Христа губит Русь без пощады.
А светильник любви не погас!
И покуда есть русские бабы —
Жизнь души не закончится в нас!

* * *

Сгустился воздух от мороза,
Земля под снегом сладко спит.
Но как-то строго и серьезно
Природа-матушка глядит.

Она познала мудрость света
И тщетность смертной красоты.

Ей ни к чему весёлость лета,
Восторг весенней суеты.

И потому в молчанье строгом
Природа-матушка глядит...
Сказать она могла б о многом,
Но мудрость жизни не велит.

* * *

*Цель литературы — приблизить душу к духовной ступени
и оставить её там, жаждущую и алчущую Истины.*

Громыкает небо чёрное,
Дождь кровавый льётся с крыш...
Сокрывали мы позорное,
Грех в веках не утаишь!

Веру мы из сердца выгнали,
Сами к ней теперь идем...

Вопиет Россия бедами,
В тьме лампадами горя.
Хватит быть нам маловерными —
В век предательства Царя!

Без Христа нам нет спасения!
Крест подыдем, понесем.
Страшной правды воскресение
Над Россией вознесем!

Низко пали мы — до гибели,
Не покаемся — умрём.

В небе солнце сотрясается,
Раскаляется земля —
Это Русь пред Богом кается!
Ей теперь молчать нельзя!

«С любимыми не расставайтесь!»

Ты знаешь? С той поры, как мы расстались,
Погасло солнце на рассвете дня,
Я не живу, а только жить пытаюсь,
Но все попытки — пытка для меня.

Как безысходен каждый шорох ночи!
Как безнадежен каждый стук шагов!
Но сердце убедить в обратном хочет —
Великая страдальца-любовь.

С печальных ив наряды облетели,
И дождь с утра до вечера идёт,
А мы с тобой немного постарели...
Но, Соломон сказал, что всё пройдет...

Ты знаешь, что Любовь жива осталась
И не померкнет свет её огня.
Но не она, а вещь усталость
Всё чаще стала посещать меня.

Христом сильна Россия

Сильна Христом Святая Русь!
А кем сильна Россия?
Я о судьбе её молюсь,
Чтоб душу воскресила!

Жива надежда у меня,
Что Бог нас не покинет,
Что в пекле адского огня
Страна моя не сгинет!

Земля, крещённая войной,
Роди благое семя!
Кровавой ты горишь росой,
А поросла забвеньем!

Но есть надежда у меня,
Что Бог нас не покинет.
Что в пекле адского огня
Страна моя не сгинет!

Набат священный в небесах
Нас грозно возвещает —
Чтоб мы покались в грехах,
Пока Господь прощает!

Жива надежда у меня:
Народ беду осилит
И будет — в это верю я —
Христом сильна Россия!

* * *

Умолкнет природа любимого края,
Утихнут дожди, отшумит листопад,
И каждый, в душе новый год предвкушая,
Украдкой посмотрит назад.

Кто с грустью посмотрит, кто с тихой печалью.
Кто с радостью вспомнит о прожитом дне,

Но каждый поймёт, что исход не случаен
Для всех, кто живёт на земле.

В сей тайне чудесной такая отрада,
Дай, Господи, всем испытать!
Всё в мудрой Деснице, и людям не надо
О жизни и смерти гадать.

Есть в любви такая сила

Я просто верую в любовь
И не ищу взамен иного.
Пусть время
 мой разрушит кров
И недруг посмеётся снова,

Пусть счастья лёгкие штрихи
Судьба сотрёт неумолимо.
Моей расплатой за грехи
Пусть станешь ты —
 прошедший мимо!

Любовь поможет превозмочь
И расставанье, и потерю,
И одиночество, и ночь,
Тоской стоящую за дверью.

Любя, я многое стерплю —
Ведь есть в любви такая сила!
И оттого,
 что так люблю,
Тебя к другой я отпустила.

ЛЮБОВЬ МОСКОВЕНКО

Дедушкины уроки

МИНИАТЮРЫ

Говорящая ворона

В июле поспела голубика, и дедушка с шестилетним Андреем отправились за ягодой. Шли, разговаривали о разных делах. На полпути мальчик остановился и удивлённо сказал:

— Собака лает... Откуда-то сверху!

Дедушка рассмеялся на его слова, но тоже вдруг услышал собачье «ав-ав-ав, ав-ав-ав». Недоумённо посмотрел на небо, по сторонам — никого. А сверху несло: «ав-ав-ав, ав-ав-ав». Стал всматриваться внимательнее.

— Посмотри вон на ту высокую сосну, — сказал внуку. — В кроне сидит ворона и гавкает.

У Андрея от изумления глаза стали круглыми, как ягоды голубики, за которой они шли.

— Говорящая ворона... — прошептал он. — Расскажу бабушке, не поверит!

А ворона «из перьев лезла», гавкая им вслед: «ав-ав-ав, ав-ав-ав!...»

МОСКОВЕНКО Любовь Николаевна родилась на участке Ивановск Куйтунского района Иркутской области. Окончила Сибирский технологический институт (г. Красноярск), получила специальность инженера лесного хозяйства. Затем работала в лесничествах Тулунского района. Знания о лесе и его обитателях, тревога за бездумное отношение людей к природе и любовь ко всему живому обретали литературную форму. Так стали появляться рассказы, сказки и стихи. Сотрудничала с районной газетой, более десяти лет отдала журналистике. В 1996 г. принята в Союз журналистов России. Печаталась в детском журнале «Сибирячок» и журнале «Сибирь». В 2012 г. вышла первая книга детских рассказов о природе «Дедушкины уроки».

Гнездо-шар

Августовским вечером дедушка и Андрей возвращались с покоса домой. Накануне прошли дожди, и они ходили смотреть, не пробило ли копны ливнем. Сено было в порядке. Решили заглянуть в сосновый бор за грибами. Нашли подосиновик, пару боровиков и рыжик.

— На грибной суп хватит, — сказал дедушка. — Пошли домой.

Возвращались по лесной дороге. Солнце медленно опускалось за деревья. Яркие лучи пробивались сквозь густую хвою, скользили между стволами, отчего сосняк светился и искрился жёлтым и оранжевым светом. Бор сменился смешанным лесом — берёзы, осины, сосны и ольха. Дедушка остановился на обочине дороги и стал внимательно всматриваться в глубь леса.

— Гнездо-шар, кажется, висит на ветке ольхи. Подойдём поближе, посмотрим, — предложил внуку.

— Чьё гнездо? — спросил мальчик.

— Осиное.

— Осы могут нас ужалить! — боязливо предостерёг Андрей.

— Подойдём тихо, осторожно. Не будем делать резких движений и разговаривать. Понаблюдаем, как насекомые поведут себя.

Появление людей заметила оса-сторож. Она вылетела из гнезда, покружилась над головами. Дедушка и внук стояли, не шелохнувшись. Заподозрив неладное, вернулась в гнездо, сообщив сородичам о пришельцах. Внутри шара зажужжали осы. С каждой секундой жужжание усиливалось. Вылетели несколько насекомых, полетали над людьми и отправились за подмогой. Вернулись уже небольшим роем.

— Пора уходить, — прошептал дедушка, — нас разоблачили и предупреждают, что дальше будет хуже. Иди спокойно, без резких движений.

Осы не стали преследовать нарушителей спокойствия — отпустили с миром.

Через несколько дней дедушка и внук решили проведать семейство ос. С трудом нашли ольху, на гибкой ветке которой висело гнездо-шар. Удивительно красивое серое сооружение было разбито. Часть шара осталась на прежнем месте, часть зацепилась за нижнюю ветку, конус с выходом валялся на земле. Обездоленные насекомые копошились в средней части жилища. Они растерянны и отрешённо ползали среди прогретых солнцем, родных обрывков «дома».

— Дедушка, что произошло с гнездом? — встревоженно спросил мальчик.

— Люди с дороги увидели осиный шар и разорили его.

— Но осы жили вдалеке от дороги и никого не трогали? — воскликнул мальчик дрожащим от слёз голосом. — Они нас даже вблизи не ужалили, за что их разорили?

— Пойдём отсюда, — обняв внука, печально сказал дедушка. — Мы ничем им не поможем. Не все понимают, что осы, поедая слепней, оводов, мух и других вредителей, защищают от них людей и животных. Неслучайно осы занесены в Красную книгу. Несмотря на смелость и воинственность, они нуждаются в защите. Конечно, когда насекомые строят гнёзда на верандах, в сенцах, кладовках, мешая людям, их надо прогнать, а жить в лесу — их законное право.

Бегающие цветы

Несколько дней назад дедушка и Андрей, по просьбе бабушки, принесли с июльского луга цветы красного клевера. Как пояснила бабушка, это растение — лекар-

ственное, лечит многие болезни. Бабушка разложила их под навесом на старом столе. Солнце сюда не проникало, только сквознячок гулял через открытые двери и окошко.

Когда цветы высохли, бабушка решила их собрать. Сгребла в кучку и стала укладывать в полиэтиленовый мешочек. Уложила все цветы-шишечки, остались осыпавшиеся соцветия-трубочки. Бабушка хотела их тоже собрать, но отшатнулась, сняла очки, потёрла глаза и снова склонилась над ними, прошептав: «И причудится же...» Внимательно присмотревшись к трубочкам, испуганно позвала дедушку, а следом за дедушкой прибежал и Андрей.

— Посмотрите, что происходит! — взволнованно заговорила бабушка. — Трубочки-то живые — по столу бегают! Где вы такого клевера набрали?

— Показалось тебе, наверное. Или глаза заболели — врачу показаться надо, — посоветовал дедушка. — Придумала — цветы бегают!

— Дедушка, а цветы и, правда, бегают! — поддержал внук бабушку. — Ещё как бегают!

Дедушка присмотрелся и всплеснул руками:

— На самом деле бегают?!

Осторожно поймал убегающую трубочку, стал рассматривать.

— Здесь сероватый червячок с ножками сидит. Так это же личинка лугового мотыля в цветке обустроилась! Как я сразу не догадался!..

Журавлиное журчание

— Кажется, журавли летят? Слышишь курлыканье? — спросил дедушка Андрея. Мальчик прислушался:

— Журчание слышу, а курлыканье — нет, — ответил мальчик.

— Так это и есть голоса журавлей, — уточнил дедушка.

Дедушка и внук подняли головы, всматривались в осеннее, укутанное серыми тучами небо. Набегавший ветер шуршал сухой травой и жёлтой листвой берёз и осин, шумел в густом ивняке, за которым располагалось небольшое болотце. Они долго глядели на небо, но журавли не появлялись, хотя их голоса всё звучали и звучали.

— Ничего не пойму, — прошептал дедушка. — Если бы журавли летели, то давно бы миновали нас. Наверное, птицы остановились на ночёвку на болотце...

Стали прислушиваться. Ветер успокоился, с болотины явственно донеслись голоса журавлей: журчание, будто вода журчит-переливается.

— Их, наверное, за то, что как вода журчат, журавлями прозвали, а не курлыками за курлыканье, — предположил Андрей.

— Наверное... — поддержал дедушка внука.

Хозяин тайги

Весь день лил дождь. К вечеру разъяснило, и дедушка с Андреем решили сходить в лес, как они пояснили бабушке, — подышать свежим воздухом. Бабушка проронила в ответ:

— На ночь глядя да по такой сырости! И на лавочке можно подышать.

— На лавочке не интересно сидеть. Ты не беспокойся — мы сапоги обуем, — успокоил её внук. — А до ночи ещё очень далеко.

— Если сапоги обуе́те, то что ж, идите, — развела бабушка руками. — Разве вас остано́вишь, если что-то задумали.

Выйдя за село, дедушка и внук пошли по лесной дороге. Было начало июня. Душисто-медовый аромат исходил от молодой листвы и цветов. Над влажными бутонками жужжали шмели, пчёлы и букашки, звенели цветочные мухи. Куковали кукушки, мелодично и звонко пели пичужки.

По краям каждого листочка, на каждой хвоинке — капельки дождя. Выглянуло солнце. Каждая капелька вспыхнула в лучах маленьким солнцем, рассыпая вокруг лучики. Деревья и кустарники, охваченные радужным свечением, заворачивали. Дедушка и Андрей в восторге замерли. Полубовавшись необычной игрой дождинок и солнца, пошли дальше.

Нагулявшись, повернули домой. Им встретился мужчина лет тридцати пяти, среднего роста, крепкого телосложения, круглолицый. Одет в зелёно-коричневые, защитного цвета брюки и куртку. С правой стороны под рукой висел карабин. Карие глаза смотрели настороженно, тонкие губы плотно сжаты.

— Доброго здоровьица, — поздоровался с незнакомцем дедушка. — В гости к кому-то приехали или сами по себе — поохотиться?

Незнакомец ничего не ответил.

— Дяденька, — взволнованно вмешался в разговор Андрей, — сейчас у всех птиц и зверей маленькие детки. Вы что, стрелять в них собираетесь?

Мужчина отвел взгляд и уклончиво проронил:

— Никто ни охотиться, ни стрелять не собирается, — и поигрывая карабином, пружинистым шагом пошёл дальше по дороге.

— Дяденька, вы, правда, никого не будете убивать? — закричал вслед Андрей.

— Правда, — не оборачиваясь, ответил мужчина.

— И стрелять не будете? — допытывался мальчик.

— Не буду.

Через некоторое время в лесу раздались выстрелы. Андрей в недоумении посмотрел на дедушку:

— Стреляет!.. Он же обещал, что не будет... Такой сильный... Слово дал и не сдержал, как же так?!..

У мальчика задрожали губы. Из глаз покатались слёзы. Дедушка прижал внука к себе:

— Есть у меня знакомый охотник Иван. И рассказал он мне такую историю.

Морозным зимним вечером собрались в лесной избушке человек пять охотников. После ужина расселись на нарах пить чай. Что может быть приятнее этого после жгучей стужи! Усталость мягко обволакивает тело, тепло, приятно. Но спать ещё не хочется. Понемногу начались разговоры об охоте. И сами собой полились небылицы.

Один рассказывает:

— Иду как-то на охоту. Глянул: стоит кабарга на отстойнике — рябчика жуёт.

— Это что, — подхватил другой, — я один раз на стадо медведей напал. Стал стрелять: бац — и в сумку, бац — и в сумку.

— И много ты так медведей набил? — поинтересовались слушатели.

— Соображать надо, я в сумку пустые гильзы бросал.

Повеселили охотники друг друга небылицами, потолковали про свои дела и спать улеглись. Одному не спится. Сел у окошка, смотрит на звёзды и горы. Видит, из-за самой высокой горы белый-белый старик поднялся, величины невероятной, и — к избушке. Дремучая борода, как метла, с вершин снег сметает, а в волосах тучки запутались. Несмотря на холод, одет легко — в белые рубаху и штаны. Затаился охотник. Вдруг распахнулась дверь, и дед заглянул в избушку:

— Спите, отдыхаете? Ну, ну, спите, отдыхайте...

Взял топор и прикрыл дверь тихонько. На улице раздался стук, и до утра было тихо. Утром рассказал охотник товарищам, кого видел, те не верят:

— Приснилось тебе это!

— Так я вам докажу, — говорит, — пойдёмте на улицу.

Вышли. Видят: топор так загнан в огромную чурку, что и не вытащить. Ни следов, ни примет каких больше нет. Решили мужики, что Хозяин тайги к ним наведывался. Предупреждал, чтобы поаккуратней в лесу со зверьём были. А с тем охотником, который его видел, беда случилась. В ту зиму на медведя-шатуна вышел, тот его и смял до смерти. Жалко мужика, конечно. Да только он времени совсем не признавал — охотился круглый год. Незнакомец, похоже, из охотников, которые не соблюдают законы тайги. Беды бы на себя не накликал, — закончил дедушка свой рассказ.

Маленький «зайчик»

— Дедушка, посмотри сюда, — позвал внук, остановившись на обочине лесной дороги и показывая на чьи-то следы. — Здесь пробежал маленький зайчик, да?

Дедушка внимательно оглядел следы. Зверёк перебежал дорогу, оставив вмятины в снегу. Было видно, как он отталкивался задними лапками, перепрыгивал с места на место, опираясь на передние. И следы животного напоминали заячьи, только были очень малы.

— Сейчас начало марта. Холодно. Зайчата появляются на свет во второй половине апреля и в мае, — рассуждал дедушка, шагая рядом со следами.

Дойдя до сосны, остановился и рассмеялся.

— Иди сюда, — позвал Андрея. — Твой маленький «зайчик» верхолаз и зовут его белочка.

Мальчик подошёл к дедушке. Возле толстого комля дерева следы обрывались.

— Но дальше-то следов нет! — изумился внук.

— Конечно, нет, потому что белочка взобралась на сосну и продолжила свою прогулку в кронах деревьев.

Ко-ко-кут!

Бабушка знала толк в лекарственных растениях. В конце мая — начале июня она отправила дедушку и внука в лес, как смеялся дедушка, на «пещадание». Дала им ситцевые мешочки с наказом:

— Плотно их не набивайте. Срывайте с кустарников не только цветы, но и листочки. В цветах — пыльца и медовый аромат, в листе — утончённый запах зелени и лёгкая терпкость. Собирайте аккуратно, чтобы сохранились лекарственные свойства. Зимой к чаю листочки и цветочки — прекрасная добавка.

— У тебя, бабушка, самый вкусный чай. Ни у родственников, ни у друзей в гостях я не пил такого! — причмокнул сладко внук.

— Собирайся, — поторопил дедушка мальчика, — пойдём на речку Смородинку, а это километра четыре не меньше.

За добавкой к чаю пошли через лес. На опушке им встретились заросли малины.

— Удивительно, как из таких невзрачных цветов наливаются яркие, ароматные и очень вкусные ягоды? — задумчиво произнёс Андрей, срывая с вершинок побегов светло-зелёные чашелистики с пучками светло-коричневых тычинок.

Нарвав мешочек листьев и цветов малины, дедушка и внук отправились дальше. В смешанном берёзово-сосновом лесу остановились возле кустов жимолости. Хрупкие побеги украшали продолговатые воронковидные жёлтые цветы, покрытые волосками. Распускающиеся зелёно-коричневые листочки были тоже опушены.

— По ночам ещё очень холодно, чтобы не замёрзнуть, листочки и цветочки одеты в пушок, — пояснил дедушка внуку.

Быстро насобирали мешочек листьев и цветов жимолости. Нашли невысокие кусты голубики. Под зелёной листвой укрылись красно-белые цветы-колокольчики.

— Будто художник хотел их раскрасить в красный цвет, но остались пробелы, которые художник не стал закрашивать, — сказал Андрей о цветах голубики.

Встретились им розово-пурпурные цветы черники, напоминающие по форме цветы голубики. Наконец, дошли до речки Смородинки, которая весело журчала среди кустов красной и чёрной смородины. Нарвав по мешочку зелени одного и другого ягодника, вышли на дорогу и направились домой. В отдалении, не переставая, куковали кукушки, будто соперничая в пении. Вскоре с той стороны донёсся истошный крик:

— Ко-ко-кут! Ко-ко-кут! Ко-ко-кут!

Кукушки замолчали, и только крик повторялся то в одном, то в другом месте.

— Дедушка, это что за лесной переполох? — прислушиваясь к крику, спросил мальчик.

Дедушка остановился, прислушиваясь. Растерянно ответил:

— Никогда не слышал такого крика в лесу.

В вышине над ними бесшумно пронеслась пара ястребов, с сердитым, похожим на кошачье мяуканьем. Вскоре снова закуковали кукушки, но не беспечно, как прежде, а встревоженно.

— Всё понятно, — сказал дедушка. — Это ястребы охотились за кукушками. Кукушки с перепугу и кричали: «Ко-ко-кут!» Наверное, это означает на их языке «Караул!» Ястребы сердитые летели, значит, охота для них оказалась неудачной.

Домой вернулись к вечеру. Бабушки расстелила на русской печи ткань и разложила по отдельности содержимое мешочков.

— Высохнут цветы и листья, соединю их в равных частях, добавлю цветы и листья яблони, вишни, черёмухи, таволги вязолистной, шиповника — ароматная и полезная добавка к чаю будет готова!

Сломка

В молодом сосняке дедушка и Андрей собирали грибы. Молоденькие маслята прятались в опавшей жёлтой хвое. Грибники ходили осторожно, внимательно смотря под ноги, чтобы случайно их не растоптать. Крупные шляпки виднелись издали, но чистые среди них встречались редко. Дедушка обратил внимание на то, что некоторые кто-то обкусал сверху.

— Посмотри, — сказал он внуку, — поганка покусана также, но лакомка выплюнул кусочки, и они лежат рядом с грибом. Возле маслят кусочков нет. Значит, кому-то грибы пришлись по вкусу. Не похоже, чтобы шляпки маслят погрызли мыши, белки или бурундуки. На червяков тоже не похоже — они ходы прогрызают внутри плодового тела или трубчатой части. И ел грибы кто-то недавно — укусы свежие.

Дедушка прошёл несколько шагов, и перед ним взлетела птица — оперение сливалось с лесной подстилкой, поэтому грибники её не заметили.

— Грибы ел сломка! — воскликнул дедушка.

Андрей не видел, как взлетела птица, поэтому спросил:

— Сломка? Кто такая?

— Не такая, а такой — вальдшнеп, бекас лесной. Не полностью раскрывает крылья, будто они у него сломаны, поэтому охотники птицу называют сломкой. Длинным клювом из лесной подстилки и мха достаёт червей, личинок насекомых. Любит улитками лакомиться. Оказывается, и грибы не обходит стороной. Вот сломка, так сломка!

«Комок»

В глубоких сумерках дедушка и Андрей возвращались с прогулки. Они молча шли по левой стороне грунтовой дороги, как и положено пешеходам. Влажный укатанный песок скрадывал шум шагов. Над ними пролетела птица, но так стремительно, что дедушка не разглядел, какая. Неожиданно из травы, росшей по бровке дороги, под ноги выкатился «комок». Неуклюже отталкиваясь от земли, пролетел небольшое расстояние, плюхнулся на дорогу, снова поднялся, и снова плюхнулся. Дедушка побежал за ним, догнал его. «Комок» замер в руках. Подоспевший Андрей ахнул:

— Кого ты поймал? Ну и носище же у него!

Внимательно оглядев добычу, дедушка сказал:

— Это вальдшнеп — длинный, слегка загнутый книзу клюв. Окраску перьев разглядеть трудно — сливается с сумерками. Глазастый какой! А страха в глазах нет. Птенец — любопытный, не пуганый. Тяжёленький! Оно и понятно, — середина августа — хорошо родители откормили! Наверное, над нами его мать пролетела. Вальдшнепы в вечерних сумерках и поутру насекомых на лету ловят. Днём предпочитают кормиться на земле.

— Зачем ты его поймал? Домой заберём, да? — засыпал вопросами внук.

— Нет, домой его не возьмём. Беззащитный птенец нечаянно оказался на дороге. А вдруг машина поедет и задавит или люди с собой заберут? В лесу его оставим.

Птенец всё время спокойно сидел в руках. Дедушка зашёл в лес и поставил его на землю. Вальдшнеп мгновенно исчез в траве...

Чихнул дедушка...

Оживлённо беседуя, дедушка и Андрей шли по лесной дороге. Прошли через берёзовую рощу и углубились в сосняк. Старые сосны вознесли мощные кроны к небесам. Февральское солнце не могло пробиться сквозь густые ветви. Андрей остановился, вглядываясь в сумрак бора:

— Как здесь темно и тихо. Ни следов, ни птичьих голосов. Наверное, в этом лесу никто не живёт.

Дедушка что-то хотел сказать в ответ, но вместо этого чихнул. Гулкое эхо разнесло по сосняку: «Апчи-хи!» И лес ожил. Из снежной норки, громко хлопая крыльями, выпорхнул рябчик. Немного пролетел, уселся на сосновой ветке, затаился, наблюдая за людьми. Поодаль недовольно раскричались вороны. Встревоженно затенькали большие желтогрудые синицы. Серой тенью мелькнула сова и растворилась в лесном сумраке. Пересвистываясь, на шум прилетели длиннохвостые синички. Пёстрый дятел уцепился лапками за нависшую над дорогой ветку сосны и, покачиваясь, следил за нарушителями лесной тишины. Два красногрудых снегиря испуганно метнулись в глубь леса.

Дедушка и Андрей поворачивали головы из стороны в сторону, не успевая проследить за лесными обитателями.

— Дедушка! — воскликнул мальчик. — Сколько птиц живёт в этом глухом и тёмном бору, а я посчитал его пустым, — проговорил Андрей.

— Когда мы в лесу, за нами наблюдают птицы, а может быть, и звери. Только себя не выдают, — сказал в ответ дедушка.

Следы ветра

В начале марта после обильного снегопада поднялся ветер.

— Какая на улице буря! — глядя в окно, проговорил Андрей. — Не повалило бы деревья ветром.

— Выстоят, — отвечал дедушка. — Сухостойные, может, повалит да ветки на деревьях обломает.

— Дедушка, когда ненастье закончится, сходим, посмотрим, как ветер в лесу набедакурил?

Следующий день выдался тихим и солнечным. Дедушка и внук отправились на прогулку. Ветер пережёл дороги и тропинки, обломал хрупкие ветки лиственниц, стряхнул жёлтую хвою с ветвей сосен. Под елями лежали светло-коричневые шишки. Под берёзами и ольхой темнели на снегу шишечки и золотились высыпавшиеся из них семена. А на дороге встречались странные следы: полосы и бороздки.

— Не пойму, чьи это следы? — сказал Андрей.

— Это следы ветра. Он не только ломал ветки, сбрасывал хвою и шишки, но и перекатывал их по дороге. Оттого и появились непонятные следы, — пояснил дедушка.

Ветреница и жук

В июне выдался свободный от работы по хозяйству день, и дедушка с внуком отправились на прогулку в лес. Молодая листва берёз мягко шелестела от порывов ветра. Шумно лопотали о чём-то неугомонные листья осин. Юные хвоинки на ветвях лиственниц тянулись к солнцу. Пробивалась из-под лесной подстилки и настойчиво тянулась кверху зелёная трава. Среди травы, будто яркие блики солнца, вспыхивали цветы — подснежники, фиалки, лютики, купальницы, горичветы... Андрей остановился возле ветреницы. На белом лепестке лежал коричневый жук.

— Дедушка, посмотри, жук лежит и ножки вытянул. Что с ним?

— Жучок, наверное, не знал, что ветреницы — ядовиты. Много нектара пить и пыльцы кушать у них нельзя. И находиться в цветке долго нежелательно. Жаль его. Может быть, придёт в себя, — сказал дедушка, снимая незадачливое насекомое с опасного растения.

Он положил жука на землю. Андрей присел на пенёчке рядом с пострадавшим. Стал наблюдать за ним. Через некоторое время жук пошевелил ножкой, потом другой.

— Дедушка, жучок оживает! Водички ему надо! — закричал мальчик.

Дедушка достал из рюкзака пластиковую бутылку. Налил воды в сухой лист. Положил насекомое так, что хоботок оказался в воде. И жук стал пить. Через некоторое время, пошатываясь, жучок поднялся на ножки.

— Вовремя ты его заметил, — сказал дедушка. — И водичкой напоить догадался. Жить будет.

— Только бы поумнел, — серьёзно заметил мальчик, — и не увлекался бы нектаром и пыльцой с ядовитых растений.

— Может быть, жучок и прислушается к твоему совету, — улыбнулся дедушка словам внука.

ПОЭЗИЯ

ЕЛЕНА ПОПОВА

Разбилось время на куски...

* * *

Смотреть на мир из-под личин —
Причины вески.
Мы — между разных величин
В земном отрезке.

В летучем времени, во мгле
По дням-ступеням
Спешим всё дальше по земле
К неясным теням.

Делений много на прямой —
Разметки, вешки...
Стоим на плоскости одной —
Ферзи и пешки.

Пространство меряют шажки —
Куда? До звёзд ли?
Разбилось время на куски
На «до» и «после».

ПОПОВА Елена Алексеевна родилась в 1971 г. в г. Нижнеудинске. Окончила Томский государственный педагогический университет по специальности «педагог-психолог». В 2008 г. получила второе высшее образование по специальности «социальная педагогика». Пишет стихи для детей и взрослых. Публиковалась в журнале «Сибирь», «Иркутском альманахе», усть-кутской районной газете «Диалог-ТВ». Живёт в Усть-Куте.

* * *

Мы с тобой — без настоящего,
Тихо с Богом отпущу...
Помолюсь, как за болящего,
И за всё тебя прощу.

Мы не связаны! Надорваны...
Всё, что было — позади.
Ты на все четыре стороны
Скорым шагом уходи.

Наговорам подлым следуя,
Обесчестить норовишь.
Боль чинишь, того не ведая,
И душою зря кривишь.

Пожелаю ненавязчиво
Коротать в разлуке дни.
Помолюсь, как за болящего:
Боже правый, сохрани!

* * *

Я в мир войду стеклянной хрупкой бусинкой,
Восторгом новогодней детворы.
Из трубочки — волшебной и тонюсенькой —
Появятся блестящие шары.

Один, другой... Они сверкнут брильянтами,
Во всей красе, и взгляд не отвести,
На ёлке разноцветными гирляндами
Иголки стараясь оплести.

Ты жизнь подаришь мне своим дыханием,
Расплавится стеклянная слюда.
Одно неосторожное касание —
И я уйду надолго. Навсегда.

Я вниз сорвусь — отважная, бесстрашная,
В агонии предсмертной закручусь.
А ты — замрёшь и вздрогнешь ошарашенно,
Как только я в осколки разлечусь...

* * *

Мир такой прекрасный и большой!..
В спину подтолкнёшь меня: «Иди...»
Я кручу в восторге головой,
Как ребёнок. Ты меня води!

Вместе мы проходим этот путь.
Ногу на ступеньку подниму...
Просишь ты: «Давай ещё чуть-чуть.
Хочешь, я тебя приподниму?»

В сторону отброшены смешки,
И, боясь доверие сломать,
Хвалишь мои первые шаги,
Руки подставляешь, чтоб поймать.

Брови хмурю из-за пустяков,
Слушаю, как ты готов твердить:
— Девочка, не будет синяков —
Вряд ли ты научишься ходить.

* * *

Серым брезентом прогнутым
Плотно завешена высь.
В долгих, как вечность, минутах
Мы с этой высью слились.

Свесившись донизу тканью,
Он заскользил по воде...
Мы оказались за гранью
Жизни — неведомо где.

Неба в полёте достигли...
И, чтобы мир не грустил,
Ножницы взяли, расстригли
Твёрдый на ощупь застил.

Вырезав в небе оконце,
В выси небесной — вдвоём —
С силой толкнули мы солнце
В рваный и узкий проём...

* * *

Небо, устав ото лжи,
С болью смешав слёзы, — вылило...
И у последней межи
Рухнула я — обессилела.

Мне себя некуда деть...
Всё, что ценила, потеряно.
Хочется верить, что впредь
Дней будет долгих — немерено...

Незачем дальше идти —
Все уж дороги исхожены.
Как ни крути, ни верти —
В вечность пути не проложены.

И на холодной Земле,
Раз нет пристанищ у века, то
Тупо сажу на земле,
Да и спешить больше некуда.

* * *

Земля — большой запутанный клубок,
И ниточки в нём порваны порою.
Свой хрупкий мир, как малый коробок, —
Разжав немного пальцы, приоткрою.

Взгляни скорей, чего в нём только нет —
Всего одним глазком, поближе к свету:
От ржавых и окисленных монет
До стёклышек, подобранных по цвету.

Войди, я разрешаю — ты же друг!
И дверь заблаговременно открою...
Нарушит твой условный робкий стук
Стилистику полнейшего покоя.

В углу моём тепло. Горит очаг.
И важно то, что я нужна кому-то.
И ты — моя опора, мой рычаг,
Чтоб всё перевернуть в одну минуту.

* * *

Все мы смертны, и дерзость —
Править чьей-то судьбою.
Небо — словно разверзлось,
По краям — голубое.

И смотрели сквозь бреши
Мы — Господние твари,
Ибо каждый был грешен,
Поздно вспомнив о каре.

Стало серо и бледно
В середине, по центру,
И пропало бесследно,
Повинуясь моменту.

В жизни краткой, мгновенной,
Неподъёмной, как бремя,
Нам пришлось во Вселенной
Структурировать время.

Бутафория

Без проблем и особых забот —
Кто как крутится, —
Встречу год без каких-либо льгот,
Как получится.

Сам в себе и хозяин, и гость, —
Жить останется.
Новый год разбросает нас врозь,
Чтоб израться.

Крест увижу на белом снегу,
Как пророчество.
Посижу в этом вязком кругу
Одиночества.

Всё проходит, и это пройдёт.
Жизнь — история.
Незаправдашний вспомнится год...
Бутафория.

* * *

Словно кусочки нависшего зимнего неба,
Снег нескончаемо падает. Нега...
Хлопья пушистого, лёгкого, первого снега
Кружатся, кружатся, словно созвездие Вега.

Белые хлопья вдали превращаются в точки.
Мне бы достать их рукою, привстав на носочки!..
Ветер разносит над городом неба кусочки,
В скверах они оседают и в ближнем лесочке.

С детским восторгом набрать снега полные горсти!..
Мы в этом мире, подобны снежиночкам — гости.
Падает небо — не крепко прибито на гвозди,
Краешек вечности где-то находится возле.

Воздух в краплениях — пёстрые грани бокала.
Треснув, ломается серая гладь по лекалу —
Неизмеримая!.. летом водою стекала...
И никогда вечность ближе ещё не пускала.

Словно осколки, снежинки хрустят под ногами.
По легкомыслию меряем время шагами...
Жизнь — по спирали, и мы в ней плутаем кругами.
Бог наш — конструктор для мира с его берегами.

* * *

По живому! Загоняют гвозди,
Тут же лживо дарят похвальбу.
Люди строят всяческие козни —
За иную веру и судьбу.

Вид всегда надменен их и важен,
И выносят строгий приговор:
За инакомыслие накажем,
Словом расстреляем, да в упор.

Я живая только лишь снаружи...
Впрыснут в душу дьявольский укол —
И мой путь становится все уже:
Вправо шаг иль влево — чёрный ствол.

Мне бы — за колючую ограду,
Там цветком диковинным цвести.
Но кому-то в этой жизни надо
На Голгофу тяжкий крест нести.

Час поэзии

ВЛАДИМИР ПОЛЯКОВ

с. Смоленщина

* * *

Как жизнь сложна...
Как многого хотелось...
Кружился лист
С раздуминой одной —
Что он, живой, летучий, пожелтый,
Даст будущей весной перегой.

Он зелен был,
Вбирал побольше солнца,
Осознавая — так и пращур жил.

Бежало время
по древесным кольцам.
Лист шумной кроне преданно служил.

Да, он уйдёт,
Сгниёт в земле суровой,
Проложит путь
родившимся потом,
Чтоб дерево цвело листвою новой,
Чтоб сын его был праведным листом!

Пробуждение

Смотри — догорают последние звёзды.
Уже заалели ланиты востока.
Птенцы повзрослели. И стынут их гнёзда.
А ветер-гуляка далёко-далёко...

Ни шороха, звона, ни прочего шума.
Кудлатые ели понуро согнулись
И плят на головы белые шубы.
Они ещё дремлют. Ещё не проснулись.

Но вот, раздвигая озябшие ветви,
Косматое солнце к зениту стремится.
С разбойничьим свистом проносится ветер,
И пробуют голос продрогшие птицы.

Кругом суета: там вон сонмище белок,
А тут глухари да тетёрки токуют.
И мчится «косой» по земле индевелой...
О, где ещё встретишь ты прелесть такую!

* * *

От мыса Крильон путь на север, на север.
Сквозь ёлки-метёлки, сквозь волглый и серый
Туман пробираясь, бреду к синим тайнам.
Я — проклятый Каин в опале фатальной.

Но мне доверяют охотники нивхи
Об острове тайны. Об истинно ихнем.
И мне нипочём суета пересудов.
Я — просто бегущее в зарево судно —

Ищу глубину и раздолье морское
И славлю того, кто предельно раскован.

Овидий

Всё застыло. Оцепенело.
Лунно светят огни тротуаров.
Тишина фиолетовым мелом
Нарисована в скверике старом.

И никто этой сказки не видит.
Все куда-то за чем-то проходят.
Лишь седеющий Публий Овидий
Запечалился под небосводом.

Может быть, в этом мире элегий
Амазонки берут его в сговор?..
Может, в этом расцвеченном небе
Ему видится раненый голубь?..

Может, наши надежды незримо
Обрываются в миг этот самый?..
Потому что не сыскано в Риме
Ни приюта ему и ни сана?

АНАТОЛИЙ КАЛИНИЧЕНКО

г. Железногорск-Илимский

Рыбачка

Седым крылом накрыл пространство вечер,
Упругой грудью ветер гнёт тайгу.
Не приведи Господь такую с морем встречу.
Но, к счастью, я уже на берегу.
Вода ревёт, бросается на берег,
Покрылись пеной чёрных волн хребты,
Неукротимым разъярённым зверем
Выбрасывает бревна и плоты.
Я весь промок. В беде неискушённый,
С трудом развёл из лапника костёр.
И вдруг донёсся с моря гул моторный —
Там жизнь со смертью встретились в упор.
Но гул затих, как будто захлебнулся.
Я стал тревожно вглядываться вдаль.
Во мне далёкий дикий страх проснулся,
Мне стало жутко и кого-то жаль.
Лишь к полуночи в темноте сквозь ветви
Костёр весёлый показал язык...
Гонимый мыслью о возможных жертвах,
Я на огонь поплёлся напрямик.
И вот так чудо! Что же я увидел?
Лет двадцати девчонка у костра
Сидит Алёнушкой и сушит мокрый свитер,
Вполголоса поёт про «вечера»...
К утру я знал, что девушка — рыбачка,
И что везёт провизию отцу.
И, если бы не эта в море качка,
Она бы дело подвела к концу.
Заря зажглась, как щёки незнакомки,
Смирилось море с лёгким ветерком.
Я в лодку ей помог снести котомки,
И скрылась та, мне помахав платком.

Майская ночь

Ночь пришла украдкой, всё в оцепененье.
Лебедем всплывает в небесах луна.
Только в сонной роще, где-то за селеньем
Песня соловьиная далеко слышна.
Мы идём с любимой, песня всё слышнее,
Тишину колышет влажная листва.
Я перебираю, те, что понежнее,
Для неё, взволнованной, о любви слова.
И она, смущённая, первый раз склонилась,
Как сосёнка стройная, на моё плечо.
Ах ты, ночка лунная, что ж ты озарилась?
Оставайся тёмною, протянись ещё!

Цветные сны

Мне приснилась Кубань золотая,
И стою я в безмолвной тиши,
А кругом без конца и без края
Камыши, камыши, камыши...
Да, теперь мне уже не придётся
В тех краях золотых побывать,

Где пшеница под колосом гнётся,
И простор — никому не объять!
Где в осенних садах, наливаясь,
Соком полнится «Белый налив»,
В золотые плоды превращаясь,
Низко ветви к земле наклонив.

ИЛЬЯ МАХОВ

г. Иркутск

Во всём любовь сегодня виновата

Ты бы знала, какая блажь,
Когда дождик в лицо целует!
Ты за это — не половину —
Целиком свою жизнь отдашь.
Как пруда бархатиста гладь
И как сладко закат волнует,
Как под вечер в саду осину
Так и тянет пойти обнять!

Ты не спрашивай, я здоров.
Коли жить — так до слёз смеяться,
Говорить — так уж чтоб мурашки
Пробегали от жгучих слов!
Этот август тепло простёр,
Приезжай, будем в нём купаться!
У меня за окном ромашки —
Белый-белый такой ковёр!

Луна

Я сегодня, мама, допоздна.
Да... ещё с одною разминулись.
Всё. Над пустотой промозглых улиц
Ночь висит. И рыжая Луна.

Здравствуй! Не ждала? А я к тебе!
До утра. Гуляка прирождённый.
Будешь как всегда непринуждённо
Взглядом обводить меня с небес?

Как мужик за треснувшим стеклом,
Бампером помятым улыбаясь, —
Смачно перед сном поцеловались
Два автомобиля за углом.

Господи, какой во мне изъязн?
Эти говорят, что я бесстыжий,
Хоть убей — я этого не вижу!
И не потому, что в стельку пьян.

Эта мне сказала, что я хам,
Что я никому такой не нужен.
Извини, что шлёпаю по лужам,
По твоим, родная, зеркалам.

И на кой они мне все сдались!
Нынче все такие привереды.
Вот возьму к тебе и перееду!
Завтра! На оставшуюся жизнь!

Что такого? Одинокая Луна —
Парня вечерами слушать склонна,
Молода, мила, бесцеремонна,
Главное — навеки мне верна!

Выйду я — она уже горит!
Скромная моя, ночная бестия,
Сколько мы уже с тобою вместе?
Без цветов, истерик и обид.

И вдвоём уже на раз-два-три
Возвращаемся. Знакомая часовня.
То ли нас завидев, то ль спросонья
Вдоль дорог мигают фонари.

Мама, я иду уже, алло...
Новую нашёл! Да не с вокзала...
Эта аж до дому провожала!
Боже, как мне с нею повезло!

Друзьям

Сотни оживлённых перекрёстков,
Гулкие пролёты этажей
С чудными словами по извёстке,
С фантиками местных малышей.
Парки беспокойные от ветра,
В коих я ни разу не прозяб —
Всё пропитано, почти до миллиметра,
Вами, мои верные друзья!
Глупостями, счёта нет которым,
Верой в то, что ты уже герой,
Что нам, недоученным актёрам,
Эта недоигранная роль!
Много ль позади нас дней весенних,
Юностью просмоленных годов?
Мало нам судьбы хитросплетений —
В них лишь больше впутаться готов.

Каждая знакомая походка
Вымелькнет в шагах моих подчас...
Я сегодня понял, что я соткан
Целиком, друзья мои, из вас!
Разный я. Не верьте этим маскам —
Истина пульсирует в груди.
Как бы ни была близка развязка,
Дайте слово — никогда не уходить!
Будь то, не дай Боже, рок спонтанный
Иль судьбы негаданный изыск,
Вы со мной останьтесь у фонтанов
Радугой застывших свежих брызг.
Знаю вас: кто прячет, кто не прячет —
В каждом есть по капельке меня.
Только вот, вы все — во мне, а значит,
Нет меня... без вас, мои друзья!

Я не пишу признаний на асфальте

Я не пишу признаний на асфальте,
Не потому, что посмывают их дожди, —
По ним пройдут. Ногами! так ступайте,
Чтоб не пройтись по чьей-нибудь любви.
Поосторожней! — не спасают и бордюры,
Хранящий знает, что любовь не для афиш.
Она такая вещь: где увертюра? где эпилог?
Порой не различишь —
И то ли испытанье, то ли чудо,
Соната, серенада или блюз.
И странно слышать мне, ей-богу, отовсюду

Не робкие «Люблю! Люблю! Люблю!»
Сегодня — ту, полмесяца — другую...
И памяти не хватит для имён.
И плачут, и страдают, и ревнуют,
Ну, как в кино, причём со всех сторон.
Смеётесь...
Но любя, не забывайте:
Для нежных чувств дорога холодна.
Я не пишу признаний на асфальте —
Их все прочтут.
Но только не она.

Большая Медведица

И сказать-то кому? Водомерке речной?
То, что людям с обиды не верится.

Выйдешь к берегу в ночь и шепнёшь: «Кто со мной?» —
Лунный серп да Большая Медведица.
Днями мерить отсюда дорогу домой,
А тоска и тоской не измерится.
Глянешь ввысь и промолвишь: «А есть кто родной?» —
Лунный серп да Большая Медведица.

То ли кажется мне, то ли воздух прогорк
В эти сумерки длинные-длинные,
И туман белоснежный с расчёсанных гор
На озёра сошёл Лебединые.

Я пропахся травой и кострищем седым,
На меня ли ты, ветер, так сетовал?
Вроде тот же огонь, вроде этот же дым,
Только слёзы совсем не от этого.

Как родное всё, впрямь, — а мои же следы,
Да и те не по-своему стелются.
Вот и греют меня в этот час у воды
Лунный серп да Большая Медведица.

Девочка с Марса

Когда потемнеет и сядет солнце,
И тени отбросят дюны,
Я знаю, что сердце нальётся бронзой
И станет твой взгляд угрюмым.
Сиреневый сумрак тебя объемлет,
Прохлада пойдёт по коже.
Мне ведомо, чьи тебя манят земли
И чем ты, мой друг, встревожен.
Твои караваны верны Востоку,
Ты — верен себе остался.
И в клочья — бывшее, в душе — сирокко,
Влюбился. В девчонку с Марса.
Но если нам даже немая Гиза
Не все, но открыла тайны,
То с карт не узнать об её капризах
Ни с меченых, ни с гадальных.
Обман — то, что мир её так податлив,
Не тронутый рябью ломкой.

Дорога до сердца её — загадки,
Проходит по самой кромке.
Ступившие в дымку нарядных улиц
(Влекомые странной силой) —
Другими людьми от неё вернулись,
Пока она здесь гостила.
И я в их числе, мотыльков белёсых,
В плафоне ночного света.
До боли знакомы твои вопросы
И жажда чужих советов.
И приступы эти внезапной веры,
И вечность минут несносных.
От ясности глаз её светло-серых
Уносит в открытый космос.
Все скажут одно, что не нужен воздух
И долгий рассказ про фею
Тому, кто схватившись за первый отзвук,
Дышать научился ею.

Черствеем, господа

И снег — не снег,
а с неба белый пепел.
И я — не я,
всё приторный апрель.
Черствеем, господа, и я заметил:
Мы с вами были мягче, чем теперь.

Во всём любовь сегодня виновата,
Да не выходит, чтоб «ни слова о любви» —
Сквозит сама.
В рассветах и закатах.
Во вдохе каждом.
Каждом «се ля ви».

И даже пусть наигранная где-то,
С мурашками как будто по спине,
С красотью, а ля «мерцанье света».
Ей сдержанности капельку б...
А мне?
От искренних порывов отстраняться?
Оправдывать кого-нибудь в толпе?
Запутался.
В сплетеньях декораций,
В событиях, влюблённостях.
В себе.

Не хочется быть кем-нибудь согретым.
На чей-то перестраиваться лад.
Давайте
Подымите сигаретой,
Мне, право, люб свинцовый аромат.
В нём сотни проливных воспоминаний,
Последняя предутренняя дрожь.

Какого чёрта тянет к местной пьяни?
Куда, судьба, под рученьки ведёшь?

Не стряхивай.
В тени хватает пепла,
По тротуарам — иссочившийся апрель.
Черствею, господа.
Что? Не заметно?
да...
Раньше было проще, чем теперь.

НАДЕЖДА ЧЕРНЫШЁВА

г. Иркутск

Валаам

На отдалённом Севере России,
Открытый всем лучам и всем ветрам,
Под небом праздничным, прозрачно-синим
Дух святости, лик веры — Валаам.

Как древнее народное сказанье,
Как песня заповедной глубины,
И куполов, и тишины сиянье,
В слиянье неба — ладожской волны.

Как заповеди, чайки в хороводе,
Кружатся над волнами чистоты.

И крылья облаков — свет в небосводе,
Как зов подняться выше суеты.

Дубы. Собор Преображенья — Спасский.
Часовен тишь, куда ни посмотри.
И сосен, и небес смиренны краски,
Величие души в лучах зари.

Остановилось время. Глубью. Ширью.
И вознеслось до самых облаков.
Здесь кружат чайки в хороводе мирном,
И вечен ясный звон колоколов.

Благодатный огонь

Беззвучный миг, миг ожидания,
Миг, устремлённый в небеса.
Растёт и ширится молчанье,
Мольбою светятся глаза.

И миг настал — Всесветным Чудом —
Затрепетал огонь-завет:
Любовь благая среди смуты,
Господних истин Вечный свет.

И руки тянутся, и души
Со светом покаянья жить.
О, как бы миг тот не разрушить
И в мире праведность вершить.

О благодать Огня — и пенье,
И ликование, как гроза!
Душ высочайшее горенье
И чувств чистейшая слеза!

Орган

Звучит орган, небес хорал.
Свечение звуков. Буря света.
Всё, что нашёл и потерял
Среди закатов и рассветов.

Сияет, блещет высота —
Пространства и времён бездонность.
Мирская меркнет суета,
Тщета, суровость, непреклонность.

Звучит орган, как наговор...
Небесная — земному — кара.
Как судный день, как неба взор,
Как смелость дерзкого Икара.

В лучах комет, в скольженье звёзд,
В круженье вихрей во Вселенной
Орган ответит на вопрос
О жизни вечной и мгновенной.

ЮЛИЯ ПОДГОРБУНСКАЯ

г. Иркутск

Талант любить

Что есть любовь? Призвание иль искусство?
Такие есть, что сгинут на костре.
Всё — за любовь. Как многолико чувство:
Любовь к родным, к любимой иль стране...

Ей на алтарь — надежды и стремленья,
Хоть стар алтарь, как древний фолиант,
Но вот душа приходит к убежденью:
Любовь — не только чувство, а талант.

Талант любить — да, есть такой... Не назван,
Но сам себе — награда и оплот.
Он заключён не в обладанье праздном,
А в том, что тот, кто любит, отдаёт.

Она горит, как лампа фараона.
Сама в себе, как приговор судьбы,

Не отступая перед блеском трона,
Перед безумной яростью толпы.

Перед наветом, завистью невежды
Не отступает!.. Не согнут её
Удар судьбы, убитые надежды,
Она хранит могущество своё.

Ей всё отдашь, хоть ничего не просит.
Понять её — не создавай труда,
Когда она к вершинам дух возносит,
Или когда сметает города.

И тех — на подвиг, тех на преступленье,
В пучину ввергнув, вознеся до звёзд,
Она — и озаренье, и смятенье,
А смысл её, как тайна жизни, прост.

Тайга

Раскинута даль под свинцовым неласковым небом,
Корявые ветви насквозь в небеса проросли,
Листва чуть звенит, и скалистый спускается гребень
Под грузом лесов в опрокинутый панцирь земли.

Осколки камней, словно клады, упрятаны в травы,
В теснинах шумит, растворяясь вдали, водопад.
Названия нет у реки, как и нет у неё переправы,
В цветах вся земля, и её это истинный клад.

Как тайные знания, здесь прошлое с будущим рядом,
И терпкие травы все соки берут у земли,
И сумрачный лес, и скалистые дикие гряды, —
Свидетели лет, что давно затерялись вдали.

В пучину эпох погружившись, как в древнее море,
Пришедший сюда с топором иль с киркой да косой,
Уступит природе в том вечном бессмысленном споре,
И алчущий взгляд усмирят перед древней красой.

Лес зло усмирят, и добро возродит в человеке.
Пришедший сюда, замирая, по склону пройдёт,
Где дикая мощь застывает и тает в разбеге,
Где воздух прозрачный светило туманное пьёт.

АЛЕКСАНДР ОБУХОВ

пос. Мишелёвка

В гостях

Плачут чистые стёкла окошка.
Ставня свислая глухо стучит,
И плетень, оплетённый горошком,
Скорбно никнет и долго молчит.

Пёс облезлый. Помятая миска.
Кособоко крылечко лежит.
Знаю, бабушка топчется близко,
Чуть окликну — тотчас прибежит.

Скажет ласково: «Здравствуй, Иваныч!
Погостить? или «здравствуй — прощай»?

Проходи». И достанет стаканы,
И предложит с малиною чай.

О дровах, о столбах для заплота,
О банёшке пойдёт разговор...
Сколько дел! — иссушает забота.
...Осмотрю я столбы и ворота,

Осмотрю полусгнивший забор.
Заждалась меня, видно работа.
Что ж? — точу для начала топор.
И молчу, и точу, и точу.

* * *

Когда вхожу в продрогшую деревню,
В её голубовато-синий дым,
Встречают меня инеем деревья,
И сам себя я вижу молодым.

Когда себя я вижу молодым,
То молодятся древние избушки
И старики, и милые старушки —
И всё родное кажется святым.

А многих нет, и нету их жилья,
И дом сгорел, в котором вырос я.
Не воскресить мне бедное жилище,
Но тянет дорогое пепелище.

Глаза мне застит, знаю, что не дым...
Но так всегда, когда вокруг — родное.
...Отсюда уходил я молодым,
Чтоб не познать ни счастья, ни покоя.

* * *

Ломись, весна, в окно, ломись,
Снег, истончая понемногу,
В ручей истаивай дорогу,
Мир обновляя, оглянись.

Смотри: земля напоена
Живительною влагой снега...
Пора её укутать негой —
И снова жизнь возрождена!

Без боя

Гаснет в бледных цветах деревушка,
Веют грусть лепестки на плетни.
И уже возвестила кукушка
Про остатние годы и дни.

Облетают, как листья, избушки
С веток жизни родимой земли.
...Наши дети без боя, без пушек
Сдали всё, что отцы сберегли.

СВЕТЛАНА ЧЕПИНОГО

г. Иркутск

* * *

Почему же мне так беспокойно?...
Как по клавишам, солнце по крышам
Марш победный играет с утра.
Весь в рассветных лучах подоконник,
И невзрачную серость затиший
Просквозили шальные ветра.

Робкий шёпот растаявшей ночи
Никогда мной разгадан не будет.
Над казавшимся важным вчера,
Разудалое солнце хохочет.
На работу торопятся люди.
Душный шлейф распускает жара...

Белый взрыв тополиного пуха...
Всё щедрей, веселей, золотистей,
Всё безудержней солнца игра...
И нетрудно доходит до слуха
Дружный шелест встревоженных листьев,
Бодрый стук каблучков со двора...

Но отбросит костёр отблеск рыжий,
Когда ночь растворит силуэты,
Когда вспыхнет сухая кора,
И в безумной тоске я увижу,
Как сгорает прошедшее лето
В языках золотого костра...

Станция Зима

Тонко попрощалась электричка,
Простучав над сумраком Оки.
Ей в ответ мигнули безразлично
Редкие, пока что, огоньки.

Ставни закрывают и калитки.
Стих моторов отдалённый гул.
Месяц робкий тоненький и прыткий
Суетливо на небо скакнул.

От степи и до депо на улице
Нерушима нынче тишина.
Днём полынь-старуха пылью пудрится,
Вечером — росой пьяным-пьяна.

Мирно по степи гуляют лошади,
Чутко у депо дежурят псы,

И туман огромной серой кошкою
В сад прокрался от речной косы.

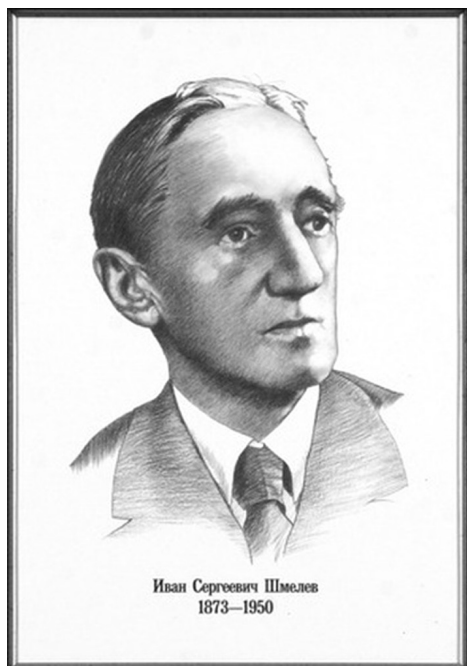
Здесь его ночёвка не последняя:
Грузно наползает на дома.
И плывёт в ночи такая летняя
Полудеревянная Зима.

С крышами, садами, огородами,
С камышами... Вот такой пейзаж!
Мир панамок и коленок содранных,
То, что в сердце, то, что не предашь,

Что живёт во мне от роду-племени
Потайным живительным ключом,
То, что балансирует вне времени
И хохочет солнечным лучом!

«Душа народа русского»

С 3 по 15 октября 2013 года в отделе обслуживания взрослого населения Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых была представлена книжная выставка «Душа народа русского», посвященная 140-летию со дня рождения замечательного русского писателя, публициста и мыслителя Ивана Сергеевича Шмелёва и 80-летию со дня написания романа «Лето Господне».

Иван Сергеевич Шмелёв родился 21 сентября (3 октября по новому стилю) 1873 года в известной московской купеческой семье Шмелёвых, отличавшейся патриархальностью привычек, богомольностью.

Окружение маленького Ивана Шмелёва составляли мастеровые, рабочие-строители, с которыми он близко общался. Поэтому «влияние двора», где чувствовался мятежный дух и раздавались различные песни, прибаутки, поговорки со своим разнообразно-богатым языком, не могло не отразиться на его мироощущении и позднее в произведениях.

В январе 1923 года Шмелёв уехал из России в Париж, где прожил 27 лет.

Ивана Сергеевича в русских литературных и читательских кругах знали и почитали. Его зарубежные издания доставали всеми способами. Первые издания произведений Шмелёва выходили в свет на родине в 1960, 1966, 1983 годах, а критики обсуждали его творчество и в советской печати.

В 30-х годах XX века Иван Шмелёв создал роман «Лето Господне» — дневник памяти ушедших поколений, который явился одним из немногих свидетельств иного образа жизни. В России избранные главы впервые были опубликованы в журнале «Новый мир» за 1964 год, а полностью книга вышла лишь в 1988 году.

Иван Сергеевич Шмелёв умер в 1950 году в результате сердечного приступа. По воспоминаниям современников, Шмелёв был глубоко верующим человеком исключительной душевной чистоты, не способным ни на какой дурной поступок. Ему были присущи глубокое благородство натуры, доброта и сердечность. *«Последний и единственный из русских писателей, — по словам А.И. Куприна, — у которого можно учиться богатству, мощи и свободе русского языка».*

На книжной выставке были представлены произведения Ивана Сергеевича Шмелёва и материалы о жизни и творчестве писателя.

**Произведения Ивана Сергеевича Шмелёва
из фонда ГЦ-библиотеки им. семьи Полевых**

1. Шмелёв И.С. Избранные сочинения : в 2 т. / вступ. статья О. Михайлова. — М.: Литература, 1999. — Т. 1: Повести; Солнце мертвых: роман-эпопея. — 624 с. — (Всемирная литература).
2. Шмелёв И.С. Избранные сочинения: в 2 т. / вступ. статья О. Михайлова. — М.: Литература, 1999. — Т. 2: Рассказы; Богомолье; Лето Господне: романы. — 624 с. — (Всемирная литература).
3. Шмелёв И.С. Неупиваемая Чаша: роман, повести. — М.: Эксмо, 2011. — 736 с. — (Красная книга русской прозы).
4. Шмелёв И.С. Лето Господне: повесть / предисл. О. Михайлова ; худож. Г. Ордынский, Н. Устинов. — М.: Дет. лит., 1997. — 384 с.: ил.
5. Шмелёв И.С. Лето Господне / вступ. ст., коммент. Н.Г. Морозова. — М.: Изд. Дом «Синергия», 1998. — 448 с.: ил.

Материалы о жизни и творчестве писателя

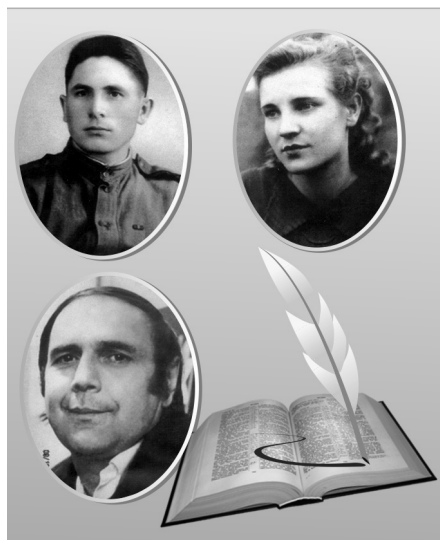
1. «А Париж вам может быть полезен всячески...»: письма И.А. и В.Н. Буниных к И.С. и О.А. Шмелёвым // Москва. — 2001. — №3. — С.175–195.
2. Басинский П. Русская литература конца XIX — начала XX века и первой эмиграции: пособие для учителя. — М.: Изд. центр «Академия», 2000. — С.418–437.
3. Вся русская литература / авт.-сост. И.Л. Копылов. — Минск: Современный литератор, 2002. — С. 434–440.
4. «Высокое назначение искусств — поднимать человека»: письмо И.С. Шмелёва, посвященное произведению «Неупиваемая Чаша» // Москва. — 2003. — № 10. — С. 230–232.
5. Головкин Н. Исход и возвращение: О жизни и творчестве Ивана Сергеевича Шмелёва // Свет. — 2004. — № 1. — С.70–2. — (Духовное наследие).
6. Грико Т. Шмелёвы // Москва. — 2000. — № 6. — С.174–187. — (Корни и крона рода Шмелёвых).
7. Жантийом И. Мой дядя Ваня: Шмелёв в повседневной жизни // Москва. — 2000. — № 6. — С.188–205.
8. Иван Шмелёв : отражения в зеркале писем: Из французского архива писателя // Наше наследие. — 2001. — № 59-60. — С.122–149.
9. Осьминина Е. Возвращение Ивана Шмелева // Москва. — 2000. — №6. — С.173–174.
10. Савелова Н. «Ото всего сердца, зато без перца» : Праздничное «Лето Господне» Ивана Шмелёва // Праздник. — 2013. — №3. — С.4–6.
11. Спиридонова Л. «Правда нужна всякой власти...»: К 130-летию со дня рождения И.С.Шмелёва // Наш современник. — 2003. — №10. — С.252–262.
12. Шмелёв И.С. Лето Господне: Анализ текста. Основное содержание. Сочинения / авт.-сост. Н.Ю. Буровцева. — М.: Дрофа, 2002. — 128 с. — (Школьная программа).
13. Шмелёв И.С. Лето Господне. Справочные материалы. 11 кл. / авт.-сост. Н.Ю. Буровцева. — М.: Дрофа, 1998. — 128 с. — (Школьная программа).
14. Шмелёв И.С. Слово на чествовании И.А. Бунина: Отношения двух писателей в свете Нобелевской награды // Москва. — 1995. — № 9. — С.174–176.

*Мария СКИБИЦКАЯ,
заведующая отделом
ОВН Гуманитарного центра-библиотеки им. семьи Полевых*

ЗОЯ КОВАЛЁВА

Черемховская династия писателей Карнауховых

Черемховцы — народ особенный. Так всегда считал Владимир Степанович Карнаухов, недавно, 23 сентября 2012 года, ушедший из жизни.

Почему самый отчаянный народ собирался именно в Черемхово? Во-первых, стоит город на самой «железке» — Восточно-Сибирской магистрали; во-вторых, не слишком близко, и в то же время недалеко от столицы края — Иркутска; а

в-третьих, крутились в этих местах большие по тем временам деньги, получаемые от добычи угля. Такой сплав не мог не привлекать торговцев и, соответственно, всевозможных мастей «джентльменов удачи». Фамилия Карнауховых — одна из самых распространённых в Сибири. Ещё при Екатерине II едва ли не каждому второму ссыльному обрезали — корнали уши, и при первой паспортизации их потомкам записывали производную от такого действия фамилию, в различной модификации. По рассказам Степана Васильевича, отца Владимира Карнаухова, его деда пригнали сюда на каторгу из-под Тамбова, и был тот беспримесным «русакom». Женился основоположник фамилии на местной жительнице — бурятке, поэтому в среднем возрасте у Степана Васильевича иногда довольно явственно проглядывали черты аборигенов. У троих его детей уже такого сходства с коренным народом не наблюдалось — из-за дальнейшего перемешивания кровей в сибирском горниле.

Владимир Карнаухов родился в Черемхово 16 февраля 1947 года. В детстве его в основном воспитывала бабушка Пана, мать отца, которая всю войну проработала чернорабочей на лесном складе шахты № 7. Начальное образование Володя получил в знаменитой Черемховской школе № 8, там же, в параллельном классе, учился ставший впоследствии знаменитым драматургом Михаил Ворфоломеев; Владимир Гуркин, тоже воспитанник этой школы, был помладше, как и Геннадий Сапронов, — с ними Владимир познакомился позже, а с Сапроновым дружил и во время работы в газете «Советская молодёжь», и в тяжелейшие годы перемен. Аттестат зрелости Карнаухов-младший получил в школе № 15 г. Иркутска, где проживала семья в связи с выдвижением отца — начальника одной из шахт Черембасса — на работу в Иркутский обком партии. В 1967 году Владимир поступил на отделение журналистики филологического факультета Иркутского государственного университета, выдержав большой конкурс, и в 1972 году получил диплом об окончании вуза.

КОВАЛЁВА Зоя Семёновна. Журналист. Ветеран педагогического труда. Автор книг о черемховских писателях: *«Город Черемхово, овеянный литературной славой»*, *«Драматург из Черемхово Владимир Гуркин»*, *«Твой сын, земля черемховская!»* (о драматурге Ворфоломееве), *«От поколения к поколению»*, *«Черемховская династия писателей Карнауховых»*. Живёт в Черемхово.

Тяга к путешествиям и перемене мест сложилась у Владимира ещё в детстве, и поездки, новые встречи и знакомства он любил всю свою жизнь. Работал в Усть-Илимске, где в шестидесятые разворачивалась под знаменитую песню Пахмутовой грандиозная стройка, сотрудничал в газетах «Усть-Илимская правда», «Советская молодёжь». В семидесятые годы Владимир Степанович с семьёй переезжает в г. Ульяновск, где сооружался авиационно-промышленный комплекс. Сотрудничал в газетах «Ульяновский комсомолец», «Ульяновская правда». В Ульяновске Карнаухов получил первую награду за журналистское мастерство. Здесь он выпустил и первую свою книгу очерков «Взлёт».

На родину, в Сибирь, Владимир Карнаухов вернулся с мыслью о писательстве. Без проблем его приняли в знаменитую «Молодёжку»: в восьмидесятых — начале девяностых статьи и очерки В. Карнаухова гремели на всю область. Многие до сих пор помнят «Вороньё на погосте», «Полковника никто не видит», «Будь проклято имя твоё», «Родословная от удава»... Эти материалы легли в основу сборника криминальных очерков «Солнце не восходит дважды», выпущенного в 1991 году Восточно-Сибирским книжным издательством. Также в это время его рассказы и очерки публикуются в журналах «Волга», «Байкал», «Сибирские огни», «Сибирь». Владимир Карнаухов — автор романов «Не умирайте с секретаршей Танечкой» и «Кто-то должен ждать»; первый роман под заглавием «Время прощаний» был напечатан издательством «Советский писатель» в Москве.

Ещё десять лет назад, в первый приезд для встречи с читателями на малую родину — в Черемхово — Карнаухов запомнился своими увлекательными книгами, которые писатель подарил всем библиотекам и многим землякам. Его произведения остросюжетны, в них происходят неожиданные события, заставляющие задуматься о смысле жизни. И читаются они с большим удовольствием. В своём творчестве писатель показал себя знатоком народной жизни, создал психологически тонкие портреты современников.

Предпоследнее произведение из пяти художественных, четырёх документальных книг и десятка рассказов, написанных Владимиром Карнауховым, называется «Приглашение на Голгофу». Голгофа — место, где распяли Христа. Эта книга — итог почти десятилетнего мучительного труда писателя — написана блестящим языком и пронизана верой в человека. В конце 2012 года в издательстве «Сибирская книга» опубликовано новое произведение В. Карнаухова «Исход великого шамана», хотя ему подошло бы и другое название, данное как заголовок последнего его интервью с директором Иркутского драматического театра им. Охлопкова А. Стрельцовым, — «Всё в этом мире движется любовью». Вот что написал в аннотации к книге председатель правления Иркутского отделения Союза писателей России В. Забелло: «Роман-мистерия Владимира Карнаухова «Исход великого шамана» производит неизгладимое впечатление. Книга — не только уникальное произведение большого мастера по стилю, философскому содержанию, построению сюжета и т. д., но и, при фантазмагоричности многих событий, происходящих на типичной для нашей страны северной территории, заставляет читателей задуматься об истинных ценностях человеческой цивилизации, будь то в Азии, Европе, Африке или Америке, — необходимости гуманного подхода противоборства добра и зла. В нашем понимании — и о силе любви, не подвластной никому, но лишь — человеку».

Особенно важно о непреходящих ценностях помнить в смутное для Родины время, поэтому великолепный в художественном отношении роман-мистерия «Исход великого шамана» Владимира Карнаухова должен как можно быстрее дойти до читателей, напомнить о том, что только любовь может спасти всех нас от краха».

Ещё одну книгу успел закончить Владимир Степанович и название ей дал — «Шаль Огненной губернаторши». Очень жаль, что автор не сможет больше подарить два последних романа со своим автографом читателям-землякам. Трудно и горько осознавать, что он больше не приедет в наш город, что остались не реализованными планы, не осуществились мечты, которыми был полон этот талантливый человек. Он любил жизнь, знал ей цену, старался не пропустить ничего из того, что нас радует, наполняет, питает. Владимир Степанович был очень ответственным и порядочным, и с ним всегда было одно удовольствие общаться. Был... Трудно это осознать. Горько. Опять же, положи руку на сердце, можно искренне утешаться, когда человек умирает с сознанием честно прожитой жизни.

Но... пора вернуться к началу, к заголовку — писательской династии Карнауховых. Все члены этой семьи, как и Владимир Степанович, яркие творческие личности, начиная с её главы — Степана Васильевича. Шахтёры Прибайкалья старшего поколения его хорошо помнят как дельного и толкового руководителя, оставившего заметный след на черемховской земле. С.В. Карнауховым гордится наш горнотехнический колледж, в котором он учился, стал комсомольцем и преподавал.

Родился Степан Васильевич 17 июля 1924 года на заимке Карнауховой Черемховского уезда Иркутской губернии. Ему рано пришлось стать взрослым: в 1937 году семья навсегда лишилась отца, и тринадцатилетнему мальчику, старшему в большой семье, поневоле пришлось стать основной опорой для матери в борьбе за выживание. Из небольшой техникумовской стипендии для себя оставлял буквально копейки, а летом не покладая рук трудился на сенокосе, на уборке урожая. Жизнь и работа в колхозе многое дали подростку в познании реалий, устройстве быта сельских жителей, умелых и мудрых людей.

После окончания горного техникума совсем недолго пришлось поработать в аппарате треста «Востсибуголь» в должности инженера технического отдела по углеобогащению. Затем — война, ставшая для всей страны, как и для комсомольца Степана Карнаухова, испытанием на духовное совершенство и нравственную стойкость. Восемнадцатилетний паренёк из шахтёрского сибирского города был призван в ряды Красной Армии в 1942 году. С.В. Карнаухов воевал с немецко-фашистскими оккупантами на Западном, Калининском, Втором Прибалтийском, Первом Белорусском фронтах, принимал участие в ряде важнейших военных наступательных операций, таких, как Прибалтийская, Висло-Одерская, Померанская, Берлинская; участвовал в освобождении Варшавы, во взятии Берлина и в штурме Рейхстага: на одной из стен поверженной цитадели оставил он свою роспись, которую потом не раз демонстрировали военные хроникёры.

За ратные и трудовые свершения Степан Васильевич Карнаухов награждён двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Дружбы народов, двумя медалями «За отвагу», медалями «За взятие Варшавы» и «За взятие Берлина», а также ещё более чем тридцатью медалями СССР и Российской Федерации; является кавалером знака «Шахтёрская слава» двух степеней. После Победы он, как специалист угольной промышленности, был отозван из полка и направлен на восстановление шахт в Силезии (это в Польше), откуда и демобилизовался.

Вернувшийся в родной город Степан Васильевич был принят в трест «Черемховуголь» на должность инженера-энергетика. Конечно, подзабытых за годы войны знаний техника не доставало для успешной деятельности, когда жизнь вокруг была ключом, совершались грандиозные преобразования, но поступить в вуз, хотя и очень хотелось, он себе позволить не мог, так как на нём лежала забота о семье: нужно было помочь сестрёнкам получить образование, содержать мать, жену и новорожденного сына. На учёбу С.В. Карнаухова откомандировали — в 1948 году он был принят в Томский политехнический институт имени Кирова, после окончания которого, с отличием, с дипломом горного инженера вернулся в Черемхово. Работал главным механиком шахты № 6, механиком на шахте «Забитуй», главным инженером в Центральных электромеханических мастерских (ЦЭМм). В январе 1954 года он был выдвинут, так тогда говорили, в аппарат Черемховского горкома партии, где трудился заведующим промышленно-транспортным отделом до 1958 года, но затем по просьбе руководства комбината «Востсибуголь» его перевели на работу в трест «Черемховуголь» заместителем главного инженера — начальником производственного отдела. Через недолгое время управляющий трестом Владимир Петрович Пахомов предложил С.В. Карнаухову должность начальника шахты в Касьяновке. Для шахтёров Степан Васильевич был всегда своим, без высокомерия и нудных наравоучений, доступным, но без панибратства и начальственной развязности; вызывал уважение в коллективе тем, что к рабочим относился с большой человечностью, уважал их мнение.

Организаторское умение, интеллект молодого директора заметили, и непосредственно с шахты его выдвинули, в 1961 году, в Иркутский областной комитет партии заведующим промышленно-транспортным отделом. С.В. Карнаухову посчастливилось поработать под руководством выдающегося деятеля, зрелого политика, крупного организатора — члена ЦК КПСС и первого секретаря Иркутского обкома Семёна Николаевича Щетинина. С

именем Семёна Николаевича, кстати сказать, прототипа секретаря подпольного обкома в романе Фадеева «Молодая гвардия», связаны наиболее значительные успехи в наращивании интеллектуального и экономического потенциала области. Именно в те годы сооружена Иркутская ГЭС, возводилась величайшая в мире Братская гидростанция, вступили в строй действующих Иркутский и Братский алюминиевые заводы, предприятия нефтехимии... Перечисление того, что было построено, могло бы занять не одну страницу. В итоге главное: отсталая, малообжитая территория превратилась в огромный индустриально-аграрный комплекс. И во всех этих свершениях есть доля творческого поиска, энергии и большого повседневного труда нашего земляка — Степана Васильевича Карнаухова. (Кроме всего, он в эти годы защитил кандидатскую диссертацию по экономике.)

Новый этап в жизни крестьянского сына начался 23 марта 1972 года, когда его отозвали на работу в Центральный Комитет КПСС и поручили заниматься политической и организаторской работой на огромном пространстве от Омска до Читы. Жизнь С.В. Карнаухова была насыщена большими событиями, интересными встречами: он работал с министрами СССР и РСФСР, другими руководителями центральных органов, объездил многие регионы страны, умел общаться с народом, с учёными, был в курсе проблем, которые решались. Его научные статьи публиковались в «Правде», «Известиях», «Экономической газете», в журналах «Наш современник», «Байкал» и в десятке других изданий.

Без преувеличения можно сказать, что Степан Васильевич совершил большой жизненный подвиг, в преклонном возрасте взявшись за писательское перо. В романах «Время не выбирают», «Вопреки всему», «Без срока давности», «Параллели не пересекаются» и в публицистическом повествовании «Старая площадь» прослеживается жизнь советских людей, деятельность политических и государственных структур могучего государства. В 2010 году увидела свет книга С.В. Карнаухова «Долгая, такая короткая жизнь». Это автобиографическая повесть о людях, сознательно посвятивших жизнь беззаветному служению Родине, ярко проявивших себя при защите Отечества в годы войны, в созидательном труде на благо общества. Все произведения Степана Васильевича о судьбе страны, о поколении победителей и строителей. Это прекрасное пособие для уроков истории и литературы. Хочется, чтобы молодёжь, прочитав книги С.В. Карнаухова, начинала жить с открытыми глазами.

Следует, мне думается, сказать и о стихах нашего земляка. Огонь, озаривший их, был зажжён там, где не было места поэзии; прошлое предстаёт перед нами изломанным, кричащим, безутешным эхом, от которого нельзя заслониться; стихи не только о войне — они написаны войной. Как набат звучит его поэтическое произведение «Верните имя Сталину — городу-герою, где произошло величайшее сражение в мировой истории войн».

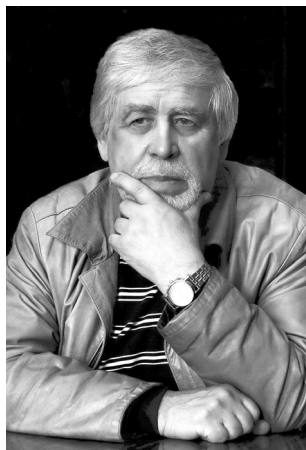
Степан Васильевич Карнаухов — по-прежнему в строю. Он — председатель Совета историко-литературного общества ветеранов России, член Совета Всероссийской организации ветеранов войны, труда, Вооружённых сил и правоохранительных органов, член координационного Совета ветеранов Мещанского района г. Москвы. Много занимается музеями боевой славы. Продолжает сотрудничать с земляками.

Третий член Черемховской писательской династии Карнауховых — жена Степана Васильевича Тамара Георгиевна. Шестьдесят лет супруги прожили в счастливом браке. У Тамары Георгиевны был очень тонкий художественный вкус: она прекрасно шила по собственным моделям, вышивала; многие годы занималась деревянной скульптурой — для этого привозила в Москву корни деревьев, собранные на берегах Иркутского и Братского водохранилищ. Увлекалась цветоводством и ландшафтным дизайном. Любила поэзию и сама сочиняла. Написала много стихотворений для детей, большинство из которых сама же проиллюстрировала. При её жизни изданы книги для детей: «Пришла лисичка в ателье», «Не хочу быть виноватой», «Где же, Киса, ты была?», «Чик и Чирика». Последний, своего рода итоговый сборник, где собраны стихи-размышления о смысле бытия, — «Как быстро пролетели годы». Притягательность поэзии Т.Г. Карнауховой — в неподдельной искренности, в силе любви к людям, к миру, к природе, которая её окружала. До сих пор приходят в семью восторженные отклики на творчество Тамары Георгиевны, хотя она ушла из жизни уже пять лет назад.

Владимиру Степановичу Карнаухову творчество матери тоже очень нравилось, гордился он также достижениями отца — негибаемого ветерана.

ВЛАДИМИР СКИФ

Байкальское Переделкино

Главы из книги

Глеб Пакулов

Глеб Пакулов не только мой собрат по перу, но ещё и товарищ по морскому братству. — Вовка! Ты — парень флотский, и мы с тобой одной крови, — часто твердил мне Глеб, и пьяный и трезвый. А ещё нас объединяло байкальское содружество, где мы называем себя гордым именем — байкальчане.

Глеб купил на Байкале дом одним из первых, кто обосновался в Порту Байкал, и привечал всех, кто к нему приезжал в любое время дня и ночи, летом, осенью и даже зимой. Кто у него только не ночевал, кто к нему только не заглядывал! Писатели Виктор Петрович Астафьев со своей женой Марией Семёновной Корякиной, Евгений Иванович Носов, Николай Воронов, писатели-иркутяне Валентин Распутин, Александр Вампилов, Геннадий Машкин, Станислав Китайский, Евгений Суворов, Владимир Жемчужников, Валерий Хайрузов, Борис Лапин, Анатолий Байборodin, Ростислав Филиппов, Сергей Иоффе, Пётр Реутский, московские поэты Владимир Соколов, Николай Котенко, Георгий Кольцов, автор пьес Владимир Удатов, директор

СКИФ Владимир (Смирнов Владимир Петрович), поэт (род. в 1945 г. в пос. Куйтун Иркутской обл.). Автор многих книг, в т. ч.: *Зимняя мозаика* (Иркутск, 1970); *Журавлиная азбука* (Иркутск, 1979); *Бой на рапирах*: литер. пародии (Иркутск, 1982); *Грибной дождь* (М., 1983); *Живу печалью и надеждой* (Иркутск, 1989); *К сопернику имею интерес*: литер. пародии (Иркутск, 1993); *Над русским перепутьем* (Иркутск, 1996); *Золотая пора листопада* (Иркутск, 2005); *Письма современникам* (Иркутск, 2005); *На срезе времени зелёном* (2006); *Новые стихи* (М., 2007); *Русский крест* (М., 2008); *Молчаливая воля небес* (Иркутск, 2012); *Все боли века я в себе ношу* (Иркутск, 2013); книг детских стихов: *Зайчик* (М., 2007); *Шла по улице корова* (Иркутск, 2007) и др. Член Союза писателей России. Секретарь Правления Союза писателей России. Председатель Иркутского регионального отделения Союза писателей России.

Иркутского театрального училища Александра Даниловна Коновалова, художники из Красноярска и Перми — Николай Худенёв и Анатолий Тумбасов, священник Николай Евдокимов, польские книжники София Рустецка и Мария Рычковска и многие-многие другие.

Жил Пакулов со стороны Ангары в Молчановской пади, как говорят местные, — у Шаман-камня. Дом, который он приобрёл, вызывал у многих неподдельное восхищение и добрую, белую зависть. Дом был просторный, чистый, обхоженный, как большая четырёхкомнатная квартира. Да, наверно, лучше, чем квартира. Когда я впервые попал во двор дома и, пройдя через калитку, остановился у небольшой скамейки, на сиденье которой яркой голубой краской было написано: «Сядь, подумай, или уже не о чем?», то мне, действительно, захотелось на неё присесть, осмотреться вокруг и углубиться мыслями в себя, а осмотреться стоило.

Тишина, стоявшая в распадке, и эта возвышенность, на которой царствовал дом, — всё располагало к блаженству души и размышлениям о смысле жизни. Внизу сверкала необыкновенным сиянием Ангара, к ней по правой стороне густо сбегали берёзы, ольха, рябина и вкрапленные в них стройные позолоченные сосны. Левая сторона распадка, покрытая травой и мелким кустарником, привлекала местных жителей хорошими покосами, и там, к середине августа, вырастали духмяные зелёные копны.

Тамара Бусаргина

Глеб с неизменным хлебосольством привечал своих гостей — и великих, и мало известных, и пьяных, и драных — всех, кто не миновал этот гостеприимный дом. Его жена Тамара, которую он ласково звал Тусик, и тёща Ольга Евстафьевна не перечили ему в этом, а, наоборот, принимали друзей Глеба как своих собственных. Ольга Евстафьевна славилась своими знаменитыми рыбными расстегаями, а Глеб был известен на всю округу как отменный рыбак. Рыба к нему, и прежде

всего хариус, шла даже тогда, когда никто не мог поймать ни рыбины. Глеб самостоятельно готовил самые разные мушки. Из какой только шерсти, волос, перьев, начёсов он их не делал!

Однажды мы сидели в прежнем доме Союза писателей, который располагался на улице 5-й Армии, 36. Начинали выпивать, медленно разгонялись, хотя Вампилов не пил, ждал приезда Ольги. Они с Пакуловым собирались её встретить на железнодорожном вокзале. Саша сидел в сторонке от всех и тихо, мелодично играл на пианино. А Глеб, как всегда, говорил о рыбалке, о мушках:

— Представляешь, братан, — обращается он ко мне, — идём с Саней по барахолке и натываемся на бабуся, которая продаёт небольшой мех. Мы останавливаемся, я спрашиваю: «Бабуля, из чего мех?» Она мне в ответ правдиво так, не мигая, выпаливает: «Из обезьяны!» Я говорю: «Как из обезьяны?» «А так, — говорит, — из макаки!» Я отщипнул клочок, намотал на палец. Шерсть так и вспыхнула. Золотая! — воскликнул Глеб. — Я сделал муху, положил на ладонь — ползёт! С тех пор у меня самые лучшие мушки — из макаки.

Вампилов, уже не выдерживая, оборачивается в его сторону, громко смеётся:

— Глеба, хватит травить. Поехали на вокзал.

— Дай доскажу ребятам историю про макаку.

— По-моему, ты уже сам веришь в то, что сочиняешь, — Вампилов с восхищением глядит на друга.

— Так была макака или нет? — хохочу я.

— Была! — истошно кричит Глеб. — Бабка привезла её из Африки, когда была молодой, её негры одарили макакой за то, что она спасла негрятёнка от льва.

Тут уж мы все, кто был в компании, не выдерживаем и почти валимся от хохота на пол.

Когда Глеб бывал в хорошем настроении и ещё только на самом взводе, он травил свои байки совершенно неподражаемо. Его несло, и он уже не мог остановиться. Импровизации хлестали из него как из рога изобилия.

И вот Вампилов с Глебом уже на выходе. Глеб оборачивается и обещает:

— Кто не верит, приезжайте на Байкал. Я вам эту шкурку покажу, от макаки осталось всего ничего. Мужикам портовским почти всё раздал, — и они с Вампиловым уходят.

И таких историй немало. Их мог бы рассказать с десяток любой из нас, кто с ним дружил и общался, особенно в нашей ранней молодости. Мне опять же повезло в общении с Глебом. Ну, во-первых, Глеб Пакулов — блистательный русский поэт, и первая его книжка была поэтической. Причём уже в ней он проявился как исторический писатель, сочинив ёмкую, яркую поэму «Царь-пушка», которую уже тогда читали студенты на приёмных экзаменах в Иркутском и Щукинском театральных училищах. Это уже потом он писал и издавал книги исторической прозы: «Тиара скифского царя», «Варвары», «Гарь». Во-вторых, мы оба служили в Морфлоте. Я три с половиной года — в морской авиации, в 50-м отдельном Гвардейском дальнеразведывательном авиационном полку, а Глеб служил четыре года на Тихом океане на бронекатерах. И, в-третьих, неразлучными нас сделал ещё и Байкал. Сколько было неповторимых споров и обсуждений в Союзе писателей, бильярдных баталий в подвальнике писательского дома на улице 5-й Армии, разгульных посиделок, путешествий по Иркутску в поисках любовных приключений, поездок и выступлений в разных аудиториях. И, конечно же, незабываемых, искромётных встреч: то в нашем доме в Порту Байкал, то в доме у Глеба и Тамары в Молчановской пади.

Однажды, в начале семидесятых, по линии бюро пропаганды художественной литературы, мы вчетвером: поэты Пётр Реутский и на то время уже москвич Георгий Кольцов, Владимир Удатов и я оказались в порту «Байкал» в ожидании судна, на котором мы должны были отправиться в плавание по Байкалу с выступлениями перед речниками. Поскольку решение вопроса с теплоходом, кто нас повезёт, было ещё в стадии обсуждения, то нам дали отсрочку, которой мы тут же воспользовались и, купив энное количество любимого нами зелья, просветлённые и счастливые, потекли в гости к Глебу. Тамара уехала в город, и Глеб, почуяв желанную свободу, принял нас с распростёртыми объятиями.

Надо сказать, что в то приснопамятное советское время подобные командировки, как наша, по Байкалу и по Ангаре, — были не редкость. Союз писателей имел договоренности с Восточно-Сибирским речным пароходством о целом цикле писательских встреч на всё время навигации. Нам обязательно предоставляли плавательное средство, а на Ангаре был для этих целей оборудован со сценой и зрительным залом специальный теплоход, который назывался «Пропагандист». Чиновники и партийные боссы понимали, что такое идеология, и денег на работу с населением не жалели. Писателей бесплатно кормили, с комфортом везли и ещё за встречи с читателями платили деньги. Мы иногда горько шутим, что, оказывается, при коммунизме мы успели пожить. Нынче такие поездки даже в самом лучшем сне не привидятся.

Итак, мы у Глеба. Он показывает нам сегодняшний улов — четыре великолепных хариуса, среди которых два «марсовика». Это удивительной красоты рыба! «Марсовик» всегда большой, весь серебристый, и не просто серебристый, а голубоватожемчужный с чёрной спиной. Если поднять и раскрыть его верхний плавник, то он

засияет всеми цветами радуги, чему всегда восхищаются японцы: они ахают, цокают языками и безостановочно вправо-влево качают головами. Глеб самых красивых рыб-бин называл ещё и королевскими, а по месту их добычи — привальными.

Глеб Пакулов на рыбалке

— Вот ухи вам сейчас наварю, какой вы больше никогда не увидите, — обещает Глеб и приступает к волхвованию над столом с распростёртой рыбой.

— Да как-то жалко их есть, — сетую я, — больно уж красивы.

— Но не смотреть же на них! Насмотрелись? — спрашивает нас Глеб, взрезает первого хариуса и говорит: — Вот, Вовка, смотри! Надо обязательно очистить и сварить желудок, а воз-

душный пузырь поджарить на живом огне. Потом собрать весь жирок — и в кастрюлю. Головы мы очищаем от жабер — и туда же. Голова — всегда моя. Голова — добытчику. Это рыбацкий закон. Уха будет божественная!

Наконец, хариус разделан, нарезан крупными кусками и брошен в огромную кастрюлю с небольшой порцией картошки, двумя мелко нарезанными морковками и репчатым луком, лавровым листом, перцем-горошком и двумя горсточками чёрного и красного перца.

— Ты на целую Маланьину свадьбу готовишь, — говорит Пётр Иванович Реутский, — хотя нас, волков, не просто накормить.

— Съедите, — заключает Глеб. — Ещё мало будет. А теперь — наливай!

— Так уха ещё не готова, — вопит Гоша Кольцов.

— Ничего, надо разговеться, — сладостно бормочет Глеб и разливает по стаканам водку.

Выпили по первой, похрумтели хлеба с луковым пером, а тут и быстроваркий хариус подоспел. Ну, уж под него-то мы налили до краёв и схватили по куску жирного, восхитительно вкусного хариуса, залопотали наперебой, хваля кто рыбу, кто Глеба, без остановки накатили по третьей, и Глеб сел на своего любимого конька:

— А вы думаете, почему ко мне идут «марсовики»? — хитро обращается к нам удачливый рыбак.

— Наверно, ты им стихи читаешь, — выпаливает Кольцов.

— Как женщинам, объясняешься в любви, — вторит Кольцову Реутский.

— А я думаю, — суетится с ответом Удатов, — Глеб становится перед Ангарой на колени и читает молитву рыбака. Наверняка у него есть такая молитва.

— Нет, — перебиваю я Удатова, — Глеба ловит «марсовиков» на мушки из макаки. Им очень нравятся экзотические блюда, и особенно африканские.

— Точно! — говорит Пакулов, приносит золотистые мушки и раскладывает их на столе.

— Да ну! — кричит Реутский. — Эти мушки из перьев петуха.

— Из макаки! Наливай! — голосит Глеб и начинает рассказывать уже известную мне историю.

Выпили мы в тот раз изрядно. Раза три ходили за новыми порциями водки и сидели до глубокой ночи. Свалились, кто где, благо, места хватало всем. Реутский устроился в маленькой комнате, в «мальчиковой», как он её окрестил:

— Я всё ношу маленькое, «мальчиковое», и эта комната по мне.

Утром проснулись тяжёлые, похмельные. Лежим, кряхтим, охаем, мечтаем о «вчерашнем супчике». И вдруг из детской комнаты раздаётся звонкий мальчишеский голос Реутского:

— Чувствую себя хорошо!

— Ах ты гад! — хрипит Пакулов. — Вроде пил со всеми наравне, и ему хоть бы что, а я чуть живой.

Но, полежав, поохав, все мы поднимаемся. Пётр Иванович заваривает крепкий чай. Глеб достал заначку, опохмелились, попили чаю, оклемались, и жизнь снова за сверкала всеми гранями, как неутомимая, неугасимо-хрустальная Ангара.

В доперестроечное время на глебовской даче, как минимум пять раз, гостил великий русский писатель и такой же, как Пакулов, завязанный рыбак — Виктор Петрович Астафьев. Приезжал он и один, и со своей супругой Марией Семёновной. В самом начале семидесятых он побывал у Глеба в первый раз, и с тех пор его тянуло на Байкал как в родную деревню Овсянку. Виктор Петрович всякий раз мечтал хотя бы на недельку примчаться на великое наше озеро, порыбачить, потягаться с Глебом, посоперничать — кто кого? В этих поездках Астафьев встречался у Глеба на даче и в Иркутске не только с Распутиным, но и с другими иркутскими писателями: Машкиным, Суворовым, Жемчужниковым, Лапиным, Иоффе.

Обычно после чудных, незабываемых путешествий в Прибайкалье он писал Глебу письма, в которых искренне восхищался Байкалом и Ангарой, горами и тайгой, травами и цветами и непременно рассказывал о своих житейских делах, о родственниках, о планах на будущее, о поездках по стране и за границу, о радостных и трудных писательских буднях:

«15-го июля 1974 г. Вологда

Дорогой Глебушек!

Кланяюсь тебе из далёкой милой Вологды, где ныне стоит прекрасная погода и, после двух лет бедствий, всё очень хорошо растёт и не может нарадоваться себе каждая травинка, каждый листик и цветок. Природа здесь бедная, по сравнению с Сибирью даже убогая, и оттого всякая Божья кара особенно обнажает её, делает совсем нищенской и неприкрытой. Нищеты-то в годы бедствий и на Байкале не меньше, но там её прикрывает буйноцветье, громады гор и девственно-чистая вода, в которой, наверное, создатель омывал новорожденных ангелов, прежде чем пустить их в небо, и оттого у них такие белые, нежные, лебединые крылья (а бабьи зады — это уж от немецких харчей, от картошки, в частности).

У меня в глазах всё ещё колышутся склоны гор в голубых проблесках и волнах от незабудок с жарко полыхающими полями жарков, с кострами багульника и белой пеной таволжника, и всё ещё ощущаю вкус воды, которую я хлебал из ладоней и, наверное, после меня Ангара убьла маленько.

Прекрасная поездка. Много осталось в памяти и для памяти и, главное, что все были нам с Женей (*писатель Евгений Иванович Носов. — В.С.*) как родные (иркутяне) и Гена (*Машкин. — В.С.*), и Валя (*Распутин. — В.С.*), и Боря (*Лапин. — В.С.*), и Володя Жемчужников — все, все. Спасибо за такое дело. Меня уже с истинными родичами больше разъединяет, чем объединяет — опять мирил тёток своих, опять увещевал их, ругал, стыдил. Пока было горе, нужда — жили дружно, а теперь наелись маленько (испились даже больше, чем наелись) и вот сводят какие-то счёты. Тяжело мне с Женей стало и, как ни прискорбно себе это сказать, в родную деревню не поеду, сколь выдержу, во всяком случае, на будущий год — шабаш.

В дороге из Иркутска я подпростыл, в Красноярске и в селе добавил и свалился (снова обострение пневмонии, которого я так боялся ещё на Байкале), полежал даже

в больнице, но выпросился домой и вот уж более недели дома. Лечусь, но хожу ещё плохо, в лес и на речку нельзя, однако, думаю с 1-го августа всё же уехать на озеро, в деревню и поработать до сентября, а там предстоит поездка в Польшу.

Вчера перебирал своё «имущество» и подержал в руках коробочку Саши Вампилова — как-то светло и печально на душе стало. Все мы какие-то странные люди, общаться друг с другом не умеем, добрые слова, в которых нужда такая у всех, говорим припоздало, чаще вослед ушедшему, а надо бы?... Как надо-то? А никак! Как есть, так и есть. Вот мы встретились, порыбачили, поматерились маленько, поглядели друг на дружку, и вроде бы праздник какой был, только, как и всякий праздник, пролетел он быстро и в угаре...

Глебушек! Я шлю тебе свою книжку, самую «толстую», и надеюсь, что ты всё же не всех хариусов выловишь и хоть одного оставишь на мою долю — мы с женой всё же собираемся поехать к бурятам на Байкал в будущем году — я подлечусь весной в Крыму, окрепну и двинем, а там, глядишь, на пароходике и к тебе завернём!.. Ну, не будем загадывать!!!

Я дочитываю книгу Володи Жемчужникова «Чистые кедрачи» — очень она мне понравилась, бесхитростная, добрая и с «голосом» только Володиным — мне даже захотелось о ней написать куда-нибудь доброе слово, что я и сделаю, если будет время и здоровье, а пока лишь отвечаю на письма, да написал два коротких предисловия к книгам моих иркутских семинаристов — Суворову и Суханову.

Глебушек! Письмо, сколь бы оно длинно ни было, всё равно ничего не передаст и не расскажет!.. Просто поклонись от меня Байкалу, залови самого большого хариуса на мой «загад» (когда будешь бросать, загадай: «На такого-то мудака!..») — и вот увидишь — выловишь большую рыбу...

Ребятам всем поклоны и поклоны! Будь здоров и счастлив. Я знаю, чем дальше в зиму, тем подробней и ярче я буду всё вспоминать, и Женя уехал домой размятённый, тихий и с обострённой язвой.

Ну, обнимаю и целую тебя — твой Виктор Петрович.

Поклон твоей супруге и теще».

Не все письма сохранились, но в тех, которые есть, Виктор Петрович с неподдельной любовью относится к Глебу Пакулову, да и к другим писателям-иркутянам. А Глеба, всё-таки, он любит больше всех. Как-никак такой же, как и он сам — рыбак. А рыбак рыбака видит издалека. Да и не худший российский писатель — Глеб Пакулов. Конечно же, это чувствовал своим особенным чутьём Виктор Астафьев. Нюх на талантливых людей у него был обостренным. И вот ещё одно письмо, написанное Астафьевым после его приезда из Курска, где он 15 января 1975 года праздновал 50-летие выдающегося русского писателя Евгения Ивановича Носова:

«Февраль 1975 года

Дорогой Глеб!

Я только что вернулся из Курска от Евгения Ивановича, праздновали его юбилей, вспоминали чудесное лето, Байкал и порешили — ни к каким бурятам не ездить, что мы у них будем делать? А поехать к вам, тремя парами — я с женой, Женя с женой и наш добрый друг, чудесный мужик — Миша Колосов с женой (он работает ныне замом в «Лит. России»). Бабы у всех неизбалованные, уживчивые и не вредные, точнее — в меру вредные. Нам очень хочется вас всех повидать, неторопливо порыбачить, а бабам Байкал посмотреть. Наметили мы август месяц — у Жени жена работает, Миша и жена его тоже люди трудовые и от отпуска зависимые.

Ежели эти пары распадутся из-за нездоровья или ещё отчего, тогда мы приедем вдвоём с Марьей Семёновной. У меня одна лишь просьба к тебе — известить, когда изволит пребывать в краях ваших месье Воронов? Я терпеть его не могу, а моя жена и того больше, не терпят и все мои остальные друзья и нигде, а тем более в родной Сибири, мы не хотели бы его видеть и встречать.

Больше никаких особых условий нет — удочки привезём, лодка у тебя есть, водки и хлеба купим.

Я уютно сижу в деревне и работаю. Над камином у меня висит карта Байкала, а слева от неё карта Вологодской области — путешествую. Добываю «Царь-рыбу», никак у меня не хватает куска времени докончить её. В феврале (в конце) еду в Белоруссию на совещание, и потом опять в село за работу. Хочу переделать все дела, чтоб со свободной душой потом поехать к вам в гости.

Получил от Вали Распутина большое и умное письмо — он тоже в деревне. Боре Лапину передай поклон и скажи, что рассказ я ему раньше марта не смогу прислать.

Написал большую новую главу (начерно) в «Последний поклон» — называется она «Те далёкие детские игры», а то совсем уж все серьёзные стали и забыли писать об играх, да и сами игры забыли, а они, как изволил написать «аз грешный», и есть слепок жизни.

Всем широко кланяюсь! Всех обнимаю! В. Астафьев
P.S. Черкни мне домой — почту жена привозит».

И хотя летом 1975 года поездки со своими друзьями, которую намечал Виктор Петрович, не получилось, он смог всё-таки приехать к Пакуловым вместе со своей женой, тоже писательницей. Это была его последняя, но самая весёлая поездка на Байкал.

У Пакуловых на даче всегда жили небольшие собачки — то Мультик, то Кешка, хотя одно время они держали огромного, умного пса, помесь волкодава с овчаркой по имени Ксар. Это имя скифского полководца из романа Глеба Пакулова «Варвары». С собаками тоже связано много историй. Мультик был самый преданный Глебу, а Кешка служил доносчиком. Его в своём письме к Глебу упоминает даже Виктор Астафьев.

Так вот, Глеб очень любил посидеть на берегу с деревенскими мужиками. Они его ценили за ловкость и умение ловить рыбу в любую погоду. Бывало, встретятся на берегу трое-четверо рыбаков, кто с водкой, кто с самогонкой, и раскроют скатерть-самобранку. Выпивают, спорят, хвалятся уловом, рассказывают былички и анекдоты. Глеб седлает своего «конька» и вплоть до темноты его из этой компании не выкурить. Тамара ждёт, нервничает, уже ни зги не видно, а его всё нет и нет.

Застолье даже при малой видимости ещё не угасает, и сворачивать его никто не торопится. Вдруг из темноты выныривает Кешка, хватает пробку от бутылки и улепёты-

вает на гору к Тамаре. Там он, покорно склонив голову, вручает вещественное доказательство хозяйке дома, и Тамара в крайней разгневанности идёт за Кешкой туда, куда надо.

Над мужиками и Глебом разражается гроза с молниями, импровизированное застолье сворачивается. Все расходятся, благодаря Тамаре, по домам. Мужики извиняются, а Глеб шипит на Кешку:

Глеб и Тамара в лесу

— Предатель! Кагэбэшник! Иуда! Повешу на осине!

Кешка, не обращая внимания на рассерженного хозяина, бежит рядом с Тамарой, зная, что непременно получит от неё косточку или крылышко, или, на худой конец, кусочек пирога с рыбой. Тамара, подобрёвшая и спокойная, что муж жив-здоров, поднимается на гору и Кешку наградить не забывает.

Астафьев с великой радостью ждал встречи с Байкалом, с Ангарой, он вожделем этой встречи и, конечно же, готовился к ней как истинный рыбак. Он так и рвался на Ангару, которая славится щукой, ленком, тайменем, хариусом. А что рыбаку надо? Чтобы у глаз колыхалась волна, вспыхивала тонкой молнией леска, вздрагивал поплавок и, отягощённый, уходил под воду. Не торопись, но и не медли, подсекай осторожную рыбину и вытаскивай её, блестящую, на берег.

На второй день после приезда Глеб повёл Астафьева на рыбалку, собрав перементную суму и наполнив всем необходимым, что нужно рыбакам в желанные часы ловли и необходимые минуты перекуров.

— Тусик, ты за нас не волнуйся, мы перекусим на берегу, — успокоил он Тамару и похлопал по туго набитой брезентовой сумке.

— Виктор Петрович, вы не слушайте его, — сурово, но сдержанно сказала Тамара, — и приходите, как только захотите поесть.

— Спасибо, Тамара, разберёмся, — улыбнулся Астафьев.

Пошли под гору, за ними увязался Кешка. Глеб остановился, зыркнул на него:

— Вот, Виктор Петрович, это — Кешка, мой лучший друг в кавычках.

И Глеб рассказал, кем служит Кешка и у кого работает на посылках. Астафьев удивился и засмеялся, глядя на Кешку:

— А он вправду умный пёс. По рылу видно.

Виктор Петрович с Глебом колдовали на берегу, а Кешка следил — скоро ли будет «накрываться стол». Что-то давно уже он не видел хозяина в большой компании. Кешка неотступно наблюдал за Виктором Петровичем, чуял, что его присутствие непременно станет причиной застолья, и когда тот, наконец-то, выловил свою первую добычу, сверкающего ясной чешуёй хариуса весом, примерно, с килограмм, то Кешка вытянулся в струнку.

— Ура! — закричал Виктор Петрович. — Какой красавец!

«Ну вот, скоро начнут обмывать, — успокоившись, подумал Кешка, — этому, пузатому, везёт. Сейчас второго выдернет».

И точно: Виктор Петрович, буквально через пять минут вслед за первым выловил второго, изогнувшегося дугой, хариуса.

Вдали появился рыбак. Кешка знал его хорошо.

«Каскадёр» появился. Эх, ещё бы Паша Жёлтый да Белянушкины подошли — стол точно будет!» — радовался Кешка назревающей работе.

Берег Ангары и всех рыбаков в одиночестве, как чайка, облетела весть, что рядом с

Сестра Пакулова Нэля и Астафьев

ними удит рыбу сам Виктор Астафьев. Подошли и Паша Жёлтый, и Белянушкины, сначала Виктор, а за ним Виталька, Мишка Мулганеев, и набежал Толя Толстоухов, хотя рыбаком особым не слыл, но жил в доме на Ангаре, который потом сгорел в самом начале перестройки в праздник Первого мая, а Толя долгое время оставался бездомным. Из усадьбы, расположенной на самом берегу Ангары, буквально выпрыгнул издатель Николай Есипёнок.

«Ну, вот и все в сборе, — радостно поскуливал Кешка, — начинайте!»

Мужики собрались в тесный кружок: кто-то знакомился с Петровичем, а кто-то здоровался с ним, как со старым другом. Все жали друг другу руки, хвалили Астафьева, поздравляли с первой удачей. Тут Глеб, заметив Кешкину радость, заорал:

— Мужики, идём к моему гаражу! Там сядем у лодки, как у стола, и обмоем улов Виктора Петровича.

Кешка завилял хвостом и преданно, с любовью посмотрел на хозяина. Он-то верил — хозяин не подведёт. Будет раскрыта первая бутылка и вторая, и третья. Но Кешка знал: ни от первой, ни от второй, ни от третьей бутылок пробки он таскать не будет. Во-первых, должно стемнеть, а во-вторых, у него была своя, давно отработанная тактика. Он необыкновенным чутьём всегда чуял последнюю бутылку. И полагал, что сегодня их будет четыре. Вот её-то он и ждал.

Глеб раскрыл бутылку, а пробку положил к себе в карман. Кешка задумался. Раскрыли вторую бутылку. И хозяин опять положил пробку в карман. Кешка опустил голову на лапы и стал ждать, что же будет дальше? «Может быть, рвануть сейчас и утащить всю бутылку, — подумал он, — нет, бутылку не унесу. Подожду».

Веселье было в самом разгаре. Виктор Петрович рассказывал свои байки, не менее интересные, чем у Глеба. Мужики хохотали. Глеб раскрыл третью бутылку, медленно спрятал пробку теперь уже в нагрудный карман и показал Кешке фигу.

— Вот тебе. Больше бутылок нет! И пробок ты тоже не увидишь.

Кешке этот жест был не по душе. Он не стал вилять хвостом, а, презрительно фыркнув, затрусил на гору.

Кто кого здесь перехитрил, я не знаю. В разгар пирушки Глеб достал и четвёртую бутылку, но распечатал её, только удостоверившись, что Кешка удалился. А может, и вправду Кешка перестал работать доносчиком. Он чувствовал, что будет четвёртая бутылка, интуиция и обоняние никогда его не подводили. Но он ушёл в гордом одиночестве, и на этот раз без пробки.

Тем не менее Тамара тут же появилась у гаража.

— Всё, мужики, хватит. Мы Виктора Петровича заждались. А ты можешь оставаться в гараже, — обернулась она к Глебу, — и Кешку не ругай, он ничего мне не говорил.

Виктор Петрович радовался тому, что поездка на Байкал удалась. У себя дома он был полон веселья, памятных рассказов сельчан и шутилых быличек Глеба. Из Вологды он отправил ему новогоднюю открытку с исключительно жизнерадостным текстом, где не забыл упомянуть и байкальского народного героя Кешку.

«Дорогой Глебушек!

Пусть мчится твоя жизнь ближе к лету, как эта лихая тройка, и чтобы прямо в Ангару, и харюза за зебры, да на строганину! Словом, клёв на удачу! Водка за губу! Книгу в печать! Бабу в роддом! Кешку-стукача на живодёрню! Тёщу на икону! Сам в лодку и на ту сторону... за хлебом!

Во! А ещё здоров будь и не кашляй! У нас теперь морозно — мы за вас станем кашлять и чихать. Я живу в трудах, зарабатываю «отгулы» на лето, бо купил избу в родной деревне со двором и буду в бане тренироваться ловить рыбу из шайки, а потом как поеду за Саяны, на Байкал, да ка-ак закину в реку уду, да как выну сапог, а в

сапоге поллитра, а в поллитре водка, а в водке бутерброд, а в бутерброде золотой, а в золотом... не знаю чё... Словом, живу ожиданием лета и, как чудо, вспоминаю неделю в Иркутске и на Байкале. Ещё 10 дней в родном селе отдохнул — и всё. Так и живу, едрёна мать, «свободный художник».

Лобызаю тебя в плешь. Твой Виктор Петрович».

Глеб Пакулов с бабочкой на носу

Глеб не только умел ловить рыбу, но очень хорошо знал и умел собирать байкальские грибы. Когда мы только-только осваивали свой дачный дом и его окрестности, Глеб рассказал нам, какие на Байкале водятся грибы и какие стоит собирать для засолки или для жарёхи. В своё время я с великим удовольствием прочитал книгу Владимира Солоухина «Третья охота» и, конечно же, знал многие грибы и по виду, и по вкусу, но не-

которые из тех, о которых нам рассказал Глеб, в моём Куйтунском районе не водились.

Начинал свой разговор о грибах он примерно так:

— Гриб любит, чтоб его поискали, ну а если уж нашёл его, то бери и будь благодарен лесу. В лесу не ругайся, не матерись, говори только хорошие слова — тихие и прозрачные. Глянем, какие грибы вы принесли? — И он начинал разбирать нашу корзину, когда мы прямо из леса заглянули к нему и были приглашены его тёщей Ольгой Евстафьевной и женой Тамарой на чай с рыбными расстегаями.

— Это что за гриб? — достал я тёмный, почти чёрный гриб, по виду напоминавший груздь.

— Ну, милый мой! — это по-местному чернушка, чёрный груздь. Очень хороший гриб, только его надо хорошо вымочить. В засоле он тёмно-вишнёвый, почти фиолетовый. А под водочку как идёт! Мухой! А вот сыроежка. Их в лесу много, и по цвету они всякие — и жёлтые, и розовые, и красные, и оливковые. Слушайте, вот это просто чудный грибок! — и он достал из корзины валуй. — Местные называют валуи бычками. И вправду они, особенно недавно народившиеся, такие округлые, крутолобые, как молодые бычки. Он в раннем возрасте упругий, скользкий, сопливенький, а потом, вырастая, становится сухим и плоским. Бычок хорош в засоле и тоже под неё же — родимую, незаменимую, — срифмовал он экспромтом.

— Вот рядовочка, — Глеб указал на гриб, похожий на сыроежку, но менее хрупкий, чем сыроежка. — Рядовка бывает только одного цвета, она сизая, сталистая. А это козляк! Есть гриб-моховик, близкий к маслятам, а козляк ближе к моховику. У того и другого подшляпник, как губка, только у козляка губка крупно-пористая, а у моховика — помельче.

— Лисичка, — Глеб достал единственный в нашем арсенале подобный гриб, похожий на маленький граммофон. — Лисичек у нас мало, но изредка встречаются. Встретишь, — бери! А это мохнатенькая подружка-волнушка.

— Волнушку мы знаем, — вступила в разговор моя жена, — жалко только, что белых груздей нет в нашем лесу, и жёлтых, еловых мало.

— Да, Женечка, — ответил ей Глеб, — за груздями надо ехать к Вовке, в Куйтун или Тулун, — там их море. Подосиновик и подберёзовик — хорошие, ценные грибы.

Радость грибника

— Ну, то Куйтун, а то Байкал! Разумеешь? — и Глеб горделиво засверкал глазами: — Царский гриб обязательно должен быть при царе. А кто такой Байкал? Царь! — он вскинул руку с поднятым в небо указательным пальцем. — Теперь белые царские грибы и у нас на Байкале есть.

Когда-то, действительно, белых грибов на Байкале фактически не было. Но, видимо, меняется климат, видоизменяется что-то в нашей природе. Чёрных груздей раньше было видимо-невидимо. А сегодня их стало меньше. Пойдём с женой в лес и приносим за один раз по 50–70 отборных белых грибов, а нынче летом их особенно много. Позавчера мы принесли 103 красавца-гриба. Да все как на подбор, ладные, упругие, с яркими то оранжево-, то красно-коричневыми шляпками и толстыми, широкими ножками.

Что только не делает с ними моя искусница-жена: крупные, холёные грибы режет на сушку, рассыпает в пустые коробки от конфет и сушит на солнце, а маленькие, крепенькие маринует, да так, что не оторваться от банки; самые большие жарит. А совсем недавно средние по размеру грибы стала ещё и замораживать в небольших пластиковых контейнерах. Зимой вынешь такие грибы, а они как будто только из лесу — целенькие, красивые, запашистые!

Моя жена Евгения Ивановна — грибница необыкновенная. Она собирает корзину грибов даже тогда, когда никто не собирает. Может пойти в лес вечером часов в девять, а в 10 выходит из него с полной корзиной. Причём она всегда повторяет свою неизменную присказку после того, как находит белый гриб: «Спасибо, лесок, что дал мне грибок!» И я, думаю, что и Байкал, и байкальский лес слышат её поговорочки и грибами никогда не обделяют. Иногда ищем грибы с ней вместе, я уже подустал, звоню или кричу, мол, давай собирайся, уже домой бы надо. А она мне в ответ:

— Не могу! Как я их брошу? Я — от них, а они за мной!

Видимо, с давних времён она что-то переняла от Глеба-грибника. Его грибные уроки мы запомнили на всю жизнь. А байкальский лес нас радует ежегодно. Храни, Господь, эту благодатную землю и великое наше море-озеро, бездонное космическое око, глазной хрусталик планеты, живую и трепетную душу Сибири, а может быть, и всей Вселенной.

Как-то в июле 1979 года Глеб заявился в наш двор с оригинальным, начищенным до яркого медного блеска старинным чайником.

Их бери с уважением и благодарностью. Только старый подберёзовик плох, быстро пропадает, а подосиновик и большой хорош. — Глеб потрогал крупный, шляпистый подосиновик.

Я достал гриб с увесистой коричневой шляпкой и толстенной ножкой:

— Глеба, у дороги мы нашли вот этот странный гриб и сомневаемся — брать не брать. Решили тебе показать.

— О-о-о! — длинно пропел Глеб. — Ребята! Это же царь грибов, белый гриб! Он почти не бывает червивый.

— У нас в Куйтуне они не водятся, — заметил я.

Вот это урожай!

— Вот, ребята, достался мне в наследство чайник Александра Васильевича Колчака. Этот чайник он всегда брал с собой в навигацию и хранил в своей адмиральской каюте.

— А как он к тебе-то попал? — спрашиваю я.

— Так мы же с ним — моряки! Адмирал завещал мне этот чайник через свою возлюбленную Анну Васильевну Тимирёву.

— Глеба, ты что? Её ведь давно в живых нет!

— Да, в живых её нет, но умерла-то она недавно, четыре года назад. И похоронена в Москве на Ваганьковском кладбище. Мне, дураку, уж сорок пять лет было, когда её не стало. Анна Васильевна мои книжки читала! «Царь-пушку» любила.

Глеб сочинял и рассказывал свои истории так убедительно и достоверно, что окружающие начинали ему верить. Как исторический писатель, он, действительно, многое знал и умел преподнести эмоционально, доходчиво, артистично. Более того, он сам начинал верить в то, о чём говорил.

— Перед смертью Анна Васильевна сказала друзьям, чтобы чайник передали мне, — продолжал Глеб, — и вот он, родимый, теперь у меня. — Глеб любовно погладил пылающую на солнце медь.

— А что ты хочешь с ним сделать?

— Жалко такой подарок, — Глеб сокрушённо качает головой, — но я хочу его продать. Купите! — и добавляет: — За десятку. Это предельно мало за такую ценную реликвию.

Мы с женой начинаем отказываться, понимая, что Глеб нас разыгрывает. Глеб разворачивается, идёт к Байкалу и на всём ходу зашвыривает чайник далеко в Байкал.

— Вот, получайте! Не хотели купить. Теперь захотите, да не купите.

Потом, на другой день, видно, после разборок с Тамарой, Глеб появился на нашем берегу с двумя незнакомыми мне мужиками, которые долго ныряли, шарили в Байкале, но куда там! Байкал забрал чайник Колчака навсегда.

Глебу Пакулову я подарил много стихов, написанных с великой любовью к нему и к его произведениям. Наша жизнь вместила десятки, а то и сотни встреч и событий, о которых можно говорить вслух и вспоминать их бесконечно.

Глебу Пакулову

автору исторических книг

*Сегодня тучи над Байкалом
Друг друга брали на таран.
Я видел: молния скакала,
Как белый выстрел по горам.*

*Я видел: радуга-подкова
Пыталась Землю подковать...
И дождь — Молчановскую падь
Громил, как поле Куликово.*

*Шумело войско острых листьев,
И поднимались копыта трав,
И грибники в одеждах липких
Бежали, полы подобрав.*

*Летели ветры без оглядки...
Земля и Небо, Тень и Свет
Скрестили копыта в яркой схватке,
Как с Челубеем Пересвет.*

*Обозревая туч когорты,
От ветра заслонясь рукой,
Писатель Пакулов на горке
Стоял, как будто князь Донской.*

*Он день безветренный пророчил...
Стихало всё... Но между скал
Всю ночь булыжники ворочал
Волнами — увалень Байкал.*

1978

ИРИНА ГЛАДКИХ

Бессмертная Эвридика

Премьера музыкального спектакля «Орфей и Эвридика» по пьесе французского драматурга Жана Ануя состоялась 18 января 2013 года на сцене Иркутского академического драматического театра им. Н.П. Охлопкова.

Аристотель считал, что трагедии нужно не сочинять, а уметь извлекать из мифов. Да, впрочем, что можно сочинить, если, как

говорят исследователи, вся мировая литература базируется на двух сотнях сюжетов и сюжетных линий, которые, так или иначе, переплетаются между собой?! Древнегреческий миф о музыканте Орфее и красавице Эвридике стал прародителем немалого количества произведений искусства. Одних только опер по этому сюжету написано более шести десятков. Даже в подростковом XXI веке, которому отроду всего тринадцать лет, уже появилось, как минимум, две «орфейских» оперы (в 2005 году — Ricky Ian Gordon — *Orpheus and Euridice, an hour-long song cycle in two acts*, и в 2010 году — Anais Mitchell — *Hadestown*, a ‘folk opera’ set in Depression era America).

Жан Ануй не раз следовал совету Аристотеля, вспомним его «Антигону» и «Медео». В 1942 году он написал свою «очень французскую», с обнажением самых потаённых сторон человеческой души, «Эвридику». Попробуем провести параллели между героями мифа и драмы, чтобы точнее и тоньше понять символизм персонажей, выведенных на иркутскую сцену. Для начала вспомним сюжетную линию мифа, чтобы обрести опору для дальнейших размышлений.

В древнегреческой мифологии Эвридика — одна из дриад, нимф-покровительниц деревьев, а по некоторым данным — дочь Аполлона. Преследуемая влюблённым в неё Аристеом (по разным версиям, героем или божеством), она наступила на змею и умерла от её укуса. Не помня себя от горя, её супруг Орфей (тоже не простой человек, а, по наиболее распространённому варианту, сын фракийского речного бога Эагра и музы Каллиопы) пришёл к вратам Аида и молил перевозчика душ Харона доставить его в царство мёртвых. Но Харон был непреклонен до тех пор, пока под мрачными сводами не зазвенели жалобно струны кифары и не разнеслась печальная и нежная песня Орфея. «Остановились холодные волны Стикса, и сам Харон, опершись на весло, заслушался песней. Орфей вошёл в лодку, и Харон послушно перевёз его на другой берег». Страдания Орфея тронули богиню

плодородия и подземного царства Персефону. Орфею был дарован шанс вывести Эвридику из подземного царства, при условии, что он будет идти, не оглядываясь, и до самого выхода из царства мёртвых не взглянет на свою любимую. Но Орфей не смог исполнить завет Персефоны и перед самым выходом из Аида оглянулся. Лишь на мгновение мелькнул перед ним милый облик и навеки растаял во мраке.

В трагедии Жана Ануя Орфей «превращается» в скрипача, а Эвридика — в актрису «вечно гастролирующей» труппы. Они встретились, полюбили друг друга и решились идти по жизни вместе, несмотря на все препятствия.

Здесь есть и «подземный перевозчик» и одновременно бог смерти — загадочный господин Анри. Он появляется там, где смерть, несёт её с собой и наделён сознанием «освободительной» миссии: «Смерть развязывает узы, разжимает тиски, дает передышку, а вот жизнь упорствует, цепляется, точно нищенка, даже если проиграла, даже если человек не в силах больше двигаться, если он обезображен, даже если обречен на вечные муки. Только смерть настоящий друг. Одним лишь прикосновением она преображает облик чужовища, вносит умиротворение в душу отверженного, освобождает».

Мотив преследования воплощён в образе мсье Дюлака, импресарио Эвридики, чёртового дельца, подлеца и шантажиста. Ну, а прочие персонажи своей слабостью, а порой и душевной пустотой напоминают бесплотные тени царства мёртвых, хотя и принадлежат к миру живых.

Вот к такому произведению обратились «охлопковцы», создав его музыкальную версию. Конечно, музыка так и просится в историю любви музыканта Орфея. Но поют в спектакле театра Охлопкова только исполнители заглавных ролей Александр Братенков и Анна Дружинина. Немного переиначив слова автора, создатели спектакля (режиссёры — засл. арт. РФ Александр Булдаков и художественный руководитель театра Геннадий Шапошников) объясняют свою позицию устами одного из персонажей — господина Анри (арт. Василий Конев): «Я люблю всё нежное, радостное, но музыку не слышу». (У Ануя господин Анри признавался в любви к музыке.) И никто в этом спектакле, кроме Орфея и Эвридики, её не слышит, не способен услышать. Ибо, как поведал господин Анри: «Существует две породы людей. Одна порода — многочисленная, плодовитая, счастливая, податливая, как глина: они жуют колбасу, рожают детей, пускают станки, подсчитывают барыши — хороший год, плохой год, — невзирая на мор и войны, и так до скончания своих дней; это люди для жизни, люди на каждый день, люди, которых трудно представить себе мёртвыми. И есть другая, благородная порода — герои. Те, кого легко представить себе бледными, распростёртыми на земле, с кровавой раной у виска, они торжествуют лишь один миг... Не следует чрезмерно верить в счастье. Особенно, если ты благородной породы». Только двое влюблённых, «двое зверьков, ведомых на заклание» оказываются способны слышать музыку, а все остальные с их легковесными чувствами и пошлыми переживаниями — лишь «шутовство и нелепая мелодрама».

Полными «антагонистами» юной, трогательной паре стала пара взрослых актёров — матери Эвридики (засл. арт. РФ Татьяна Двинская) и её любовника Венсана (засл. арт. РФ Александр Ильин). Вся пошлость их внутренней жизни и существования выражена в словах Матери: «...никак не могу понять, почему этим детям все кажется таким грустным! В конце концов, мой котик, и мы тоже были страстными любовниками, разве мы из-за этого грустили?... Девочка вообразила, что это она со своим скрипачом изобрела любовь. Ведь мы тоже обожали друг друга. И мы тоже хотели покончить с собой друг из-за друга. Ты помнишь, как в тысяча девятьсот тринадцатом в Биаррице я хотела броситься со скалы Девы? *(Далее следует перечень взаимных измен, который, судя по контексту, лишь «краткий экскурс» из длинного списка.)* ...Впрочем, подробности не важны. Важно одно, мы тоже страстно любили друг друга, готовы были из-за этого умереть... И что же, разве мы умерли?..» Если и проскальзывало в их речах что-то настоящее, высокое, то это оказывалось лишь игрой, цитированием театральных пьес. Надо сказать, что пара заслуженных актёров — Татьяна Двинская и Александр Ильин — нашли тонкую грань воплощения своих персонажей: они сделали их очаровательно смешными для сцены и непереносимо смешными для жизни.

Подобным им, но только ещё более мелочным, предстаёт отец Орфея (засл. арт. РФ Владимир Орехов) — бездарный музыкант, который сам про себя говорит: «...не знаю, заметил ли ты, но я плохо играю на арфе...» Он занят только подсчётами мизерных заработков и перечислением меню дешёвых ресторанчиков. Единственная его забота — это удержать подле себя сына, за счёт которого он кормится, несмотря на то, что его общество разрушительно для талантливого Орфея. Но, в общем, «наш» отец Орфея в отличие от «ануевского», несмотря на примитивность своих жизненных устремлений, наделён обаянием, вообще свойственным ролям Владимира Орехова.

Таким образом, пятёрка основных исполнителей существует в этом спектакле достаточно погруженно и тонко. По собственному впечатлению и отзывам других зрителей, которые я слышала после спектакля, особенно трогает душу героиня Анны Дружининой, милая, нежная и при этом растерянная и немного нелепая. Но вот образ вышеупомянутого господина Анри в исполнении молодого актёра Василия Конева показался мне несколько невнятным. У Ануя его мотивы прописаны достаточно чётко. Он говорит: «Такое со мной впервые. Что-то чужеродное вселилось в меня, и я почувствовал, что слабею. Еще немного твоих слёз, твоих мук, и оно стало бы кровоточить, как рана...» Этот «ангел смерти» впервые почувствовал своё сердце, и в нём родилось сопереживание и любовь. Он так и говорит: «Я люблю тебя, бедный мой человечек...» И немного завидует его безграничной нежности к Эвридике: «Я привожу тебя к вратам смерти, а ты думаешь только о своей милой подружке...» В какой-то момент он даже начинает сомневаться в правоте смерти: «Ты совершенно прав, смерть не заслуживает ничего, кроме презрения. Она забрасывает свои гигантские сети, косит наугад, нелепая, огромная, наводящая ужас. В своем безрассудном рвении, кося направо и налево, она способна отсечь руку самой себе». Но в новой сценической трактовке пьесы реплики господина Анри сильно сокращены, и мотивы персонажа — зачем он приводит героя к «вратам смерти», зачем даёт второй шанс? — «читаются» неясно.

Пьеса Жана Ануя — трагедия. Герой не справляется со вторым шансом, как и с первым, совершая ту же ошибку. Он не проходит испытание на доверие — слишком велико его желание проникнуть в самые глубины души своей возлюбленной, взглянуть ей в лицо, в глаза, в самое сердце, узнать все потаённые мысли и переживания. Устроив ей «допрос с пристрастием» — почему она скрылась от него, как могла обмануть, почему отдавалась Дюлаку до того, как познакомилась с Орфеем, как могла улыбаться шофёру автобуса, зная, что покидает любимого??? — он потерял её навсегда. А вместе с ней и смысл жизни.

Вот тут смерть в лице господина Анри и оправдала сама себя: «Ты одинок потому, что потерял Эвридику. А хочешь знать, что припасла для тебя жизнь, твоя обожаемая жизнь? В один прекрасный день ты почувствовал бы себя одиноким рядом с живой Эвридикой... Сегодня или завтра, через год, через пять лет, через десять лет, если тебе угодно — может быть, всё ещё продолжая её любить, ты заметил бы, что не желаешь больше Эвридики и что Эвридика не желает больше тебя... Смерть прекрасна. Только в ней одной и может жить любовь. Ты слышал сейчас, как твой отец рассуждал о жизни. Не правда ли, как это смешно и жалко! Но так оно и есть... Попробуй, пройди по жизни со своей маленькой Эвридикой, и при выходе ты обнаружишь, что платье её все захватано чужими руками, обнаружишь с удивлением, что и сам ты измельчал. Если только ты вообще обнаружишь её, обнаружишь себя. Я предлагаю тебе нетленную Эвридику. Эвридику в её истинном обличии, чего жизнь никогда тебе не подарит».

И Орфей отправился на «свидание» со смертью, которая забрала его и перенесла к Эвридике в мир иной, сохранив тем самым их любовь в первозданном виде. Как заметила в одном из интервью Татьяна Двинская: «В жизни это почти невозможно...»

И всё же создатели спектакля, в отличие от Ануя, приняли решение исполнить гимн Жизни, а не смерти. Последнее четвёртое действие трагедии они оставили в неприкосновенности на бумаге и дали Орфею третий шанс. Он понял не на словах, а «всем нутром»: «Кем бы она ни была, я всё ещё люблю её. Я хочу её увидеть. Верните мне Эвридику, даже несовершенно. Я хочу, чтобы мне было больно и стыдно из-за неё. Хочу снова её поте-

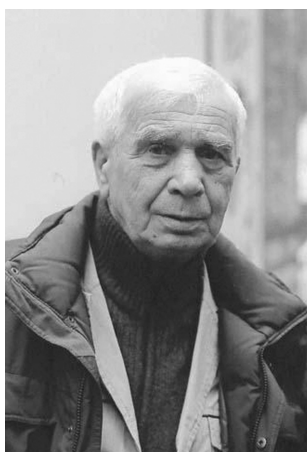
рять и снова обрести. Хочу ненавидеть её и убаюкивать, как малое дитя. Хочу бороться, хочу страдать, хочу принять всё... Хочу жить». И воззвал (конечно же, в песне!) к её душе и всем богам одновременно: «Любовь мою сохрани!» И Эвридика вернулась к нему, чтобы пройти земной путь, полный сомнений и испытаний, но пройти вместе, испытать эту чашу до капли.

Что ж, в жизни не всегда даётся второй, а тем более третий шанс — может быть, эта сценическая исповедь Орфея и Эвридики поможет нам стать мудрее. Художник по костюмам Оксана Готовская своим решением сценических одеяний «подказала» нам идею о возможности каждого человека подняться над обыденностью жизненных обстоятельств. В костюмах всех персонажей, даже у неприятного и циничного мсье Дюлака (засл. арт. РФ Яков Воронов), предусмотрены как бы маленькие «крылья» — намёк на то, что крылья есть у всех, только не все об этом знают.

Спектакль предстаёт как философское обобщение, на фоне абстрактных белых металлических конструкций, напоминающих вокзальные переходы (художник-постановщик — засл. деят. искусств РФ Александр Плинт). С выбеленными лицами героев и персонажей. С музыкальной группой под руководством Александра Армаша, которая является одновременно и действующим лицом — уличным оркестром, и «настроенческой озвучкой» спектакля. Звук микрофонов, благодаря которым голоса актёров кажутся более удалёнными, «небытовыми», тоже воспринимается как образ существования героев вне времени и пространства.

И всё же, я не уверена, что «усиленная» эстетизация была здесь так необходима. Ведь процесс «обобщения» в голове зрителя происходит сам собой — нам свойственно сопоставлять жизнь героев со своей жизнью и внутренне соотносить их опыт с общечеловеческими ценностями. Поэтому некоторые приёмы в спектакле кажутся излишними, например, видеоинсталляция, несколько «разрушающая» восприятие, выводящая нас за пределы действия. С другой стороны, нужно же актёров чем-то «поддержать», дать им необычную форму сценического пространства — не могут они быть совсем «голыми» на сцене, как «голые люди на голой Земле». Впрочем, это субъективное восприятие, наверняка, у вас сложится своё личное «ощущение спектакля». Не будем также забывать простую истину: те, кто создаёт спектакль и выходит на сцену, выше нас не только на уровень сцены — они выше нас неизмеримо, потому что создали нечто новое и представили на наш суд. Они чисты и незащищены, как влюблённые.

Фото из архива театра
<http://www.dramteatr.ru/spectacle/orfey-i-evridika>

ЭДУАРД АНАШКИН

«Где ты, Родина позабытая?..»

Заочное моё знакомство с одним из лучших современных поэтов России — иркутянином Владимиром Скифом состоялось давно. Стихи Владимира Петровича, яркие гражданственные и проникновенные лирические, часто встречал во многих журналах и альманахах России. А вот личное знакомство с этим сибирским

поэтом состоялось в Сибири, на замечательном литературном празднике «Сияние России». Праздник русской духовности и культуры по традиции ежегодно собирает писателей России вот уже не одно десятилетие. В 2013 году и мне довелось быть гостем «Сияния России». Вспоминается завершающая этот праздник поездка по знаменитой Кругобайкальской железной дороге.

«Какая песня без баяна? Какая Волга без Руси...» — поётся в песне. По аналогии можно сказать: «Какая Сибирь без Байкала?» Об этом славном море-озере, его тайнах, истории, поэзии немало говорили мы, пока ехали его берегом. География России была представлена писателями раздольно. Поэты земли Иркутской Василий Забелло и Михаил Трофимов, на «ура» читавший нам свои стихи, так похожие на народные. Народный писатель Республики Саха (Якутия) Николай Лугинов. Приехавший из Москвы, где сейчас живёт сибирско-иркутский поэт Василий Попов. Директор Иркутского Дома литераторов, прозаик Юрий Баранов... Сидевший рядом со мной Владимир Скиф достал из пакета книгу и подал мне со словами: «Накануне праздника был в типографии и попросил, чтобы мне специально к «Сиянию России» отпечатали несколько экземпляров. Вам дарю одному из первых, потому что знаю вас давно».

Книга ещё пахла типографской краской. На красивой обложке я прочёл: «Все боли века я в себе ношу...» Автограф был тёплый, что не лишне в начале октября на Байкале: «Дорогому Эдуарду Константиновичу, с которым мы так чудесно встретились на нашем русском национальном празднике русской духовности и культуры «Сияние России». Бесконечно рад этой встрече, знаю Вас, читал и очень ценю. На дружбу, на долгое наше стояние за Русское Слово. Автор В. Скиф. 5.10.13. Иркутск». Я крепко пожал руку Владимиру Петровичу, мы по-братски, по-сибирски, по-землячески обнялись. Другие писатели тоже радостно приветствовали рождение новой книги. Один экземпляр по давней общеписательской традиции окропили водкой, подняли тост и сердечно поздравили автора. За окном поезда светился осенней зыбкой лазурью Байкал...

«Высокий свет насыщенных небес, //Лазурью напивавшийся в Байкале, //Морозом опрокинулся на лес //И подсинил заснеженные дали. //Как звонко в небе и легко в лесу, //В прозрачных роцах всё переменялось. //Себя неслышно по тропе несусь, //Мне это утро будто бы приснилось. //Среди берёз такая благодать! //Прильну к берёзке и скажу: — Голубка! //Твоя душа моей душе под стать. //Всё в нас с тобой устроено так хрупко. //О, где ещё так плавно, так легко! //Стремится время по сугробам ясным. //И дышится, как в храме, глубоко, //И видится грядущее — прекрасным».

АНАШКИН Эдуард Константинович. Родился в 1946 г. в г. Хилок Читинской области в семье железнодорожника. Окончил Усольский сельскохозяйственный техникум (1988). Работал секретарём ВЛКСМ в Хилке (1968–1969), чабаном в совхозе «Майский» Самарской области. С 1986 г. печатается в газете «Волжская коммуна». Автор книги прозы «Вовкин поцелуй» (Самара, 1997). Публиковался в журнале «Россия молодая» (1998, № 8; 1999, № 5-6). Член Союза писателей России. Живёт в совхозе «Майский» Самарской области.

Простые на вид и прозрачные, совсем, как вода в Байкале, стихи... А ведь и впрямь, мы остаёмся русскими на наших огромных просторах только до тех пор, пока есть у нас образы и символы, которые всех нас роднят и заставляют ощущать родство. Эти символы настолько значимы, что помогают нам преодолевать движением душ те огромные расстояния, которыми славится Россия. Матушка-Волга, батюшка-Дон, былинный Китеж, могучий Урал, седой Каспий... Байкал — символ совершенно особый. В нём все эти символы как бы собраны воедино. Батюшкой назвать Байкал логично. Могуч ли Байкал? Конечно! Седой и древний? Несомненно! Былинный? Ещё какой былинный!.. Не оттого ли родным Байкал считает даже тот, кто ни разу на Байкале не бывал? Выпьет русский мужик в праздник чарочку и поёт то про «славное море, священный Байкал», то про «дикие степи Забайкалья, где золото роют в горах...». Не потому ли стихи из совсем новой книги поэта Владимира Скифа, пронизанные байкальскими ветрами, вдруг показались мне до боли знакомыми?... Издревле Байкал ассоциируется у русского человека с той исконной русской волей, что дана каждому из нас по праву рождения, а не какими-то мифическими «правами человека» и «общечеловеческими ценностями». Владимир Скиф при всех прочих своих творческих достоинствах, о которых немало сказано известными критиками и его «коллегами по поэтическому цеху», для меня предстал, в первую очередь, — певцом Байкала, на берегу которого и состоялось наше настоящее творческое знакомство. Байкал неслучайно «приравнен» поэтом к храму. Он и есть храм нерукотворный, самим Богом для нас сотворённый.

А сибиряки, сколько их «немного» знаю, родившись и вырастая в Сибири, это русские люди «в квадрате». Владимир Скиф из таких. С одной стороны — улычивый балагур. С другой стороны — откроешь да почитаешь его стихи, и понимаешь, какая глубинная трагическая печаль сокрыта под этой внешней ясностью. Писатели художественно обосновывают сибирской характер тем, что, дескать, климат в Сибири такой, что не забалуешь. Морозы вымораживают из человеческой души всякую гниль и червоточину. Эта суровость множится на огромные расстояния, когда пятьсот вёрст — не расстояние, а триста вёрст — не крюк. Из них, байкальской «глуби» и сибирской широты, как из истинно русской системы координат, пристокают практически все стихи Владимира Скифа. Родные до боли сердечной, милые сердцу приметы народного русского сибирского быта самоцветно рассыпаны по этим стихам.

«Милая малая родина. //В сенях — уютный закут. //Зорь раскалённые противни //Солнечных зайцев пекут. //Поле овсяное, тихое //Прячет улыбку в усы. //Каплет роса, или тикают //В маминной спальне часы. //С облака падают голуби. //Рдяное утро свежо. //Ткань поднебесного полога //Первым кроится стрижом. //Дверь наша в сенях захлыбала, //В подпол ушла тишина. //Встала деревня, одыбала //От упоённого сна. //Переливаются голуби //Радужным ярким пером. //Будто бы звёзды расколоты — //Светят дрова серебром. //День — обновленьем и гомоном //Утренний двор приобнял. //И золочёную голову //В небо подсолнух поднял. //Пряная наша смородина //Перешагнула забор... //Милая малая родина — //Божьего промысла двор...»

Старинные ладные русские слова, что «на материке» среднерусском порой уже иными нашими современниками не только не употребляются, а и не понимаются. А в стихах Скифа они современны — иначе не скажешь! Молодое наше поколение, за редким исключением, этими «родовитыми» словами «брезгует», не понимая того, что именно они и дают русской речи красоту и объём. Пусть молодые поэты почитают Скифа, он им откроет красоту этих слов! Ведь в его творчестве эти слова не просто живы, они актуальны, красивы, органичны, понятны. «Захлыбала», «одыбала» — вкусные слова. Их хочется произносить, смаковать. Через них ощущать себя частью огромной страны, где не только высокие купола светятся золотом, но даже обычные сибирские дрова отливают серебром! Вот так являет читателю поэт небесное в земном, большое в малом! Его «малая родина» — не меньше, чем — вся Россия. Она — Божий двор!

Как уже говорилось, «малая родина» в отношении сибирских бескрайних просторов понятия относительное. Не потому ли сибиряки, как никто, не отделяют малую родину от большой. Эта сибирская широта натуры часто спасает Родину большую, материковую. Те сибирские дивизии, что спешили за тысячами вёрст на подмогу осаждённой Москве, поди, и не думали о своей сибирской хате — не просто с краю, а за тысячами-тысячи километров от осаждённой Первопрестольной. Пришли, увидели, победили! Разметали гитлеровскую орду, откинув от Москвы! А ведь, поди, многие тогдашние солдаты-сибиряки, собой закрывшие Москву, впервые-то в жизни и, возможно, в последний раз в жизни и увидели-то воочию столицу своей Родины, которую пришли защищать ценой собственной жизни.

*//Ой, ты, Родина златоглавая, //Ты лесами, цветами расцвечена! //Судьбоносная, величаяя,
//Неподкупная, вековая. //В золотых веках предком свитая, //Ввысь до Господа вознесённая, //
Где ты, Родина позабытая, //Злыми ветрами унесённая. //Как пробитая астероидом, //Ты сви-
стишь насквозь свистом горестным. //И едят тебя смертным поедом, //А защитников — ровно
горсточка. //И высокая, и широкая, //Ты была на миру заглавная. //А теперь стоишь одинокая,
//Но, как прежде, ты — православная. //И, как прежде, ты — моя родина, //Ты — любовь моя
сокровенная. //Мной не предана и не продана, //Русской памяти сердцем верная. //Предку-воину
благодарная, //Горемычная и несытая, //Небом чтимая, Богоданная, //И поэтому — неубитая».*

Чем должно быть дорого и близко творчество Владимира Скифа современному читателю? А тем, что живёт в его стихах — пульсирует, страдает, любит и ненавидит — наряду с Родиной «непозабытой», но уже прошлой, Россия не просто настоящая, но и устремлённая в будущее. Эта устремлённость вкупе с верой в Божий промысел не позволяет поэту впасть в уныние. Не позволяет ему ввергать в грех уныния и читателя. Россия Владимира Скифа «Богом чтимая»! Не закрывая глаза на неизбежные земные «язвы», Владимир Скиф ни минуты не позволяет ни себе, ни читателю усомниться в том, что Россия не одинока, потому что она — с Богом!

*«Словно печка — заря затопилась, //Заалела, как дверца в ночи. //Мне сегодня под утро
приснилось: //Выпекает заря куличи! //Это правда, а может быть, сказка, //Но я вижу на
стыке веков: //Луч рассвета — янтарная скалка //Раскатала блины облаков. //Это тихая явь
или небыль? //Я услышал: запела пчела, //И поджаристо хрустнуло небо, //И весёлая Пасха
пришла».*

Редкое по образности стихотворение. В нём мироздание уподоблено и приравнено к ладу русского исконного быта, в котором «сотворение хлеба» сродни священнодействию. Этот образ предстаёт и художественно-зрительно — через полыхающую зарю. И в пространстве истории — «на стыке веков». И в движении раскатываемых блинов. И в звуковом постижении этого русского земного и небесного мироздания — в звуке «поджаристого» кулича, пении пчелы...

... Так получилось, уезжал я из Иркутска по окончании праздника «Сияние России» едва ли не последним. Москвичи улетели накануне, а я, спасибо расписанию железной дороги, подзадержался. Еще денёк вдыхал ветра Байкала и наслаждался сибирским радушным гостеприимством. Провожать меня на вокзал приехали Владимир Скиф с замечательным фотохудожником Сергеем Переносенко... А потом в поезде я имел возможность не только спокойно прочесть новую книгу Скифа, но и поразмышлять о ней, любуясь сибирскими широтами из окна поезда. Эти мои размышления не претендуют на то, чтобы быть рецензией. Было бы дерзостью пытаться рецензировать стихи известного поэта после того, как их рецензировали выдающиеся современные критики. А вот своими впечатлениями о творчестве этого поэта поделиться считаю себя вправе. Как эссеист, как читатель, как современник! И как сибиряк, наконец! Потому что от этих стихов веет родным для меня ветром неоглядной материковой Сибири!

*«Чтобы ты никому не досталась //Даже в малых пределах мечты, //Я сверну, словно
шаль, твою шалость, //Разведу с твоим прошлым мосты. //Ни за кем в этом веке жестоком
//Не должна ты по свету идти. //Притеку к тебе шумным потоком, //Чтобы встать у тебя
на пути. //Не хочу, чтобы ты ликовала //Подле чьих-то залётных кудрей. //А хочу, чтоб меня
целовала //В звёздных дюнах и в складках морей. //Я хочу, чтобы ты не пугалась //Бездны слов и
мерцанья миров, //Чтоб лететь со мной рядом старалась, //Будто ласковый снег на Покров...»*

Понятное дело, что вышепротитированные строчки посвящены поэтом любимой женщине. Но ведь их с полным основанием можно отнести и к Сибири, наверное, самой главной «женщине» поэта Владимира Скифа! В его стихах, столь современно, а порой и злободневно звучащих, подспудно видятся параллели с неизбывной русской классикой. Чтение стихов Скифа даёт проницательному читателю возможность взглянуть по-новому на классику. «Не доставайся ты никому!» — в запальчивости крикнул бесприданнице влюблённый герой русского великого драматурга. И ведь не досталась: это были последние слова, которые женщина-бесприданница услышала. В стихотворении Владимира Скифа это «чтобы ты никому не досталась» — не рефлексивный вскрик ревнивого самолюбца, но твёрдое мужское спокойное осознание полной ответственности за судьбу любимой женщины, родины, земли. Да и «лирическая героиня» этого стихотворения Скифа, будь она Сибирь или просто женщина, — ой какая не бесприданница! И дело даже не в безграничных «недрах» земли, а скорее, недрах души. В тех душевных качествах — как женщины, так и родины, — которые сподвигают лирического героя Владимира Скифа быть ответственным, быть мужчиной, ибо на таких «женщин» охотников за

«приданным» много. Как вокруг, так и за океаном, где постоянно алчно смотрят в нашу сторону! Но пока рядом с женщиной, родиной такие мужчины-поэты, как Скиф, она не достанется на дешевую потребу чужакам.

«Как хочу мой великий народ сохранить я!.. //Он не турок, не швед. Он по сути другой. //Мы пронизаны русской незримой нитью — //И народный герой, и упрямый изгой... //Связан каждый друг с другом священной нитью, //И поэтому каждый в России — связной. //Непомятен душою, живет по нити, //Русь святейшую помнит своей глубиной. //Там славянские боги над родиной светят, //Там и скифы-сарматы, и русы-князья //Тянут ниточку эту сквозь крепи столетий, //Где в цепи достославный народ мой и я. //Нить единой судьбы и единого гнева //Серебрится в душе старика и юнца. //Там одно для любви и для радости небо, //Там у русской тропы не бывает конца. //Русский щит на краю Куликова — засветит, //Чтобы Русь защитить и векам сохранить, //И протянется нить к Бородинской победе, //И до Прохоровки вдруг дотянется нить... //... Заклубятся века, задымятся столицы, //Будет враг побежденный в полях наших стыть! //Пусть глядит в небеса, где пылают зарницы, //Там — на небе — свивается русская нить!..»

Нить, воспетая поэтом, гибка. Но она же и крепка, иначе бы не соединяла воедино эпохи и столетия России. А из Сибири, как известно, намного виднее порой Россию, чем из самой России! Эта нить, несомненно, и «красная нить», чего прямо не сказано поэтом, но принимая во внимание, что Скиф — певец империи, и советской в том числе, это несомненно. Но эта же нить — полноцветная, соборная, соединяющая и сшивающая воедино времена и пространства, народы и веры... Эта гибкая нить не менее крепка в образной системе Владимира Скифа, чем восхитивший меня в другом стихотворении негибачейший гвоздь. И бытийная нить, и становой имперский гвоздь, одна гибкостью, другой негибачестью, равно держат Россию, взаимодополняя друг друга. Потому что и гибкость, и негибачесть — две стороны противоречивой русской натуры. С одной стороны — восприимчивой на всё новое, с другой — натуры твердой, когда дело идет о сохранении исконной традиции.

«Жил гвоздь большой в двадцатом веке //Среди обиденных гвоздей. //Он мог и в сани, и в телеги //Запрячь людей и лошадей. //Он жил, хандры не признавая, //Гвоздь негибачейший, прямой. //Шел, к небу грозы прибывая, //На «ты» с Фемидой самой. //Катил истории повозку, //Железный оставляя след. //И вбить его по шлямку в доску //Не мог ни воин, ни поэт. //Я этот гвоздь в России вижу, //Он здесь хозяин, а не гость... //И я подумал, чтобы выжить — //России нужен этот гвоздь!..»

Вспоминается крылатое выражение другого известного поэта: «Гвозди бы делать из этих людей: крепче бы не было в мире гвоздей». Но гвоздь Владимира Скифа не железный, а живой, в моменты испытаний становящийся крепче железа. Тем и ценен. Тем и дорог. Тем и негибаче перед обстоятельствами.

Необходимый комментарий

Скажи правду — потеряй дружбу!
(русская народная пословица)

Во втором номере «Сибири» за этот год была напечатана статья члена СП России Валерия Дмитриевского «Непутёвые заметы». Автор статьи разобрал стилистику повествования Анатолия Байбородина «Путевые вехи» (опубликованного в первом и втором номерах «Сибири» за 2012 год). Статья получилась острая, с обильным цитированием первоисточника, с теоретизированием и с не очень-то приятными для Анатолия Байбородина выводами.

Что ж, такое бывает. «На каждый роток не накинешь платок» — говорит пословица. Писатель печатает свои творения тысячными тиражами не для того, чтобы наслаждаться ими в тишине и одиночестве (хоть этого права у него никто и не отнимает). Но и у читателя есть право высказать свои суждения о прочитанном. Без этого нет подлинной литературы. Критика и полемика — это неотъемлемая часть любого литературного журнала (что принципиально отличает журнал от альманаха или коллективного сборника).

«Критике больше всего бывает обязан журнал своею силою. Без критики журнал есть образ без лица, анатомический препарат, а не живое органическое существо», — утверждал Белинский в статье «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» (1834). Главное условие здесь: критика должна быть аргументированной, а полемика не становилась бы перебранкой и выяснением личностей, но оставалась в рамках литературного пространства.

К сожалению, в данном конкретном случае так не получилось. В ответ на чисто литературные аргументы последовали обвинения автора статьи и всей редакции «Сибири» в русофобстве и в желании выдавить Анатолия Байбородина из редакционного совета журнала. Звучат речи о принципиальной недопустимости критики «своих» авторов на страницах журнала «Сибирь».

Вряд ли можно с этим согласиться. Если мы будем делить писателей на таких, кого можно критиковать, и кого критиковать нельзя, то ничего хорошего из этого не получится. Двойные стандарты ещё никому не шли на пользу.

Обвинения в русофобстве авторов «Золотого телёнка» (которых посмел процитировать Валерий Дмитриевский) также не выдерживают критики. Если «Золотой телёнок» — это «русско-ненавистническая повестушка», то что же тогда можно сказать о «Бесах» и «Братьях Карамазовых» Достоевского, о «Ревизоре» и «Мёртвых душах» Гоголя, о «Деревне» и «Окаянных днях» Бунина, о «Детстве» Горького, об «Обломове» Гончарова, о «Палате номер шесть» Чехова, о «Яме» Куприна и множестве других произведениях великой русской литературы, коим несть числа? Литература не может быть русофобской или русофильской. Она должна быть честной — только и всего! Говори правду, как ты её понимаешь, — а всё остальное приложится само. Но если не будет правды, а будут конъюнктура и желание свести счёты и навязать своё мнение, тогда не спасут никакие художества. Тогда всё будет дрянь и гадость (по выражению Гоголя).

Честная объективная критика не только необходима журналу, но прямо идёт на пользу критикуемому. «О, как нам бывает нужна данная в виду всех оплеуха!» — горячо восклицал Гоголь полтора века назад («Выбранные места из переписки с друзьями»).

Ну... оплеухи мы никому не обещаем, а вот честную уважительную критику постараемся размещать на страницах нашего журнала. Заранее просим критикуемых не обижаться, а несогласных — оспаривать непонравившиеся суждения другими суждениями, из которых следовали бы иные выводы и заключения. И тех и других мы обязуемся печатать. Хотели бы также обратить внимание наших читателей на предупреждение о том, что мнения авторов статей могут не совпадать с мнением редакции (размещённое на второй странице журнала). Слова эти — не пустой звук, а взятое на себя обязательство быть беспристрастными и давать возможность высказаться даже и тому, с кем мы не вполне согласны.

В качестве наглядного примера честной литературной полемики мы публикуем в этом номере статью замечательного прозаика из Красноярска (и нашего автора, см. третий номер «Сибири» за этот год) — Александра Илларионовича Щербакова. Эту статью нам предложил напечатать сам виновник торжества — Анатолий Байбородин. Автор статьи дал согласие на публикацию. И вот, пожалуйста, вот она — статья! Читайте, думайте.

Приглашаем всех желающих присоединиться к обсуждению творчества нашего хорошего товарища и члена редакционного совета журнала Анатолия Григорьевича Байбородина. Литературный спор на страницах «Сибири»... как это было бы хорошо!

А если кому-то захочется разобрать творчество другого писателя — так это ещё лучше. Наши читатели заждались хорошей и разумной критики.

И писатели — тоже.

Александр ЛАПТЕВ

Купель Анатолия Байбородина

Осенью минувшего года в газете «Российский писатель» была основательно представлена новая книга иркутянина Анатолия Байбородина «Утоли мои печали» с публикацией рассказа-притчи из неё «Утром небо плакало, а ночью выпал снег». Думаю, редакция газеты поступила совершенно правильно и прозорливо, выделив из нескучного ныне потока прозы именно работу этого писателя. Она вполне достойна того.

Лично для меня книга Байбородина стала настоящим открытием. К стыду своему, я, будучи сибирским соседом Анатолия Григорьевича, прежде мало знал его. Конечно, слышал о нём, встречал публикации в «Москве», «Нашем современнике», других московских изданиях, отмечая в авторе своего брата, русского почвенника. Но по-настоящему познакомился с ним лишь теперь. Мы встретились в прошлом сентябре на «Астафьевских чтениях» в Овсянке, накоротке поговорили среди «тусовки», обменялись книжками...

И вот, когда отшумел литературный праздник, я погрузился в этот объемистый сборник прозы — романов, повестей, рассказов и даже очерка о родословной писателя с «семейскими» старообрядческими корнями. Мне было понятно его нетерпение, когда он однажды послал записку, в которой намекнул, что не прочь услышать отзыв о своих работах. Однако я всё медлил с ответом. Книга А. Байбородина не из тех, которые проглатываются в одну ночь. Она большая не только по объёму (в ней более семисот страниц), но и по охвату жизненного материала, по населённости героями, по глубине проникновения в их мир, в их быт и бытие.

Не скрою, была и другая причина медлительности с отзывом. Вникая в затейливую вязь «орнаментальной» прозы с карандашом в руках, радуясь встрече с меткими народными словцами, пословицами и присловьями, памятными с деревенского детства и мне, также выросшему среди «поморских» старообрядцев, я сначала испытывал и некоторое неприятие авторской манеры. А именно — нарочитой «неразделимости» речи персонажей и авторской по лексике и стилистике. Это шло в разрез с традицией художественной литературы, знакомой нам со школы.

Невольно вспомнился давний разговор на подобную тему, состоявшийся на торжествах в честь 60-летия В. Астафьева. В широком застолье выступали многие именитые гости — В. Крупин, В. Курбатов и другие, говорили умные, добрые слова. Но особо запомнилось высказывание В. Распутина в том смысле, что мы, мол, ещё не осознали до конца феномен Астафьева. Мы привыкли к существованию особого литературного языка, «очищенного» мастерами, и все пользуемся им в своих работах. Но вот является из глубин народа писатель и начинает прямо говорить языком этих народных глубин. И все видят, что это тоже может быть хорошо...

Однако, на мой взгляд, «языковая стихия» народная у Астафьева, по крайней мере, в авторской речи, все же дозирована и отчасти олитературена.

А писатель Байбородин идёт дальше: он нередко говорит «от себя», словно продолжая речь героя, а то и прямо сливает её со своей. Вот открываю наугад страницу 313-ю: «Бабушка Меланья, щурясь, пристально оглядывала Гошу Хуцана и, покачивая головой, будто вопрошала: и как земля тебя носит, анчихриста, как гром не убьет, молонья не сразит?! Чувала

старуха: не переспорить ей Гошу, — обвык, никого не слушая, реветь на маевках, — и грех было спорить... кто спорит, тот назьма не стоит... но и азарт обличительный затряс трясеей, да и не хотелось оставлять последнее слово за фармазоном». Где тут автор, где герой... Но, прочитав одно, другое произведение Байбородина, я стал ловить себя на мысли, что уже почти не замечаю этих «вольностей», смирился с ними. И даже нашёл им оправдание: а почему бы и впрямь автору не говорить «вместе» со своими героями, если он вырос, живя вместе с ними, и от купели впитал их язык? Тем более что язык этот он вплетает в ткань своей прозы вполне естественно и органично. Писателей-«народников» у нас немало, желающих быть таковыми ещё больше, однако, далеко не у всех это получается, особенно в языке, в словах «к месту». А ведь известно, что именно слово, сказанное к месту, отличает мудреца.

О языке прозы Байбородина Владимир Личутин писал: «Анатолий Байбородин в Сибири и в России, может быть, один из немногих, а может, и из самых первых стилистов и знатоков русского слова. Это качество поднимает его прозу на добрую высоту, но не будем говорить про вершины и пики, — пусть об этом гадают наши потомки через десятки лет, и тем не менее, в нынешнем литературном плоскогорье произведения его заметно выделяются» (*День литературы*. 2008. № 1(137). С. 7).

А доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета Дмитрий Володихин в статье «Последний деревенщик» писал: «...Анатолий Байбородин с умом, любовью и талантом расплетает для читателя сложные узлы умершего языка, умершей культуры. <...> Байбородин работает в очень сложной, полнокровной русской стилистике. Ее можно назвать затейливой, резной или узорчатой, — как наличники у окон старого деревенского дома, как настоящая жизнь, как настоящий живой язык. <...> По художественному уровню его проза ничуть не проигрывает произведениям знаменитых писателей. Не напрасно о Байбородине с такой похвалой отзывались Владимир Личутин и Валентин Распутин» (*Наш современник*. 2012. № 8. С. 11).

Но истинно народный язык, свежий и выразительный, не единственное достоинство прозы Анатолия Байбородина. С языковым колоритом тесно сочетается и этнографическая среда, весь крестьянский обиход и уклад, рисуемый писателем с любовью, завидным знанием и дотошностью. Описание крестьянской избы, двора, села, утвари, одежды, свечаев и обычаев — всё это вы найдёте в книге. Однако и оно не будет главным в ней.

Всё же основным её достоинством я назвал бы попытки автора, чаще — удачные, показать и внешний, и внутренний духовно-нравственный мир людей сибирской глубинки в движении, на разном историческом фоне. От произведения к произведению он смело ставит всё новые задачи, чтобы явить этот мир многосторонне и многогранно. Так, в романе «Поздний сын» и повести «Утоли мои печали» — это грань семейная (или «мысль семейная», говоря по-толстовски), где автор с сыновним поклоном, хотя без особого умиления, порою даже жестковато воссоздаёт увиденную глазами мальчишки жизнь крестьянского гнезда, образы отца, матери, родни... В повести «Не родит сокола сова» — «мысль» социально-историческая: автор на примере сибирского села указывает на тайные пружины переворотов и переломов начала и конца минувшего века, на типических «застрельщиках» этих смут. В повестях «Вечный искус», «Елизар и Дарима» обращается к вечной теме любви и тоже подает её нестандартно, без идеализации, но и без клубнички. Драматизм коллизий исключает и дешёвый хэппи-энд.

Скажем, в «Елизаре и Дариме» он мужественно берётся за такую тонкую, даже опасную материю, как отношения юных влюблённых, вызревших в разных этностихиях. И когда после их неизбежного разрыва закрываешь повесть, невольно вспоминается заповеданное Господом нашим: «Изберите царя из народы своего... Не можешь поставить над собой чужестранца, ибо он не брат тебе...» Пожалуй, так, и не только в выборе царей. Речь не о национальной ограниченности, самоизоляции, речь о спасении «народа своего», его духа, о пробуждении национального самосознания как необходимого условия нашего общего выживания.

Смелые подходы к ряду «вечных» и «проклятых» вопросов я бы поставил в заслугу Анатолию Байбородину. А ещё — обращение его к таким малопопулярным ныне темам, как человек и труд, человек и природа... Есть в книге замечательный рассказ «Купель», с

посвящением В. Личутину, что не случайно: языковая переключка автора с этим старшим братом по цеху налицо. Темой же «Купель» скорее напоминает... хемингуэйевский — «Старик и море». Разумеется, со своим национальным и географическим колоритом. Сюжет незатейлив. Отошедший от дел бывалый рыбак Ждан Хапов, по прозвищу Хап, всю жизнь промышлявший в родном Сосновом озере, вдруг на сто третьем году решает тряхнуть стариной. Берёт удочки, садится в лодку и отчаливает от берега. Внук, которому велено присмотреть за дедом, увлечшись любовными играми с девахой, забывает о нём. И Ждана с богатым, но, увы, последним уловом уносит ветром в озерную даль. Когда сын и внук хватились и поплыли за ним, было уже поздно. «Дед Хап лежал, переломившись через борт, и красноватая закатная рябь колыхала плавающую бороду... Выскользнувший из-за ворота, покачивался на витом шнурке медный крестик, блесенкой посверкивал в чернеющей воде...» Из купели духовной пришёл, в трудовую купель ушёл...

Не буду сравнивать малосравнимое, но признаюсь, что, читая когда-то знаменитого «Старика и море», я испытал облегчение с приближением конца. Рассказ же о «старике и озере» закрыл с сожалением, что он кончился так скоро, и даже всплакнул о светлом деде Ждане, забайкальском старовере. Это очень нашенский, очень русский рассказ, как, впрочем, и весь сборник Анатолия Байбородина «Утоли мои печали».

И хотя заканчивается книга грустными словами о том, что «редет наша родова», «редет и мельчает русский род, точно сосновый бор после шалой вырубки», она оставляет в душе светлое, доброе чувство, вселяет надежду. Вот и за этими невесёлыми словами автор, словно спохватившись, добавляет напоследок, что «уныние — грех» и что всё же надо «исполнять земное назначение», «жить, как умели жить наши дедичи — в страхе Божиим и во славу Божию».

«Трудно найти более глубокого христианина в «деревенской прозе», чем Анатолий Байбородин, — писал вышеупомянутый профессор Володихин. — В творчестве Байбородина христианская мистика соединяется со скрупулёзным реализмом описаний. Его реализм и есть реализм христианский. *Творчество Байбородина можно сравнить с мостом, перекинутым из почвенной прозы закатного СССР к новой православной почве, утвердившейся в литературе наших дней.*

Анатолий Байбородин создал воистину большую книгу. В последнее время появилась солидная литературная премия с таким названием. Пока она, как ныне водится, доступна лишь безнациональным либералистам, но, кажется, в год защиты русского языка пора направить её и по истинному назначению.

И на прощание стих...

Анатолию Байбородину

Да будут чресла ваши препоясаны...
(Лк.12,35)

*Брось печалиться, старый кержак!
Пусть судьба выдаёт оплеухи
И повис над ушами куржак,
Но ведь искры в глазах не потухли!*

*Что куржак? Нам же не под венец,
Нам радеть о Державе и людях,*

*Не остыл ещё пламень сердец
Правдолюбов и родинюлюбов.*

*Да и мыслей огонь не угас.
И пока не сыграли мы в ящик,
Препоясаны чресла у нас
И светильники наши горящи.*

Красноярск

Александр ЩЕРБАКОВ

XIV съезд Союза писателей России

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

Истинная литература — это храм

Из выступления на XIV съезде Союза писателей России
(Калуга, 21–24 октября 2013 г.)

Открытие XIV съезда Союза писателей России

Дорогие друзья!

Мы открываем наш съезд, очередной съезд, в каком-то смысле, такой же, как многие из вас проводили в предыдущие периоды. Но во многом и необычный, ибо он проходит в предкризисной обстановке в мире, нелёгкой ситуации в нашей стране. И мы не можем не думать о сложности жизни наших читателей, да и нас самих. Мы не можем не учитывать

громы войны и жертвы от схваток рядом с нами. Мы не можем не чувствовать свою ответственность за сохранение и развитие русского языка, может быть, самой надёжной скрепы для нашего государства, других языков нашей страны. Погибнет, деформируется язык, народа останется, в лучшем случае, народонаселение. Язык русский, языки народов России — самая живительная и плодотворная, соединяющая нас с прошлым связь. Ведь мы же не хотим остаться без прошлого, не соединять им всю страну. Бережение языка, может быть, наша главная писательская задача.

Обо всём будем говорить на съезде, на встречах с читателями, на встречах друг с другом. Кому не хватит времени, просим отдать свои предложения, выступления в секретариат — мы опубликуем их в стенограмме съезда.

Хотелось подтвердить мнение, что писатель — существо индивидуальное, мало кто умудряется писать «бригадами», да это уже и не литература.

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич. Родился в 1933 г. на станции Пестово Ленинградской области. Председатель Союза писателей России, заслуженный работник культуры РСФСР, член Общественной палаты Российской Федерации, заместитель главы Всемирного Русского Народного Собора, вице-президент Международной славянской академии, академик Международной академии творчества, Международной академии информатизации при ООН, Академии словесности, Петровской академии, доктор исторических наук, профессор. Живёт в Москве.

Для писателя России главное — совесть, истина, переживание за свой народ, за человека. И я думаю, что ряд тех, кто для нас порой и недостижимый, ряд образцов: Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов, Есенин. Да и рядом выстраивается, или недавно был, тот, кто мог бы быть и был неким для нас примером: М. Шолохов, Л. Леонов, Белов, Распутин, Бондарев, Р. Гамзатов, Мустай Карим и другие. Мы хотели бы поговорить о проблемах литературы, замыслах писателей, их удачах и неудачах. За последние годы деятели культуры приучили общество копать в своих скандалах, обличениях, а не говорить о том, что составляло суть их творчества — собственно о литературе. Жёлтая пресса, воротила рынка, возможно, и хотели бы, чтобы в этом и была суть культуры. Они хотели бы, да и заменяли нередко истину, драму или убеждения, уверенность скандалом, сплетней, которые бы уводили литературу в сторону от реальной жизни и её реальных проблем. Давайте попробуем уйти от этого. Давайте не срываться на базарный жаргон, на пустопорожние разговоры, не будем оскорблять друг друга, не будем искать причину своих бед, а порой и поражений у соседа.

Вам раздали отчёт-информацию о нашей работе. Он довольно впечатляющий и уже критикуемый за то, что многие важные мероприятия не включены в него. Это следует учесть. В своём выступлении я остановлюсь на некоторых этих вопросах. Итак, несколько проблем.

Постоянно раздаются преднамеренные или лишённые знания голоса: русская, отечественная литература пропала, наша литература иссякла, истончилась, да и вообще закончилась, пора её заменить точными логическими формулами, технологиями заменить полновесный, полнокровный, живой язык так называемым научным видением мира, отбросив глубину чувств, заменив набором циничных, пошлых, развратных развлечений, зубоскальством, жаргоном. Ну, мы в Союзе писателей, во-первых, можем констатировать, что наша совестливая, традиционно сильная, с одной стороны, и новаторски современная литература отнюдь не иссякла. Она составляет разноцветное, многообразное поле художественных талантов, мастеров, тружеников, профессионалов и энтузиастов. Не хочется выглядеть пустопорожним бодрячком, который не замечает потерь, сужения фронта книги, забрасывания в общественное сознание лжеценностей, извращённых подходов к душе человека, уравнивания добра и зла, потакание греху и слабости. Это объясняется катастрофическим социальным расслоением в обществе, появлением невежественного слоя чванливых от своего богатства людей, снижением уровня культуры и художественного понимания среди широких масс... Это тревожно и даже опасно. Да, мир алчности, торгашества и греха диктует свои законы. Но видя эту глянцево-телевизионную пургу невежества, должна ли литература, наши писатели примириться с этим, отступить от совести, истины, заняться незатейливым коммерческим сочинительством, на котором многие окололитературные писаки с помощью сегодняшнего телевидения и СМИ, могущественного олигархического лобби делают имя? Не будем греха таить — это выгодно тем, кто считает умножение собственного финансового богатства главной целью жизни.

Но истинная литература — это Храм. Как тут не вспомнить уроки, которые дал нам Христос, изгнав из Храма бессовестных торгашей и менял, правда, позволив многим из торговцев и хозяев быть в этом же Храме, занимаясь полезным делом и милосердием. Для нас нет другого выхода, чем представить обществу, людям, читателям лучший образец, художественное открытие истины и лжи, добра и греха, хрусталь русского слова, слова всех народов России.

Давайте взглянем на эту нашу картину творчества рачительным, заботливым взглядом. Беру не в порядке расположения по «олимпийским» наградам и местам, а по художественной самобытности и вкладе как в общее, так и в индивидуальное творчество. Возьмём, например, Белгород. За последние десять — пятнадцать лет он превратился в один из литературных центров страны. Это характерно для нашей литературы. Недавно нас вдохновляла «Донская рота» во главе с Шолоховым. Или вот у меня не так давно вышла статья «Нельзя нам без Вологды». А как же, там ведь творили Ал. Яшин, Василий Белов, пишет выдающаяся Ольга Фокина и другие. А в своё время мы много говорили об

Орловской школе, которой даже обозначили имя — Третья литературная столица России с именами Толстого, Тургенева, Фета, Лескова, Пришвина и других гигантов нашей литературы, подпиравших их современных орловских писателей, к сожалению, некоторые из которых ушли. Кстати, там, в Орле, мы проводили съезд Союза XII по счёту. Тоже вне Москвы.

Ну, а несравненная Сибирская школа с именами Распутина, Вампилова, Астафьева и других знаковых для литературы имён...

Мы уже говорили, что выдающимся событием, которое вызрело тоже в недрах нашего Союза, явилась книга «Кирилл и Мефодий» писателя Юрия Лощица. По сосредоточению в ней философского мышления, исторических фактов и открытий, провидческого взгляда из глубин веков, сокровищ русского, древнеславянского языка, скрепляющего магнетизма прошлого и настоящего — она явилась важным фундаментальным художественным и общественным событием нашей литературы. К этой же плеяде лауреатов относится и творчество, вот уже и ветерана, но вечно молодого, энергичного, полемического борца за православную веру Владимира Крупина. Да, он задирист и непреклонен в этой своей борьбе. На него нападают, цитируют, даже когда он не присутствует на мероприятии, как было в последней тщедушной заметке некоего Макарова об алтайском пленуме, который затрагивал нравственные проблемы демографии. Или вспомним лауреата этой премии Виктора Николаева, афганца, который в своих книгах «Живые в помощи», «Безотцовщина» обращается к самым острым и болезненным проблемам нашей жизни. Так вот, уже эти имена говорят о полнокровной, яркой литературной жизни.

Проблемы прозы, критики будут обсуждать на пленарном заседании, в кулуарах съезда. Я назову лишь несколько авторов, книги которых стали событием в читающей части страны, или могут стать таковыми. Первое имя — Валентин Григорьевич Распутин. В этом году произошло знаковое историческое событие — ему была присуждена премия «за духовную деятельность». Это действительно событие: нашему писателю, сопредседателю Союза писателей, великому мастеру присуждена премия с очень редкой, даже может быть, единственной формулировкой «за духовную деятельность». Не министерству, вузу, собранию людей, а Человеку, писателю. Мы гордимся. Радует и должны извлечь уроки. Как человек, который издавал на протяжении почти 50 лет большинство произведений Валентина Распутина в издательстве «Молодая гвардия», в «Роман-газете», знаю, как нелегко проходили его многие произведения, его идеи. Его оппоненты или согласились, в конце концов, с ним, или отступили. А его произведения вошли в «иконостас» российской литературы, и мы гордимся, что являемся его современниками.

...В последнее время в нашей художественной литературе, в публицистике появилось немало людей, которые доказательно, аргументированно, всесторонне опровергали эти вбрасываемые в нашу жизнь фальсификации. Назову несколько из них. Например, блистательный полемист Александр Казинцев, профессор, москвич Вдовин, Нарочницкая, петербуржцы Казин, Корольков, Колесов, Смолянин, Александров, автор книги о Петре и Февронии, писатель Фанкин из Муром. Создатели «Русской доктрины» при ВРНС, написанной высоким художественным словом. Или пытливый и настойчивый А. Кердан, создающий серию исторических романов о проникновении русских землепроходцев, предпринимателей и моряков на американский континент.

...Наша провинция полна талантливыми, интересными писателями. Возьмём одного из них — Попова из Архангельска, редактора заметного журнала «Двина»; но вот получает он две премии из разных районов России, которые говорят о разнообразии и проницаемости его таланта. Так, за роман «Повесть последних лет» он получил премию Гончарова в Симбирске, которую также получили известные писатели Еськов, Дорошенко, Дроздов, и премию «Полярная звезда» за своё творчество в С.-Петербурге.

В последние годы мы не можем обходить, да и не обходим, тему православия, тему Веры. Одного из самых ярких писателей в этом смысле мы назовём, конечно, Николая Коняева из С.-Петербурга. Удивляюсь его творческому накалу во все последние годы. Тут и «Православный хронограф», и «Размышления об исторической монархии», биографии

таких разных, но таких возвышенных людей, как Николай Рубцов и Семён Юонский из Якутии, пронзительно просвечиваемые лучом веры и гуманизма. И рядом с Коняевым псковитянин Смолькин, москвич Сергей Котьяло, который и сам блестящий писатель, но ещё подлинный пропагандист этой духовной литературы, возглавляет журнал «Новая книга России» и сайт «Русское воскресенье». В связи с широким вхождением православия в нашу жизнь возродились многие старые слова и понятия, составляющие языковую ткань нашей речи.

Мы с упоением слушаем ежесубботно «Слово пастыря», стилистически отточенные православные беседы Святейшего Патриарха Кирилла, являющиеся, в каком-то смысле, примером смыслового, логического, художественного, стилистического, филологического мастерства для нас.

В нашу писательскую жизнь пришли и многие священники и монахи...

Хочу сказать об одном важном явлении в работе нашего Союза: к нам в Союз тянутся честные и талантливые художники и композиторы, актёры и кинематографисты. Великий композитор Георгий Свиридов часто говорил, приезжая в Союз писателей: «Я очень люблю бывать у вас, где ведётся живой разговор о жизни, о России, об искусстве и Слове». Он каждый раз говорил, что его покоряет сердце и разум наших писателей Распутина и Белова, Астафьева и Кострова, Передреева и Куняева и многих других. Мы присудили ему премию Сергея Есенина. Эту линию художественного единения следует продолжать и сегодня...

Я однажды на секретариате обратился к секретарям и членам общероссийской приёмной комиссии сократить приём в Союз поэтов, но получил отпор. Лариса Баранова резонно сказала: «Валерий Николаевич, прослывете врагом поэтов». Ну, кому охота ходить с клеймом «поэтоненавистника»? Я думаю, все в областях должны понимать, что требовательность при приёме не понижает человеческую дружбу, а повышает её. Хотя кое-кто и заявляет нам: тяжело отказывать в области, мы же все знаем друг друга — сделайте приём или отказ лучше вы. Ничего себе, принципиальный совет!

...С точки зрения Союза, главной задачей, как говорил Некрасов, является «поверить» друг другу своё творчество. В то же время мы организация интеллектуалов, где каждый пишет, отвечает сам за себя. Прошли времена чисток, проработок за неудачные, невыдержанные в художественном или нравственном смысле произведения. В то же время каждый член СП имеет право высказаться по любому произведению. Мы не исключаем из организации, как бы нас к этому ни побуждали, за исключением некоторых чудовищных случаев нарушения морали. Союз — дело добровольное. В то же время в некоторых ситуациях, по мнению всех или большинства, член организации может быть снят с учёта в этой организации. Вопрос о приёме остаётся острым — тут борются две тенденции: расширения организации, принятия в её ряды всё новых, в основном молодых, членов. А с другой стороны — забота о качестве принимаемых, правда, нередко за этим стоит стремление оградить себя от конкуренции. Каждая организация, как и Центральная приёмная комиссия, должны найти оптимальное, здоровое и полезное решение. Вопрос о кандидатуре, по-моему, следует оставить в ведении местных организаций, как и было предложено на предыдущем съезде. А что касается молодых, или не молодых, конечно, молодых следует поддерживать, но мы не делим литературу по календарному принципу, а по принципу «хорошо» и «плохо», «талантливо» или «бесталантно».

И ещё раз понимая, что Союз не является материальным и финансовым центром, нельзя не заметить тягу большого количества способных людей быть членами нашего Союза писателей России. Именно нашего. И ещё раз подчёркиваю, к сожалению, что никакой финансовой помощи не следует ожидать. Но там, где губернии, области, республики возглавляют державные, разумные, интеллигентные правители, губернаторы, президенты, там находятся средства, возможности, понимание того, что забота о языке нации, о её культуре, о едином духовно-культурном пространстве, о писателях является неотъемлемой частью деятельности государственного руководителя, в противном случае, это говорящая трибуна. Таким примером можно назвать работу уважаемого Анатолия Дмитриевича Артамонова, Александра Богдановича Карлина из Алтая и Евгения Степановича Савченко из Белгорода.

Можно ли в целом оценить работу Союза, секретариата? Надо. Это решает съезд. Но навряд ли это будет исчерпывающая характеристика. Ведь в целом это была бы средняя температура по госпиталю, в котором тысяча людей. Мы ведь не имеем оплачиваемого аппарата, никто нас не субсидирует. За словами о поддержке культуры в стране выдёргивается стержень литературы. Министр культуры сказал: «Культура — это не литература!» Потом, почувствовав чудовищность этих слов, поправился: «Я имею в виду, что нам, Министерству культуры, не прописано, что мы должны заниматься литературой, поддерживать, развивать её». Ну, во-первых, почему не прописано? Конечно, предыдущие министры отбивались от литературы как чёрт от ладана. Театры — да, художники — да, музыка — да, а литература — нет. Интересно, как можно работать театрам, кино, художественным школам, музыкальным учреждениям и без литературы? Не становится ли явно, что при этом и появляются в Большом театре хулиганские опусы Сорокина («Дети Розенфельда»), проводится разбитие, раскол икон псевдохудожниками, бросающими взгляд в мир через задний проход коровы (гельмоновцев), людей, извращающих классику или получающих премию Минкульта за гигантский фаллос на мостах Петербурга. Да уж, всё это, действительно, не связано с классической русской литературой, которую мы исповедуем, ни с элементарной культурой.

А если говорить ответственно, то Союзу писателей и Министерству культуры надо войти с предложением об оказании госпомощи литературе, прямой поддержке её писателей, нашего творческого Союза. Да и нет такого указания: не решать вопросы литературы. Ведь организывает Министерство культуры государственные комиссии на юбилеи отечественных классиков. Я сам был в государственных юбилейных комиссиях о Пушкине, Гончарове, Твардовском, Шолохове, Гоголе и других, которые довольно плодотворно работали. Да, без Министерства культуры нельзя было бы представить эти великие торжества культуры и литературы. Следующий год объявлен Годом культуры, а как это может быть без литературы? Надо только проявить настойчивость, и Союзу писателей не висеть бесполезным грузом на Министерстве.

...Я ещё раз хочу напомнить наши принципы, которые исповедует Союз писателей России, решительно руководствоваться ими, как и в предыдущие годы, и утвердить их официально как нашу духовную программу. Следование традициям русской классической литературы, высоким образцам национальных литератур. Быть организацией патриотической, державной, мы — государственники. Быть очагом русского и национальных языков России. Союз писателей — организация многонациональная, в которую входят представители всех национальностей. Бороться за справедливость и правду. Исповедовать высокую нравственность и народность. Утверждать лучшие черты наших людей, бороться с худшими с помощью художественной литературы. Правлению Союза уделять главное внимание писательским организациям русской провинции, имея в виду, что с писательскими организациями Москвы и С.-Петербурга секретариат поддерживает постоянные контакты регулярно. Проводить на местах региональные встречи, конференции, пленумы, расширенные секретариаты, вместе с ними утверждать Всероссийские литературные премии писателей-земляков, посвящённые великим событиям и датам нашей истории. Знакомить с высокими образцами мировой культуры, развивать отношения с писательскими организациями Азии, Африки, Латинской Америки, с писателями Европы и США. Поддерживать молодых литераторов, проводить семинары, совещания, добиваться выпуска их книг. Принимать в Союз писателей на основе рекомендаций местных организаций с утверждением Центральной Всероссийской приёмной комиссии. Возможны в отдельных случаях приёмы на секретариате Союза писателей. Каждый писатель может иметь любую политическую позицию, находиться в любой политической партии, но официальное решение по поддержке той или иной программы партии или её платформы Союз не принимает. Союз писателей является соучредителем ВРНС, его председатель является заместителем Главы ВРНС, участвует в его работе...

Ещё один важный вопрос, решением которого мы нередко гордимся. Мы заполучили у государства День нашей литературы, День русского языка, День Пушкина. Это здорово!

Каждый год мы обязаны составлять планы и проводить Пушкинские дни, включая празднование всех литератур России.

И вот ещё одна наша радость. С помощью наших литконсультантов И.П. Новосёлова и В.М. Мельникова, с согласия скульптора Николая Кузнецова-Муромского, при помощи спонсоров изготавливаем бюсты или памятник А.С. Пушкину. Изваяние красивое. Одно из них находится в приёмной Союза. Их мы подарили писателям Сербии и установили на красивой площади в Белграде. Памятники Пушкину за эти годы подарены нами и установлены в Болгарии, Швейцарии, Колумбии, во Вьетнаме, опасном для жизни Багдаде, в Эритрее, где ему отвели центральную площадь, провели большой, я бы сказал, всенародный митинг. Памятник установлен и в Казахстане, у нас в Кабардино-Балкарии и на знаменитом Прохоровском поле. Хорошо? Замечательно! Пушкин с нашей помощью идёт к друзьям и творческим союзникам. А вот ещё два культурно-духовных действия. В Башкирии наш сотоварищ, секретарь Союза Михаил Чванов и его соратники-писатели вот уже 23 года проводят Аксаковские дни. Это яркое незабываемое событие. Кто хотя бы раз побывал на нём, восхищается смыслом и организацией праздника.

А на другом конце страны Союз писателей, организации писателей провели выдающуюся акцию вместе с «Североарктикгео» — учредили и вручили в С.-Петербурге премию «Полярная звезда» для писателей Севера. Конечно, литература не делится по широтам, но какие яркие и самобытные таланты были представлены из Ханты-Мансийска, Салехарда, Камчатки, Архангельска, Мурманска, даже Норвегии и Финляндии. Спасибо Николаю Иванову, Вале Ефимовской и Борису Орлову за организацию этой работы. И таких, объединяющих наше культурно-духовное пространство акций мы проводим немало, многому научились. Назовём хотя бы один из запоминающихся праздников — «Сияние России», который породил и продолжает курировать В.Г. Распутин, или Толстовские чтения в Ясной Поляне. Давайте фиксировать их, сообщать о них, рассказывать о них, и тогда ясно, что попытки замолчать литературную жизнь станут тщетны.

Не думаю, что меня обвинят в предвзятости, ибо я более 30 лет работал над материалами и исследованиями об адмирале Фёдоре Ушакове, которого РПЦ прославила в лике святого подвижника, воина непобедимого. За эти годы было воздвигнуто много памятников, храмов и центров Фёдора Ушакова. Он подлинный герой и слуга Отечества, сын веры. Я знаю, сколь много писательских усилий потребовалось, чтобы провести эту работу, организовать Движение юных ушаковцев. И это не следует считать ни литературной, ни союзной работой. Вот только что я был на Ионических островах, на Корфу, и знайте: там возведены за эти годы три памятника русским морякам, великому адмиралу, а мои книги переведены на греческий язык. Не это ли плоды нашей общей духовной деятельности?

Не можем мы не назвать регулярно проходящий кино клуб Сергея Лыкошина, где читают стихи, представляют книги, обсуждают киноленты документального кино.

Но сейчас Союз лишился какой-либо финансовой базы. Нам запрещено сдавать наши помещения в аренду и извлекать какие-либо скромные финансовые средства, которые шли на оплату помещения, коммунальные услуги (свет, газ, связь) и которые мы оплачивали до 2009 года. С этого времени дело дошло почти до закрытия Союза, если бы не наши усилия, усилия всех писателей. Мы, не впадая в панику, не провозглашая, что Союз погиб, не пугая наших нередко колеблющихся сторонников, с утра и до вечера вели неоплачиваемую работу, ибо никаких средств не было. В Союзе работали в основном бывшие работники-пенсионеры, которые жили только на свою пенсию. Да, была оплата из наших скудных остатков охране, шофёру и нескольким сотрудникам. Кстати говоря, машину мне лично подарили бесплатно железнодорожники за нашу совместную деятельность. Я отдал её Союзу. Как жить и работать дальше? Вы знаете, что мы мобилизовали общественное мнение на защиту нашего исторического здания, на которое периодически ведётся охота то ли государственных организаций, то ли «жирных котов». Мы защитили Дом в 1991 году, забаррикадившись в нём, в 1997 году, когда Союзу писателей обманом навесили долги обанкротившегося банка неподъёмным числом рублей (2 млрд). Мы обязаны тогда спасением светлой памяти погибшего на Кавказе героя Афганистана Виктора Поляничко, моего друга, связанного с властями и спасшего тогда

наш Дом от разрушительного долга (В.С. Черномырдин). И вот в 2009 году Госимущество потребовало выселения нас из исторического здания, полученного в 1970 году от Правительства России Сергеем Михалковым, бывшим тогда председателем Союза писателей РСФСР. Пришлось начинать всё сначала. Я был у Генерального прокурора, в Арбитражном суде, у председателей Госдумы и Совета Федерации, у руководителей политических фракций в Думе. Просьбу оставить Дом Союзу писателей России поддержали Патриарх Алексий. Символично, что он подписал это письмо в последний день своей земной жизни. Поддержал нас и Патриарх Кирилл. Это была большая духовная поддержка. По этому вопросу выступил Г.А. Зюганов. Но мы продолжали бороться. Лишь только тогда, когда наше письмо подписало более сотни писателей и Валентин Григорьевич Распутин передал его В.В. Путину, в 2010 году вышло постановление за подписью В.В. Путина: «Передать в безвозмездное пользование здание (часть здания) Союзу писателей России». Мы благодарны ему за это решение.

И вот нынче новому правлению предстоит снова борьба за наш Дом. Все это напоминает наскок на Академию наук России с целью отобрать у неё собственность. Снова надо мобилизовать общественность, искать спонсоров. За последние два года мы смогли, получив благотворительную помощь от ряда благотворителей, в первую очередь, от общественной организации «Граждане за себя», удержать Дом, оплатить коммунальные платежи и провести ещё ряд небольших затрат на ремонт. Мы благодарим общественную организацию «Граждане за себя» (руководитель И.Р. Ашурбейли) и просим, где она (эта организация) есть в областях, участвовать в её работе, её деятельности. Помогал нам и Литературный фонд России, но мы надеемся на большую помощь.

Давайте не терять бодрость и уверенность в Божьем промысле. Надо действовать, планировать, обращаться к ещё не затвердевшему в безразличии общественному мнению. Давайте примем специальное обращение съезда о нашем Доме и поддержке Союза.

Но вопросы возникают об уничтожении Союза писателей России снова и снова. Сейчас уже никто не нападает открыто. Придумывают различные мелкие причины, навязывают споры и даже раздоры, чтобы мы не занимались своим прямым делом: не думали, не осмысливали, не чувствовали, что происходит в стране, с людьми, а главное, не писали, не следовали своим великим предшественникам, не следили за чистотой русского языка, с пренебрежением относились к русской культуре. В лучшем случае, как «Литературная газета»: не замечать, игнорировать то, что сделал Союз писателей России, его организации, не обсуждать наши общие проблемы, новые книги, авторов членов Союза писателей России, особенно тех, кто имел свой взгляд, отличный от взглядов руководителей газеты. Они хотели за эти пять-семь лет создать своего рода резервацию для русской литературы, творчества членов Союза, не показывать деятельность Союза, сделать вид, что его не существует. Так была не замечена встреча- пленум, проведённая в Брянске и Новгороде-Северском вместе с Фондом культуры Украины, посвящённая «Слову о полке Игоре», пленум писателей России в Саранске, который был посвящён 1000-летию вхождения народов Мордовии в семью народов России, обсуждавший проблемы литературы многонациональной страны вообще, всего нашего многонациональя, — «Литературка» ни слова. Ну, ладно, не хотят замечать литературу писателей разных земель, но в 2012 году был потрясающий пленум и секретариат Союза писателей России, проведённый прямо на Семёновских флешах Бородинского поля с высоким, перекликающимся с сегодняшним днём выводом о том, что литература Отечественной войны 1812 года, отклик на эти события у Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Толстого и других вызвал к жизни Золотой век русской литературы. Она защитила победу первой Отечественной войны от злопыхательства, погромов, свойственных нападениям борцов с «победоманией» и сегодня у нас в отечестве. Это была одна из интереснейших встреч писателей, где выступали те, кто писал о той войне, те, кто её исследовал, и те, кто думал об её уроках. Литераторы, учёные, архивисты, руководители творческих объединений повели серьёзный и ответственный разговор о славной победе и её уроках, что отразилось во многих местах страны. Были названы новые имена. «Литературная газета» промолчала, не заметила, что там шёл разговор об уроках и потерях нашей литературы, о развороте работы с писателями провинции.

...Говорят и рассуждают о создании некоей объединённой организации писателей или деятелей культуры. Ну, что можно сказать по этому поводу. Во-первых, то, что в наше время может быть создана любая творческая организация. Во-вторых, создать единую организацию нелегко из любых творческих личностей по причине диаметрально противоположных взглядов. Но, конечно, можно, да ещё и нужно. Но когда люди противоположных взглядов делают ставку только на либералов, на олигархических трубадуров, то найти общий язык трудно.

Мы имеем опыт. Десять лет назад мы заключили договор о создании Ассоциации. Подчёркиваю, Ассоциации Союзов с Литературным фондом, Российским союзом писателей. К сожалению, руководство Союза российских писателей, которое и выдвинуло эту идею, два раза за подписание этого совместного протокола было снято со своих постов. Хотя мы и сегодня не возражаем против такой Ассоциации.

Ну, ладно, пусть такое решение будет принято и такое объединение будет разрешено. Говорят, будут найдены деньги для его финансирования. Ну, во-первых, странно, что за 20 лет существования нашего Союза не было найдено ни единого рубля на его существование. Говорили: «Нет». Откуда вдруг они возьмутся? А ещё, что это будет касаться узкой группы лиц, которые себя считают писателями, а других — нет. Ведь тут всё-таки главное — художественные и нравственные ценности.

Считаем, что наш Союз — Союз писателей России, исповедующий державные принципы, должен рассчитывать на державные возможности, средства и поддержку. Ибо любое решение, обходящее нас, ставит нас в положение оппозиционеров, противостояния и поиска путей, обращения к любому, отнюдь не однородному обществу. Мы не будем раньше времени осуждать или одобрять это решение. Со всем историческим скепсисом, которому нас научило время да и власть, займём выжидающую, требующую уточнения позицию.

Поручим будущему правлению разобраться в этом.

Я заканчиваю выступление двумя вдохновляющими событиями. В адрес Союза писателей России, ну и его председателя, были направлены три знаковых поздравительных телеграммы от Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, от Президента Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко, от Президента Украины Виктора Фёдоровича Януковича. Знаменательно, что в качестве объекта поздравления был выбран писатель, член нашего Союза. Столь значима в нынешнем мире роль мастеров Слова, мастеров литературы, нашего Союза писателей России.

Когда наше прошение о Доме поддержали Патриархи Алексей II и Кирилл, я сказал: «Мы получили поддержку от главных духовных лиц России. Это нас укрепляет, и что бы ни случилось, мы можем продолжать работу, хоть в катакомбах».

Ну и ещё, ныне, в сентябре, приветствуя и награждая юбиляра, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл сказал очень важные слова о роли Союза писателей в современном мире. Было сказано, что в тяжёлое переломное время 90-х годов писательское сообщество было «сохранено и сплочено», несмотря на тяжелейший период не только в финансовом, материальном и моральном отношении. И особая роль Союза писателей России была отмечена «в восстановлении отношений между писательским сообществом, нашей интеллигенцией и Русской Православной Церковью. <...> Такие добрые, открытые, взаимопользные отношения были воссозданы между Церковью и интеллигенцией, которые были порушены ещё в XIX веке и которые прошли через тяжёлые метаморфозы века XX... <...> Это был исторический вклад...», — отмечено в приветствии. Такие отношения связывают нас и с представителями других религий.

Заканчиваю и обращаю внимание на то, сколь велика ответственность и обязанности современного русского, российского писателя, представляющего свои народы в нашем творческом труде, если к нему относиться как к труду и обязанности, служению, а не развлечению и приключению.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

Говорю это с печалью...

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА XIV СЪЕЗДЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
(КАЛУГА, 22 СЕНТЯБРЯ 2013 Г.)

Сегодня мы обсуждаем эпоху Ганичева — целых 18 лет в истории Союза писателей России. После эпохи Соболева, Михалкова, Бондарева. Говорю это с печалью, потому что это и моя эпоха. То же самое мог бы сказать и Валентин Распутин, и покойный Василий Белов, и Феликс Кузнецов, и Александр Проханов. В СП я был принят 53 года тому назад. И вне Союза до сих пор не представляю своей литературной судьбы.

Когда в 1994 году мы выдвигали на этот пост ещё молодого Ганичева, его естественным конкурентом был Юрий Васильевич Бондарев. Я его уважал и любил и как гражданина, и как фронтовика, и как писателя. Но прекрасно при этом понимал, что Ю.В., сказавший в 1987 году, что «страна, взлетевшая в начале перестройки, как самолёт, не знает, куда ей приземлиться», спустя 10 лет в разгар криминальной революции перестал понимать время, отгородился от него заслуженной славой и окружил себя людьми, умеющими осыпать его похвалами. И потому он не видел путей спасения СП. В этом смысле он был похож на другого честного фронтовика — Сергея Викулова, который в 1989 году сказал мне:

— Станислав! Я не понимаю нового времени. И не вижу, как вести журнал. Возьми его в свои руки!

Вот почему в 1995 году я поддержал Ганичева, имеющего и дипломатические способности, и тесные связи с сильными мира сего, пришедшими на службу новой власти из советской номенклатуры. За Ганичевым был опыт, накопленный в комсомоле, в «Молодой гвардии», в «Комсомольской правде». Он обладал качествами, необходимыми для выживания СП в «лихие девяностые», качествами, которых не было у советского олимпийца Юрия Васильевича Бондарева.

Поэтому все последующие годы я поддерживал Валерия Николаевича всем, чем мог: публиковал всё, что выходило из-под его пера в журнале, выполнял все его просьбы и поручения. А когда на предыдущем съезде мои близкие друзья Личутин и Бондаренко повели себя грубо и несправедливо, когда Личутин не постыдился посмеяться над его возрастом в «ЛР»: «Я представляю, как столетнего Ганичева вносит на закорках в СП, громко похохатывая, смоленский поэт Виктор Смирнов», я не простил им такого глумления и жёстко ответил обоим в своём выступлении на съезде, а потом и в печати. С Бондаренко мы помирились. А с Личутиным, получившим от Ганичева все возможные премии, а сегодня перебежавшим к Полякову, не разговариваю до сих пор.

КУНЯЕВ Станислав Юрьевич. Родился в 1932 г. в г. Калуге. Поэт, публицист, литературный критик, главный редактор журнала «Наш современник» (с 1989 г.). Автор десяти биографий в серии «Жизнь замечательных людей», вместе с сыном Сергеем опубликовал в этой серии книгу о жизни и творчестве Сергея Есенина. Автор около 20 книг стихов, прозы, публицистики, наиболее известные — «Вечная спутница», «Свиток», «Рукопись», «Глубокий день», «Избранное». Автор множества переводов из украинской, грузинской, абхазской (в том числе Мушни Ласурия, Дмитрия Гулиа), киргизской (в том числе Токтогула), бурятской, литовской (в том числе Эдуардаса Межелайтиса) поэзии. Лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького, лауреат литературной премии «России верные сыны» (2000) как публицист за трёхтомную книгу воспоминаний «Поэзия. Судьба. Россия». Некоторые его произведения переведены на болгарский, чешский и словацкий языки. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Когда же поляковская команда, мстя Ганичеву за поддержку МЛФ, спустила на него всех телевизионных овчарок от Караулова до Владимира Соловьёва, я защитил его имя в статье «Соблазны чубайсовщины», где писал: «Поляков заявляет на десятки миллионов телезрителей: «Ну а кто руководит Союзом писателей России — некто Ганичев! Знаете вы такого писателя?» И телешоумен Соловьёв с иезуитской улыбкой отвечает на вопрос Полякова: «Нет, не знаем!» И сказано это было об авторе уже знаменитой, выдержавшей несколько изданий книги об адмирале Ушакове, книги, которая во многом способствовала тому, что Русская православная церковь канонизировала великого флотоводца... О руководителе, о котором Святейший Патриарх на встрече с писателями сказал, что преодолено средостение между Русской православной церковью и русскими писателями...» Это я писал и печатал в 2008 году.

А нынешним летом, желая сорвать наш съезд, «ЛГ» в 18 номерах подряд опубликовала около 30 материалов, в которых потоки вранья и глумления обрушились на МЛФ и, конечно же, на Союз писателей России. «ЛГ» глумилась над Ганичевым, которому, по словам её борзописцев, «удалось окучить ряд государственных структур», чтобы провести пленум в Барнауле. Более того, «поляковцы», пытаясь сорвать наш съезд, потребовали от калужского губернатора Артамонова «не спонсировать так называемый съезд писателей России» («ЛГ» № 28, 13).

Настоящую ярость вызывает у поляковских шавок и сопредседатель СП России, замечательный прозаик, лауреат первой литературной Патриаршей премии Владимир Крупин, которого они обозвали «бесогоном» (чует кошка, чьё мясо съела!) и которому эти мелкие газетные бесы приписали слова, якобы сказанные Крупиним в Барнауле, где его и не было на пленуме.

Отпор всему этому потоку лжи мы дали в одном из последних номеров нашей литературной газеты и в «Нашем современнике» в статье «Над пропостью во лжи». Единственный, кого недавно похвалила «ЛГ», — это Геннадий Иванов, который «преданно служит общему делу» (по словам Набатниковой). Но какое «общее дело» есть у СП и «ЛГ», которая спит и видит, чтобы СП раскололся, — не понятно.

Однако всё вышесказанное совершенно не означает, что будущему руководству СП России можно почивать на лаврах и продолжать работу в традиционном русле, ибо на дворе — новое время.

Точно так же, как команда Бондарева к 1995 году исчерпала свой ресурс, такие же признаки апатии, непонимания времени и бессилия стали очевидными у нынешнего руководства Союза. Главная беда состоит в том, что по разным причинам нынешнее руководство СП довело материальное положение своей центральной организации и нашего легендарного Дома, как говорится, до ручки. Загляните в отчёт о работе СП между съездами. Тут перечисление сплошных праздников, юбилеев, фестивалей, наградных кампаний, выставки, конкурсы, «круглые столы», открытие памятников и ни слова об экономических достижениях или трудностях, о материальной базе, об юридических победах или поражениях, об исполнении годового бюджета, о долгах, о том, на какие средства будет жить СПР сегодня.

В эпоху Ганичева мы распоряжались всеми тремя этажами Дома писателей. В подвальном помещении у нас был ресторан, приносящий доход. Мы сдавали в аренду площади, содержали целый штат сотрудников (более 30 человек), получавших полноценную зарплату, имели бухгалтерию, имели 15% акций ИПО писателей, имели дорогостоящее оборудование для полноценной компактной типографии, имели средства на командировочные расходы, на книгоиздание, на оплату за чтение рукописей в приёмной комиссии. Имели в своём распоряжении Бюро пропаганды художественной литературы с обширными площадями в самом центре Москвы. Но после того как руководство СП не смогло отстоять рейдерский натиск чиновников весьма высокого ранга, капитулировало, отдав им третий этаж особняка и согласилось на «безвозмездное пользование» без права сдачи площадей в субаренду, мы быстро обнищали. Сразу стало нечем платить зарплату, коммуналку, работу приёмной комиссии, оплачивать ремонт. Почти четыре года аппарат СП не

получает зарплату. Естественно, что он разбежался и что Ганичеву пришлось отказаться от Бюро пропаганды вместе со всеми его помещениями.

Да, конечно, новое время принесло всем общественным организациям неимоверные испытания. Но Московская писательская организация свой дом отстояла, Союз российских писателей выстроил себе в центре Москвы особняк и получает от его использования средства для своей деятельности.

МЛФ отстоял, пройдя через все судебные испытания, всё, что можно было отстоять: рестораны, подвалы, бывшие ателье, дом на Черняховского, Переделкино, Внуково, Голицыно, возродил Комарово, спас книжные лавки в Питере и в Москве, произвёл блистательный ремонт Дома Ростовых. А всё потому, что всем комплексом «не литературных», а юридических, хозяйственных, экономических, правовых и прочих дел занималась энергичная команда во главе с поэтом и, слава Богу, что ещё и выдающимся «хозяйственником» Иваном Переверзиным.

Я тоже хозяйственник поневоле. Скажу ещё, что все творческие союзы России — художники, театральные деятели, журналисты, архитекторы, композиторы — все сохранили в наше криминальное время свои центральные офисы в Москве. Только одни писатели стоят у порога своего легендарного особняка, как у разбитого корыта. Приходится признать, что нынешнее руководство Союза не смогло мобилизоваться для борьбы. А команда не сумела, опираясь на авторитет своего пусть постаревшего и уставшего лидера, решить все проблемы.

На днях мы получили горестное письмо из Вологды, где живут и работают 50 членов Союза, из которых более чем 30 постоянно печатаются на страницах «НС». Вологодская земля — родина Клюева, Ганина, Шаламова, Белова, Рубцова, Яшина, Сергея Орлова, Викулова, — это, по моему мнению, третья столица России. В письме сказано: «В связи со сложной финансово-экономической ситуацией, сложившейся в Вологодской области, писательская организация испытывает острые финансовые затруднения. Чтобы сохранить организацию как юридическое лицо, необходимы финансовые средства на оплату бухгалтерских услуг, содержание арендуемых помещений, коммунальные услуги, включая задолженность за 2012 год.

Просим оказать финансовую поддержку Вологодскому региональному отделению Союза писателей России в размере 150 (сто пятьдесят) тыс. руб.»

Пишут кому? Мне и Переверзину о том, что местным властям нет до них никакого дела. Пишут нам, но не нынешнему руководству СП России, прямой долг которого добиваться у местных властей лучшего отношения к писателям. Ну, конечно, мы оказали им эту помощь, поскольку вологодская организация — моя любимая после калужской. Но это лишь одноразовый выход из положения. Я написал письмо губернатору Вологодской области с просьбой помочь писателям. Но не знаю, как они выживут в 2014 году.

Если команда не смогла использовать все возможности в лучшие времена, когда В. Н. Г. мог напрямую войти к Черномырдину, когда с ним в одно время работали в элите его товарищи из недавнего советского прошлого, когда он был крепок здоровьем, когда у СП были деньги и полноценные кадры, то есть ли у нас надежда на спасение СП в наше время — без денег, без армии сотрудников, при новой формации чиновников, не знающих, кто такой Ганичев, при враждебном отношении к нам Министерства культуры?

Обессиленный в финансовом и кадровом отношении нынешний СП не в состоянии оказывать никакой реальной помощи областным писательским организациям.

Чувствуя слабости центра, на местах опять, как в начале 90-х, нарастают сепаратистские настроения — раскалываются до этого единые организации в Иркутске, в Красноярске, в Нижнем Новгороде. Пресечь этот сепаратизм — прямой долг центрального руководства. А оно опустило руки, словно бы говоря: «живите, как хотите».

СП получил письмо от Минкульта о том что с 1 января 2014 года Дом на Комсомольском будет поставлен на ремонт. А вернёмся ли мы туда после ремонта? Неизвестно. И на каких условиях? Гарантий нам никто пока не даёт.

Валерий Николаевич! Кадры решают всё! В связи со смертью С. Лыкошина, И. Ляпина, В. Числова, Н. Сергованцева, в связи с уходом из команды отличных работников — Л. Ба-

рановой и В. Середина (который, практически работает в МЛФ и зарплату получает там), ваша команда явно ослабела. Два ваших верных оруженосца С. Котьяло и Г. Иванов не в силах выполнять необходимый объём работы, нужный для оздоровления Союза. Может быть, нам на съезде создать институт ваших заместителей, наделив их реальной властью? Я, к примеру, в их числе хотел бы видеть И. Переверзина, В. Крупина, Н. Иванова, Л. Баранову, конечно же, и Середина, а может быть, и Бояринова. Прошу съезд серьёзно подумать об этом.

В заключение ещё раз повторяюсь, что эпоха Ганичева — это моя эпоха. А поэтому во всём, что произошло с Союзом и Домом на Комсомольском, который я оборонял в 1991 году, есть и моя ответственность. Если бы я был помоложе на 5-7 лет, ну хотя бы в возрасте Володи Крупина, я набрался бы храбрости и сказал:

— Выберите меня! Я попробую...

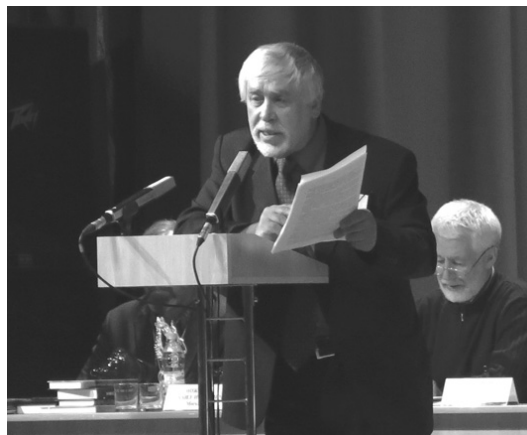
Но на моих плечах журнал, без которого у Союза писателей не будет полноценной литературной жизни. Ведь уже на прошлом съезде наши вечные молодые и здоровые бунтари Личутин и Бондаренко высказали не только Ганичеву, но и мне в лицо, мол, ты уже старец, уходи!

Но я ответил им: если сложить тиражи «Нового мира», «Знамени» и «Октября», то как раз получится тираж «Нашего современника», возглавляемого старцем, которому главные редакторы вышеупомянутых журналов годятся в сыновья и даже в дочери. Так что возраст дело важное, но опыт и здоровье — важнее. Правда, сейчас зрение сдаёт, читать столько, сколько читал, — не могу. Однако, когда вспоминаю, что старый и одноглазый Кутузов победил молодого с орлиным зрением Бонопарта, я успокаиваюсь...

Авось, и сейчас мы с новой командой соберём все силы, выправим положение и спасём с Божьей помощью наш Союз!

ВЛАДИМИР СКИФ

Могущество Союза писателей всегда прирастало и будет прирастать Сибирью

Выступление В. Скифа на съезде писателей

Уважаемый съезд!
Уважаемый президиум!
Уважаемый Валерий Николаевич!

Нынче в Иркутске мы отметили 20-летие нашего знаменитого на всю страну праздника русской духовности и культуры «Сияние России», который в 1994 году основал выдающийся русский писатель Валентин Распутин при непосредственном участии митрополита Иркутского и Ангарского Вадима и губернатора Бориса Говорина. За эти годы у нас побывали десятки самых разных музыкальных и танцевальных коллективов: от капеллы Чернушенко до хора Сретенского монастыря, от Красноярского ансамбля Танца Сибири до хора

им. Пятницкого. А какие приезжали артисты и писатели, кинорежиссёры и философы, критики и публицисты! Кстати, в Иркутске мы отмечали юбилей Валерия Николаевича Ганичева. Я сегодня ночью в гостинице навскидку вспомнил более 60 имён самых известных всей стране представителей русской культуры и литературы, которым рукоплескали на многочисленных встречах сибиряки: это Василий Белов, Игорь Шафаревич, Юрий Кузнецов, Александр Панарин, Леонид Бородин, Станислав Куняев, Александр Проханов, Игорь Тюленев, Мария Аввакумова, Надежда Мирошниченко, Георгий Жжёнов, Василий Лановой, Николай Бурляев, Евгения Смольянинова, Татьяна Петрова и другие.

Хочется верить, что этот праздник будет жить в Иркутске ещё долго, потому что его поддерживает нынешний губернатор Иркутской области Сергей Ерошенко и министерство культуры и архивов Иркутской области, правда, при заметном снижении финансирования от 2–3 миллионов рублей в прошлые годы до 960 тысяч — в 2013-м. И тем не менее, на протяжении 20 лет всем нашим гостям оплачивается проезд, питание, проживание и вручается гонорар за выступления.

Дорогие писатели! Я держу в руках брошюру, которая называется «Отчёт-информация о работе Правления СП России в период между съездами 2009–2013 гг.» и здесь же «Отчёт об организационно-творческой работе Союза писателей России за тот же период». Я просмотрел отчёты подробно и не обнаружил в них ни одного иркутянина, кого бы вы пригласили в Москву, хотя за эти пять лет вы провели огромное количество литературных конференций, фестивалей, обсуждений, юбилейных торжеств, презентаций книг, награждений Васероссийскими литературными премиями «Александра Невского», «Прохоровское поле», «Имперская культура», Бунинская премия, премия имени Павла Васильева, Фёдора Ушакова и др.

Вы здесь, в столице, забываете нас — русскую провинцию, забываете не худших русских, сибирских писателей. Валерий Николаевич в своём отчёте упомянул только бывшего иркутянина Василия Попова, ставшего москвичом уже несколько лет, открытого мною в городе Ангарске. Ведь не просто так Василий Попов на своей первой книге стихов оставил следующий автограф: «Владимиру Скифу, первому человеку, который назвал меня поэтом, взволновал и

заставил поверить в себя». Да, Василий Попов, несомненно, талантливый поэт. Я очень рад за него, что он — такой молодой — уже стал секретарём Союза писателей России и получил Бунинскую премию, чего в Иркутске так быстро бы не случилось. А как же другие, не менее заслуженные писатели Иркутска? Извините, но все мы не можем переехать в Москву для того, чтобы нас замечали!

В 2009–2010 годах, будучи председателем Иркутского регионального отделения Союза писателей России, я представлял к премиям нескольких писателей-иркутян, но мой голос не был услышан.

Смею утверждать, что Иркутская писательская организация была и остаётся одной из самых сильных и самых известных в стране. Я не говорю о Распутине и Вампилове, которые расширили дорогу идущим вслед за ними. На самом деле эти два литературных имени до сих пор являются нашими светочами, на них равняются сибиряки. Когда-то иркутский писатель Станислав Китайский сказал: «Живя рядом с Распутиным, стыдно писать плохо». И это, действительно, так! В своё время автор данного афоризма Станислав Китайский написал знаменитый роман «Поле сражения», который встал в один ряд с известными романами: «Даурия» Константина Седых, «Строговы» Георгия Маркова, «Забайкальцы» Василия Балябина, «Жестокий век» Исаа Калашникова.

Нынче Станиславу Китайскому исполнилось 75 лет. Думаете, вспомнил кто-либо о нём в столице? Отметили как-то его литературные заслуги? Дали какую-то награду? Нет.

Удивительное дело. Почти все литературные премии, которые присуждаются в Москве, почти не выходят за пределы Садового кольца или, по крайней мере, за пределы Московской области и близлежащих городов средней полосы России. А если и выходят, то почему-то вторые, третьи, поощрительные, региональные. Возьмите ту же Большую премию. Первую премию уносят только москвичи, а не блистательный прозаик Анатолий Байбородин или задумчивый степной философ Ким Балков, или «ураган русской поэзии» Надежда Мировишниченко. Ничего, они переберутся, они ведь — провинция. Но вы-то, уважаемые москвичи, знаете, что не худшие писатели живут сегодня и в других регионах нашей всё ещё великой Державы.

Есть в Иркутске удивительный писатель, ныне уже состоявшийся сибирский классик Альберт Гурулёв. За литературный дар Альберта Семёновича ценит сам Валентин Григорьевич Распутин, дружит с ним, они даже за ягодами вместе ходили. Гурулёву нынче 77 лет. За всю свою долгую творческую жизнь он не получил ни одной литературной премии.

Или уже ныне покойный Евгений Суворов — тончайший стилист бунинского толка. Так и ушёл в мир иной, не получив должного признания и не отмеченный премиями, хотя о нём писали и Распутин, и Виктор Астафьев.

«Синее море белый пароход» — обложка к книге Г. Машкина

А Геннадий Машкин! Ныне — это уже легенда русской литературы. Его повесть «Синее море, белый пароход» опубликована в двадцати странах, переведена на множество языков мира. Премий у Г. Машкина тоже не было, кроме одной, полученной ещё в советское время.

Большой писатель Глеб Пакулов с его историческим романом «Гарь» о протопопе Аввакуме тоже ушёл в мир иной, никак не облаканный Союзом писателей России, хотя всегда был ближайшим другом и соратником Валентина

Распутина, и последнее издание эпопеи Пакулова «Гарь», выпущенное в Москве в издательстве «Вече», вышло с послесловием Распутина.

Живёт в Иркутске поэт Анатолий Горбунов. Коренной сибиряк, родом из далёкой ленской деревни Мутино. Горбунов своим ярким проникновением в сибирскую стихию языка, болью за русскую деревню напоминает нам своеобразного сибирского Николая Рубцова. Видно, далеко живёт Анатолий Горбунов, что никак не может достучаться до столицы, хотя его знает и читает вся Сибирь.

Пишет в Иркутске свои произведения тончайший лирик Татьяна Суровцева, её книга «Снежные птицы» встала в ряд самых интересных поэтических достижений последних лет.

А ставший фактически народным — поэт Михаил Трофимов. Кстати, почему у нас нет звания «Народный поэт России»? Народный поэт Бурятии есть, Калмыкии есть, Якутии и других республик есть. А России нет. Видимо, русский народ — это не народ, а так, некое муниципальное образование, которое как бы сбоку припёка ко всем остальным народам.

Есть в Иркутске талантливый прозаик и поэт Валентина Сидоренко. В последние годы у неё вышел поэтический трёхтомник «Осенние тетради», «Димитрова суббота» и «Складень». Выход в свет этого трёхтомника явился большим событием в литературной и православной жизни Иркутска. Валентина Сидоренко достойна того, чтобы её творчество было оценено по максимуму, и она, несомненно, достойна такой премии, как Бунинская или Большая литературная премия.

И таких писателей в Иркутске много: это пронзительный прозаик Александр Семёнов, исторический повествователь Олег Слободчиков, талантливый писатель из Тулуна Николай Зарубин, знающий сибирский быт и тайгу Владимир Жемчужников, яркий поэт Василий Забелло, известный лирик Анатолий Змиевский.

В сибирском городе Усть-Куте живёт очень молодой, но уже достаточно известный прозаик Андрей Антипин, слава Богу, замеченный и отмеченный премией журнала «Наш современник». Здесь я бы хотел низко поклониться главному редактору этого журнала, прекрасному русскому поэту и публицисту Станиславу Куняеву за то, что он никогда не забывает Иркутск. Иной раз случается так, что в одном номере иркутян бывает и двое, и трое, и даже пятеро, как в 9-м номере «Современника» за этот год.

Хочется, чтобы вы видели и помнили нас и чтобы не складывалось мнение у сибиряков, что вы живёте отдельно от русской провинции, ведь могущество Союза писателей всегда прирастало и будет прирастать Сибирью.

А теперь хотелось бы несколько слов сказать о раскольниках, о тех писателях, чьи действия расходятся с Уставом Союза писателей России и кто в угоду своему честолюбию и непомерным амбициям дробит на бесталанные, графоманские куски нашу большую, работоспособную, известную во всём мире писательскую организацию.

Станислав Куняев просит меня заканчивать, но я, всё-таки, скажу, что один наш поэт расколол Иркутскую писательскую организацию, создал свой небольшой писательский осколок из шести литераторов, и для большего количества членов СП стал принимать в него всех без разбору, в том числе и графоманов, а теперь уехал в Москву и передал правление другому человеку. Идёт расслоение писательских сил, падает творческий уровень вновь принимаемых членов Союза. Надо что-то с этим делать.

Я полагаю, что съезду нужно принять решение о недопустимости новых раскольнических тенденций и нацелить писателей только на укрепление Союза писателей России.

Мои предложения по двум изложенным мной вопросам таковы:

1. Обратить внимание съезда на вопрос присуждения Литературных премий достойным писателям из провинции. Обсуждать номинантов на премии гласно и дать возможность писателям из регионов участвовать в номинациях наравне со столичными писателями,

2. Обсудить на съезде писателей вопрос раскольничества и внести в Устав параграф о недопущении дробления Союза писателей на другие мелкие союзы. Если таковые будут появляться, то вновь принятых писателей не считать членами Союза писателей России.

ЮРИЙ БАРАНОВ

Отпор раскольникам

Несомненно, XIV съезд Союза писателей России явился, как и должно, одним из самых значительных событий в литературной жизни России. Чтобы не повторяться вслед за председателем правления Иркутского регионального отделения Союза писателей России и тоже делегатом съезда Владимиром Петровичем Скифом (Смирновым), я позволю себе сосредоточиться только на событиях, которые считаю наиболее важными в работе съезда.

Хорошо понимая, что выступить двум делегатам от одной писательской организации вряд ли дадут, я решил выйти к трибуне на открытом пленуме, который должен был состояться в Москве ещё до отъезда в Калугу. В работе этого пленума приняли участие практически все уже собравшиеся в столице делегаты.

Несмотря на некоторые рудименты советской эпохи в выступлениях отдельных делегатов, велеречиво приветствующих своих коллег по цеху и выражающих недоумение по поводу проведения столь важного форума не в Москве, а в Калуге, основная масса была настроена по-боевому. Исходя из этого главным лейтмотивом выступлений на пленуме и позже на съезде стали вопросы единства нашего Союза в борьбе за повышение духовной составляющей в жизни нашего общества, воспитание будущих поколений на главных наших ценностях: добра, милосердия и согласия. Поэтому и выступление мое касалось, главным образом, недопустимости дальнейшего размывания славного нашего Союза на мелкие литературные кружки, образовавшиеся в последнее десятилетие не только в Иркутске различными честолюбцами. Дошло до того, что появились крупные организации (до 80 человек), самочинно присваивающие себе звание членов Союза писателей России, как это было в Новгороде. Выступление моё не только нашло отклик среди делегатов, но и подвигло многих на конкретные предложения, о которых я скажу позже.

Одним из важнейших вопросов, рассмотренных съездом, стал вопрос о новой редакции Устава Союза писателей России. Слишком многое изменилось за последние годы в правовом поле нашего государства. Так, новый закон «Об общественных организациях РФ» потребовал закрепления в Уставе нашего Союза положения о том, что в регионе возможно существование только одного регионального отделения. Принятие уже только одного этого пункта ставит вне закона созданную в 2002 году А.Г. Румянцевым «Областную писательскую организацию». В новом Уставе отражено также и то, что каждый член Союза писателей России должен состоять на учёте в одной из региональных организаций и принимать участие в её работе. Таким образом, поставлена точка в деятельности множества мелких организаций, созданных в угоду себялюбцам и литературным эпигонам с единственной целью, — отщипнуть для себя кусочек бюджетного пирога.

Выступившие на съезде делегаты, председатель Петербургского отделения Союза писателей России Б. Орлов, В. Шевцов (Калининград), совместно с нами предложили провести перерегистрацию членов Союза. И это предложение было принято.

Много говорилось на съезде о том, что русская литература должна следовать классическим традициям, быть зеркалом, отражающим не только красоту русского народа, но и его боль, страдания, силу и радость. Настоящему русскому писателю чужд

дух коммерциализации литературы, дух торгашества и либерализма. Мы все в ответе за то, куда пойдут следующие за нами поколения, какими вырастут наши дети, на каком языке будут говорить.

Мне посчастливилось в первый послесъездовский день выступить в группе детских писателей в Калужской детской областной библиотеке. Против ожидания, желающих выступить перед детьми оказалось не много. С удовольствием слушали пятиклассники рассказ Ирины Репьевой, аплодисментами встретили стихи балкарского поэта Абдулаха Бегиева и поэтессы из Краснодара Любови Мирошниковой. С неподдельным интересом слушали маленькие калужане мои стихи о Байкале и родном Иркутске.

Съезд не только обозначил болевые точки нашего Союза и наметил пути преодоления проблем, но и позволил окунуться в атмосферу творчества писателей других регионов, что для каждого из нас очень важно.

ВАЛЕНТИНА СЕМЁНОВА

Двадцать лет стояния за русскую духовность и культуру

Хроника праздничных дней «Сияния России»

28 СЕНТЯБРЯ — 6 ОКТЯБРЯ 2013

Гости «Сияния России» на Байкале

Гости праздника:

Анашкин Эдуард Константинович — прозаик, член Союза писателей России, автор книг повестей и рассказов: «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», книг о писателях: «Попавшие в переплёт», «Под крылом Пегаса», «Ангел с огненным мечом» и др., опубликованных в Самаре и Москве. Лауреат Самарской литературной премии им. Н.Г. Гарина-Михайловского (Самарская область)

Артёмов Владислав

Владимирович — поэт, прозаик, публицист, переводчик, главный редактор журнала «Москва». Член Союза писателей России, Союза писателей Союзного государства России и Белоруссии. Автор книг стихов «Светлый всадник», «Странник», романов «Капитан Родионов», «Обнажённая натура» и др., переводов книг белорусских поэтов. Лауреат нескольких Всероссийских литературных премий, в т. ч. литературной премии им. Генералиссимуса А.В. Суворова (Москва).

Заболоцкий Анатолий Дмитриевич — кинооператор, участвовавший в создании 15 художественных и 8 документальных фильмов, в т. ч. «Альпийская баллада», «Печки-лавочки», «Калина красная». Фотохудожник многих книг, в т. ч.: «Лад» В. Белова (два издания), «Письма из Русского музея» В. Солоухина, юбилейного издания ««Слово о полку Игореве» — 800 лет». Автор книги воспоминаний «Шукшин в кадре и за кадром». Член Московской городской организации Союза писателей России (Москва).

СЕМЁНОВА Валентина Андреевна. Критик, публицист (род. в с. Харик Куйтунского района Иркутской области). Автор книг: *Благодаря — а не вопреки*: сб. полемических статей и очерков (Иркутск, 2002); *Вместе с бурями века*: Краткий обзор книг и имён иркутских писателей (Иркутск, 2007); автор-составитель справочника *Писатели Приангарья* (Иркутск, 1996); составитель-редактор нескольких литературных сборников и антологий. Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Куняев Станислав Юрьевич — поэт, прозаик, публицист, литературный критик, главный редактор журнала «Наш современник». Секретарь правления Союза писателей России. Автор многих книг, в т. ч. «Глубокий день», «Пространство и время», «Огонь, мерцающий в сосуде», нескольких беллетризованных биографий в серии «ЖЗЛ», 3-томника «Поэзия. Судьба. Россия» и др. Лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького, Патриаршей премии этого года (Москва).

Крупин Владимир Николаевич — прозаик, публицист, секретарь правления Союза писателей России. Автор многих книг, в т. ч. «До вечерней звезды», «Живая вода», «Прости, прощай...», книг на православную тему: «Незакатный свет. Записки паломника», «Подарок православному ребёнку», «Россию спасёт святость. Очерки о русских святых», «Афон. Стояние в молитве». Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Лауреат литературных премий, в т. ч. Патриаршей литературной премии (Москва).

Лугинов Николай Алексеевич — прозаик, Народный писатель Республики Саха (Якутия), член Союза писателей СССР с 1979 г., секретарь правления Союза писателей России. Автор многих книг, в т. ч. романа «По велению Чингисхана»: Большая литературная премия 2001 г., фильм «Тайна Чингис Хаана», 2009. Лауреат международной литературной премии «Алжир на перекрёстках культуры» (Якутск).

Проханов Александр Андреевич — прозаик, публицист, политический деятель, председатель Изборского клуба, главный редактор газеты «Завтра». Секретарь правления Союза писателей России. Автор многих книг, преимущественно в жанре военно-политического романа: «Дерево в центре Кабула», «Африканист», «Рисунки баталиста», «Последний солдат империи», «Господин Гексоген», «Время золотое» и др. Лауреат многих литературных премий, в т. ч. Международной Шолоховской премии, премии «Национальный бестселлер» (2002) (Москва).

Ребров Андрей Борисович — поэт, секретарь правления Союза писателей России, один из основателей Православного общества Санкт-петербургских писателей, член-корреспондент ПАНИ и Совета Собора Православной интеллигенции. Автор книг стихов «Крылица», «Выбор», «Глубокие выси», многочисленных публикаций в коллективных сборниках и центральных журналах. Лауреат премии им. Н. Рубцова (Санкт-Петербург).

Смолянинова Евгения Валерьевна — певица, исполнительница русских песен, романсов и авторской песни, композитор. Заслуженная артистка РФ, лауреат премии «Национальное достояние России», 2005 (Москва).

Вместе с гостями выступил молодой поэт, бывший ангарчанин, ныне москвич, секретарь Союза писателей России Василий Попов.

Программа подготовлена при участии писателя, лауреата трёх Государственных премий, основателя праздника «Сияние России» в Иркутске Валентина Григорьевича Распутина совместно с Министерством культуры и архивов Иркутской области.

Организаторы выступлений в библиотеках, учебных заведениях города, Домах культуры области: председатель Иркутского регионального отделения СП России Василий Забелло, директор Дома ОГАУ «Иркутский Дом литераторов» Юрий Баранов, секретарь СП России Владимир Скиф. В проведении отдельных встреч были заняты А. Байбородин, В. Семёнова, В. Скурихин, М. Трофимов.

Всё шло как всегда, на первый взгляд. По традиции Дни русской духовности и культуры открылись в воскресный день праздничным богослужением в Соборе Богоявления, Крестным ходом и молебном «Во славу земли Иркутской», в последующие дни встречи писателей России прошли в библиотеках и студенческих аудиториях, на Иркутском авиазаводе, в посёлках области. Но заметно приподнимало дух одно обстоятельство: совпадение 20-летней даты «Сияния России» с некоторыми подвижками в курсе страны, обещающими надежду на улучшение дел в нашем многострадальном Отечестве — на что все эти годы и уповали участники Дней русской духовности и культуры. Добрые вести привезли москвичи. Но — по порядку.

Первая встреча писателей, среди которых был Валентин Распутин, с литературной общественностью состоялась 29 сентября в Иркутской областной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского. Тема «круглого стола» — «Состояние современной русской литературы». Собравшихся приветствовал министр культуры и архивов Иркутской области Виталий Барышников. Он сказал о значении праздника «Сияние России», который проводится на земле Приангарья вот уже двадцать лет благодаря участию в нём видных деятелей России, приезжающих по приглашению В.Г. Распутина.

— Сегодня с нами два лауреата Государственной премии РФ этого года: писатель Валентин Распутин и кинодокументалист Сергей Мирошниченко — в рамках «Сияния России» он проводит в Иркутске фестиваль документального кино «Человек и природа»... Главная наша забота — как передать духовно-культурные ценности, которые мы все разделяем, молодёжи, — заключил министр.

Поэт Владимир Скиф зачитал поздравительную телеграмму в адрес иркутян от А.В. Шахматова, русского австралийца, ныне нашего соотечественника, инициатора Дней русской духовности и культуры в России, девятнадцать лет назад, в 1994 году, вместе с В.Г. Распутиным открывавшего первое «Сияние» в Иркутске.

Ведущий встречи писатель и директор Иркутского Дома литераторов Юрий Баранов очертил круг проблем, связанных с нынешним состоянием литературы и книгоиздания: отток читателей «бумажной» книги в сторону Интернета, разрушение когда-то единого книжного рынка, отсутствие государственной доли в книгоиздании при расширении присутствия издательств с Запада, падение культуры в среде пишущих. Поддержал ведущего руководитель отделения СП России поэт Василий Забелло, добавив, что в этих условиях для писателей, библиотекарей и учителей первоочередной остаётся задача сохранения русского языка.

Владимир Крупин (частый гость «Сияния России»), обратился к понятию духовности как понятию, прежде всего, религиозному.

— История — это не колонии, не войны — это жизнь духа, души человеческой. Надо помнить, что душа бессмертна. Мы живём в России, мы многое видели, нам нечего бояться. Мне досадно, что люди не понимают: быть писателем в России — это быть проповедником Христа. Интернет не победит книгу, Интернет всего лишь справочник.

Наша главная забота сегодня — дети, деточки... В последние годы пишу для них. Дети — ангелы, нельзя отдать их сатане.

Мы приходим в Сибирь за подкреплением сил, как в войну. Байкал — не просто озеро, а священная купель... Сибирь ближе для спасения. Уже Европа просится к нам...

Отвечая на вопрос, в чём величие русской литературы, писатель заметил, что мы плохо знаем свои истоки — древнерусскую литературу, а в ней заложена традиция служения высоким идеалам.

Александр Проханов, впервые ставший участником «Сияния России», высоко оценил этот праздник и высказался о нём в свойственной ему метафорической манере.

— Двадцать лет... Двадцать лет назад на Россию упал страшный метеорит. Не с неба — из преисподней. Сколько художников замолчало, просто умерло. Государство стало враждебно литературе. Как только исчезло государство, ушла национальная жизнь. Как в Мамаево пришествие, когда люди спасались в монастырях. И ваши двадцать лет — это подвиг, стояние, служение.

Русскую историю можно понять, если ввести в оборот неисторическую категорию — русское чудо. Оно причаливает к пристаням, которые есть в сегодняшней России: на заводах, в монастырях, в некоторых семьях. Вот и «Сияние» в Иркутске — пристань, к которой причаливает русское чудо.

Президент Путин на недавнем Валдайском форуме предстал другим человеком. Он говорил на языке, который звучит в «Сиянии России».

Кремлю сегодня нужны русские смыслы. Русская литература — драгоценность, потому что она таит в себе эти смыслы. Мир меняет кожу и смотрит на Россию.

Вопрос от слушателей:

— Радиостанция «Эхо Москвы» — подходящее ли место для разговора об идеалах?

Ответ:

— «Эхо Москвы» имеет огромную аудиторию, поэтому я не отказываюсь от возможности выразить свою позицию, пробивая эту брешь. Сказано: «Дух дышит где хочет».

Станислав Куняев (частый гость «Сияния России») продолжил мысль Проханова.

— Да, в самом деле, этот праздник — часть русского чуда. Он возник после расстрела Белого дома в 1993 году. В 10-м выпуске «Нашего современника» мы помещаем стихи об этом событии. Можно понять, как переживала русская литература то время. У наших противников-демократов нет стихов на тему 5 октября 1993 года, а ведь они праздновали победу, ждали перемен. Сатанинские устремления либеральной части интеллигенции хорошо видны в откровениях Валерии Новодворской, опубликованных в журнале «Огонёк» (1994, №2–3, с. 26): «Я желала тем, кто собрался в «Белом доме», одного — смерти. Я жалела и жалею только о том, что кто-то из «Белого дома» ушёл живым. Чтобы справиться с ними, нам понадобятся пули. Нас бы не остановила и большая кровь...

Сколько бы их ни было, они погибли от нашей руки...

Мы вырвали у них страну...»

В эти годы я издал в Калуге маленькую книжку стихов на серой бумаге «Высшая воля». Вот одно из них.

*В гражданской войне победителей нет,
Поскольку она без конца:
Хоть семьдесят лет, хоть сто семьдесят лет,
Коль сын отвергает отца.*

*Чего же ты жаждешь, народный трибун?
Не много ли разных заплат
Нашило на многопартийный костюм,
Гибрид, партократ-демократ!*

*А время всё злей. На каком рубеже
Ты снова изменишь свой лик?
Ведь некуда пробы поставить уже,
И голос срывается в крик!*

*Но снова ты рвёшься к трибуне, хрипя,
Накачивая желваки,
И некому беса изгнать из тебя
Чудесным движеньем руки.*

*От жестов и криков хмелеет народ,
Из уст у оратора — дым!
И некому вспомнить Семнадцатый год,
Что кончился Тридцать Седьмым...*

Ст. Куняеву был задан вопрос об идеологии журнала «Наш современник».

— Думаю, это идеология совести, а значит, идеология христианства.

Эдуард Анашкин впервые на днях «Сияния России». Он наш земляк, родился и вырос в Забайкалье, и ему посчастливилось побывать на знаменитом Читинском семинаре молодых писателей 1965 года, где заявила о себе «иркутская стенка». На семинаре он не обсуждался, поскольку делал первые шаги в прозе, но получил урок на всю жизнь. Как подтверждение этого — доброжелательное внимание В. Распутина, написавшего по собственному побуждению предисловие к книге прозы Э. Анашкина «Запрягу судьбу я в санки».

— Я теперь волжский сибиряк, или сибирский волжанин, — сказал писатель, — но меня согревает мысль, что когда-то из Поволжья Ермак отправился осваивать Сибирь. Именно осваивать, а не завоевывать, как это было в других странах.

Моё детство прошло в детдоме, и я всю жизнь старался преодолевать сиротство, писал о нём... Здесь, в эти дни ощущаю: я не сирота.

Иркутск — счастливый город. В нём живёт Распутин. Считаю, что его повесть «Живи и помни» ещё не прочитана по-настоящему, а в ней предсказаны все наши беды. Надо учиться читать и учиться жить.

На вопрос, о чём сегодня писать, прозаик ответил:

— Главное — правду, только правду.

Анатолий Заболоцкий вспомнил, как приезжал сюда несколько лет назад, когда среди гостей был известный политолог и философ Александр Панарин, с которым подружился. Как судьба свела с писателями — работал оператором в фильмах Василия Шукшина, оформлял как фотохудожник «Лад Василия Белова», в двух изданиях...

— Без литературы невозможно. Вот только что прочитал в 9-м номере «Нашего современника» хорошее стихотворение, в котором есть строчка: «И от слова живого колеблется мрак». Значит, слово способно рассеять зло, и пусть так будет всегда.

Андрей Ребров рассказал о возглавляемом им журнале «Родная Ладога». Иркутяне уже знакомы с журналом — осенью 2011 года его представляла заместитель главного редактора поэтесса Валентина Ефимовская, а затем несколько иркутских авторов были опубликованы на его страницах. В этом году сибиряки встретились с главным редактором, тоже поэтом.

— Журнал «Родная Ладога» стоит на традиционных ценностях нашего Отечества, — сказал А. Ребров. Поэт прочитал своё стихотворение «Память» и заметки о русской литературе, её прорывах к Божественной энергии. В его словах прозвучала надежда на силу писательского слова:

— Мы можем стать соучастниками спасения человечества...

Память. Октябрь 1993

*Я помню —
как молитвой и страданьем
Сам вихрь эпох насыщен был
в те дни,
Как жгуче прорицалось мне в сени
Церковных древ,
что крон их увяданье —
Цветенью гефсиманскому
сродни.*

*Я помню —
жар кровавого прибоя
На временной мутнеющей реке;
И доллары в иудиной руке;
Тот бледный дом,
и площадь — поле боя —
В терновом заградительном венке.*

*Я помню всё —
от мук новозаветных
И до мытарства русских деревень —
Их крест несёт
мой каждый древний ген.
И может, вас,
предавших Бога Света,
Лишь этот
путь наследственный наш
крестный
От вечной тьмы
искупит в Судный день.*

Владислав Артёмов:

— И я впервые на этом празднике. Речей не готовил, но понял: речь идёт о русском духе. Это важно. Если дух понижается, всё становится недееспособным. И наоборот: если укрепляется, мы побеждаем. Это показала Великая Отечественная война. «План Барбаросса» не был таким уж авантюрным, немцы всё просчитали. Но проиграли.

Эпоха Горбачёва дала одно положительное: была освобождена церковь. В нашем журнале «Москва» в те годы появился раздел «Домашняя церковь», он влияет на подбор остальных материалов...

Заметим: имя поэта Владислава Артёмова известно в Иркутске довольно давно хотя бы по одному стихотворению — «Вышей мне рубаху». Композитор Ольга Горбовская написала на эти слова песню, которая часто звучит на её концертах, а через два дня будет исполнена ею на встрече с гостями нынешнего «Сияния» в Иркутском колледже культуры, в присутствии автора стихов.

В. Артёмов прочитал своё стихотворение из 90-х годов «О русских людях».

*Какой-то странный здесь народец,
Нигде такого не бывает —
Ломают лифт, плюют в колодец
И матом речь пересыпают.*

*Травили, били их, да что там,
Не удаётся их угробить,
Их вообще-то, по расчётам,
Уже на свете не должно быть.*

*Они так страшно воевали,
И возвращались, обессилен,
Их в землю по уши вбивали,
Их миллионами косили.*

*Всему на свете есть причина,
Народ таинственный и жуткий,
Он отрастает как щетина
Из-под земли на третьи сутки.*

В разговоре принял участие настоятель Иркутского Князе-Владимирского храма **о. Алексей**.

— Этот праздник — значимый для всех нас. До 1990-х годов Иркутская епархия — это всего несколько приходов. Но начиная с даты 1000-летия Крещения Руси, Церковь стала превращаться в действенную силу. Епархия расширилась. Говорят, в Иркутске — особый дух. Да, нигде нет столько святителей, как здесь. Земля освящена Иннокентием (Кульчицким), Иннокентием (Вениаминовым), Софронием...

В то же время сегодня на богослужении не было даже 50 тысяч из нашего 600-тысячного города. Надо каждому спросить себя: насколько я духовен? Читать книгу — это одно, а быть членом церковной общины — это другое. Это значит быть на виду, отвечать за себя. Наш язык оскудевает оттого, что мы не пользуемся церковнославянским языком, где много сокровищ. Хочу, чтобы мы имели живую литературу и были воцерковлены.

Где русских нет, там государства быть не может. Мы разъединены. Нас может объединить вера. Но для этого надо прийти в церковь, надо детей воспитывать так, чтобы они ходили в церковь. Что мы сегодня имеем? Разрушенную культуру?

У меня конкретное предложение. Когда-то Князе-Владимирский собор был духовно-просветительским центром. Может, от имени участников «Сияния России» составить обращение к Иркутскому правительству о возрождении такого центра при соборе с реставрацией и восстановлением всего храмо-образовательного комплекса?

Предложение о. Алексея было поддержано.

Вечером того же дня состоялось открытие Дней русской духовности и культуры в Иркутском городском театре народной драмы — спектаклем «Изба» и выступлением фольклорного ансамбля «Живая старина» из Красноярска, при участии гостей праздника.

Назавтра встречи с читателями продолжились. Темы лекций и бесед: современная проза и поэзия, творческие пути-дороги, отечественная литература в сравнении с зарубежной, и конечно, острые вопросы нашей жизни, которых никогда не обходили писатели России.

30 сентября гости выступили в Байкальском университете экономики и права, на филфаке Иркутского госуниверситета, в Восточно-Сибирской академии образования, юношеской библиотеке им. Иосифа Уткина; 1 октября — в Иркутском университете путей сообщения, НИИ ИрГТУ, ИГИ МВД, Сибирской академии права, экономики и управления, областном колледже культуры; 2 октября — на филфаке Иркутского госуниверситета, в Детской и юношеской библиотеке «Алые паруса», ЦГБ им. А.В. Потаниной, Гуманитарном центре-библиотеке им. Семьи Полевых; 3 октября — перед читателями посёлков Анга (совместно с концертным коллективом областной филармонии) и Усть-Уда (с творческой группой «Сполох»); 4 октября — в Культурном центре Александра Вампилова. Концерты Е. Смольяниновой прошли в Иркутске (2 октября) и Черемхове (4 октября). Программа выступлений гостей «Сияния России» завершилась поэтическим вечером «Голоса России» — в Музейной студии краеведческого музея, с участием иркутских поэтов (4 октября).

Якутский прозаик Николай Лугинов, приехавший с некоторым опозданием, успел вызвать симпатии слушателей своими выступлениями: в них звучала горячая любовь к великой России, убеждённости в исторически сложившейся единой судьбе якутского народа с русским, неразрывности культурного пространства многонациональной страны.

Поскольку Александр Проханов провёл три авторских встречи в рамках программы и две сверх неё — в Иркутском театральном училище (30 сентября) и на Иркутском авиазаводе (1 октября), предлагаем одно из его выступлений в более подробном изложении — на филфаке ИГУ (2 октября).

Ведущий всех встреч с гостем Владимир Скиф во вступительном слове очертил творческий путь Александра Проханова, с 70-х годов выбравшего для себя тему, ставшую главной, — военно-политическая жизнь СССР, России. Эта тема позволяет писателю постоянно находиться на гребне самых волнующих событий в стране.

Александр Проханов:

— Сегодня я хочу поговорить об интеллигенции.

К 1980-м годам в Советском Союзе сложилось три типа интеллигенции, три типа литературы. 1-й — те, кто следовал советской идеологии, например, Анатолий Иванов, Проскурин, поэт Чуев и другие любимые многими писатели. 2-й — городская культура, диссидентство, оппозиция, те, кто мучительно переживал драму послереволюционных лет, страдал от репрессий. Это Трифонов, Гранин, Рыбаков. Их линия во всей полноте раскрылась в Солженицыне. 3-й — деревенское направление, обращённое к национальным корням. Предстала исполненная боли, красоты судьба русского крестьянина — там и молитва и стон. Распутин, Абрамов, Личутин... Они тоже оказались в оппозиции.

Эти три группы интеллигенции и враждовали между собой, и взаимодействовали. Конфликт был, но не доходил до крайних форм. Все собирались в Центральном Доме литераторов. За одним столом — монархисты, за другим — еврейские националисты, за третьим — украинские западнцы. И это продолжалось долго. Страна читала книги, книга была священна. Журналы тоже делились: «Новый мир», «Иностранная литература» — либеральные, «Наш современник», «Молодая гвардия» — патриотические...

Духовная жизнь была напряжённой.

Помню, как выступали с Петром Проскуриным в армейском гарнизоне. Военная часть была на учениях, собрались жители, учителя, школьники. Во время встречи в клубе появляется офицер, просит Проскурина выйти за кулисы. Проскурин вышел — офицер протягивает ему для автографа книгу «Судьба», потрёпанную такую. И сам — уставший, форма забрызгана грязью, но он вырвался с учений, чтобы встретиться с писателем.

Советский проект открывали Островский, Шолохов, ранее — Маяковский. Закрывали: Дудинцев («Белые одежды»), Рыбаков («Дети Арбата»), Солженицын («Гулаг», «Красное колесо»), а также «Пожар» Распутина, «Печальный детектив» Астафьева и даже Проскурин — романом «Покаяние». Книги сыграли сокрушительную роль. А потом интеллигенция перессорила, ГКЧП расколол её окончательно. И когда победил ельцинизм, либеральная интеллигенция вместе с ним стала подавлять остальных, испепелять советскую и национальную интеллигенцию. Бондарев, Распутин, Белов назывались фашистами. Был колоссальный разгром.

Мы сопротивлялись. Возникало красно-белое единство. В газете «День» печатались и монархисты, и националисты, и сторонники советского строя. В 1993 году красно-белое направление сошлось в Верховном Совете. Стали давить на Хасбулатова, выступали с балкона писатели Бондарев, Исаев, Ст. Куняев, Проханов. Власть Ельцина закачалась. Появляется письмо 42-х. Самые яркие представители либеральной интеллигенции призывали к истреблению другой части российской интеллигенции. И тогда снаряды ударили по Белому дому.

Мы выбирались из Москвы, в Рязанскую область, прятались у Личутина. Пили, пели, плакали... Новодворская радовалась: это мы разгромили (Куняев недавно зачитывал цитаты).

Разлом казался непреодолимым. Над патриотическим крылом висел топор, всюду шёл поиск фашистов. Но странным образом всё стало сходиться на нет. Ещё не остыл пепел, как в Думу пришли патриоты. Карякин тогда вскричал: Россия, ты сошла с ума!

У них была экономическая, политическая власть, но духовной не было. Что показала либеральная интеллигенция своими премиями, выставками, театром? Будто взбесилась...

Год назад она вышла на Болотную площадь. Там были разные силы, но возглавляли либералы. Ударили против Путина, заговорили о диктатуре. Но Путин создал хотя бы подобие государства, вложил арматуру в расплывчатое образование, что возникло при Ельцине. Путин не ожидал предательства. Взять хотя бы Ксению Собчак, крестницу. Благодаря Путину ей было на телевидении позволено всё, а она искушала руки, которые её кормили.

Интеллигенция во время событий на Болотной должна была выбирать между национальной властью и либеральной. Русская интеллигенция выбрала первое и пришла на Поклонную гору. Мы вышли и проповедовали государство. И началась новая эра. После выборов Путин пригласил тех, кто поддержал государство, в частности, меня, Шевченко. Благодарил за поддержку.

Я почувствовал изменения: мне как газетчику стало легче работать. Раньше без конца — проверки, предупреждения... Год назад удалось создать Изборский клуб, из разных слоёв интеллигенции, чтобы начать выработку своей идеологии. Началось робкое возрождение — православное, краеведческое. Мы, изборяне, хотим восстановить государственную идеологию. Ведь в Конституции она не закреплена. Значит, мы жили по другой — чужой. Идеология создаётся не в институтах, а на полях сражений. Главный её творец — народ.

Стало понятно: вся русская история — это история империй. В другом виде Россия быть не может.

1-я — Киевско-Новгородская, 2-я — Московская, 3-я — Романовская, 4-я — Советская Сталинская.

Что мы теперь? Ещё Андропов, а также Бовин и др. говорили, что красная империя нерезультативна. Окраины надо сбросить. В результате Ельцин получил две чеченские войны, парад суверенитетов — все захотели жить отдельно. После 2-й чеченской войны Путин переосмыслил идею государства: национальное государство не состоялось.

Так что мы живём в 5-й империи, которая строится. Она должна быть нового типа. Каждый, даже маленький народ, должен чувствовать себя надёжно в своём кусочке общего космоса. Это первый код.

Второй код — ожидание великой справедливости, заповеданной Господом. Такое ожидание живёт в каждом человеке. Мы живём в несправедливом обществе, где правит насилие, где богатый глумится над бедным.

Эти два кода стремятся облечься в свои формы. И это опять должна быть симфония. В отличие от либералов, которые хотели нас уничтожить, мы считаем, что и либеральные ценности должны быть учтены.

Я вчера был на Иркутском авиазаводе. Директор уделил мне два часа, провёл по цехам. Завод возрождается, переоснащается. На выходе стоят новые, суперсовременные модели. Это показатель — начинается вихрь развития. Он захватит и БАМ, и флот, и культуру. Хотелось бы, чтобы интеллигенция была вовлечена, чтобы художники побывали на этом заводе, создавали дизайн самолётов. Интеллигенция поругаема, но на самом деле она — чувствилище народа, драгоценность, и миссия интеллигенции велика.

Спасибо.

Раздались вопросы, вот некоторые из них.

Представитель движения «Русский лад» *П. Петухов*:

— У нас общие стратегические цели, хотя мы в чём-то расходимся. Мы, например, не верим в перерождение Путина, но мы готовы сотрудничать. Недавно был наш съезд в Москве. Но газета «Завтра» нас не видит, не упоминает.

А. Проханов. Не ждите, когда мы к вам придём, нас мало в редакции. Придите, расскажите о ваших результатах, о вашей победе. Сегодня много русских деклараций, но они не сложились в собор.

М. Демидов, преподаватель. Есть ли сегодня другие империи?

А. Проханов. Есть. Евросоюз, Америка, Китай, Иран, Турция... Мир собирает свои империи. Советская империя демонизирована, но империи неистребимы.

Представитель Евразийского союза молодёжи. Какой вы видите литературу 5-й империи?

А. Проханов. Как литературу рывка, развития. Из литературы ушёл творец, пришёл купец, филолог. Писатель будущего пойдёт в гарнизоны и туда, где решаются главные вопросы...

Двадцатое «Сияние России» в Иркутске ещё раз показало, как расширились границы Дней русской духовности и культуры. Если в первые годы программа замыкалась на выступлении столичных гостей, то со временем, как мы убедились, праздник вобрал в себя множество событий культурной жизни Приангарья. Вот и нынешняя неделя была настолько плотной, что простое их перечисление заняло бы немало места. По этой причине я прошу извинения у тех, кто не будет упомянут в этом обзоре.

Перелистаем страницы областного «Плана основных мероприятий празднования Дней русской культуры и духовности «Сияние России».

В рамках Дней прошёл форум детских СМИ «Новый век детского журнала». Устроители — редакция журнала «Сибирячок» (гл. редактор Т. Тихонова, отв. секретарь С. Асламова) — провели большую подготовительную работу: связались с наиболее известными детскими журналами России, обменялись публикациями, составили внушительную программу мероприятий. Открытие форума проходило 1 октября в ИОГУНБ им. И.И. Молчанова-Сибирского. В гости к иркутянам приехали: «Читайка» — гл. редактор Т. Жукова, Москва; представляли: отв. редактор Д. Рогожкин, от учредителей (Русская школьная библиотечная ассоциация) — И. Пуля; «О, Русская земля»: Православный журнал для детей и подростков (гл. редактор М. Ганичева, Москва); «Одон» (гл. редактор Т. Самбялова, Бурятия); детский альманах «Енисейка» при «Енисейском литераторе» (гл. редактор С. Кузичкин, Красноярск).

Встречу детских журналов приветствовал министр культуры и архивов Иркутской области В. Барышников, писатели-гости В. Крупин и М. Ганичева. В завершение участниками форума было принято обращение к общественности с призывом поддержать российские детские журналы и предложением создать ассоциацию детских журналов — для решения общих проблем.

Событием для Иркутской области стал Международный передвижной фестиваль те-

атров кукол «Ковчег». Спектакли прошли в Иркутске, Ангарске, Шелехове. Участники: Театр Виктора Антонова, спектакль «Цирк на нитях» (Санкт-Петербург), Театр марионетки «Кукольный дом» — «Золушка», «Спящая красавица» (Санкт-Петербург), Гродненский областной театр кукол — «Пиковая дама» (Республика Беларусь), Театр Матита — «Счастливые кости» (Словения), Театр Нори Сава — «Вишнёвый сад» (Япония — Чехия), Театр куклы, актёра, маски «Арлекин» — «Как хомячок Самсон солнышко искал» (Омск). Всего 11 постановок, два мастер-класса. Учредитель фестиваля «Ковчег» — творческое объединение «КульТПроект» (Москва).

Ещё из театральной темы: спектакль литературного театра «Слово» — «Услышь меня» по произведениям А. Вампилова «Дом окнами в поле» и А. Гурулёва «А снег идёт...» — прошёл в пос. Хомутово, Иркутске и с. Пивовариха (28, 29 сентября, 3 октября); «Стечение обстоятельств» по А. Вампилову — в Иркутском театральном училище (1 октября).

Конкурсная программа уже упомянутого XII Байкальского международного кинофестиваля научно-популярных и документальных фильмов «Человек и природа» в течение нескольких дней была представлена в Доме кино, а в киноклубе Театра народной драмы — документальный фильм «Малиновый звон» (к 400-летию Дома Романовых») (2 октября).

В Иркутске пока нет Литературного музея. Но появилась музейная комната И.И. Молчанова-Сибирского — в новом здании библиотеки, носящей имя этого известного сибирского поэта и общественного деятеля. Открытие её состоялось 4 октября в присутствии иркутских писателей и гостей «Сияния России».

Встречи с писателями проходили в разных возрастных аудиториях. В Гуманитарном центре-библиотеке им. Семьи Полевых, в Литературной гостиной «Сибирские огоньки», перед детьми выступили Н.Г. Петрова — историк, педагог, член СП России из Москвы и иркутский автор детских сказок Л. Зимина. Со старшими школьниками проведена беседа по истории Отечества, младшим прочитаны стихи и сказки познавательного характера. Здесь же со старшеклассниками иркутской школы № 6 встретился писатель В. Хайрюзов. Тема беседы — будущее, поиск главного дела жизни. Был показан снятый писателем фильм «Красный ректор» — о пути к призванию ректора БГУЭП Михаила Винокурова. Прозаик также рассказал о собственном выборе профессии лётчика, которая со временем привела в литературу.

Презентации иркутских журналов и книг — тоже повод для встреч и обмена мнениями. Писатели, историки, краеведы — авторы новых выпусков. Встреча с ними и редакцией журнала «Сибирь» прошла в ИОГУНБ им. Молчанова-Сибирского 2 октября. Встреча с редакцией и авторами православного альманаха «Иркутский Кремль» — там же, 3 октября, 4 октября иркутский прозаик А. Байбородин в этой же библиотеке представил свою новую книгу «Озёрное чудо», вышедшую в серии «Сибириада» московского издательства «Вече».

В г. Киренске Иркутской области был представлен читателям новый, 12-й том «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г. Афанасьевой-Медведевой.

Более десяти различных выставок были подготовлены и проведены в музеях и библиотеках в дни праздника — картин, книг, изделий из дерева, фототехники; состоялось несколько концертов в Иркутской областной филармонии; прошли Дни открытых дверей в Детских школах искусств Иркутской области, а также единый урок в общеобразовательных школах областного центра. Он был посвящён одной теме — 20-летию «Сияния России».

После завершения Дней русской духовности и культуры их участниками было принято обращение к губернатору Иркутской области С.В. Ероценко. Содержание текста вполне созвучно идеям «Сияния России», и мы публикуем его с незначительными сокращениями.

Уважаемый Сергей Владимирович!

Для современной России чрезвычайно актуальна проблема национальной идеи. Нам видится, что её воплощение находится в плоскости возрождения нравственных основ и исторического самосознания граждан страны, популяризации и активного продвижения идеи государственного служения. Увековечивание имён и дел выдающихся деятелей России, внесших наибольший вклад в развитие страны, может и должно стать объединяющей идеей для всех слоев и групп населения.

В этом плане Иркутская область обладает очевидными преимуществами, а именно: на всей территории от Урала до Дальнего Востока только один регион имеет сразу три исторические личности, причисленные Русской Православной Церковью (далее РПЦ) к лику святых: свт. Иннокентий (Кульчицкий), канонизированный в 1804 г., свт. Софроний (Кристалевский), канонизированный в 1918 г., свт. Иннокентий (Вениаминов), канонизированный в 1977 г. Последний в истории РПЦ выделяется особо. Уроженец с. Анга Иркутской губернии (Качугского района), он известен как выдающийся миссионер, ставший Московским митрополитом в 1868–1879 гг.

Немецкий историк миссионерства В. Пальмер писал об Иннокентии: «Аляска и Алеуты, Камчатка и Курилы, Восточная Сибирь от Лены до Берингова моря и российский Дальний Восток севернее Амура и восточнее Уссури до Японского моря — вот арена трудов без сомнения величайшего миссионера, которого когда-либо произвела на свет Русская Православная Церковь... Ремесленник и художник, лингвист и естествоиспытатель, богослов и душепопечитель, монах и архиерей, всем этим в одном лице был Иннокентий Вениаминов».

Масштаб и многогранные дарования свт. Иннокентия (Вениаминова), апостола Америки и Сибири, несомненно, дают серьезные перспективы и многообразие направлений по увековечиванию имени святителя и пропаганды его наследия, как и других выдающихся россиян, чья жизнедеятельность связана с Иркутском и Сибирью, а заслуги перед Отечеством бесспорны.

Создание Духовно-просветительного Центра имени Святителя Иннокентия (Вениаминова) позволит позиционировать Иркутскую область не только как духовно-культурный центр Азиатской России прошлого и настоящего, но и формировать единое социокультурное пространство Сибири и Дальневосточных регионов.

Основным направлением деятельности Просветительского центра им. Святителя Иннокентия (Вениаминова) должна стать организация реставрации и восстановления храмо-образовательного комплекса памятника архитектуры XIX века, бывшего Князе-Владимирского мужского монастыря (1888 г.) г. Иркутска (храм, учительская семинария, двухгодичная образцово-показательная школа, богадельня, корпус педагогического состава и т.д.), и создание на базе бывшего Князе-Владимирского мужского монастыря региональной классической гимназии для мальчиков (пансионного типа, с двухгодичным подготовительным отделением).

Очевидно, что открытие нового центра предполагает решение не столько политических и экономических проблем, но прежде всего вопросов духовных, воспитательных. Становление человеческого характера, определение личностных качеств, оформление гражданских воззрений происходит в детстве и юности, здесь лежат начала грядущего и ответы на все последующие вопросы.

Призываем Вас, Сергей Владимирович, к сотрудничеству на ниве качественных преобразований общества путём духовного просвещения и нравственного воспитания юных жителей нашего региона.

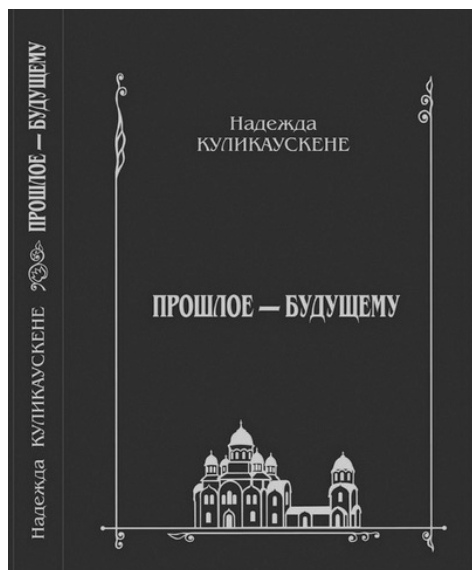
В.Г. Распутин, А.А. Проханов, Э.К. Анашкин, В.В. Артёмов,
С.Ю. Куняев, В.Н. Крупин, Н.А. Лугинов, А.Б. Ребров,
А.Д. Заболоцкий, В.К. Забелло, В.П. Скиф, Ю.И. Баранов

Обращение писателей не осталось без ответа. По информации Министерства культуры и архивов Иркутской области, в середине октября состоялась рабочая поездка губернатора Иркутской области С.В. Ерошенко в с. Анга, на родину святителя Иннокентия Вениаминова, во имя которого задумано создание духовно-просветительского центра. Первые шаги отражены в документе, касающемся с. Анга. Он называется «Перечень поручений» губернатора и адресован первому заместителю, отдельным министерствам и ведомствам Иркутской области. Среди пунктов такие: «...Сформировать постоянно действующую рабочую группу по строительству и созданию Духовно-просветительского центра им. Святителя Иннокентия Вениаминова в с. Анга Качугского района; разработать концепцию Центра, обеспечить проектирование, выполнить строительство Центра» — с указанием сроков исполнения.

АЛЕКСАНДР ДОНСКИХ

Свет дневной есть слово книжное

Книга «Прошлое — будущему» (издательство «Сибирская книга», 2012) славного нашего библиографа, неутомимого исследователя и хранителя книжных богатств Сибири Надежды Васильевны Куликаускене, — как сердечно и в то же время высоко отмечено в редакционном вступлении, «её прощальный поклон и наказ на будущее» всем нам. Автор не дожила нескольких ме-

сяцев до выхода этой замечательной книги — нелёгкого, но любовного труда десятилетий, под обложками которой кропотливо, выверенно собраны материалы о светочем нашем триедине — познавательном, интеллектуальном, духовном — о книге (и рукописях), а также о тех безымянных или именитых людях, которые отыскивали, восстанавливали, берегли, лелеяли её и, как венец своих трудов, а то и жизни всей, и как «дар бесценный», — передавали последующим поколениям. Теперь они у нас. С нами. И нам передать их дальше. В века, верится.

«Ум без книги аки птица спешена, — приводит Надежда Васильевна в качестве эпиграфа свои любимые слова из рукописного сборника XIV века. — Яко ж она взлетати не может, тако ж и ум не домыслится совершенна разума без книг. Свет дневной есть слово книжное...» Аж из XIV века, из яростного и тёмного средневековья какого вдохновения и света слова! Не можем удержаться: божественна, божественна музыка мысли сей!.. Конечно, конечно же, мы помним, что век тот хотя и непрерывных и кровавых княжеских распрей и свар, но и — поля Куликова с его бессмертными для наших сердец героями, светоносного Сергия Радонежского, роскошного Феофана Грека и ступившего уже мастером в другой век Андрея Рублёва.

Землепроходцы, крестьяне, промысловики, торговцы, священники, служивые разных мастей, заселявшие на протяжении столетий Сибирь, вместе со скарбом, всевозможными пожитками и семенами везли с собой и книги, рукописи. И государство, к слову, не чуралось, как, к сожалению, ныне, книжного дела: закупки книг в Москве неизменно и торопато осуществлял Сибирский приказ. По всей Сибири устраивались библиотеки, — и частные, и церковные, и государственные, и общественные. Одна из них, при Иркутской духовной семинарии, стала крупнейшим и ценнейшим хранилищем рукописей и книг в Сибири — к середине XIX века числом в 32 тысячи единиц, да к тому же на разных языках — на древних, европейских, восточных, старославянском и русском. Надежда Васильевна справедливо и, похоже, выстраданно замечает: «Долгое время Сибирь эпохи землепроходцев, крестьянских переселений...

считалась страной бескнижной. Но миф об «исконной» бездуховности сибиряков постепенно развеивается...» И автор всю жизнь собирала и обнародовала материалы об интересе сибиряков к книгам, к духовному кормлению через них, с самоочевидной надеждой, что и нынешние и последующие поколения будут достойны своих предков.

И книга, если можно так сказать, не оставалась в долгу перед сибиряком. Надежда Васильевна приводит любопытное высказывание первой и, несомненно, всевозможно одарённой сибирской писательницы Екатерины Авдеевой-Полевой (1789–1865), сестры известных литературных деятелей всероссийского размаха Н.А. и К.А. Полевых, из её «Воспоминаний об Иркутске»: «Даже общая первоначальная образованность распространена в Иркутске больше, нежели во многих русских городах. Лучшим доказательством этого служит то, что нигде не видела я такой общей страсти читать. В Иркутске издавна были библиотеки почти у всех достаточных людей, и литературные новости получались там постоянно... Там любят литературу, искренно рассуждают о разных её явлениях и... не чужды никаким новостям европейских...» Ей-богу, такие слова нас, сибиряков, за душу берут!

В Иркутске на протяжении XVIII–XIX веков образовались огромные частные библиотеки, прежде всего купцов. Среди них самые известные — Старцевых, Щегориных, Саватеевых, Баженовых, Апрелькиных, Прянишниковых, Трапезниковых; и ещё можно вписать десятки именитых родов. Много, к примеру, говорили о библиотеке купца Степана Фёдоровича Дудоровского. Надежда Васильевна ссылается в своей книге к весьма занимательному отзыву о нём самом и его собрании; слова принадлежат известному сибирскому литератору Матвею Александрову: Степан Фёдорович «...и газеты, и книги, получаемые прямо из Питера, бережёт словно ассигнации, задушевному другу листочка не даёт... А сколько у него книг, ужас! Есть даже на иностранных диалектах. Сам говорит по-монгольски, по-бурятски, по-якутски, по-китайски и немецкие диалекты, кажись, понимает».

Вот так, братцы мои, купчина! Книги «бережёт словно ассигнации», а какими и сколькими языками владеет — страсть! Тут уже не просто за душу берёт, тут ажно дух захватывает! Какие человечести были, а?!

Отдельная глава в книге «Прошлое — будущему» — купцу Василию Николаевичу Баснину, под трогательным названием «С малолетства люблю чтение всего хорошего...». Его огромная для своего времени — около 5000 экземпляров книг, более 600 комплектов журналов, периодических изданий, в том числе газет, — библиотека не была замкнута на хозяина, она была щедро распахнута им для учёных, гимназистов, чиновников, разночинцев, — для всех, что называется, алчущих «света дневного». Он «ассигнации» если и берёт, то чтобы людям они приносили прибыль в их развитии и становлении. «Думается, — пишет Надежда Васильевна, — что из всех занятий В. Баснина библиотека являлась главным делом жизни. Именно во многом благодаря книге купец-самоучка стал образованным, с разносторонними интересами человеком, ценителем науки, литературы, искусства, музыки, театра». Вы понимаете: для купца, как говорили, «миллионщика» главное дело жизни — библиотека! И невольно задумываешься о нашем времени, о нашей жизни, в частности, о вкусах и пристрастиях нынешних «миллионщиков». Нет, нет, ворчать, укорять, разоблачать, неистовствовать не надо. Кажется, без толку! Но нам всем здорово задуматься бы — что мы, кто мы, куда идём-бредём?

Книга «Прошлое — будущему» интересна вся. Не надо пересказывать книгу, тем более хорошую, — пожалуйста, найдите её, прочитайте! Какой бы раздел её ни взяли мы — явные и яркие свидетельства долголетних трудов Надежды Васильевны — собирательницы, хранительницы, берегини книжной.

Закончим свои заметки ещё одними любимыми Надеждой Васильевной словами, высветляющими её чаяния. В главе «Путевые записки преосвященного архиепископа

Нила» она приводит выдержку из этих его записок вместе с таким эпиграфом: «Божественный промысел, призавший меня на чреду пастырского служения, указал мне поприще деятельности в дальних окраинах обширного Отечества нашего. От берегов Волжских до Ангары и от Лены до Нерчи, Шилки, Онона и Аргуни был я странником и тружеником. К местностям сим относятся записки. Издавая их в свет, не восписую им хвалы и всю речь о них ограничиваю словами: *librum lector dedico* — книгу читателю посвящаю».

Здесь легко прочитывается потаённая мысль автора книга «Прошлое — будущему»: книга, несомненно, посвящена читателю, о котором Надежда Васильевна всегда думала возвышенно, к которому относилась с доверием, верой. Неспроста своё предисловие она заканчивает выдержкой, относящейся к древней традиции переписчиков книг на Руси, которые в самом конце могли поместить вот такую приписочку: «...егда учнете в сию книгу... смотрети, аще что узрите в ней моим забвением, или нерадением, или неведением пройдено, или пропущением букв, и не исправлено, прощения прошу — простите, а не кляните...»

Её последнее «прости» — читателям.

«...Аще кто в вас искусен, сам да исправит, инех да научит...» — заканчивает она предисловие, и слова, и многоточие которого звучат как напутствие нам: исправлять свои и ближних своих вольные и невольные погрешности.

Знаете что? Она жизнь посвятила нам, не только книги свои!

АННА ТРЕТЬЯКОВА

Образ Сибири в русской классической поэзии от Ломоносова до Бальмонта

Опыт анализа стихотворений XVIII — XX веков

Интересно понаблюдать и проанализировать, как с течением времени видоизменяется представление о Сибири в русской поэзии. Упоминание о Сибири появляется в «Оде на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества государыни Елисаветы Петровны, 1747 года». Как пишет Лидия Гинзбург, содержание классической поэзии сводится к тому, что «лирика классического типа представляет собой обычно выражение мыслей и чувств лирического Я»*. Обратите внимание на то, что классическая поэзия строится на проблеме разума и чувства. И если рационалистичность мышления для создания оды объяснима, то искреннее, не каноническое отношение к Сибири в жанре оды у Ломоносова выходит за рамки простой гражданственности.

После празднования трехсотлетия со дня рождения Ломоносова мы порой особенно проникновенно перечитываем строки:

*Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми Борей крилами,
Твои взвеает знамена...*

Как видим, Сибирь в воображении поэта приобретает конкретный образ. Эта удивительная страна «всегдашними снегами покрыта», Борей — холодный северный ветер, поднимает знамена императрицы, что символически говорит о том, что Сибирь принадлежит государыне. Справедливо отметить, что для всякой оды, и, в частности, ломоносовской, характерна «предметность» (термин Л. Гинзбург). За конкретными, точными деталями возникает образ Сибири:

*Но Бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил народы напояет
И бреги наконец теряет,
Сравнявшись морю шириной.*

По утверждению Ломоносова, «северна страна» — это страна, полная чего-то дивного, чудесного. Дальше поэт использует гиперболу-сравнение. Он сопоставляет реку Лену с многоводным, огромным Нилом: «И бреги наконец теряет, сравнявшись морю шириной». Обычные приемы для этого жанра в описании не используются.

*Гинзбург Л.Я. О лирике. М., 1997. С.53.

В этом изображении Сибири нет обязательных для «одического стиля» традиционных метафор, аллегорий. Индивидуально-авторская гипербола-сравнение своеобразно репрезентирует Сибирь. Поразительно, что в таком жанре, как ода, где должно быть восхваление положительных качеств Елизаветы Петровны, Ломоносов находит оправданное место образу Сибири, и в нескольких поэтических строчках ему удается показать всю широту, красоту и необозримость сибирского края.

Образ Сибири в произведении К. Рылеева «Смерть Ермака» интересен тем, что в нём рассматривается непокорная, вольная природа:

*Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Беспрывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...*

Сибирь предстает перед читателем в минуту грозы и непогоды. С Сибирью у Рылеева связан следующий поэтический ряд: *дебри, суровый, угрюмый, дикий берег Иртыша*. Дебри — это места, заросшие непроходимым лесом. Таким образом, Сибирь наделяется эпитетами «суровая» и «угрюмая». Происходит перенос значения с человеческих качеств на природу — параллелизм. Эта параллель между состоянием Ермака и природой художественно верно выбрана поэтом. Если для Ломоносова Сибирь — это широта, красота природы, её мощь и огромные реки и просторы, то для Рылеева — суровая и угрюмая страна.

Почему столь по-разному осмысливается образ Сибири? Прежде всего нужно отметить, что Рылеев таким описанием подготавливает читателя к восприятию Ермака-героя:

*Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!..*

В описании Иртыша Рылеев следует романтическому канону:

*Иртыш кипел в крутых берегах,
Вздымались седые волны...*

Ломоносов, несомненно, гораздо живописнее, точнее, подробнее воссоздал образ Сибири. У Рылеева же после гибели Ермака и природа приобретает минорный, опять романтический оттенок:

*Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился...*

К образу Сибири, в широком её понимании, добавляется и другие черты: непокорность и своенравность.

Произведение Александра Сергеевича Пушкина «В Сибирь» было написано как отклик, как желание поэта приободрить декабристов. Словно бы эхом отозваться и намекнуть на возможное помилование, помочь словом, снабдить своих друзей.

Одоевский отвечает:

*Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.*

Позже Одоевский так постиг прекрасное в Сибири:

*Зыблется светом обаятая
Сосен цепь над рядом юрт.
Звезды светлы, как видения...*

Одоевский использует разные средства выразительности: метонимию «сосен цепь», сравнение звезд с видениями, метафорическое сочетание «зыблется светом». Основная тональность этих образов — светозарность и деревьев, и звёзд.

Одно из любимых моих стихотворений о Сибири — «Сибирские цветы» Николая Чижова. В нём так трогательно раскрывается чувство Родины, так верно передаётся простая красота Сибири!

*Не стану из краев далеких
Сбирать растенья в садик мой;
С полей Отчизны, с гор высоких
Сбиру цветы страны родной...*

Лирический герой собирает разные цветы: *анемон, статис и снежной белизны пион*. Создавая букет из сибирских цветов, герой размышляет о любви к родной стране, он находится в гармонии с природой и поэтому видит прекрасное:

*Сберу фиалки полевые —
Эмблему скромной красоты,
И колокольчики простые,
И гордой лилии цветы...*

А такой сибирская природа предстает в стихотворении «Шебутуй» декабриста Бес-тужева-Марлинского:

*Орел на громовой горе,
Купает в радуге крыле,
И серна, преклоняя роги,
Глядится в зеркальной скале.*

*И ты, клубя волною шибкой,
Потока юности быстрей,
То блещешь солнечной улыбкой,
То меркнешь грустию теней.*

Поэт мастерски описывает животных и их повадки. Но ещё красочнее он обрисовывает образ Шебутуя, используя метафору «потока юности», что символизирует лёгкость, свежесть, порывистость реки. Сочетание с данной метафорой эпитетов «быстрый» и «шибкий» формирует особый динамический, объёмный образ в нашем сознании. Художественный образ возникает благодаря контрастно звучащим метафорам: *солнечная улыбка* и *грустию теней*. Контекстные синонимы *блещешь—меркнешь* усиливают ритмичность описания Шебутуя.

В стихотворении Владимира Соколовского «Утро на Енисее» представлена следующая картина:

*Кипучий, быстрый Енисей!
Неси меня своей волною;
Уж солнце всходит за горою,
Неси меня, неси скорей!..*

Образ могучего и быстрого Енисея создаётся с помощью разных выразительных средств: сравнением-гиперболой «как будто синий океан» и повторами метафорического глагола: «клубится». Метафоры «розы облаков», «пожар небес» в соединении с эпитетами «младые», «золотой» не выглядят романтическими штампами. Перспектива, масштабность поэтической картины образовывается за счёт использования приёмов гиперболы и единоначатия:

*Он подымался на утёс,
Он заслонил его вершину...*

Обратимся к творчеству хорошо нам известного по сказке «Конёк-Горбунок» и любимого с детства Петра Ершова. Какой же образ Сибири существует в представлении Ершова? Такой же величественный, как у Соколовского, или же мрачный, как у Рылеева? Прочитаем «Послание к другу», которое Ершов написал в 1836 году. Во-первых, Сибирь для поэта метафорически край туманов и снегов. Во-вторых, герой стихотворения говорит, что его приветствовала метель. О своем появлении на свет лирический герой рассказывает, что был «рождён в недрах непогоды». Выразительная метафора построена на пересечении смыслов в «недрах земли» и образно в «недрах непогоды». Образ непогоды и раньше встречался по отношению к Сибири, например, у Рылеева, но у Ершова он расширяется до прибавочных оттенков, этот образ неповторим. И Сибирь видится Ершовым в образе зимы и непогоды. Отсюда «дряхлая зима», «вихрь снеговой», «льдистый берег». Так создается удивительный, «снежный» образ Сибири. В стихотворении первое, что услышал герой, это «вой бурана», а увидел — «высокие горы». Но оптимистично заканчивается произведение, герой надеется и поэтому

*И чувство жизни и свободы
Забилось трепетно в груди.*

Слова следующего поэта, Ивана Никитина, о Сибири — это прославление её красоты, как и в «Сибирских цветах» Чижова. Никитин говорит, что Сибирь — суровый край. Причём красота эта непростая, а дикая, непокорная, неподвластная человеку. Он пишет о прозрачности вод Байкала и о нетронутости, тишине сибирских лесов. Вот его «воображаемая» Сибирь:

*Сибирь! Напишешь это слово —
И вдруг свободная мечта
Меня уносит в край суровый.
Природы дикой красота
Вдали встает передо мною.
И, мнится, вижу я Байкал
С его прозрачной глубиной
И цепи гор с громадой скал,
И бесконечную равнину
Вокруг белеющих снегов,
И грозных, девственных лесов
Необозримую вершину...*

Как видим, здесь преобладает уже не рационализм мышления, а тонкая, поэтическая интуиция чувства. Кстати сказать, Никитин в Сибири не был. Однако в «свободной мечте» он предугадал многое. Инверсия «вижу я Байкал» акцентирует читательское восприятие на образе Байкала. Аллитерация, уточним, — «стилистический прием усиления звуковой выразительности стиха повторением одинаковых звуков, преимущественно согласных»*. Повторение согласных «р» и «г» необходимо для того, чтобы передать мощь и силу Байкала.

Следующий поэт — Пётр Якубович. Вот как в декабре 1887 года он повествует о Байкале:

*Зеленел Байкал сердитый,
Клокотал гремучий вал;
По бокам висели грозно
Цепи гор и кручи скал.*

Метафорический глагол «зеленел» позже употребляется со строчкой: «зеленел кипучий вал». Байкал же «грохотал».

Эпитеты «грозно», «сердитый» относятся к озеру, и это говорит о том, что поэт олицетворяет, и весьма красочно и умело, озеро Байкал.

*Словарь поэтических терминов / под ред. С.М. Бонди. М., 1940. С. 13.

В произведении Дмитрия Давыдова «Думы беглеца на Байкале» Байкал предстает во все не грозным или сердитым, а славным: «Славное море — привольный Байкал». Для беглеца озеро — это обретение воли. Удадь и воля — качества беглеца, они помогают ему решиться плыть в омулевой бочке. «Смелого в бочке не тронет» Байкал», — считает молодец.

А какой образ Сибири сформировался у поэтов XX века? Рассмотрим стихотворение Сергея Есенина «В том краю, где желтая крапива». Вот какой видится Сибирь поэту:

*Там, в полях, за синей гущей лога,
В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.*

Есенинские метафоры, например, «зелени озер», наполнены цветописью, так же, как и логически верные слова «синей», «песчаная». И потому они приобретают особый, образный смысл. Сибирь соединена в представлении поэта с непроходимостью сибирской тайги и поэтому появляется «за гущей лога». Для Есенина, так же как и для Блока, Давыдова, Сибирь ассоциируется с арестантами, ворами и преступниками. Есенин жалеет их и пишет: «Их сердца просты...» Для Есенина Сибирь связана с непогодой. Но он не только одушевляет непогоду, он в этом образе символически характеризует свой и чужой жизненный путь:

*И когда с улыбкой мимоходом
Распрямлю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитый мой путь.*

Как же трансформируется представление о Сибири у К. Бальмонта?

*...Страна, где мчит течение Енисей.
Где на горах червонного Алтая
Белеют орхидеи, расцветая,
И вольный дух вбираешь грудью всей.*

Мелодичность стихотворению Бальмонта создают ямбы и разнообразие рифм: женской (Енисей — всей), полной (Алтая — расцветая). Рифмы выделяют ключевые слова образа. Создаётся образ Сибири у Бальмонта за счёт метафорических эпитетов, импрессионистических тональностей.

Для поэта Сибирь — это «вольный дух», воля. Бальмонт использует разные приёмы: инверсию — изменение порядка слов: «Белеют орхидеи», вид звукописи — аллитерацию: «мчит течение Енисей». Эти и другие приёмы построения стиха должны обобщать идею произведения — красоту сибирского края. С помощью парцелляции — расчленения фразы в художественном произведении на части или на отдельные слова для придания речи экспрессии — Бальмонт изображает животных:

*Там есть кабан. Медведь. Стада лосей.
За кабаргой струится мускус, тая.
И льется к солнцу песня молодая.
И есть поля. Чем хочешь, тем засей.*

В его поэтике Сибирь соединена с молодой крестьянской песней, с работой пахаря, с привольем и раздольем, с первозданной красотой:

*Там, на утес, где чары все не наши,
Не из низин, взошел я в мир такой,
Что не был смят ничьей еще ногой.*

И хотя художественному стилю Бальмонта, по мысли Лидии Гинзбург, близка тема экзотики, всё-таки любопытно, какую реку или озеро так правдоподобно воссоздал поэт:

*Во влагу, что в природной древней чаще
Мерцала, не смотрел никто другой,
Я заглянул. Тот миг всех мигов краше...*

Для Бальмонта мир сжимается до мига, наполненного красотой и гармонией. Стихотворение «Сибирь» было написано в 1916 году. Чарующую красоту Сибири увидел поэт, удалю сибирской восхитился.

Образ Сибири, можно резюмировать, абсолютно разный у русских поэтов от Ломоносова до Бальмонта. Но общее проявлялось в том, что классические поэты восхищались мощью, красотой, привольем нашего края...

ЮРИЙ ОРЛОВ

С поклоном к Бальмонту — в Париж

Среди всех именитых писателей, для кого малой родиной стала земля Ивановская, самым именитым, безусловно, является Константин Бальмонт. Родоначальник поэзии Серебряного века, обретший неофициальный титул «короля» русских поэтов конца XIX — начала XX века, «гражданин мира», увидевший собственными глазами и запечатлевший в своих творениях почти весь подлунный «божий свет», похороненный на чужбине, испытывавший все превратности судьбы — от громкой славы до попытки забвения, — Константин Дмитриевич Бальмонт для нас, его земляков из XXI столетия, выстраивающих свою ретроспективу знаковых литературных имён, был и остаётся по сию пору — «королём». И отношение к нему в нашем крае, особенно в последние два десятилетия, подобающее.

И вот — литературный календарь 2012 года высвечивает сразу две юбилейные памятные даты, связанные с именем К.Д. Бальмонта: 145-летие со дня его рождения (15 июня) и 70-летие со дня его смерти (23 декабря). И в данной связи в Ивановской областной писательской организации, всегда игравшей ключевую роль в нарастающем бальмонтовском региональном «ренессансе», родилась совершенно фантастическая, казалось бы, идея: отправиться в Париж, а точнее — к месту захоронения Константина Бальмонта в парижском предместье Нуази-ле-Гран, чтобы воздать дань памяти своему великому земляку в столь знаменательный для него год. За идеей последовали и практические шаги. Был установлен прямой контакт с мэрией французского городка Нуази-ле-Гран, а также с культурным атташе французского посольства в Москве. В подготовке официальных писем-обращений к означенным адресатам в качестве переводчика любезно согласился помочь бывший парижанин с русскими графскими корнями, а ныне человек с двойным гражданством, наш земляк, проживающий в тихом волжском городке Плёсе, Андрей Борисович Фитце-Ланской. Более того, как общественный деятель, возглавляющий ныне Ассоциацию российско-французской дружбы в Ивановском регионе — «Конкорд», он приложил к пакету наших документов и своё рекомендательное послание, обращённое напрямую к мэру города Нуази-ле-Гран. Активно помогала нам и французская писательница, доктор филологии, парижанка Катрин Бремо, автор книги о жизни и творчестве поэтессы Анны Барковой «Голос из бездны», изданной на русском языке редакционно-издательским отделом ИвГУ в 2011 году (консультант и рецензент книги профессор Л.Н. Таганов).

К середине сентября хлопотное дело наше, продолжавшееся с весны и всё лето, сложилось, наконец-то, окончательно. А за три дня до нашего отбытия на официальном сайте

ОРЛОВ Юрий Васильевич. Родился в 1945 г. в Иванове. Окончил исторический факультет Ивановского государственного университета. Служил в Воздушно-десантных войсках, преподавал общественные дисциплины в военном училище, пройдя ступени служебной лестницы от лейтенанта до подполковника. Публиковался в местной и центральной периодике, литературных журналах и альманахах. Автор двух десятков поэтических книг, в том числе песенного сборника *«Певучие строфы»*. С 1994 г. — председатель Ивановского регионального отделения Союза писателей России. Лауреат премии Центрального федерального округа РФ в области литературы (2010), премии имени поэта-песенника Алексея Фатьянова «Соловьи, соловьи...» (2012) и ряда других литературных конкурсов и премий. Заслуженный работник культуры России. Живёт в Иванове.

областного департамента культуры под заголовком «Делегация ивановской общественности едет в Париж» — появляется анонс: «С 7 по 12 октября 2012 года представительная делегация деятелей культуры региона планирует посетить Париж и его предместье Нуази-ле-Гран с целью участия в мемориальных мероприятиях, посвященных 145-летию со дня рождения и 70-летию со дня смерти нашего именитого земляка К. Бальмонта. Эта гуманитарная акция инициирована Ивановским отделением Союза писателей России, поддержана департаментом культуры и культурного наследия Ивановской области и направлена на упрочение культурного взаимодействия и традиционно-дружеских отношений между Россией и Францией. В составе делегации 23 человека: потомки К.Д. Бальмонта, ивановские писатели и поэты, представители библиотек, музеев области и других организаций».

И вот он — «день икс». Вернее, поздний дождливый вечер 6-е октября. Общий сбор отъезжающих в областной писательской организации. Заказной автобус до столичного аэропорта «Шереметьево» и соответственно — от аэропорта «Шереметьево» до Иванова в день возвращения — бескорыстный дар и сопричастный вклад областного департамента культуры. Последние дорожные напутствия, а уже в полдень 7 октября — мы в Париже.

Солнце — после насквозь мокрого вчерашнего дождя — сияло радостно так, как будто это радовался нашему прибытию сам Бальмонт — «солнечный» наш поэт. Да и кто бы не радовался на его месте, когда после стольких лет глухого одиночества к нему с таким воодушевлением едут сородичи и посланники от родной земли, да и сама эта земля, — хотя бы и с горсточку всего — к нему тоже едет!..

Прямо от гостиницы начиналась обзорная автобусная экскурсия по Парижу. Трёхчасовая поездка по оваянному легендами городу, перемежавшаяся, как водится, с короткими остановками и небольшими пешими переходами, да ещё в самый что ни на есть погожий день, когда и фотографировать, и фотографироваться было одинаково приятно, — это ли не подарок судьбы!

Конечно же, Париж очаровывает, обволакивает и погружает в свою неповторимость. В наибольшей степени это ощущается на Монмартре — холме в северной части города со средневековой узкоуличной застройкой — в двадцати минутах ходьбы от нашей гостиницы в сторону, противоположную от центра. Место богемное. Здесь, не покладая рук, работают художники, всевозможные кустари, непрерывной цепью теснятся друг к другу крохотные сувенирные лавчонки, а на бульваре мадам Клиши — первоосновательницы «салонов» сексуальных услуг — ещё и магазинчики-шопы с выставленными на броских витринах принадлежностями для жриц любви. Это их узаконенная среда обитания. И как квинтэссенция легализации пикантной темы — музей эротики аж в три этажа. И над всем этим грешным миром — на вершине холма — впечатляюще-величественный собор Секре-Кер, т. е. — священное, а ещё проще по смыслу — «Христово сердце». Чем не аналог московского храма Христа Спасителя! От подножия собора — со смотровой площадки, обращённой к югу, открывается завораживающая городская панорама, где вполне угадываются монументальные очертания и собора Нотр-Дам, что представляется особенно символичным в незыблемой духовной взаимосвязи Богоматери и её сына Иисуса Христа. А между тем несчётные ступени прямо со смотровой площадки, как с божественного Олимпа, вновь возвращают одухотворившихся было посетителей в грешный мир, который и очаровывает, и обволакивает, и погружает в конце концов человека в земную твердь ниже её нулевой отметки.

Такой пассаж естественным образом обращает мои думы опять же — к заглавной теме, к многосложной личности К. Бальмонта, который, вероятно, тоже без конца очаровывался Парижем, всё более ностальгируя по родным невозвратным местам, пока, наконец, не явилось и оно — разочарование, сопряжённое с безденежьем, одиночеством, полузабвением. Блистательное начало и — трагический финал: приют для престарелых в Нуази-ле-Гран, и там же — скорбная могила, которую нам теперь предстояло осенить не только православленным действием, но и немеркнущим светом Родины — в подтверждение того, что земля отчая, как неотрекшаяся мать, неизменно помнит, любит, чтит.

Но ещё до поездки в Нуази-ле-Гран, в Париже, в так называемом Русском доме, а точнее — в Центре российской науки и культуры, состоялся вечер памяти поэта Константина

Бальмонта. Вечер этот — с участием русскоязычной и франкоязычной общественности — готовился и проводился нами совместно с Российским фондом культуры в лице его вице-президента, нашей землячки — Ларисы Владимировны Назаровой. Трогательную тональность вечеру задал документальный фильм о скитальческой судьбе поэта — «Вернись на родину, душа!», созданный коллективом Шуйского государственного педагогического университета. Из Шуй на вечере выступили директор музея К.Д. Бальмонта Наталья Сергеевна Шептуховская и Светлана Юрьевна Хромова — заместитель директора Шуйской школы № 2 им. К. Бальмонта, бывшей мужской гимназии, старые стены которой поныне помнят юного поэта-гимназиста.

В своём выступлении в качестве руководителя делегации я, помимо прочего, выразил надежду, что нынешний наш визит во Францию послужит побудительным моментом к тому, чтобы учреждённая губернатором Ивановской области совместно с Союзом писателей России Всероссийская литературная премия имени К. Бальмонта стала бы премией не только российской, но и международной.

С французской стороны в сценарной части вечера приняли участие президент ассоциации в поддержку русской культуры «Глагол» — поэт, журналист и переводчик Владимир Сергеев, а также члены ассоциации, которые познакомили собравшихся с авторскими переводами Бальмонта на французский язык. Здесь же была развёрнута выставка архивных материалов о дружбе Константина Бальмонта с писателем Иваном Шмелёвым. Состоялось прямое наше общение, не требовавшее перевода, с плеядой потомков первой волны русской эмиграции во Франции. На вечере мы, наконец, имели возможность лично поблагодарить Катрин Бремо за все её неустанные хлопоты, связанные с нашим визитом.

День третий — вторник 9 октября — мы вправе считать историческим, главным днём в гуманитарной нашей миссии. Автобус туристического класса, предоставленный муниципалитетом, в назначенное время ожидал нас у гостиницы. Нуази-ле-Гран по официальному статусу — самостоятельный город, отстоящий от исторического «окольцованного» Парижа примерно в часе езды по автотрассе в восточном направлении. В сопровождении заместителя мэра Мишеля Мирсмана неспешно, в обзорно-экскурсионном режиме петляем по аккуратным, ухоженным городским улочкам и проездам. Застройка в основном малоэтажная, индивидуальная, но добротная, — с внутренними дворами и гаражами. Ощущение уюта и умиротворённости. Переводчиками выступают Владимир Сергеев и Катрин Бремо. А когда останавливаемся возле обширного зелёного газона с текстовым указателем, то и без переводчиков не затрудняемся понять суть написанного, идентифицируя латиницу и кириллицу почти один к одному: «Сквер Константа Бальмонта». И чуть ниже: «Русский поэт, 1867–1942 гг.». Следующая остановка — близ довольно скромного трёхэтажного особняка, служившего когда-то приютом для престарелых и бездомных, где и закончил свои дни Константин Дмитриевич.

Конечным пунктом стала специальная парковочная площадка, откуда непротяжённая (длиною не более сотни метров) пешеходная дорожка приводит нас на старое кладбище с символическими аркообразными воротами. Новых захоронений на кладбище, по всей видимости, не производят, а все старые — с «капитальными» надгробиями — пребывают в том ухоженном состоянии, какое по нашим представлениям возможно лишь в специальных мемориальных зонах. Но для Франции, похоже, это явление повсеместное, являющееся нормой. Проходы между захоронениями по всему периметру кладбища выстланы гравием таким аккуратным образом, что грязи под ногами при любой погоде взяться просто неоткуда. Мемориал — да и только! И если идти прямо, то всего-то в двадцати-тридцати метрах от входа, справа от окаймляющей аллеи, во втором ряду и покоится он, как означено на крестообразном каменном обелиске (точь-в-точь, как на указателе названия городского сквера): «Константин Бальмонт, русский поэт, 1867–1942».

Священнодейственный сей миг, который мы воистину приближали, как могли, настал. Вступительное слово моё на импровизированном митинге было предельно кратким, но от этого не менее волнительным. Катрин Бремо — слово в слово — повторила сказанное мной в переводе на французский язык: «Уважаемые друзья! Представительная делегация

писателей и видных деятелей культуры из Ивановской области России, движимая высоким стремлением поклониться праху своего именитого земляка в год 145-летия со дня его рождения и 70-летия со дня его смерти, благодаря всемерной поддержке французской стороны и при участии прямых потомков поэта, благополучно прибыла на священное место его последнего приюта.

В нашем багаже не только ритуальный венок с надписью на ленте «Великому поэту — от родной земли», но и символическая капсула с самой этой землёй из бывшего родового имения Бальмонтов в селе Гумнищи близ старинного русского города Шуя. И прежде чем совершится панихида, предлагаю почтить светлую память Константина Дмитриевича Бальмонта минутой молчания, а также возложить доставленный из России венок, цветы и капсулу с родной землёй обетованной».

После церемониальной паузы возложения цветов православный священник отец Николай, в полном облачении, отслужил панихиду на русском, а затем — в сокращённом варианте — и на французском языках. Мишель Мирсман, как официальный представитель французской стороны, немногословно обозначил своё заинтересованное участие в происходящем — как проявление уважительного отношения французского народа к великой русской культуре и к светлой памяти русского поэта, упокоенного на французской земле. Самые общие, казалось бы, слова, но в пользу искренности их говорили и очевидная ухоженность места захоронения К. Бальмонта, и поименование в его честь приметного уголка городского ландшафта, да и самый факт позитивного отношения здешней мэрии к прибытию нашей делегации с оказанием ей всяческого содействия. С другой стороны, наш приезд убедительно свидетельствовал о том, что и сами мы, россияне, своим культурным, национальным достоянием умеем дорожить.

Приём, которым удостоила нас городская мэрия, прошёл в просторном зале её культурного центра. От лица мэра — Мишеля Пэйона, отсутствовавшего на данный момент, как это часто бывает у первых лиц, приветствовал нас в официальном ранге заместителя другой Мишель, а вернее всё тот же — Мишель Мирсман, означившись с сопровождающими его лицами, как в президиуме, — с торцевой части длинного фуршетного стола. Это был тот именно момент, когда от лица всей нашей делегации я и должен был вручить французской стороне привезённые нами из России приветственные адреса и всевозможные сувениры. И от меня не требовалось уже никаких дополнительных слов к тому, о чём говорилось, например, в одном из таких посланий: «Уважаемый господин Мишель Пэйон! Департамент культуры и культурного наследия Ивановской области от всей души благодарит Вас и жителей Нуази-ле-Гран за бережное сохранение памяти и мест, связанных с именем нашего земляка, великого русского поэта Константина Бальмонта.

Примите самые искренние слова благодарности за тёплый приём, оказанный делегации ивановских писателей и культурной общественности во время их пребывания во Франции.

Надеемся на дальнейшее сотрудничество и культурное взаимодействие между Ивановской областью и городом Нуази-ле-Гран и приглашаем Вас посетить наш регион в удобное для Вас время. До встречи на Ивановской земле! Начальник департамента культуры и культурного наследия Ивановской области — Светлана Шмелёва».

Итак, бальмонтовская гуманитарная акция была благополучно завершена. Но изначальный бальмонтовский настрой продолжал владеть нами и в оставшиеся дни пребывания в Париже. Трижды до меня дозванивался по мобильнику корреспондент ивановского радио Владимир Мартынов, и всякий раз мои короткие парижские репортажи, отражавшие очевидную благонамеренность предпринятого нами турне, «улетали» в ивановский эфир.

В единый контекст этой благонамеренности вписалось и посещение мемориального русского кладбища в местечке Сэн-Женевьев де Буа — самого крупного русского некрополя за пределами нашей страны, насчитывающего более семи тысяч захоронений. Где, как не здесь, если уж не в родных пределах, полагалось бы, наверное, быть упокоенным и Константину Бальмонту?! Увы, судьба его распорядилась иначе. Постояли в молчании у скромного крестообразного надгробия Нобелевского лауреата Ивана Бунина, разыскали

могилу нашего земляка, кинорежиссера Андрея Тарковского — зажгли свечу. Не могли не обратить внимания на самое экзотическое надгробие в виде яркого мозаичного ковра-покрывала, отливающего нетускнеющим золотом на солнце. Читаем — Рудольф Нуреев. Щемящей скорбью отзывались воистину братские захоронения белогвардейского воинства, сведённые в компактные мемориалы — генералу Деникину и деникинцам, генералу Алексееву и алексеевцам... Бесконечно много. Душа невольно вызывает к примирению их всех — и белых и красных, хотя бы задним числом. Побольше бы нынешних молодых россиян смогли увидеть и прочувствовать это, чтобы впрок уберечься от беспамятства и новой национальной смуты!..

Наше возвращение в родные края происходило вполне штатно. Пятница, 12 октября. Вылет из Парижа в 19.30 по европейскому, прибытие в Шереметьево — в 00.30 по московскому времени. За иллюминатором — ночная темень. И если не одолевает сон, то, пожалуй, самое время для сокровенных дорожных дум, в том числе и о великом земляке своём Константине Бальмонте, имя которого, словно его неуспокоенная душа, всё никак не найдёт однозначного толкования, и не то чтобы в Париже, но и в родных до боли местах произносится зачастую с упорным французским акцентом на последний слог, словно бы в пику всем здравствующим ныне сородичам его. По-французски-то оно — логично, думал и продолжаю думать я, но уж если говорить по-русски, то и величать поэта надо непременно на русский лад, т. е. с ударением на первый слог, как он и был означен при рождении, что по-русски звучит естественнее и благозвучнее во всех лексических вариациях (как, например, — «бáльмонтовские» чтения и т. д., ибо совсем уже не годится сказать почти несуслазное — «бальмонтóвские» места). На такой же русско-лексической трактовке в произношении имени поэта настаивал и главный наш бальмонтовед, профессор П.В. Куприяновский, когда в своё время я его лично об этом «пытал», ибо для меня это было принципиально важно, как для поборника произношения имени русского поэта в русской речи на русский исключительно манер. И там, во Франции, у его надгробия, я, родившийся в день, когда Константин Бальмонт покинул этот мир, в некоем своём мистическом погружении услышал почти физически явственно: «Не отстраняйте меня от родовых корней: я не Бальмóнт, я — Бáльмонт!..» И свои поэтические строки, обращённые к поэту, воспринимаю отныне сам как вполне согласный ответ на этот зов, как ещё один ему от меня земной поклон:

*Он вырос под берёзкой, — не под пальмой,
Ему российский ближе горизонт,
Да и звучит родней по-русски — Бáльмонт,
Чем по-французски вычурно — Бальмóнт!*

*Познал поэт и славу мировую,
И блеск дворцов, и горечь пепелищ...
Ему б теперь в свою вернуться Шую
Под сень дубрав родительских Гумниц.*

*А он свой прах оставил под Парижем,
Успев при жизни весь объехать свет,
Но остаётся — «русский, русский, рыжий»,
Звездopodobный, — солнечный поэт!..*

АЛЕКСАНДР ОБУХОВ

Для всех навеки

Пятница 10 сентября лучилась цветами радуги, и вечер не сулил особых забот и дел. Назавтра планировалось начало долговременной радости — я собирался в посёлок Мишелёвку на отдых. Любимые места, моя «поэтическая родина»! Развиваться бы радостным видениям предстоящего, если бы... если бы не телефонный звонок, который нарушил тишину вечера и существенно изменил мои планы.

— Добрый вечер, Александр Иванович, — прозвучал знакомый голос из департамента образования Иркутска.

— Добрый, добрый. Слушаю вас внимательно. С чем пожаловали? Какие дела? Заботы?

— И дела, и заботы... Вы же знаете, что 2010 год объявлен Годом учителя, что близится 350-летие Иркутска...

— Да, естественно. Даже в своей деревне уже наслышан. И что? К этим событиям я пока не причастен. В школе работал давно, в гимназии № 1 Ангарска вёл поэтический факультатив — и всё.

— Вот-вот, о поэзии как раз и пойдёт речь. Я вас приближу к праздникам.

«Ну, — думаю, — где-то надо с учителями или школьниками поэтическую встречу устроить, а может, и не одну».

— Так вот, дорогой Александр Иванович, в связи с празднованием нашим отделом уже запланированы конкретные мероприятия. В частности, заслуженные учителя России, проживающие в Иркутске, высадят деревья в одном из скверов города — создадут аллею. На входе планируется установить что-нибудь мемориальное — доску, камень, стелу.

Недоумеваю: «А я при чём? Стихи почитать?» Однако реальность оказалась сложнее и «тяжелее». Из трубки телефона звучало:

— На этом мемориальном памятном знаке должен быть пояснительный текст: за чем, кому, в связи с чем и благодаря кому появилась аллея. Понимаете?

— Понимаю: витязь на распутье, камень «Прямо пойдёшь...». Так?

— Так-то оно так, но не уклоняйтесь в сказку. Вам надо реально создать текст по указанной теме. Я прошу!

ОБУХОВ Александр Иванович. Родился в 1939 г. на прииске Николаевский Красноярского края в семье рабочего. В 1961 г. окончил физико-математический факультет Иркутского государственного университета, затем год отработал в проблемной лаборатории Политехнического института г. Иркутска. В 1962–1990 гг. работал в Ангарске на электролизном химическом комбинате, занимаясь промышленным обогащением изотопов урана. В 1993 г. изданы сборники стихов *«Цветы России»*, *«И плодоносит в августе земля...»*. Позднее публикуются сборники стихов *«Сквозь время ненастное»* (1995), *«Зимы не будет»* (2000), *«Луговинка»* (2004), *«Светлячок»* (2006), книга прозы *«Звёздный вальс»* (1998), а также в 2009 г. научная монография *«Слово о букве»*. Лауреат конкурса «Звезда полей»-2004 в номинации «фотоискусство», а также победитель этого же конкурса в 2005 и 2010 гг. в номинациях «Поэзия» и «Проза». Автор нескольких научных статей, опубликованных в сборнике *«Три века русской литературы»*. Член Союза писателей России. Живёт в посёлке Мишелёвка Усольского района.

— Простите, но я не могу этого сделать при всём уважении к вам. Такая надпись вечная: каменная, мраморная ли... Она — монументальная! Я пишу стихи, иногда рассказы, то есть художественные произведения, такие разливанно-лирические, знаете ли... Монументальный текст, скажу, не приемлет какой-либо мягкотелости, что ли. Не смогу я этого сделать.

— Нет сможете. Смо-же-те!..

— Нет. Я устал. Еду завтра в Мишелёвку отдыхать.

— Отдохнёте. Вдохновитесь на природе...

— Хочу от всего отойти — погулять по берегу, побродить по лесу, у костра посидеть. Да и вам, чувствую, как всегда при таких событиях, текст надо уже было «вчера».

— Нет, нет! Надо ко вторнику. Впереди — три дня!

— Каких три?! Сегодня уже ночь пятницы! Завтра до обеда — в дороге. И такой текст за три дня не пишется. Известные поэты говорят, что любой экспромт пишется неделю. Даже две строки невозможно написать за это время, а тем более — одну.

— Так напишите три-четыре...

— Вы понимаете, какие тексты на камне?! Державин: «Здесь лежит Суворов», Берггольц: «Никто не забыт, ничто не забыто». В Москве на входе в зал Пушкинского музея — «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» А греческие, римские монументальные тексты — ни одной лишней буквы! Вы чувствуете, какой уровень! Поэтому — не могу.

— Я и не прошу лишней буквы, — с лукавством отвечает заказчик. — Самый минимум и напишите.

— Но этот минимум является максимумом поэтического, литературного мастерства! Понимаете? Не могу. Вы хоть кого-то параллельно попросите написать. Времени же мало.

— Я всё понимаю, Александр Иванович. Но, верю в ваши силы и возможности. Напишите, пожалуйста!

— Хорошо... в события вы меня ввели. Текст сочинять, который вверху, то есть где первые строки? Или что, внизу, где идёт казённое, официальное? Вы у себя решали?

— Да, думали. Предлагается: «От заслуженных учителей России городу Иркутску в честь 350-летия города Иркутска. 2010 год».

— Плохо. Это многократное повторение в мемориалах разных городов «В честь...», «Никто не забыт...». Тавтология обесценивает, выхолащивает сущность, и мне мыслится иногда, что даже камень, отёсанный с датой его установки, будет значимее, чем уже избитый текст, некогда оригинальный и в единственности своей — неповторимый.

— Да, в чём-то можно согласиться. Так вы пишете? Конечно, пишете! Я верю, что справитесь. До свиданья. Спокойной ночи.

— Спасибо за доверие. Постараюсь. До вторника. Спокойной ночи.

Разговор окончен. А мысли... мысли... Какая «спокойная ночь»!

«Боже! Боже! кто мне поможет? Пушкин, что ли? Стоящий на полке томик его стихов? А что? Полистаем... «люблю сей тёмный сад... сей луг. И ныне здесь, в забытой сей глуши... Но пусть мой внук услышит ваш приветный шум». Всплывает в памяти рубцовское о стихах. Да-да, в письме к Яшину. Посмотрим. Вот книга «Последняя осень»: «...предпочитал использовать слова... которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас». Уже — за полночь. Спать! Хватит на «вчера» и уже идущее «сегодня»... Там, в деревне, поброжу, отдохну — видно будет.

...Суббота. Полдень. Мишелёвка. Милые места! «Роняет лес багряный свой убор». Моя славная, неповторимая «поэтическая родина»! Яркие, солнечные пшеничные поля. «Когда волнуется желтеющая нива...» Господи, как щемяще-счастливо! Как сладко ощущать Твою благодать, Господи! Река, лес, нива... избы здесь и там...

Окончен незатейливый обед. С дороги надо отдохнуть — этого настоятельно советуют врачи.

Вечер. Закат радужно расцвечивает утишающую меня реку Белую. Гора в березняке. Скалистый берег и берёзы, что напротив меня, разноцветно опрокинулись в стеклянную водную гладь. Порывистый ветерок пытается сорвать листву, она сопротивляется, несогласно шумит, но, смирившись, дарует ветру отдельные листочки, кои прощально машут ладошками родичам и, весело кружась, летят навстречу неведомому.

Рождается строка «Как весел и весом прощальный шум листвы». А далее — ничего, пустота абсолютная в голове. «Если есть что-то в ней важное — вспомнится», — подумалось о строке в утешение.

А берег расстилает передо мной луговины и полянки, покрытые упругим желтеющим спорышем, ещё зелёным подорожником, берёзовой шепчущейся с ветерком солнечной листвой. Под обрывом шелестит и тоже шепчется чуткий, упругий камыш, усеянный золотистыми серёжками ивняка.

Неповторимую идиллию взрывает звук мобильного. «Зачем я его взял?»

— Да. Слушаю. Здравствуйте.

— Александр Иванович! Вы не смогли бы провести литературную встречу со школьниками? Третий класс, — это знакомый библиотекарь. — Желательно числа пятнадцатого.

— Нет, не могу. Давайте на октябрь.

«И здесь — школа. Третий класс. И здесь достали. Видимо, это навечно: школа, учителя, класс».

Первый день в деревне увенчался ярко-красным закатом, который тихо-тихо погасила ночь. Но, к сожалению, день не увенчался ни одной строкой, ни одним нужным словом. Нет-нет! Есть уже слова: листва, шум, школа, класс. Может, и пушкинское «сей» подойдёт?

Темно, пора домой. На кухне — чай с деревенским молоком, принесённый по просьбе соседкой, любимый адыгейский сыр. Ужин окончен. Перехожу в кабинет. Вот и книжные полки. «А что подскажет мне вечный Державин Гавриил? — почитаем». Вскоре встречается, по-пушкински сильное, могучее:

*Но вышний дар богов — тогда
Сей дар богов лишь к чести...*

Учителя ведь дарят аллею. «Сей дар богов...» Какая мощь! Краткость! Какое величественное, значимое слово «сей»!

Утро воскресенья. Меня не пробудили до конца первые лучи, мощным водопадом упавшие на плотные шторы. День для меня начался в 9 часов — поздно. Рядом на журнальном столике — сборники Державина и Рубцова. Иду ставлю чайник. Затем читаю Рубцова. Чайник свистит — можно заварить любимую мною саган дайля: хо-рош из неё напиток, да с настоящим молоком!..

Всё! Надо вдохновляться... Меня давно ждёт «Поляна очарования», получившая это имя во время какого-то моего поэтического экстаза. Всю луговину укрывает тугой, густой пырей. Осень ещё не окрасила его, и он колышется на просторе иссиня-зелёным, как и текущая рядом вода Белой. Резкий порывистый ветер усиливает сходство — травяные упругие волны вздымаются, опадают и быстро замирают зеленеющим плёсом. И подумалось: «Так будет вечно». Мысль остановилась на слове «вечно». Хорошее слово. Поляна, шум, листва — для кого? для меня? для всех? Природа — для всех. Она — дар Божий всем. Всему живущему от мала до велика. Почему учителя — «городу Иркутску»? Плохо. Надо — «всем». Надо убрать слова «городу Иркутску», которые предлагались заказчиком.

...Под ноги стелется отава соседнего с поляной покоса; узкой узловатой лентой петляет по берегу рыбачья тропа. Вот омут. Тишина. Как из воды всплывает вчерашнее: «Как весел и весом прощальный шум листвы». Для лирического стихотворения пошла бы строка, а для камня — плохо «Как весел и весом», да и «прощальный» — плохо. Природа же вечная, извечная. Да! — «извечный шум листвы». Может, «Весом извечный шум листвы»? — потянулась творческая мысль. Час дня — пора домой. Обед. Сон.

Второй вечер из отпущенных трёх. «Бог с ним, с текстом!» И решаюсь идти к приятелю. Шесть часов — светло. Игорь Иванович словно ожидал меня — стоял на балконе двухэтажного каменного дома-особняка. Встречаемся на берегу Белой, что протекает перед домом. Восхищаемся неопишуемой водой. Не по силам художникам передать её цветное, живое дыхание! Текучие, переливающиеся краски! Разговор о жизни, потом о моей недавно вышедшей книге «Слово о букве», которую приятель прочитал.

У Игоря Ивановича широкая натура, распахнутая душа, добавок, он большой хлебосол... На столе в кухне появляется широкий набор наливков, настоек, коньяков, вин. Как цветная река за окном, потекла тихая дружеская беседа о литературе, случайно зацепились мыслью за «Двенадцать стульев». Как богата наша Русь жуликами и проходимцами во все времена! Каких только сортов этого отрепья не плодит её боговерная, добрая душа!.. Расстаёмся в полной взаимной любви друг к другу и верности литературе. До дома 15 минут ходьбы по кудрявой лесной тропе, но — уже полночь.

Помню: томики Державина, Пушкина, Рубцова лежали на столе. Больше ничего не помню...

Понедельник. Утро третьего дня. Солнце гонит яркие лучи сквозь незашторенное окно. Как свежо и светло в голове! Легко-воздушное состояние охватывает, поднимает меня, несёт, и я парю над удивительным, неземным колеблющимся лугом и меж столь же светло-зелёных гор. Не упустить этого вдохновенного состояния! Услышать себя, уйти в себя — уловить звучание строки. Над удивительной тишиной, из небытия слышится:

Сей вечный шум листвы...

И — полный провал! Ничего не звучит. Но неожиданно ясно, каким-то краем уха, вполголоса ли уха, улавливаю чётко то, что будет окончанием текста:

... для всех навечно!

Как ни вслушивался в себя, как ни затих, как по-прежнему ни колыхался в светло-зелёном — ничего! Успокаиваю себя: «Ну, что же, уже кое-что имеем, например, ответы на вопросы, поставленные заказчиком». Впереди — ещё полдня и вечер. Нет пока слов о школе, об учителях, классе. Как всё вместить в три-четыре слова? Как от природы повернуть в сторону школы? Нежданно зазвучал «Школьный вальс»:

*Давно, друзья весёлые,
Простились мы со школою,
Но каждый год мы входим в этот класс.
В саду берёзки с клёнами
Встречают нас поклонами...*

«Так-так... «каждый год», каждый-каждый... это, значит, всегда — вечно. Надо размягчиться, расслабиться, додумать.

Напевая слова вальса, обулся, оделся по-туристски — и в любимые горы, в лощины по ржавому папоротнику, в гости к «воздушным гимнастам» — белкам, а затем — к барсукам, болтливым сорокам, в яркую, солнечную берёзовую рощу!

Обошёл ближайшие места и местечки; вот и роща! Здесь всегда празднично-светло, воздушно-крылато. Уже не редкие листья кружатся и висят в воздухе! Трава устлана их разноцветьем! Вспомнились строки рано ушедшего из жизни поэта Сергея Белоусова:

*А ничего не надо,
Чего другие просят!
Ужели не награда
Берёзовая осень?*

«Награда, Серёга! Награда!» — восклицает моя душа.

В мягких сгустившихся сумерках возвращаюсь домой. Стакан лёгкой «Изабеллы» с сыром. Вот и письменный стол. Присаживаюсь легко, будто не по правде, а так, словно бы легкомысленно. Пальцы шаловливо-играючи берут ручку — и в пустое пространство листа на место, где предполагалась вторая строка, ложится текст:

Как шумный школьный класс.

Между строк задумчиво ставлю жирные запятые. Что-то не нравится. Читаю вслух. Да, конечно, колет слово «как» — плохо! Надо писать «что». И — далее... Почему «шумный класс»? Да, бывает, пошумят, но это не главное. Просится слово «вечный». Школа и класс вечные.

*Сей вечный шум листвы,
Что вечный школьный класс,
Для всех навечно!*

Да, вроде бы хорошо. Почти хорошо.

Ночь загла лучистые звёзды, я погасил свет.

Вторник — день сдачи текста. Еду в Ангарск. Мысли все — об одном. На свежую голову начинаю понимать, что текст ещё сырой, несовершенный. Прихожу к выводу, что надо согласовывать его с тем, казённым, текстом, который внизу должен стоять. Но надо и написанное доводить до ума. Мысленно читаю. Какое неприемлемое, чакающее звучание: веч-что-веч-веч. Как плохо! Времени нет. Текста нет. В памяти всплыло: «Не могу. Не смогу». — «Нет сможете. Смо-же-те!» Думаю над тем, что и где менять-исправлять. «Да есть же синоним слову «навечно», как же сразу не пришло — «навски»! Все слова текста воссоединились и осозвучились — стали единым целым.

Настала пора додумать и вторую часть — официальную: от кого, в связи с чем. Итак: «Почему «От заслуженных учителей...»? — потянулась мысль. — Надо без предлога «от», просто писать «заслуженные учителя...». Почему «городу Иркутску...»? А если я приехал из Мишелёвки, Олонок, Заларей, — так ко мне что, это не имеет отношения? Учителя же делают боголепное, богоугодное дело, и пусть оно будет по-божески — всем, для всех; так, как в поэтическом тексте написано. Убрать слова «городу Иркутску». Напишем: «Заслуженные учителя Иркутска», поскольку учителя только Иркутска создают и дарят аллею. Да-да, надо этот вариант. А что же делать с предлагаемым мне текстом «В честь 350-летия города Иркутска»? Бог с ним — додумают сами. Главное, что основной текст в окончательном варианте завершился!

*Сей вечный шум листвы,
Что вечный школьный класс,
Для всех навеки!*

*Заслуженные учителя Иркутска,
в честь 350-летия города Иркутска. 2010 год*

Рождённые мною три строки отражали основной смысл всего действия: заслуженные учителя сажают деревья — создают аллею; своё вечное творение они дарят всем навеки. «Возможно, — подумалось мне, — что четвёртой строкой текст завершится, но пусть об этом думают другие головы — не мне формировать официальные строки, которые могут быть связаны с юбилеем города».

Указанный поэтический текст был прочитан заказчику и одобрен им. Последующее развивалось по такому сценарию: поэтические строки безымянного автора были предложены — для их оценки и приемлемости — работникам департамента. Прочитавшие единогласно сходились на том, что текст принадлежит какому-то известному, маститому поэту, но вот так сразу автор не вспоминается.

Таким путём была установлена приемлемость строк для мемориального комплекса, созданного в сквере на перекрёстке улиц Карла Маркса и Франк-Каменецкого. Текст был утверждён в департаменте образования Иркутска и воплощён в камне.

«Бороться и искать, найти и не сдаваться»

В рамках Дней русской духовности и культуры «Сияние России»-2013 в Гуманитарном центре-библиотеке имени семьи Полевых состоялось знакомство старшеклассников школы № 6 г. Иркутска с творчеством писателя-земляка Валерия Хайрюзова. Встреча началась с просмотра снятого им фильма «Красный ректор» о ректоре БГУЭП Михаиле Винокурове.

Рассказ о том, как любознательный мальчик из деревеньки на берегу Лены стал во главе одного из ведущих на востоке России вузов, впечатлил ребят, которым через пару лет тоже предстоит определиться с выбором профессии. Просмотр завершился аплодисментами как в адрес героя фильма, так и в адрес его автора — писателя, общественного деятеля Валерия Хайрюзова.

Валерий Николаевич во время встречи сказал, что захватил «золотой век» отечественной авиации. В прошлом летчик, который провёл 17 лет за штурвалом Ан-2, Ан-26 и Ил-14, В. Хайрюзов закончил Иркутский госуниверситет через несколько лет после того, как его повесть «Непредвиденная посадка» уже была опубликована, а её автор был удостоен премии Ленинского комсомола.

Прозаик подчеркнул, что в его жизни всегда были книги — вместе с друзьями-однокурсниками собрали собственную ребячью библиотеку, в которой было около одной тысячи томов.

«Считаю, что человек, который занимается творчеством, самый счастливый человек. Ведь своими руками, своим умом он создаёт то, что потом становится достоянием других поколений», — отметил писатель.

Валерий Хайрюзов сказал, что, чем бы он ни занимался, всегда следовал девизу героев романа «Два капитана» В. Каверина: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Писательской деятельности, режиссерской работе не мешают и занятия живописью, а также работа во главе землячества «Байкал» в Москве.

О.В. ЗАПОЛЬСКАЯ,
заведующая сектором деловой информации МБУК г. Иркутска
«Гуманитарный центр-библиотека имени семьи Полевых»

Две встречи с детьми Иркутска

В детской литературной гостиной «Сибирские огоньки» Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых 2 октября 2013 г. состоялись две встречи. Воспитанники детского сада №171 познакомились с творчеством иркутской писательницы Ларисы Зиминной, лауреата конкурса «Золотой Листопад» (2008 г.) за детские сказки. Начиная с читателям автор поведала, что начала писать, когда её дети были маленькие и им надоели сказки «Курочка Ряба» и «Колобок». Сначала писала для своих и знакомых детей, а с появлением Интернета — для всех остальных, кто заглядывает на странички Всемирной паутины. Лариса Алексеевна читала детям свои стихи и сказки, загадывала загадки, дети охотно слушали, затем с интересом смотрели фильмы «Пожар в лесу» и «Сказка о Байкале». Пишет Л. Зимина и познавательные рассказы, а также истории по правилам дорожного движения и пожарной безопасности для детей разного возраста (начиная с годика). Не забывает и о взрослых — им адресованы рассказы. Эмоциональная, искренне любящая детей, Лариса Зимина открыла детям удивительный мир своего творчества, дети и взрослые получили огромное удовольствие от общения с писателем.

С ребятами постарше общалась Наталья Петрова, историк, член Союза писателей России, педагог из Москвы. С импровизированной книжной полки на экране к зрителям как бы «приближались» книги и учебные пособия, которые Н. Петрова комментировала, вспоминая ту или иную предысторию каждого своего творения: «Повесть о том, как мальчик Кирилл попал в историю...», «Веков азартная игра», «Тайны древних календарей», «Скопин-Шуйский» (серия ЖЗЛ) и др. Она увлечённо рассказывала о том, что продолжает преподавать в школе свой любимый предмет, о публикациях своих трудов и исследований на страницах «Учительской газеты», «Роман-Газеты для детей», газеты «Первое сентября», журналов «Историческая генеалогия», «Преподавание истории в школе», «О, Русская земля!», «Роман-журнал XXI век». Имя Натальи Петровой знакомо и читателям иркутского детского литературно-художественного журнала «Сибирячок». Как истинный педагог, она ненавязчиво вовлекала в диалог детей, задавая вопросы по тому или иному историческому периоду, и они с удовольствием ей отвечали. Приятным музыкальным сюрпризом по окончании встречи стал танец «Пятера» в исполнении студии «Скейтч» при детском молодёжном военно-патриотическом клубе «Илья Муромец».

*М.В. ГАДЖИЕВА,
заместитель директора по связям с общественностью МБУК г. Иркутска
«Гуманитарный центр-библиотека имени семьи Полевых»*

«И снова жизнь!..»

Творческий вечер члена Союза писателей России, лауреата и победителя Всероссийского и Международного конкурсов памяти Н. Рубцова «Звезда полей» Александра Обухова прошел в Гуманитарном центре-библиотеке имени семьи Полевых 7 ноября. Впервые иркутскому читателю была представлена новая книга стихов поэта «И снова жизнь!..».

Поэзия Н. Рубцова — сильный импульс для творческих людей. На презентацию книги А. Обухова пригласили представителя другого вида искусства — музыки. Иркутский певец и композитор Антон Темнов трижды становился лауреатом Всероссийского конкурса «Звезда полей», а в 2006 году стал победителем. На открытии поэтического вечера музыкант исполнил три своих песни на стихи Рубцова — «В минуты музыки печальной», «Россия, как грустно...», «Плыть, плыть...».

А. Обухов начал своё выступление с чтения стихотворений, которые и ему принесли победу в поэтическом конкурсе «Звезда полей»: «Старинное сибирское село», «На закате», «В избе», «Когда вхожу в продрогшую деревню», «Отпахался, отсеялся». Некоторые из них вошли в нынешний, десятый по счету, или «крайний», как обозначил автор, поэтический сборник «И снова жизнь!..», который тиражом 1000 экземпляров был издан в иркутском издательстве «Папирус» в 2012 году. Книга состоит из нескольких стихотворных циклов разных лет: «На отчей земле», «До нас бои не доходили», «Под небом Ангарска», «На реке Белой», «Поэтическая родина», «Любимое видение», «Божественный узор», «Были-небылицы»...

Стихи о военном детстве, о родной деревне, о маме, Наталье Петровне, которая привила сыну любовь к книге, поэтическому слову. О ставшем родным городе Ангарске, о «мирном атоме», с «укрощением» которого связаны три десятилетия работы («Я не надстройка — инженер пока. Работаю, живу по замкнутому циклу...»). Примечательно, что сборник «И снова жизнь!..» А. Обухову помог издать его бывший студент, физик-дипломник.

С удовольствием читатели слушали в исполнении поэта его стихи о любви, о судьбах современника, размышления о предназначении поэта:

*Незримой зыбкой целиной
В поэзию иду;
И снег, и дождь идут со мной,
И солнце в поводу...*

На страницах новой книги мы увидим и стихи для детей. Гостям вечера было интересно, когда поэт стал писать стихи для юных читателей, не в школе ли, ведь первые строфы, как он рассказал, были им написаны ещё в детстве?

«Стихи для детей стал писать, когда родилась дочь Татьяна, потом писал для внучки Лизы», — пояснил Александр Иванович и прочёл несколько стихов для ребят, привлекая к творчеству их тоже, причём «недостающие» слова «подсказывали» автору слушатели, и... вариантов было несколько.

В этом году исполняется 20-летие литературной деятельности А. Обухова. За эти годы он накопил солидный поэтический багаж. О творчестве поэта в предисловии к книге профессор ВСГАО, доктор филологических наук О.Ю. Юрьева пишет: «Разноцветное многообразие авторского земного, социального мира-бытия, запечатленного в стихах, неразрывно, мягко, безгранично перетекает, сплетается с пространственно-космическим, и все это объединяется в его творчестве изначально-духовным...»

Читателям было интересно, над чем сегодня работает Александр Обухов. Выяснилось, что он готовит к изданию очередную книгу — это будет сборник прозы, в который войдут его новые рассказы и повести.

*О.В. ЗАПОЛЬСКАЯ,
заведующая сектором деловой информации МБУК г. Иркутска
«Гуманитарный центр-библиотека имени семьи Полевых»*

«Тихая моя Родина...»

По приглашению Центра А. Вампилова в наш город из Санкт-Петербурга прилетела известный российский драматург, прозаик Людмила Николаевна Разумовская. Так случилось, что теперь она сама невольно стала героиней «иркутской пьесы». Запланировано было несколько встреч. Все состоялись. Первая из них

прошла в Центре Александра Вампилова и носила название «Красота послушания в любви» — это цитата из её единственного на сегодняшний день романа «Русский остаток». Дом драматурга принял другого большого драматурга, и получился яркий, надёжный кирпичик, заложенный в фундамент будущих подобных событий.

Ей задавали много вопросов, среди прочих:

— По какому велению вы решили писать пьесы?

— Да, в общем-то, ни по какому. Росла в семье военного, всё детство прошло в разных городах СССР, в Ленинград приехали только в 1959 году. Никаких предпосылок к писательству не было. Я всегда хотела стать актрисой. Пыталась поступить в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии. Но тщетно, возможно, к счастью для зрителей. Поэтому поступила на театроведческий факультет этого же института, который окончила в 1974-м. Через год у меня родилась дочь. И вот, что говорится, в один прекрасный день гуляю по набережной, в коляске спит дочка, погода чудная, и в голове начинают возникать сцены, диалоги. Откуда? Только Богу известно. Я стала записывать их, и в итоге получилась пьеса. Назвала её «Семья». Пьеса не была жизнерадостной, жизнеутверждающей, её не поставили, но сам факт, что меня заметили, подтолкнул к дальнейшей работе. Моя профессиональная биография начинается с третьей пьесы. В 1979 году уехала на театральные курсы в Москву, по заявке написала «Дорогую Елену Сергеевну». После меня принуждали писать письма: «Прошу приостановить показ спектаклей, в связи с необходимостью доработки материала» — пьесы оказались в запрещённом списке. Но в конце 80-х — начале 90-х они стали одними из самых репертуарных.

Три последних пьесы — это три комедии: об интеллигенции, народе, власти. Последняя из них называется «Хэллоуин для россиянцев». К сожалению, осталась незамеченной.

— А что вы скажете о Вампилове?

— Вампилов написал выдающиеся произведения. «Утиная охота» — сильнейшая пьеса. Я перечитывала её, когда летела в самолёте. Это классика. Он написал всего пять пьес, но стал одним из лучших драматургов.

Встреча прошла на одном дыхании. После каждый подходил с буклетом, специально выпущенным Центром А. Вампилова, чтобы получить автограф.

Согласно прописанному сюжету мы направились в Кутулик на малую родину Александра Вампилова.

Первым человеком, который нас встретил, был мэр Аларского района Александр Васильевич Футорный. Его страстный, ироничный монолог сразу настроил всех на по-

зитивную волну. И что самое приятное, он не кичился собственными достижениями, а выставлял на первый план заслуги местных жителей. Хотя и ему было чем похвастаться: развитие в культуре, сельском хозяйстве, спорте подняло район на высокий уровень, который уверенно и стабильно держится. «Побольше бы нашей стране таких руководителей, как вы», — сказала ему Людмила Николаевна на прощание.

В Доме культуры встретили, как это принято, как неискоренимо заложено в душе и сердце, радушно и по всем канонам гостеприимства. С песней на коренном языке, в традиционной одежде, преподнося свежее молоко в знак уважения гостя. Собралось более двухсот человек, в основном — школьники. Главные вопросы касались темы взросления, выбора, становления человека как личности.

— Берегите свою чистоту, — сказала Людмила Николаевна, когда юноша спросил о том, как взрослеть, — берегите целомудрие. Не нужно идти на поводу у всевозможных соблазнов, которые легко сегодня даются и навязывают себя. Главное — читайте... читайте... без знания нашей классической литературы просто невозможен личностный, духовный рост. Молодость источает иллюзии о том, что нужно всё успеть, всё испробовать, ведь жизнь одна. Но чем старше ты становишься, тем более меняется твоя точка зрения на мир: не ты объект внимания, изучения и мир крутится вокруг тебя, а мир становится объектом, на который ты смотришь.

В завершение Людмила Николаевна сказала: «Россию спасёт провинция. Я люблю провинцию и ценю, здесь люди лучше, чище, добрее, светлее, чем в столицах. Приехать в глубинку — это как вдохнуть свежего воздуха».

Следующая встреча прошла в студенческом кафе «Грот» Байкальского государственного университета экономики и права. Уютное место, горячий чай, кондитерские изделия. Студенты и преподаватели заговорили с гостем об истории.

— Что такое наша история? На этот вопрос я попыталась ответить в книге «Русский остаток». Этот роман первый для меня — драматурга — ребёнок данного жанра. Но он возрастал во мне, и что получилось, судить уже вам. В истории нашей страны были разные периоды... Вспомните 17-й и 91-й год. На вопрос «Что ты хочешь?» всегда отвечали, отвечают: «Свободы!» Но!.. Есть свобода ДЛЯ греха, а есть свобода ОТ греха. Эта свобода дана нам Богом, и она может осуществляться каждым. Я не призываю идти на митинги, марши. Пусть каждый, сидя на своём месте, делая добро или не совершая зла, исполняет собственную миссию, которая во всех нас заложена. Поймите: всё возвращается. Зло — злом, добро — добром. Свобода есть дар Божий.

Во время всего пребывания Людмилы Николаевны стояла замечательная, солнечная погода. Словно суровый сибирский климат раскрылся в тёплых объятиях для гостя. Она восхищённо говорила об Иркутске, особенно отмечая красоту стареньких, деревянных домиков. А в иркутянах подчеркнула такие качества, как доброжелательность и интеллигентность.

В день её отъезда небо расстроилось. Снег неустанно осыпал город, и ветер хорошо промораживал. Но память о встрече с Людмилой Разумовской всегда будет согревать теплом.

*И. ТРОНИН,
научный сотрудник Центра А. Вампилова*

Культурное наследие: пути к единству

В рамках Дней русской духовности и культуры «Сияние России» 4 октября 2013 года в Гуманитарном центре-библиотеке имени семьи Полевых прошла научно-практическая конференция «Культурное наследие: пути к единству». Цель конференции: обмен опытом по проблемам изучения, хранения, пропаганды культурного наследия в библиотеках г. Иркутска, привлечение внимания общественности к проблемам сохранения национальных ценностей и традиций; расширение сотрудничества и поиск путей взаимодействия между учреждениями культуры, образования и науки в вопросах сохранения культурного наследия на современном этапе.

В конференции приняли участие сотрудники библиотек: ИОГУНБ им. И.И. Молчанова-Сибирского, ЦБС г. Иркутска, Научной библиотеки ИГУ, библиотеки Восточно-Сибирской государственной академии образования, Иркутской областной юношеской библиотеки им. И.П. Уткина, Иркутской областной детской библиотеки им. Марка Сергеева, библиотеки Иркутского государственного лингвистического университета, библиотеки Иркутского государственного университета путей сообщения, музеев: Музея истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова, Музея истории Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета; Государственного архива Иркутской области, а также сотрудники Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых. Конференцию открыла директор Гуманитарного центра Л.А. Пронина. О значении библиотек, музеев, архивов в сохранении культурного наследия города сказала в приветственном слове к участникам конференции начальник Управления культуры комитета по социальной политике и культуре Администрации г. Иркутска Ольга Александровна Аксентова. Были представлены интереснейшие доклады и презентации:

«Книжные памятники Иркутской области — часть национального культурного достояния России» (Бедулина Ирина Павловна, заведующая сектором редких книг и рукописей библиотеки Восточно-Сибирской государственной академии образования, кандидат исторических наук);

«Сохранность и популяризация книжного наследия Гуманитарного центра» (Шароглазова Ольга Сергеевна, главный библиограф Фонда редких книг Гуманитарного центра-библиотеки имени Семьи Полевых);

«Из опыта работы с архивом семьи Полевых: письма Антона Степановича Кочо» (Педранова Любовь Валентиновна, заведующая Фондом редких книг Гуманитарного центра-библиотеки имени Семьи Полевых);

«Популяризация исторического наследия города на примере выставки «400-летие дома Романовых» (Бабичев Алексей Васильевич, заведующий экспозиционно-выставочным отделом Музея истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова);

«Художественная школа и музей. Опыт сотрудничества по освоению историко-культурного наследия Иркутской области» (Тарасов Владимир Иванович, преподаватель исторической композиции и скульптуры Иркутской областной детской школы искусств, лауреат общероссийского конкурса «Лучший преподаватель школы искусств 2012 года»);

«Культурно-историческое наследие НБ ИГУ в электронном веке» (Моляренко Елена Владимировна, заместитель директора Научной библиотеки Иркутского государственного университета);

«Редкие издания в библиотеке Государственного архива Иркутской области» (Куликова Валентина Васильевна, ведущий специалист Государственного архива Иркутской области);

«О методах и средствах создания фонда пользования архивных документов в ОГКУ Государственном архиве Иркутской области» (Жабинский Семен Михайло-

вич, начальник отдела централизованного учета документов и фондов Государственного архива Иркутской области);

«Литературное наследие Марка Сергеева — в электронном формате» (Молина Лидия Никитична, главный библиограф информационно-библиографического отдела Иркутской областной детской библиотеки им. Марка Сергеева);

«Коллекция книжных памятников фонда редких книг ИГЛУ» (Кондратьева Вера Сократовна, заведующая сектором редких книг библиотеки Иркутского государственного лингвистического университета);

«Редкий фонд: состояние и перспективы» (Константинова Лариса Ивановна, заведующая информационно-библиографическим отделом Централизованной библиотечной системы г. Иркутска);

«Реализация проекта «Улица Большая»: опыт взаимодействия с учреждениями культуры» (Сахаровская Раиса Викторовна, главный библиограф отдела гуманитарной литературы Иркутской областной юношеской библиотеки им. И.П. Уткина);

«О вкладе инженеров-путейцев в развитие сибирской науки» (Белькова Галина Ивановна, главный библиограф библиотеки Иркутского государственного университета путей сообщения);

«Популяризация культурного наследия НИ ИрГТУ (на материалах музея истории вуза)» (Горошенкова Ольга Анатольевна, директор Музея истории Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета, кандидат исторических наук);

«Вопросы методики бесед с ветеранами НИ ИрГТУ» (Соломон Евгений Шулимович, методист Музея истории Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета);

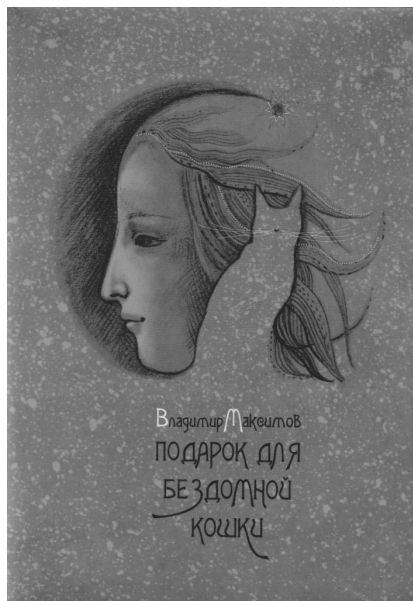
«Судьбы сибиряков в новой книге Иркутского общества «Родословие» «История в лицах и поколениях» (Пономарева Наталия Сергеевна, председатель Иркутского общества «Родословие», главный специалист отдела библиографии и краеведения ИОГУНБ им. И.И. Молчанова-Сибирского);

Презентация книги «Город и дерево. Архитектура и ремесло» авторами Красной Надеждой Натановной и Калининой Ириной Васильевной.

Для гостей и участников конференции была проведена экскурсия в Музей книжных коллекций Гуманитарного центра, где они имели возможность познакомиться с уникальным книжным наследием, хранящимся в нашей библиотеке. Подводя итоги работы конференции, участники отметили высокий уровень её организации и проведения, предложили сделать её ежегодной, так как тема изучения и сохранения культурного наследия очень актуальна на сегодняшний день. Такие конференции очень важны для нас — работников культуры, ведь все мы — библиотекари, музейщики и архивисты, решаем общие проблемы и задачи, связанные с сохранением культурного наследия города Иркутска, и обмен опытом работы в этом направлении полезен всем.

*Л.В. ПЕДРАНОВА,
заведующая фондом редких книг*

Новая книга Владимира Максимова «Подарок для бездомной кошки»

В новой книге автор повествует о жизни наших земляков — сибиряков — во всем её многообразии. Будь то повесть «В одном провинциальном городе» или рассказы «Времена года, времена любви», «В один дождливый летний день», «Подарок для бездомной кошки», «Никто не приехал» и другие. Автор ставит своих героев перед сложным выбором: чему служить — добру или злу? Свобода для чего или свобода от чего? И весьма важно, что герои Владимира Максимова знают, что свобода без нравственных идеалов невозможна.

В редакцию поступили отзывы на книгу от читателей творчества Владимира Максимова. Вот один из них — от молодого иркутянина Михаила Гайды: «Начал во второй раз перечитывать книгу «Подарок для бездомной кошки» и вдруг понял, что повесть «В одном провинциальном городе» — про меня... Сюжетная линия очень напоминает мою судьбу. Главный герой без видимой причины оставляет аспирантуру и отказывается от стабиль-

ного будущего. Взамен — тяжёлый, опасный труд и неясная перспектива. Написано ярко, точно, жизненно. Поразительно: я читал повесть прошлой осенью и в первый раз не заметил этого сходства, обратил внимание совсем на иные особенности произведения. Книга открывается с другой стороны, как будто у неё есть «второе дно». Интерес к повести не ослабевает со временем; кажется, что герои ведут с тобой какую-то сложную игру, которая не оканчивается даже после того, как ты, прочитав книгу от корки до корки, поставил её на книжную полку... рядом с книгами Джека Лондона и Хемингуэя».

Поздравляем!

ГУБЕРНАТОРСКАЯ ПРЕМИЯ – 2013

*Поздравляем известного иркутского писателя, члена СП России **Анатолия Константиновича Горбунова** с замечательным успехом — присуждением премии Губернатора Иркутской области за книгу «**Любовь земная**»! Желаем Анатолию Константиновичу крепкого здоровья, творческого горения и новых книг!*

НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО

Иркутское региональное отделение СП России в 2013 году пополнилось новыми писателями. На заседании секретариата СП России в Москве были одобрены следующие кандидатуры:

Андрей Антипин (прозаик, г. Усть-Кут)

Светлана Анина (поэт, г. Северобайкальск)

Елизавета Фомина (поэт, Бурятия, с. Иволгинск)

**СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ
ВНОВЬ ПРИНЯТЫХ ЛИТЕРАТОРОВ
И ЖЕЛАЕМ ИМ ВДОХНОВЕНИЯ
И ТВОРЧЕСКИХ СВЕРШЕНИЙ!**

ПОЗДРАВЛЯЕМ

членов Союза писателей России с юбилеем:

Александру Ивановичу ОБУХОВУ

в 2013 году исполнилось 75 лет;

Владимиру Павловичу МАКСИМОВУ — 65;

Юрию Витальевичу РОЗОВСКОМУ — 50;

Андрею Георгиевичу МИРОШНИКОВУ — 50.

**ЖЕЛАЕМ НАШИМ ЮБИЛЯРАМ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ,
КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ И БОДРОСТИ ДУХА!**

ИМПЕРСКАЯ КУЛЬТУРА

Лауреаты премии имени Эдуарда Володина

10 декабря 2013 года Комиссия по присуждению премии «Имперская культура» им. Эдуарда Володина Союза писателей России, журнала «Новая книга России», Фонда святителя Иоанна Златоуста и ИИПК «Ихтиос» подвела итоги предложений на соискание премии от 93 издательств и издающих организаций, представивших 837 книг 2011–2013 годов, творческих и общественных организаций, и по результатам работы объявила имена лауреатов 2013 года.

ПОЭЗИЯ

Николай Добронравов (Москва) за книгу «Светит незнакомая звезда»

Владимир Скиф (Иркутск) за книгу «Молчаливая воля небес»

Александр Горелов (Санкт-Петербург) за «Избранные стихи и поэмы»

Илья Иконников (Архангельск) за книгу «России без неба нельзя»

ПРОЗА

Юрий Макаров (г. Ровеньки) за «Батины рассказы»

Николай Гаврилов (Минск) за книгу «Разорвать тишину»

Николай Лугинов (Якутск) за книгу «Хунские повести»

Станислав Китайский (Иркутск) за повести и рассказы последних лет

ДЕТСКАЯ КНИГА

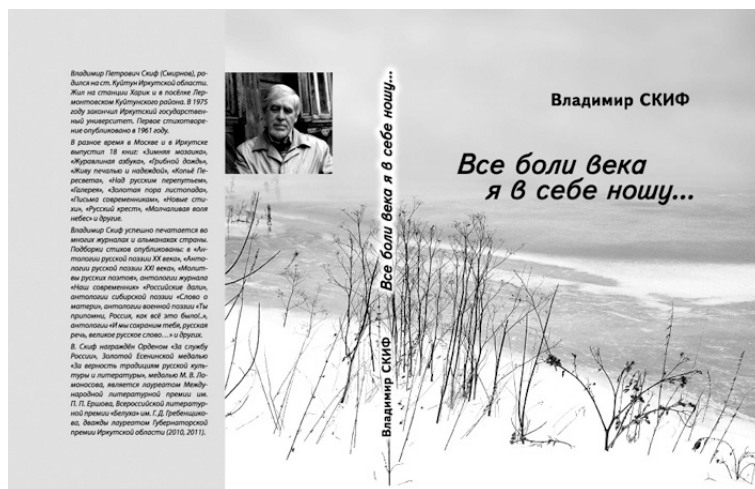
Вячеслав Колесник (Белгород) за книгу «Райские яблоки в пламени ада»

Анатолий Горбунов (Иркутск) за книгу «Родины свет»

Сердечно поздравляем **Владимира Петровича СКИФА**, **Станислава Борисовича КИТАЙСКОГО** и **Анатолия Константиновича ГОРБУНОВА**
с высоким достижением на всероссийском уровне!

«Все боли века я в себе ношу»

В новую книгу Владимира Скифа «Все боли века я в себе ношу» вошли избранные стихотворения из трёх предыдущих изданий: «Золотая пора листопада» (2005), «Русский крест» (2008) и «Молчаливая воля небес» (2012), а также новые стихи, написанные в 2013 году. Кроме того среди избранных произ-

ведений впервые публикуется венок сонетов «Меж звездой и елью». Автор предисловия известный русский поэт Юрий Перминов пишет: «...в новой книге Владимира Скифа «Все боли века я в себе ношу...» всё так же нет ни соринки наносного, чуждого. Только — русское: оплакать и помнить, и идти, клонясь, снежным путём своим...» И далее: «Поэту Владимиру Скифу ведомо многое из того, что утишает земные печали, помогает нам выжить, выстоять. И он напоминает, не позволяет нам забыть о том, что не уныние правит миром:

*Распахни, человек, и судьбу и глаза,
И не стой среди падающей эпохи нелепо.
Надо только взглянуть широко в небеса
И во всём походить на высокое небо...»*

Оформил книгу Владимира Скифа его сын Игорь Смирнов, член Союза художников России, живописец, график, книжный иллюстратор, знакомый нам уже по детской книге В. Скифа «Шла по улице королева».

Отдел критики и публицистики

ВЛАДИМИР СКУРИХИН

Утешитель земных печалей

ОТЗЫВ О КНИГЕ ВЛАДИМИРА СКИФА «ВСЕ БОЛИ ВЕКА Я В СЕБЕ НОШУ...»

Вышла новая книга стихов Владимира Скифа с предисловием известного русского поэта Юрия Перминова, который убедительно пишет о том, что поэзия В. Скифа «напитана соками родной земли», он также цитирует Иоанна Златоуста, апостола Павла, философа Ивана Ильина, заверяя нас, что «поэту ведомо многое из того, что утишает земные печали, помогает нам выжить, выстоять».

Год тому назад, когда у Скифа вышел сборник «Молчаливая воля небес», кое-кто выказывал опасения, что он не скоро теперь «поднимет» ещё один том. Страхи увяли беспочвенно. К доброй дюжине книжек Скифа на золотой моей полке добавилась ещё одна.

Что есть поэт и поэзия? Можно сказать по-разному, но всё же главное для меня, это когда написанные стихи превращаются в публичный вызов, — зов к пониманию самого аристократического вида искусств. Нежной преданностью веет на меня и от святого поклона матери, и от благословения любимой, эти стихи очень трогательны.

Здесь, как и раньше, мне видятся иркутские дворы, где мы довольно часто встречались со Скифом в нашей молодости, — самое мистическое и легко сбивающее с ног или... с ноги. И это правильно, потому что все мы идём по мосту, а шаг в общую рифму разрушает основание. И мы просто гибнем. Скиф удерживает нас от этого удара. Скиф смягчает удар. Как он это делает? Откуда такие скрепы, опоры? Во-первых, он служил на флоте, но в авиации, то есть дважды Дракон. Во-вторых, он лепится на узком берегу Байкала, и порою до поздней осени его можно видеть в каменных бухтах и туннелях Кругобайкалки. А иногда и в аквамаринном пламени Байкала, откуда он выходит навстречу местному рыбаку Пете Мельнику и вместе с ним на стынком берегу опрокидывает по стопке и закусывает омулем. Эдакое языческое жертвоприношение, оно хорошо согревает и сдерживает удар Байкала. Бесспорно, Байкал — один из основных Атлантов творца нового литературовидческого эпоса озёрной жизни замечательной семьи «байкальчан». Слово «дачники» — не для писателей, не в адрес писателей. Для многих это — лучшее место работы, а для самого Скифа — определённо.

Не трудно цитировать популярного поэта. Его строчки нарасхват. Вот она — книга, погладь её, и она зашелестит на коленях. А мы — не кладоискатели, мы подбираем то, что поэтом обронено невзначай, оговорками. Он забыл, но мы не забудем никогда то, что ещё горит в зрелых сибирского моря. «Излучения Скифа мы носим на слабой груди», об этом говорил Боря Архипкин, тип абсолютно городской. Но Скиф черпает поэзию в скалистых заливах и «фиордах» провалившейся горной страны. Кем бы мы оставались, если бы не было этого «провала»? Горцами? Поэт околдован чистой водой, он делает нас поборниками чистоты. Не тщетно ли? Не идеалист ли он? Давайте слушать голос высокого пернатого певца, кружащего над морем: «Я лечу с журавлями по небу, белой чайкой скольжу между скал». К чему он призывает нас? Чем он может нас увлечь? Как это, побежать с горы и взлететь и не помнить, где ты был? Как этот зов, как эту высоту птичьего полёта поэт перенимал и удешевлял?

Слышите певца торосов и кристальных зеркал? Никто не знает, что именно зеркало высмотрит в нас и приумножит: ум, раскаянье, любовь, как у Скифа, или «мохнатый с глазами свинцовыми выглядит вдруг из-за плеч»? Скиф учит молодых. Поэт пишет «для молодых, для тех, кто едва берётся за перо, а может быть, и не возьмётся никогда», — говорит мне студентка филфака.

Действительно, мастерство надо нарабатывать, а это — и врождённый ритм, и где-то рафинирующийся вкус, ну, сострадание или цинизм — синонимы в неопровержимых строках. Думая о живом человеке, каким является Владимир Петрович, переносясь в эпохи, остановленные его пером: Цицерон и Диоген, Кирилл и Мефодий, Сергей Радонежский и Дмитрий Донской, Страдивари и Пушкин, Шарль Бодлер и Франсуа Вийон, Велимир Хлебников и Георгий Свиридов, Василий Шукшин и Николай Рубцов, Евгений Семичев и Диана Кан, наши Сергей Иоффе и Женя Варламов... Переносишься и понимаешь, как важно поэту зацепить читательские эмоции, дать крыльям воображения встречный ветер, чтобы поверили: вам здесь помогут, поддержат, согреют. Увы, одиночество разрастается, этот синоним взаимного равнодушия, и когда не с кем и не о чем говорить, неплохо обратиться к подлинным стихам. А в Скифе мы не ошиблись: этот хороший человек ещё и хороший поэт.

В антологии личной философии поэта Скифа тревога о благе человечества постепенно вытесняется обстоятельствами вечных истин и вечных субстанций бытия, в частности, бессмертной души. В одном из предисловий к собранию сочинений В.Г. Распутина Сергей Залыгин написал, что «духовность — это в частности создание истории души». Имелся в виду, конечно, труд писателя. На этой дороге теперь мы встречаем и Скифа (лат. «Skitai»), то есть скитальца перед лицом неба, ниспославшего Ангелов на душевный правёж. «Белый Ангел пролетает» — исповедальный раздел книги, где автор особенно щедр на признание невыболевших страстей:

*«Вы наверно, друг друга любили?!» —
Шелестит придорожная пыль.*

*Я хочу говорить со столбом —
Он надёжней, нежней человека.*

Ни света, ни любви, ни Родины, ни места...

Заметим, что долго ли, коротко ли, но «боль» из рубрик и подразделов наконец вывалилась у Скифа на самый Олимп — в название книги, ещё кипящей, ещё легко теряющей перо на взлёте: да не обратится оно в разящую стрелу. А о том, что стихи Скифа злободневны и безапелляционны, об этом надо говорить и помнить. Поэт полон творческих инноваций и полемических презентаций и глядит на нас со снисходительной улыбкой:

*И Родина светит из всех уголков
Пронзительным светом славянства.*

Скажу о главном. Образность поэта трансформируется по линии слияния оценочности и боготворения природы от «древоточца» до «оси Земли», ворочающейся в иркутских дворах. Когда поэт превращается в писателя — это уже преобразование образного мироощущения. Поражает мощь творческой натуры! Но об этом не здесь и не сейчас... Не могу не спохватиться, чтобы сказать о победных интонациях, зачастую приходящих на смену традиционной для поэта — да и не для него одного — тематики разрухи на Руси, что говорит нам об общем подъеме духа в стране и народе, в связи с чем и хочется поздравить Владимира Петровича с выходом крепкой и интересной книги.

Российское литературное собрание

МОСКВА, 21 НОЯБРЯ 2013 ГОДА

Владимир Путин принял участие в Российском литературном собрании, проходившем в Российском университете дружбы народов.

Встреча литературного сообщества собрала более 500 представителей различных профессий: писателей, поэтов, публицистов, книгоиздателей, литературоведов и переводчиков, преподавателей и учителей литературы, работников музеев и библиотек, театральных деятелей России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

В. ПУТИН: Дорогие друзья, добрый день!

Я искренне приветствую в Москве участников Российского литературного собрания. Такой представительный форум давно не собирался, если вообще собирался когда-то, я даже не знаю, едва ли. Впервые, наверное, во всяком случае, собрались вместе писатели, педагоги, переводчики, издатели, библиотекари, художники — словом, все, кто имеет прямое отношение к книге, к такому поистине всеобъемлющему

явлению, как литература. Очень важно, что приехали специалисты и из других стран, специалисты по русской словесности, буквально со всего мира. Я хочу обратиться к залу, к аудитории. Давайте мы их отдельно поприветствуем и скажем спасибо за интерес, который они проявили к нашей работе. (Аплодисменты.)

Это и наши соотечественники, и друзья из ближнего и так называемого дальнего зарубежья. Всех нас объединяет не только любовь к русскому литературному наследию, но и глубокое понимание его воспитательной, эстетической и нравственной ценности, его великое влияние на развитие мировой цивилизации и мировой культуры. Уверен, в такой профессиональной, неравнодушной, безусловно, аудитории мы сможем дать объективную оценку нынешнему состоянию отечественной литературы, непредвзято и откровенно обсудить накопившиеся проблемы, обозначить задачи на перспективу.

Главная и, уверен, общая тревога — это сегодняшнее падение интереса к книге, особенно среди молодёжи. Наша страна, некогда самая читающая в мире, уже не может претендовать на это почётное звание. По статистике, российские граждане — наверное, вы и на «круглых столах» уже об этом говорили — отводят чтению книг в среднем лишь 9 минут в сутки, причём отмечается тенденция к сокращению и этих 9 минут.

Такую ситуацию принято считать следствием бурного развития цифровых технологий и утраты книгой своего статуса ведущего носителя информации и знаний. Люди раньше находили ответы на интересующие их вопросы именно в книге, сейчас есть и другие возможности, а раньше практически почти только там учились мыслить, анализировать, чувствовать и, конечно же, правильно говорить, поскольку именно в литературном тексте живёт и создаётся язык.

О том, что книга перестала играть важную роль в жизни общества, свидетельствует и падение уровня общей культуры, с сожалением об этом должен сказать, смещение, искажение ценностных ориентиров и скудость современного разговорного языка. Классическая литературная речь или богатейший народный колорит сегодня воспринимаются подчас как исключение, а пренебрежение правилами родного языка становится нормой — к сожалению, в том числе и в средствах массовой информации, и в киноиндустрии. Безусловно, русский язык слишком велик, слава Богу, чтобы его традиции можно было разрушить. Но, повторю, мы всё чаще сталкиваемся и с безграмотностью, и с примитивизмом. Многие молодые люди с трудом могут внятно формулировать даже свои мысли.

Ситуацию, конечно же, нужно исправлять, во всяком случае нужно попытаться это сделать, и в первую очередь пересмотрев программы преподавания литературы и русского языка, особенно в старших классах. Сегодня этим предметам отведено мало времени, несоразмерно их значимости.

Однако, просто прибавив количество уроков в неделю, только этим проблему, конечно, не решить. Огромную роль играют личность педагога, его талант, способность мобилизовать, мотивировать детей к изучению богатства русского языка.

Недавно в Москве прошёл учредительный съезд Общероссийской ассоциации учителей русского языка и литературы. Рассчитываем, что её деятельность будет способствовать возрождению престижа педагогов-словесников и поможет самим преподавателям донести до учеников великую значимость русского языка, его влияние на обретение ими своей идентичности, культуры речи, общения.

И ещё очень важная тема. Русский язык всегда играл для многонационального народа России могучую объединяющую роль, формировал общекультурный и гуманитарный контекст страны. И здесь уместно вспомнить, что именно благодаря русскому языку весь мир узнал Чингиза Айтматова, Юрия Рытхэу, Алёся Адамовича и Расула Гамзатова. Эта традиция не должна исчезнуть. Она, с сожалением тоже об этом должен сказать, исчезает — к сожалению. В России немало ярких молодых авторов, работающих на своих родных, национальных языках. В их творчестве отражена самобытность и красота нашей многонациональной страны. И нам сегодня нужно подключить к процессу перевода на русский язык лучшие литературные силы.

Прививать вкус к чтению, к хорошей литературе, конечно же, нужно с ранних лет — и не только через проверенную временем классику. Нужно, чтобы юные читатели узнавали и новые имена, новых героев. И именно для поддержки современных авторов учреждена премия Президента Российской Федерации в области литературы и искусства за произведения для детей и юношества. Она начнёт вручаться с будущего 2014 года, который, как вы знаете, объявлен Годом культуры и, безусловно, будет включать в себя целый ряд мероприятий, связанных с русской словесностью. В частности, одной из инициатив станет придание государственного статуса национальной программе поддержки чтения. Полагаю, стоит подумать и над тем, чтобы объявить 2015 год в России Годом литературы.

Конечно, в современном мире может возникнуть вопрос: а, вообще, зачем это делать, рынок и так всё отрегулирует? Но, наверное, это та сфера, которую рынок уж точно не отрегулирует, во всяком случае, должным образом. Конечно, раскрученные книги и авторы могут и сами пробить себе дорогу, но надо признать, что

это далеко не всегда удаётся качественной детской литературе, академическим изданиям, собраниям сочинений наших классиков. Государство должно поддерживать литературу ещё и потому, что именно в ней всегда ставится самый прочный, самый точный диагноз состоянию общества и обозначаются его болевые точки.

И ещё один важный аспект. Такой, что называется, литературной страны, как Россия, в мире, пожалуй, нет, несмотря на те проблемы, о которых я сказал, и известное снижение интереса к книге. Но даже если снижение интереса к чтению, к книгам является общемировой тенденцией, мы не вправе с этим смириться. Именно мы, без преувеличения, несём ответственность перед всей цивилизацией за сохранение русской литературы, за её сбережение, её колоссальный гуманистический потенциал.

Наша задача — привлечь особое внимание общества к отечественной литературе, сделать русскую литературу, русский язык мощным фактором идейного влияния России в мире. При этом внутри страны мы должны формировать среду, в которой образованность, эрудиция, знание литературной классики и современной литературы станут правилом хорошего тона. И, конечно же, важно сконцентрировать усилия на решении важнейших проблем литературной сферы.

Это создание условий для творчества писателей и возрождения традиций литературной критики, разработка сбалансированной издательской политики и активное использование возможностей библиотек, литературных музеев, мемориальных домов писателей. Нам в целом нужна долгосрочная, продуманная система мер поддержки отечественной литературы.

Знаю, что эти и многие другие вопросы, как я уже говорил, вы обсуждали на своих круглых столах.

Я хочу поблагодарить вас за внимание и хочу пожелать успехов и в вашей сегодняшней работе, и в вашем творчестве.

Благодарю вас за внимание.

<...>

Мне в заключение хотелось бы сказать следующее. Мы уже говорили о материальной стороне дела, это касается и учителей. Я уже говорил, не буду повторяться. На мой взгляд, мы предпринимаем определённые шаги для того, чтобы улучшить ситуацию, и она реально улучшается, хотя одна из проблем — это, конечно, жильё, так же как и для, скажем, медицинского персонала, особенно среднего звена и особенно на селе. У нас много проблем.

Здесь выступали коллеги, некоторые говорили: «А что будет после нашей встречи?» Вот мы провели недавно Совет по культуре, и, вы уже знаете, принято решение — там как раз это тоже обсуждалось — о том, что возвращается в школу экзамен по литературе. То есть я что хочу сказать, что наши встречи подобного рода всё-таки имеют значение и находят своё продолжение в принятии конкретных решений, которые обсуждаются в ходе таких мероприятий.

Хотя сегодняшнее мероприятие, безусловно, уникальным является по составу участников. Здесь, повторяю, и преподаватели, и специалисты, и критики, есть, конечно, и бизнесмены. Но даже бизнес — это не нефть, и не газ, и не металлургическая промышленность. Вот сказали: 6 миллиардов — оборот. Вроде — о, как много! На самом деле для бизнеса это не такой уж и большой оборот.

В общем, можно сказать, что здесь собрались люди, преданные своему делу. А ваше дело — это русский язык и литература, это то, что делает русских русскими. Это то, что создаёт большой, многообразный, многонациональный русский мир и поддерживает его статус. И всё это делается, в общем, в достаточно скромных

условиях и за скромное — назову прямым словом, — скромное материальное вознаграждение, а подчас и вообще без такового.

Сейчас Михаил Юрьевич Лермонтов вспоминал своего великого предка, нашего великого поэта, и вспоминал о том, что я уже обращался с его словами в ходе избирательной кампании. Сейчас, слава Богу, никаких избирательных кампаний нет, но я хочу закончить нашу встречу тоже его словами. Помните, как он говорил в известном стихотворении: «Люблю Отчизну я, но странною любовью!»? Это почему? Потому что у каждого из нас своя Россия, но она у нас одна.

Спасибо вам за служение России!

* * *

Во время собрания обсуждались ключевые проблемы российской литературы и книгоиздания. Актёр Сергей Безруков выдвинул предложение создать Фонд поддержки литературы, который сможет не только помочь развитию литературы, но поспособствует повышению образованности подрастающего поколения, которое сейчас, по мнению актёра, воспитывается исключительно на западных вариантах культуры.

Владимир Путин согласился с тем, что создание такого Фонда может быть полезно, однако, отметил, что масштабы его финансирования будут не настолько большими, как при поддержке аналогичного Фонда кино.

Тему расширения антипиратского закона на защиту в Интернете российских книг поднял руководитель «Эксмо» Олег Новиков. «У нас в стране 90% книг — это книги национальных авторов. Такого нет нигде, кроме США, но если мы сегодня не защитим их, то завтра будем издавать американских авторов, интересы которых защищают», — отметил издатель. Олег Новиков сообщил о том, что после многочисленных совещаний и заседаний принятие нового варианта антипиратского закона затормозилось, и обратил внимание на то, что деятельность книжных пиратов не только лишает доходов издательства и авторов, но и приводит к тому, что молодые люди не считают литературу перспективным видом деятельности, и в стране не появляются новые писатели.

Участники собрания обсудили с Владимиром Путиным необходимость появления в России ведомства, которое могло бы объединить все виды деятельности, связанные с литературой, и способствовало бы созданию в стране и вокруг неё единого литературного пространства. По словам советника президента Владимира Толстого, создание такой организации смогло бы сохранить некоммерческую литературу. Также советник отметил, что новый союз не станет причиной отмены уже существующих творческих организаций.

О том, что необходимо принять закон о творческих союзах, который переведёт писателей и их деятельность в правовое поле, высказался главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков: «На сегодняшний день у российских авторов нет законного права быть писателями и объединяться в союз. Раньше союзы имели свои типографии, издательства, могли этим зарабатывать деньги для страны и на свои нужды. Сейчас писатели не могут получить пенсию за свои труды. Сейчас нужны правовые нормы о творческих союзах и статусе творческого работника». Поляков также подчеркнул, что, являясь общественными организациями, творческие союзы не могут получать финансовую помощь от государства.

Отдел критики и публицистики

«Жизнь как песня...»

Этот год порадовал работников библиотек и наших читателей происходящими переменами: по областной программе, в которую вошла межпоселенческая библиотека, сделан ремонт в информационном центре и других отделах. В центре правовой, деловой и социально-значимой информации установлена новая компьютерная техника, благодаря программе «Народные инициативы» во всех библиотеках появилась новая мебель.

Недавно у нас в Усть-Куте побывали сотрудники областной научной библиотеки им. Молчанова-Сибирского В.И. Кутищева, Л.В. Горбунова, а в рамках областного проекта «Литературная карта Приангарья» — русский поэт, писатель, публицист Василий Константинович Забелло.

Большая часть наших читателей с недоумением спрашивали, а кто он такой. В книжных фондах есть сборники писателя «Осенний пал», «Избранное», стихотворения в журналах «Сибирь» и «Созвездие дружбы». Родился Василий Константинович в небольшом селе Утулик на берегу Байкала. Печататься начал в конце 70-х годов в иркутских газетах и альманахах «Сибирь», а затем в коллективных сборниках «Начало» (1981), «Час России» (1988), в журналах «Литературная учеба» (1983). Он автор книг «Ледостав» (1988), «Возвращение» (1990) и др.

Впервые в Усть-Куте Василий Константинович побывал в семнадцать лет, снова приехал уже известным в литературных и читательских кругах писателем на встречу с нашими читателями, работниками библиотек, а такие мероприятия, увы, большая редкость.

Совсем недавно В. Забелло был председателем Иркутского отделения Союза писателей России. В Усть-Кут он ехал с почетной миссией — вручить удостоверение члена Союза писателей России нашему земляку Андрею Антипину.

На встрече с поэтом «Жизнь как песня...» побывали не только работники библиотек, но и местные поэты, курсанты УИВТ, ветераны.

Затаив дыхание, все слушали проникновенные строки о малой родине:

*Здорово, забытое счастье
Сибирских глухих деревень!
Дымок, над избою скользящий,
Старинный на горке плетень...*

Глубоки и пронзительны строки о Байкале:

*Скрип уключин протяжный, далёкий...
И Байкал голубой-голубой.
«Уле-леки, клее-оки, клее-оки», —
Плачет чайка над тихой губой.*

Во многих строках В. Забелло звучит сыновнее чувство любви к родине и маме:

*Из детства помню: потаённо
Молилась мама по ночам.
И я глядел заворожённо,
Как бьётся трепетно свеча.*

Исповедальное

*Сам Господь этот день отметил,
День молитвенной высоты...
Образ Родины тих и светел,
В нём есть мамы моей черты.*

Радоница

И строки о сегодняшнем дне страны:

*Что-то с нами сегодня случилось,
Счастье тихое вдруг изручилось,
Укатило за синие горы,
Словно поезд свистящий и скорый.*

*Незавидная грустная доля —
Одичавшее русское поле.
Трактора на металл запродали,
Ветер высвистел межи и дали.*

*Что-то сделали с нами нечисто
Господа мудрецы-глобалисты.
С хрустом падают сосны и кедры,
За кордоны вывозятся недра.*

*Сколько крови пролито за землю,
Распродажу её не приемлю!
Она искони русская наша,
Дайте волю — очистим, распашем!*

Незаметно пролетел поэтический час, напитав души присутствующих душевным и духовным теплом. А желающие смогли приобрести новый сборник рассказов и стихов В. Забелло «Где родился — там сгодился...», книгу «Житейная история» А. Антипина.

Впечатления, отзывы от встречи только позитивные, а сам поэт написал в альбоме отзывов о библиотекарях: «...Прекрасные люди, чудное общение, порывистая любовь к литературе, к библиотечному ремеслу. Если кому и надо ставить памятники при жизни, то, несомненно, библиотекарям, стоящим на страже русского слова и общечеловеческой культуры».

Благодарим за сотрудничество ТРК «Диалог», Т.Г. Кузакову, директора УИВТ Б.Е. Утенкова, заведующую магазином «Почитай-ка» Г.Г. Загогину.

Т. Крутько,
гл. библиограф межпоселенческой библиотеки